

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета**
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
Научный журнал

Том 11 № 5 / 2021

**Proceedings
of the Southwest
State University**
Series: Economics, Sociology and Management
Scientific Journal

Vol. 11 № 5 / 2021

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент**
**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются:

- тренды мировой и национальной экономики;
- модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики;
- управление в социально-экономических системах;
- экономическая политика и механизмы ее реализации;
- государство и бизнес на пути цифровой трансформации;
- актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем;
- экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов;
- приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности;
- социально-экономическое прогнозирование и моделирование;
- институциональные факторы развития экономических систем;
- проблемы и перспективы развития финансового сектора;
- трудовые ресурсы и образование;
- социально-экономические проблемы современного общества;
- философские исследования природы, общества, человека;
- научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Философские науки: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Социологические науки: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА - Российский технологический университет (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Подгорный Борис Борисович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Полянин Андрей Витальевич, д-р экон. наук, профессор, Среднерусский институт управления (Орел, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, советник НААР (Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-44617 от 15.04.2011).

ISSN 2223-1552 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 29.10.2021. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет 15.11.2021.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 33,8.

Тираж 1000 экз. Заказ 56.

16+

Proceedings of the Southwest State University Series: economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are:

- trends of the world and national economy;
- modernisation and innovative technological development of economy;
- management in socio-economic systems;
- economic policy and mechanisms of its realization;
- the government and business on the path of the digital transformation;
- actual problems of regional socio-economic systems development;
- economics and organization of enterprises, industries, complexes;
- development priorities of marketing and logistics activities;
- socio-economic forecasting and modelling;
- institutional factors of economic systems development;
- problems and prospects of the financial sector development;
- human resources and education;
- socio-economic problems of modern society;
- philosophical study of nature, society and human;
- scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Philosophical sciences: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Sociological sciences: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor, Bryansk State University of Engineering and Technology (Bryansk, Russia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Naletova Irina Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economic Sciences, Ulan Bator branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Andrei V. Polyinin, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor, adviser to the NAAR (Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"

**Official address of the Founder, Publisher
and Editoriat Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-44617 of 15.04.2011).

ISSN 2223-1552 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/>

© Southwest State University, 2021

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General
Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Serebryakova

Sent to the printer 29.10.2021. Format 60x84/8.

Release date 15.11.2021.

Offset paper. Printer's sheets: 33,8.

Circulation 1000 copies. Order 56.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	10
Анализ зарубежного и отечественного опыта индикаторного измерения криминализации экономики	10
<i>Кудрявцев А. В., Литвиненко А. Н.</i>	
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ	21
Инновационное развитие малого и среднего бизнеса в России с учетом опыта зарубежных стран	21
<i>Сергеев П. В.</i>	
УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ.....	33
Генезис концепции публичного управления: фактор качества	33
<i>Епина В. С.</i>	
Конфликтное взаимодействие органов власти и бизнеса в России.....	43
<i>Валова Ю. И.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	54
Инвестиционные имиджевые характеристики в факторном пространстве региона в контексте обеспечения экономической безопасности	54
<i>Старовойт Р. В., Емельянов С. Г., Афанасьева Л. В.</i>	
Формирование налоговых доходов местных бюджетов: состояние и перспективы развития	65
<i>Ткачева Т. Ю., Белоусова С. Н., Рыкунова В. Л.</i>	
ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ.....	75
Ресурсный потенциал региона как основа инновационного развития отраслей биоэкономики	75
<i>Бессонова Е. А., Руденко И. Р.</i>	
Тенденции технологической трансформации промышленного сектора экономики на современном этапе.....	85
<i>Чарочкина Е. Ю.</i>	
Пандемия COVID-19 и ее влияние на общественное производство.....	95
<i>Шугаева О. В.</i>	
Особенности производственного менеджмента в телекоммуникационной сфере.....	105
<i>Каширцева А. Ю.</i>	
ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ И ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	116
Значение цифровых технологий в логистике морских портов	116
<i>Жохова В. В., Блюдик А. Р.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ.....	134
Применение многокритериальных методов для выбора направления цифровой трансформации промышленных предприятий.....	134
<i>Крыжановская О. А.</i>	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	148
Понятие, классификация и методология измерения социально-экономического неравенства: проблемы и решения.....	148
<i>Дорофеев М. Л.</i>	
«Цветные революции» на постсоветском пространстве: социально-экономические предпосылки и последствия	160
<i>Кузьмина В. М., Пархомчук М. А.</i>	

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА	171
Оценка устойчивости коммерческого банка и пути ее повышения.....	171
<i>Илюхина М. В., Черкашнев Р. Ю., Федорова А. Ю.</i>	
ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ	182
Концепция образования 4.0 и современные вызовы системе профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики.....	182
<i>Шацкая И. В.</i>	
Трансформация процессов занятости населения	195
<i>Мамонтова С. В., Мальсагов М. К.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	208
Отношение малого бизнеса Курского региона к цифровой экономике: социологический анализ	208
<i>Подгорный Б. Б., Обозная М. В.</i>	
Модель удовлетворения потребностей в экономике, ориентированной на человека	220
<i>Насырова С. И.</i>	
Индивидуальное предприятие «Праздничное агентство» и механизм его продвижения на рынке региональных социокультурных услуг	230
<i>Матвеева Е. В., Хабибулина Л. С.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА	243
Телевизионный сериал как феномен экранной культуры	243
<i>Волохова Н. В., Постников А. В.</i>	
Двойственное значение доверия в теории социального капитала.....	251
<i>Заякина Р. А.</i>	
Доверие как фактор, способствующий преодолению кросс-культурных барьеров в международном бизнесе	261
<i>Тен Ю. П.</i>	
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.....	271
Вызовы современности в ретроспекции долгосрочного тренда развития колониализма.....	271
<i>Сироткина А. И.</i>	
Жизнедеятельность нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в условиях пандемии	279
<i>Пак Т. И.</i>	
К сведению авторов	291

CONTENT

Original article	
TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY.....	10
Analysis of Foreign and Domestic Experience of Indicator Measurement of Criminalization of the Economy.....	10
<i>Andrey V. Kudryavtsev, Alexander N. Litvinenko</i>	
MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY	21
Innovative Development of Small and Medium-Sized Businesses in Russia Taking into Account the Experience of Foreign Countries	21
<i>Petr V. Sergeev</i>	
MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS	33
The Genesis of the Concept of Public Administration: the Quality Factor.....	33
<i>Veronika S. Epinina</i>	
Conflict Interaction Between Authorities and Business in Russia	44
<i>Yulia I. Valova</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	54
Investment Image Characteristics in the Factor Space of the Region in the Context of Ensuring Economic Security.....	54
<i>Roman V. Starovoit, Sergey G. Yemelyanov, Lubov V. Afanasyeva</i>	
Formation of Tax Revenues of Municipal Budgets: State and Prospects of Development.....	65
<i>Tatyana Yu. Tkacheva, Svetlana N. Belousova, Valentina L. Rykunova</i>	
ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES	75
Resource Potential of the Region as the Basis for Innovative Development of Bioeconomy Sectors.....	75
<i>Elena A. Bessonova, Ivan R. Rudenko</i>	
Trends in the Technological Transformation of the Industrial Sector of the Economy at the Present Stage.....	85
<i>Ekaterina Yu. Charochkina</i>	
The COVID-19 Pandemic and Its Impact on Public Health Production	95
<i>Olga V. Shugaeva</i>	
Features of Production Management in the Telecommunications Sector.....	105
<i>Anna Yu. Kashirtseva</i>	
DEVELOPMENT PRIORITIES OF MARKETING AND LOGISTICS ACTIVITIES.....	116
The Importance of Digital Technologies in the Logistics of Seaports.....	116
<i>Valentina V. Zhokhova, Angelina R. Bluydik</i>	
SOCIO-ECONOMIC FORECASTING AND MODELLING	134
Application of Multi-Criteria Methods for Choosing the Direction of Digital Transformation of Industrial Enterprises	134
<i>Olga A. Kryzhanovskaya</i>	
INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	148
Concept, Classification and Methodology for Measuring Socio-Economic Inequality: Problems and Solutions	148
<i>Mikhail L. Dorofeev</i>	
"Color Revolutions" in the Post-Soviet Space: Socio-Economic Prerequisites and Consequences	160
<i>Violetta M. Kuzmina, Marina A. Parkhomchuk</i>	
PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT.....	171
Assessment of the Sustainability of a Commercial Bank and Ways to Increase it.....	171
<i>Marina V. Ilyukhina, Roman Yu. Cherkashnev, Alena Yu. Fedorova</i>	

HUMAN RESOURCES AND EDUCATION.....	182
The Concept of Education 4.0 and Contemporary Challenges to the System of Professional Training for the Digital Economy.....	182
<i>Irina V. Shatskaya</i>	
Transformation of Employment Processes.....	195
<i>Svetlana V. Mamontova, Magomed K. Malsagov</i>	
SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY	208
The Attitude of Small Business in the Kursk Region to the Digital Economy: a Sociological Analysis.....	208
<i>Boris B. Podgorny, Mariya V. Oboznaya</i>	
Model of Satisfaction of Needs in a Human-Oriented Economy.....	220
<i>Svetlana I. Nasyrova</i>	
Individual Enterprise "Holiday Agency" and the Mechanism of its Promotion in the Market of Regional Socio-Cultural Services	230
<i>Elena V. Matveeva, Larisa S. Khabibulina</i>	
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN	243
Television Series as a Phenomenon of Screen Culture.....	243
<i>Natalia V. Volokhova, Alex V. Postnikov</i>	
Dual Meaning of Trust in Social Capital Theory.....	251
<i>Raisa A. Zayakina</i>	
Trust as a Factor Contributing to Overcoming Cross-Cultural Barriers in International Business	261
<i>Yulia P. Ten</i>	
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS.....	271
The Modern Challenges in Retrospect of the Long-Term Trend in the Development of Colonialism.....	271
<i>Anastasia I. Sirotkina</i>	
Vital Activity of the People with Disabilities and Pensioners of the Metropolitan City under Pandemic Conditions.....	279
<i>Tatiana I. Pak</i>	
Information for Authors	291

Анализ зарубежного и отечественного опыта индикаторного измерения криминализации экономики

А. В. Кудрявцев¹ ✉, А. Н. Литвиненко²

¹ Тверской институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета
ул. Дмитрия Донского 37, г. Тверь 170037, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет МВД России
ул. Летчика Пилютова 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: andrei-kudravcev@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье проводится сравнительный анализ индикаторного измерения уровня криминализации экономики в России и зарубежных странах, сравниваются способы измерения, эмпирические данные, на основании которых сформированы рекомендации по совершенствованию способов измерения индикаторов экономики.

Цель исследования заключается в совершенствовании существующего инструментария индикаторного измерения уровня криминализации экономики, учитывающего фактическое распространение данного явления, что позволит улучшить диагностику экономической безопасности.

Задачи исследования заключаются в сравнительной оценке существующих способов измерения уровня криминализации экономики в России и зарубежных странах, внесении предложений по совершенствованию отечественной методики измерения данного явления.

Методология. Основой проведенного исследования явились теоретические работы отечественных и зарубежных ученых и специалистов в области экономики и криминологии. На основании проведенного анализа, а также предыдущих научных авторских разработок предложены направления совершенствования существующих методик измерения уровня криминализации экономики. При проведении сравнительного анализа зарубежного и отечественного опыта индикаторного измерения криминализации экономики были использованы методы анализа и синтеза, коэффициентный метод использовался при расчете коэффициента опережения, отражающего динамику экономической преступности в России, табличный и графический методы были использованы при составлении таблиц и рисунка.

Результаты. Выявлены различия в способах измерения уровня криминализации экономики в России и зарубежных странах, что сказывается в конечном счете на статистических показателях. С помощью использования коэффициента опережения установлен прирост экономической преступности практически всех измеряемых за рубежом индикаторных показателей, в противовес отечественным статистическим данным, показывающим отрицательную динамику в данном направлении. На основе выявленных противоречий, анализа нормативно-правовых документов и экономических показателей предложены конкретные инструменты по совершенствованию существующих способов измерения.

Выводы. Для существующей отечественной системы измерения индикатора «уровень преступности в сфере экономики» проведенный анализ зарубежного опыта представляется весьма ценным, поскольку представленные материалы и расчеты дают органам управления возможность в практической деятельности применить теоретические разработки для проведения комплекса организационных мероприятий, направленных на совершенствование отечественного механизма обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: индикаторы; измерение; экономическая безопасность; криминализация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кудрявцев А. В., Литвиненко А. Н. Анализ зарубежного и отечественного опыта индикаторного измерения криминализации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 10–20. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-10-20>.

Поступила в редакцию 20.08.2021

Принята к публикации 17.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Analysis of Foreign and Domestic Experience of Indicator Measurement of Criminalization of the Economy

Andrey V. Kudryavtsev¹ ✉, Alexander N. Litvinenko²

¹ Tver Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics
37 Dmitry Donskoy str., Tver 170037, Russian Federation

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1 Pilyutov str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: andrei-kudravcev@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article provides a comparative analysis of the indicator measurement of the level of criminalization of the economy in Russia and foreign countries, compares the measurement methods, the empirical data obtained, on the basis of which recommendations are formed for improving the methods of measuring economic indicators.

The purpose of the study is to improve the existing tools for indicator measurement of the level of criminalization of the economy, taking into account the actual spread of this phenomenon, which will improve the diagnosis of economic security.

The objectives of the study are to compare the existing methods of measuring the level of criminalization of the economy in Russia and foreign countries, to make proposals for improving the domestic methodology for measuring this phenomenon.

Methodology. The basis of the research was the theoretical work of domestic and foreign scientists and specialists in the field of economics and criminology. Based on the analysis carried out, as well as previous scientific author's developments, the directions for improving existing methods for measuring the level of criminalization of the economy are proposed. When conducting a comparative analysis of foreign and domestic experience of indicator measurement of criminalization of the economy, methods of analysis and synthesis were used, the coefficient method was used to calculate the advance coefficient, reflecting the dynamics of economic crime in Russia, tabular and graphical methods were used in the compilation of tables and figures.

Results. The differences in the methods of measuring the level of criminalization of the economy in Russia and foreign countries are revealed, which ultimately affects statistical indicators. Using the advance coefficient, an increase in economic crime of almost all indicator indicators measured abroad has been established, as opposed to domestic statistical data showing negative dynamics in this direction. Based on the identified contradictions, the analysis of regulatory documents and economic indicators, specific measures are proposed to improve the existing measurement methods.

Conclusions. For the existing domestic system of measuring the indicator "the level of crime in the economy", the analysis of foreign experience is very valuable, since the presented materials and calculations give management bodies the opportunity to apply theoretical developments in practice to carry out a set of organizational measures aimed at improving the domestic mechanism for ensuring economic security.

Keywords: indicators; measurement; economic security; criminalization.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kudryavtsev A. V., Litvinenko A. N. Analysis of Foreign and Domestic Experience of Indicator Measurement of Criminalization of the Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(5): 10–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-10-20>.

Received 20.08.2021

Accepted 17.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Наибольшую угрозу экономическому развитию и системе хозяйствования любой страны наносит запрещенная законом криминальная и иная противоправная экономическая деятельность. Наличие данной негативной составляющей характерно для всех стран, независимо от уровня развития экономики. Усиление позиций данного девиантного явления в условиях беспокойной международной политической обстановки и дестабилизации экономических отношений призывает к необходимости оказания должного противодействия. С целью определения масштабов распространения явления криминализации экономики необходимо получение характеризующих данное негативное явление объективных числовых значений.

Необходимость постоянного совершенствования методик и способов индикаторного измерения криминализации экономики обусловлена вниманием отечественного законодателя к данному явлению, отраженному в документах стратегического планирования, таких как:

– Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, в которой в качестве индикатора экономической безопасности определен «уровень преступности в сфере экономики» [1];

– Стратегия национальной безопасности России, принятая Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г., в которой обозначен приоритет обеспечения экономической безопасности, а также отражено, что для достижения целей обеспечения экономической безопасности России необходимо действовать в направлении деофшоризации экономики

и работать над снижением доли криминального сектора в экономике [2].

В совокупности оценивая постулаты вышеназванных стратегических документов, стоит констатировать тот факт, что проблематика индикаторного измерения уровня криминализации экономики является актуальной темой, требующей теоретического и практического совершенствования.

Необходимость проведения анализа зарубежного и отечественного опыта индикаторного измерения криминализации экономики направлена на выявление наиболее действенных способов измерения данного девиантного явления, а также векторов их дальнейшего совершенствования.

Материалы и методы

При написании статьи были использованы труды зарубежных и отечественных авторов, сферой научных интересов которых является измерение уровня индикаторов, характеризующих состояние криминализации экономики, а также статистические данные, в цифровом виде отражающие распространение данного девиантного явления.

Индикаторы экономической безопасности и, в частности, индикаторы криминализации экономики являются сферой научных интересов таких отечественных ученых, как Ю. В. Быковская [3, с. 202–209], С. С. Маилян [4, с. 314–317], А. В. Минакова [5, с. 248–252], М. Э. Сейфуллаева [6, с. 109–110], А. С. Сидоренко [7, с. 291–296], Н. В. Цхададзе [8, с. 253–258].

Среди зарубежных авторов особо выделим Х. Энторфа, Х. Шпенглера [9], И. Эрлиха [10], Я. Занга [11].

Результаты и их обсуждение

Рассматривая зарубежный опыт индикаторного измерения уровня криминализации экономики, отметим, что единой системы измерения данного деструктивного явления, подобно Единой системе измерений единиц СИ в физике, не существует, т. е. в каждой отдельно взятой стране измерение производится по-своему, с той лишь разницей, что все они имеют цифровое значение, выраженное в количественных показателях.

Начало теоретических разработок, конечной целью которых являлось измерение индикаторных показателей криминализации экономики, стоит отнести к 1949 г., когда в фундаментальной исследовательской работе Э. Сатерленда «Беловоротничковая преступность» впервые был проведен системный анализ экономической преступности. Одним из наиболее значимых тезисов в вышеназванной работе является персонификация экономической преступности с преступлениями корпораций (юридических лиц), топ-менеджеры которых действуют как в личных целях, так и преследуя интересы фирмы [12].

По прошествии 70 лет с момента изложения Э. Сатерлендом идеи «беловоротничковой преступности» суть данного понятия актуальна и по сей день, поскольку его основные постулаты наиболее полно характеризуют явление экономической преступности, как в пространстве России, так и зарубежных стран.

Яркие ученые, исследовавшие суть криминальной экономики, М. Клайнард и П. Йигер среди прочих признаков экономических преступлений, выделяли такие, как:

- финансовые правонарушения;
- производственные преступления;
- нечестная торговая практика [13, с. 48].

Данная классификация явилась верным шагом на пути упорядочивания ин-

дикаторных показателей криминализации экономики.

В современной зарубежной науке, получившей наибольшее развитие в США, Великобритании и Японии, несмотря на их успешное развитие и накопленный опыт, не существует единого эталонного способа индикаторного измерения уровня экономической преступности [14, с. 296–301]. Измерение происходит, как правило, с помощью индексных преступлений, т. е. преступлений, учитываемых в официальной статистике. В то же время в качестве индикаторов в данном случае выступают конкретные проявления криминализации (наступление события преступления), классифицированные, с целью облегчения учета, в группы.

Проанализировав опыт США и Великобритании, стоит отметить, что руководство органов, ответственных за сбор и анализ массива статистической отчетности, очень тщательно относится к вопросу качества информации о регистрации преступлений. При этом в отличие от отечественных реалий большее количество регистрируемых проявлений криминализации объясняется доверием граждан к деятельности полиции, в то время как в России существует негласная установка «не допустить ухудшение показателей по сравнению с прошлым годом».

Анализ статистических данных о состоянии преступности в Великобритании за 2018 г. показывает рост числа преступлений с 3,5 до 4,5 млн, а потерпевших от преступных посягательств – с 6,3 до 6,7 млн человек. Проводимое в обозначенный календарный период социологическое исследование вторит официальной статистике, поскольку полученные данные констатируют факт того, что количество экономических преступлений, от которых в той или иной степени пострадали граждане, а также фирмы, данные о которых были получены в ходе соцопроса, практически совпадало с официальной

статистикой о количестве преступлений данной категории¹.

В данном случае отметим практическое применение теории уголовно-статистического регулирования, согласно которой рост статистических показателей, характеризующих уровень преступности, связан в развитых странах с активной социальной позицией населения, желанием сообщить в полицию о преступлениях, в том числе и экономического характера. Доверие граждан к правоохранительным органам уменьшает цифровые показатели латентной преступности.

Рассматривая развитые страны Востока, следует, помимо прочего, учитывать и менталитет населения, благодаря которому экономическая преступность приобретает латентный характер. В частности, в Японии в случае наступления незначительных последствий в результате совершения преступлений экономического характера для экономии времени и для сохранения имиджа компании о таких преступлениях зачастую не сообщается. Однако стоит отметить, что практика сознательного укрытия экономических преступлений в данной стране отсутствует. Несколько лет назад в одной из префектур руководство полиции с целью увеличения финансового и материально-технического обеспечения завывшало в отчетах данные о состоянии преступности².

Для формализации вышеназванных утверждений обратимся к исследованию компании PWC (Price Waterhouse Coopers), являющейся одной из крупнейших аудиторских компаний, входящей в группу BIG 4 и проводящей наиболее фундаментальные и содержательные исследования в области изучения экономи-

ческой преступности по всему миру. Целью проводимых PWC исследований является выяснение мнений респондентов о состоянии экономической преступности в их стране, причинах, методах и способах оказания должного противодействия, а также сбор эмпирических данных о состоянии экономической преступности и сумме причиненного материального ущерба гражданам, бизнес-субъектам и государству.

Проведенное PWC по итогам 2020 г. исследование показывает, что 47% респондентов стали жертвами экономических преступлений за период 2018–2020 гг. Анализ специалистов PWC показал, что в указанный временной промежуток достигнут второй по значению уровень экономической преступности за все время проведения исследований (с 1999 г. по настоящее время), что говорит о разгуле экономической преступности по всему миру на фоне эпидемии Covid-19 и разразившегося на фоне ее распространения экономического кризиса. Подводя итоги 2020 г., эксперты PWC приходят к неутешительным выводам о том, что 72% от общего числа всех потерпевших от экономических преступлений составили компании с выручкой свыше 10 млн долл. США в год. Общий мировой ущерб составил 42 млрд долл. США.

С учетом оцениваемых PWC показателей экономической преступности, в целях их дальнейшего сравнения с отечественными показателями, нами были отобраны идентичные для удобства последующего сравнения индикаторы, представленные в таблице 1³.

Анализируя представленную таблицу, можно констатировать следующие неоспоримые факты об измерении уровня криминализации экономики за рубежом:

¹ Home Office Statistical Bulletin // Crime in England and Wales. 2018. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/bulletins/crimeinenglandandwales/yearendingjune2018> (дата обращения: 10.07.2021).

² The Japan Times. 2015. June 16.

³ Fighting fraud: A never-ending battle PwC's Global Economic Crime and Fraud Survey. 2020. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/forensics/gecs-2020/pdf/global-economic-crime-and-fraud-survey-2020.pdf> (дата обращения: 22.07.2021).

1) использование конкретных индикаторных показателей, не дублирующих друг друга;

2) практически по всем показателям заметен прирост, что отражает общемировую тенденцию продолжающегося экономического кризиса, подтвержденную теорией аномии-синномии, обосновывающей влияние факторов социально-экономического развития на количественную динамику преступлений.

Рассматривая отечественный опыт индикаторного измерения уровня криминализации экономики, отметим, что дан-

ные полномочия делегированы Министерству внутренних дел, одно из подразделений которого – Главный информационно-аналитический центр (далее – ГИАЦ) аккумулирует статистические данные о состоянии преступности, в том числе и экономической направленности, поступающие из регионов [15, с. 257–261].

Официальные данные публикуются на интернет-ресурсе ГИАЦ. Данные за период с 2018 по 2020 г., а также за истекший период 2021 г. аккумулированы в таблицу 2.

Таблица 1. Основные виды экономических преступлений в 2020 г. (общемировой анализ PWC)

Вид преступления	Прирост/уменьшение, %
1. Мошеннические действия клиентов	+35%
2. Мошенничество в сфере закупок товаров, работ и услуг	–19%
3. Мошенничество в сфере управления персоналом	+17%
4. Киберпреступления	+34%
5. Взятничество и коррупция	+30%
6. Легализация доходов, полученных преступным путем, и нарушение санкционных режимов	+11%
7. Нарушение прав интеллектуальной собственности	+11%
8. Налоговое мошенничество	+8%

Таблица 2. Данные об экономической преступности в России за 2018–2021 гг.

Вид преступления	2018	2019	2020	01.2021–06.2021
1. Мошенничество	26002	24027	24461	18188
2. Совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (киберпреступления)	9700	9956	17052	15685
3. Коррупционной направленности	23234	23427	23576	17621
4. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем	993	946	950	597
5. Нарушение авторских и смежных прав	672	522	423	237
6. Налоговые преступления	7630	4503	4872	3394

С помощью расчета коэффициента опережения, рассчитываемого по формуле:

$$T_{\text{пбаз}} = \frac{y_i}{y_{\text{баз}}} \cdot 100\%,$$

определим динамику экономической преступности в России за период с 2018 по 2020 г.

Полученный результат показал резкое снижение уровня экономической пре-

ступности в России за период с 2018 по 2020 г.

Уровень мошенничеств снизился на 6%, легализация – на 4,4%, правонарушения в сфере авторских и смежных прав – на 37%, налоговые преступления – на

36,1%. На 75,7% вырос уровень киберпреступности и на 1,47% – уровень коррупционных правонарушений.

Сравнительные результаты динамики экономической преступности в России и мире представлены на рисунке.

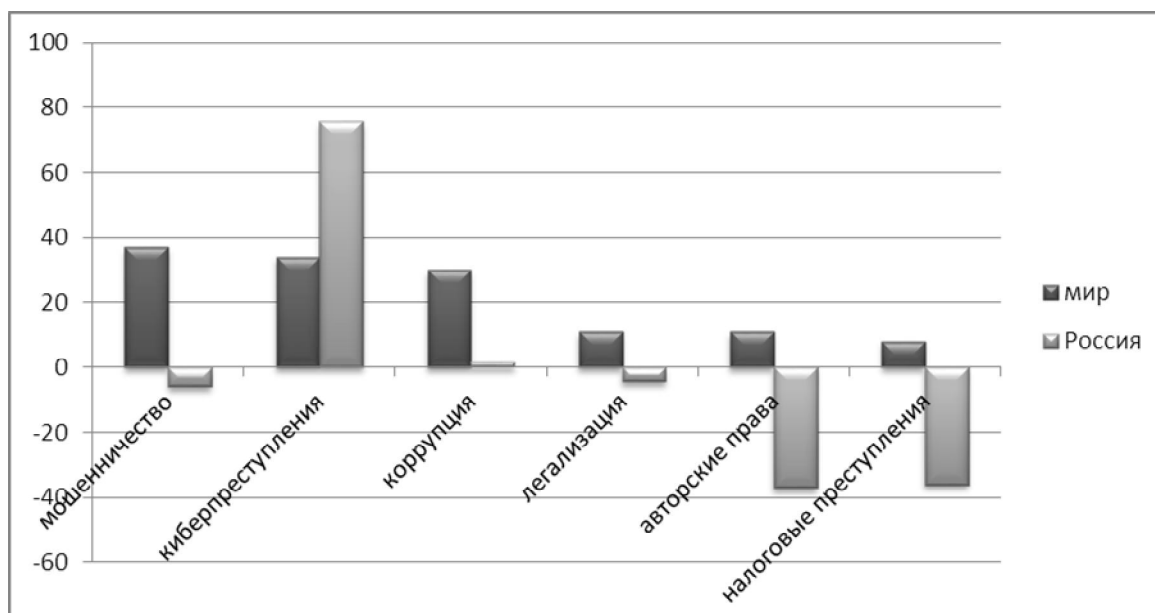

Рис. Сравнительные изменения уровня преступности в сфере экономики в России и мире

В данном случае ярко прослеживается дисбаланс статистической информации об экономической преступности по данным РВС и ГИАЦ МВД РФ.

Оценивая причины такого дисбаланса, согласимся с мнением В. Е. Квашица, утверждавшего, на основании проводимых им криминологических исследований, что в России существует практика искусственной латентности преступности ради положительных статистических показателей [16, с. 17–21].

Однако дело не столько в пресловутой «искусственной латентности», сколько в системе измерения уровня экономической преступности, применяемой в России.

В отечественных реалиях преступление попадает в официальную статистику только после возбужденного уголовного дела, в отличие от мировой практики, где правонарушение учитывается сразу, в момент сообщения о нем.

Анализ эмпирического массива данных ГИАЦ показал, что экономические преступления учитываются по показателю «выявленные правоохранительными органами». Однако, кроме выявленных преступлений, наибольшую массу составляют «зарегистрированные» по заявлениям физических и юридических лиц, которые не учитываются официальной статистикой.

В данном случае предлагается учитывать преступления не по показателю «выявленные», как происходит в настоящее время (по нашему убеждению, данный показатель является отправной точкой для оценки эффективности деятельности правоохранительных органов, но никак не служит реальным отражением ситуации, связанной с уровнем распространения криминализации экономики), а по показателю «зарегистрированные», т. е. с момента сообщения о совершении экономического преступления.

Ряд отечественных ученых уже поднимали проблему объективности измерения показателей экономической преступности.

В данном случае хочется отметить Ю. В. Латова, особое внимание уделявшего необходимости объективного измерения уровня криминализации экономики и других социальных и экономических показателей, для проведения на их основе криминометрических исследований. Он утверждал, что объективное цифровое измерение социально-экономических явлений является перспективным направлением как для теоретических исследований, так и для их практической апробации [17, с. 72–76; 18].

Мировым ученым сообществом, сферой научных интересов которого является сфера индикаторного измерения уровня криминализации экономики, неоднократно высказывалась мысль о приведении измеряемых показателей к единому знаменателю во всех странах, с целью проведения необходимых оценочных анализов, а также совершенствовании применяемых методик с целью получения наиболее точных результатов [18; 19, с. 91–100; 20, с. 65–83]. В данном случае остается только добавить, что осуществление данного вида мониторинга факторов экономической преступности возможно исключительно с помощью соответствующих специалистов-аналитиков.

В данном случае хочется привести мнение Г. Ю. Лесникова, с которым мы полностью согласны, утверждавшего, что профессия специалиста-аналитика является одной из важнейших в современном мире [21, с. 5].

Выводы

Проведенный анализ зарубежного и отечественного опыта индикаторного измерения уровня криминализации экономики показал разницу между применяемыми способами измерения. К сожалению, отечественная практика учета преступлений несовершенна и требует существенных доработок. В опубликованных ранее работах нами предлагалась методика индикаторного измерения уровня криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций. Отдельные этапы методики предлагалось применять при измерении уровня криминализации в сфере экономики.

Подводя итоги, отметим следующие направления совершенствования индикаторного измерения уровня криминализации экономики, а также меры по противодействию ее распространения:

- модернизация системы управления, направленная как на совершенствование деятельности органов, осуществляющих мероприятия в сфере мониторинга экономической преступности, так и оказывающих противодействие распространению данного девиантного явления;
- совершенствование взаимодействия между правоохранительными органами и гражданским обществом, представителями бизнеса, в целях улучшения доверительных отношений между ними;
- международное взаимодействие, направленное на обмен опытом в сфере индикаторного измерения криминализации экономики и борьбы с данным явлением.

Список литературы

1. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 20.07.2021).
2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38927 (дата обращения: 20.07.2021).

3. Быковская Ю. В. Проблемы финансового контроля в современной России и пути их решения // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 202–209.
4. Маилян С. С. О некоторых аспектах экономической сущности государственных корпораций // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 314–317.
5. Минаков А. В. Анализ бюджетно-налоговой безопасности регионов России // Вестник Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. 2019. № 4. С. 249–252.
6. Сейфуллаева М. Э. Международный маркетинг. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 319 с.
7. Сидоренко А. С. Формирование пороговых значений индикативных показателей национальной экономической безопасности // Вестник Брянского государственного технического университета. 2016. № 5(53). С. 291–296.
8. Цхададзе Н. В. Либерализация международных финансовых рынков в условиях глобальных и локальных трансформаций // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 253–258.
9. Entorf H., Spengler H. Socio-economic and demographic factors of crime in Germany: Evidence from panel data of the German states // International Review of Law and Economics. 2000. Vol. 20 (1). P. 75–106.
10. Ehrlich I. Participation in illegitimate activities – a theoretical and empirical investigation // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81, no. 3. P. 521–565.
11. Zhang J. The effect of welfare programs on criminal behavior: A theoretical and empirical analysis // Economic Inquiry. 1997. Vol. 35 (1). P. 120–137.
12. Sutherland E.H. White Collar Crime. New York: Dryden Press, 1949. 277 p.
13. Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаева; под ред. Л. О. Иванова. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 253–258.
14. Юрьев В. М. Преступность в сфере финансово-кредитной деятельности как антисоциальное явление: проблемы теории и правоприменения // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Право. 2011. № 4 (96). С. 296–302.
15. Кудрявцев А. В. Актуальные проблемы индикаторного измерения криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 5 (125). С. 257–561.
16. Квашиш В. Е., Генрих Н. В. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 17–21.
17. Коноваленко С. А., Панин Д. А., Трофимов М. Н. Мошенничество в кредитно-финансовой сфере: зарубежный опыт // Академическая мысль. 2019. № 2(7). С. 72–76.
18. Латов Ю. В. Экономические детерминанты преступности в зарубежных странах (обзор криминометрических исследований) // Journal of institutional Studies (журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3, № 1. С. 133–149.
19. Кудрявцев А. В., Бабкин А. В., Литвиненко А. Н. Индикаторы криминализации экономики в системе мониторинга экономической безопасности России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. Т. 13, № 6. С. 91–100.
20. Jerry H. R. Crime mapping and the training needs of law Enforcement // European Journal on Criminal Policy and Research. 2004. No. 10 (4). P. 65–83.
21. Лесников Г. Ю. Зарубежный опыт использования штатных криминологов в деятельности полиции. М.: ВНИИ МВД России, 2011. 57 с.

References

1. O strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda [Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017 "On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/. (accessed 20.07.2021)

2. O strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 02, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"] Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38927/. (accessed 20.07.2021)
3. Bykovskaya Yu. V. Problemy finansovogo kontrolya v sovremennoi Rossii i puti ikh resheniya [Problems of financial control in modern Russia and ways to solve them]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2019, no. 1, pp. 202–209.
4. Mailyan S. S. O nekotorykh aspektakh ekonomicheskoi sushchnosti gosudarstvennykh korporatsii [On some aspects of the economic essence of state corporations]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2019, no. 4, pp. 314–317.
5. Minakov A. V. Analiz byudzhetho-nalogovoi bezopasnosti regionov Rossii [Analysis of budget and tax security of the regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii im. V. Ya. Kikotyа = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotyа*, 2019, no. 4, pp. 249–252.
6. Seifullayeva M. E. Mezhdunarodnyi marketing [International marketing]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2012. 319 p.
7. Sidorenko A. S. Formirovanie porogovykh znachenii indikativnykh pokazatelei natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti [Formation of threshold values of indicative indicators of national economic security]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State Technical University*, 2016, no. 5(53), pp. 291–296.
8. Tskhadadze N. V. Liberalizatsiya mezhdunarodnykh finansovykh rynkov v usloviyakh global'nykh i lokal'nykh transformatsii [Liberalization of international financial markets in the context of global and local transformations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3, pp. 253–256.
9. Entorf H., Spengler H. Socio-economic and demographic factors of crime in Germany: Evidence from panel data of the German states. *International Review of Law and Economics*, 2000, vol. 20 (1), pp. 75–106.
10. Ehrlich I. Participation in illegitimate activities – a theoretical and empirical investigation. *Journal of Political Economy*, 1973, vol.81, no. 3, pp. 521–565.
11. Zhang J. The impact of social security programs on criminal behavior: a theoretical and empirical analysis. *Economic research*, 1997, vol. 35 (1), pp. 120–137.
12. Sutherland E.H. White Collar Crime. New York, Dryden Press, 1949. 277 p.
13. Schneider G. Y. Kriminologiya [Criminology]; ed. by L. O. Ivanov. Moscow, Progress-Univers Publ., 1994. 504 p.
14. Yuryev V. M. Prestupnost' v sfere finansovo-kreditnoi deyatel'nosti kak antisotsial'noe yavlenie: problemy teorii i pravoprimereniya [Crime in the sphere of financial and credit activity as an antisocial phenomenon: problems of theory and law enforcement]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Pravo = Bulletin of the Tambov University. Humanities. Right*, 2011, no. 4 (96), pp. 296–302.
15. Kudryavtsev A. V. Aktual'nye problemy indikatornogo izmereniya kriminalizatsii finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti kommercheskikh organizatsii [Actual problems of the indicator measuring the criminalization of financial and economic activities of commercial organizations]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of Saint-Petersburg State University of Economics*, 2020, no. 5 (125), pp. 257–261.
16. Kvashis V. E., Henrikh N. V. Sravnitel'nyi analiz latentnoi prestupnosti v Rossii i zarubezhnykh stranakh: problemy metodologii i metodiki [Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems of methodology and methodology]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (36), pp. 17–21.
17. Konovalenko S. A., Panin D. A., Trofimov M. N. Moshennichestvo v kreditno-finansovoi sfere: zarubezhnyi opyt [Fraud in the credit and financial sphere: foreign experience]. *Akademicheskaya mysl' = Academic thought*, 2019, no. 2(7), pp. 72–76.
18. Latov Yu. V. Ekonomicheskie determinanty prestupnosti v zarubezhnykh stranakh (obzor kriminometricheskikh issledovaniy) [Economic determinants of crime in foreign countries (review of

criminometric studies)]. *Journal of institutional Studies (zhurnal institutsional'nykh issledovaniy) = Journal of institutional Studies (Journal of Institutional research)*, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 133–149.

19. Kudryavtsev A. V., Babkin A.V., Litvinenko A. N. Indikatory kriminalizatsii ekonomiki v sisteme monitoringa ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii. [Indicators of criminalization of the economy in the monitoring system of economic security of Russia]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Nauchno-tekhnicheskie Vedomosti Sankt-Petersburg state University of Economics*, 2020, no. 6, pp. 91–100.

20. Jerry H. R. Crime mapping and the training needs of law Enforcement. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2004, no. 10 (4), pp. 65–83.

21. Lesnikov G. Yu. Zarubezhnyi opyt ispol'zovaniya shtatnykh kriminologov v deyatelnosti politzii [Foreign experience of using full-time criminologists in the activities of the police: a scientific and practical guide]. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 57 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кудрявцев Андрей Вадимович, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин, Тверской институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, г. Тверь, Российская Федерация, e-mail: andrei-kudravcev@yandex.ru, SPIN: 2652-9632, Author-ID: 1087591

Andrey V. Kudryavtsev, Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines, Tver Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Tver, Russian Federation, e-mail: andrei-kudravcev@yandex.ru, SPIN: 2652-9632, Author-ID: 1087591

Литвиненко Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: lanfk@mail.ru, SPIN: 9651-6422, Author-ID: 109424

Alexander N. Litvinenko, Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: lanfk@mail.ru, SPIN: 9651-6422, Author-ID: 109424

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-21-32>

Инновационное развитие малого и среднего бизнеса в России с учетом опыта зарубежных стран

П. В. Сергеев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kgtu_fk@list.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время уровень использования социально-экономического потенциала малого и среднего бизнеса в Российской Федерации, по сравнению с развитыми и многими развивающимися странами мира, представляется относительно невысоким. Как показывает опыт стран Европейского союза и Китая, вклад предприятий малого и среднего бизнеса в национальную экономику можно повысить за счет их вовлечения в разнообразные глобальные цепочки с высоким уровнем добавленной стоимости, в связи с чем тема данной статьи представляется актуальной.

Цель настоящей статьи состоит: в анализе теоретических и практических проблем, препятствующих развитию потенциальных возможностей МСБ; обосновании необходимости использования прямых и косвенных методов государственной поддержки малых и средних предприятий, с учетом передового опыта зарубежных стран для стимулирования их участия в научно-инновационной деятельности; попытке доказательства целесообразности использования в качестве субъекта управления развитием института МСБ специальных региональных центров цифрового развития.

Задачи исследования заключаются в изучении современного состояния и зависимости развития предприятий малого и среднего бизнеса от экзогенных и эндогенных факторов, обосновании адекватного комплекса прямых и косвенных мероприятий государственной поддержки их взаимодействия с крупным бизнесом в рамках глобальных цепочек с высоким уровнем добавленной стоимости.

Методология исследования состоит в использовании диалектического, позитивистского, структуралистского и других методологических подходов, а в их рамках следующих методов научного познания – исторического, восхождения от абстрактного к конкретному, единства логического и исторического, сравнительного анализа и т.д. Основой исследования послужили статистические данные и научные публикации, размещенные в официальных средствах массовой информации.

Результаты работы отражены в виде анализа исходной статистической информации, характеризующей современное состояние малых и средних предприятий в отечественной экономике, обобщения проблем, препятствующих успешному развитию института МСБ и перспективных научно-инновационных направлений его развития в системе глобальных цепочек производства добавленной стоимости.

Выводы. Современная зарубежная практика функционирования предприятий МСБ свидетельствует о неограниченном потенциале их социальных и экономических возможностей, в связи с чем позитивный опыт иностранных государств следует использовать в отечественной практике с учетом особенностей экономического развития российских регионов. С этой целью целесообразно разработать необходимый комплекс мероприятий в рамках государственных научно-инновационных программ по инновационному развитию малого и среднего бизнеса в Российской Федерации.

© Сергеев П. В., 2021

Ключевые слова: малый и средний бизнес; глобальные цепочки; добавленная стоимость; прямые и косвенные методы; госрегулирование; субъекты МСБ.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сергеев П. В. Инновационное развитие малого и среднего бизнеса в России с учетом опыта зарубежных стран // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 21–32. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-21-32>.

Поступила в редакцию 17.07.2021

Принята к публикации 23.08.2021

Опубликована 29.10.2021

Innovative Development of Small and Medium-Sized Businesses in Russia Taking into Account the Experience of Foreign Countries

Petr V. Sergeev¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kgtu_fk@list.ru

Abstract

Relevance. At present, the level of use of the socio-economic potential of small and medium-sized businesses in the Russian Federation, in comparison with developed and many developing countries of the world, seems to be relatively low. As the experience of the countries of the European Union and China shows, the contribution of small and medium-sized enterprises (SMEs) to the national economy can be increased through their involvement in a variety of global chains with a high level of added value, in connection with which the topic of this article seems relevant.

The purpose of this article is: to analyze the theoretical and practical problems that hinder the development of the potential of SMEs; substantiating the need to use direct and indirect methods of state support for small and medium-sized enterprises, taking into account the best practices of foreign countries to stimulate their participation in scientific and innovative activities; an attempt to prove the feasibility of using special regional digital development centers as a subject for managing the development of the SME institute.

The objectives of the study are to study the current state and the dependence of the development of small and medium-sized businesses on exogenous and endogenous factors, substantiate an adequate set of direct and indirect measures of state support for their interaction with big business within global chains with a high level of added value.

The research methodology consists in the use of dialectical, positivist, structuralist and other methodological approaches, and within their framework the following methods of scientific knowledge - historical, ascent from the abstract to the concrete, the unity of logical and historical, comparative analysis, etc. The research is based on statistical data and scientific publications posted in the official mass media.

The results of the work are reflected in the form of an analysis of the initial statistical information characterizing the current state of small and medium-sized enterprises in the domestic economy, a generalization of the problems that hinder the successful development of the SME institute and promising scientific and innovative directions of its development in the system of global value-added production chains.

Conclusions The modern foreign practice of the functioning of SMEs testifies to the unlimited potential of their social and economic opportunities, in connection with which the positive experience of foreign states should be used in domestic practice, taking into account the peculiarities of the economic development of Russian regions. To this end, it is advisable to develop the necessary set of measures within the framework of state scientific and innovative programs for the innovative development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation.

Keywords: small and medium-sized businesses; global value chains; direct and indirect methods; state regulation of SMEs.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication,

personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Sergeev P. V. Innovative Development of Small and Medium-Sized Businesses in Russia Taking into Account the Experience of Foreign Countries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(5): 21–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-21-32>.

Received 17.07.2021

Accepted 23.08.2021

Published 29.10.2021

Введение

Одним из основополагающих факторов «стратегии опережающего развития» национальной экономики является увеличение вклада предприятий малого и среднего бизнеса в валовой внутренний продукт за счет их участия в различных звеньях глобальных цепочек с высоким уровнем добавленной стоимости, представляющей собой разность между стоимостью произведенных в экономике товаров и услуг и стоимостью промежуточного потребления в процессе производства.

В современных экономических исследованиях, посвященных анализу проблем и перспектив развития малых и средних форм бизнеса, отмечается, что последние служат «ключевыми драйверами» в системе национальных экономик индустриально развитых и многих развивающихся стран: в Европейском союзе удельный вес предприятий данного сектора составляет 95%, обеспечивающих занятость – около 67% от экономически активного населения и вклад в ВВП – от 40% до 65%; в США более 50% предприятий относятся к сектору МСБ; в азиатских странах на 96% предприятий малого и среднего бизнеса (от общего их количества) занято 62% национальной рабочей силы, ежегодный вклад которых в промышленную добавленную стоимость составляет около 42%; в Китае около 12 млн микро- (до 10 чел.) и малых предприятий обеспечивают рабочими местами около 80% трудоспособного населения и создают до 60% ВВП [1; 2]. Для сравнения: доля малого и среднего бизнеса в России находится на уровне 20%, обеспечивая около 30% оборота экономики и 25% рабочих мест [1].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что позиции малого и среднего бизнеса в российской экономике значительно уступают аналогичным показателям данного сектора в индустриально развитых и некоторых развивающихся странах мира, что ограничивает активную инновационно-инвестиционную деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства и сдерживает потенциальные возможности социально-экономического роста страны. Среди основных причин, способствующих «оттеснению» малого и среднего бизнеса в системе национальной экономики на периферию экономических отношений, можно выделить следующие: несовершенная законодательная база, недостаточно отражающая фундаментальные принципы устойчивого развития МСБ (социально-экономическая значимость данного института в формировании правового гражданского общества, повышение роли государственного регулирования развития данного сектора экономики с использованием прямых и косвенных методов и др.); слабое развитие горизонтального и вертикального интегрирования с крупным бизнесом; затрудненный доступ к финансовым ресурсам; отсутствие развитой инфраструктуры; недостаточное использование в практической деятельности научно-инновационных программ, современных методов экономико-математического моделирования и цифровых технологий; несовершенная система подготовки специалистов-менеджеров, не учитывающая особенности развития малого и среднего бизнеса и др. [3; 4; 5]

Комплексное решение названных проблем объединенными усилиями научных коллективов, государственных органов власти и местного самоуправления, крупным бизнесом и общественными организациями позволит встроить малый и средний бизнес в национальную экономическую систему, обеспечить пропорциональное развитие многочисленных подсистем и регионов страны и, как следствие, перманентное повышение качества жизни населения в России. Пропорциональное развитие отраслей, регионов и других подсистем национальной экономики означает такой научно-обоснованный межотраслевой и межрегиональный характер ее структурных изменений, который позволит определить необходимые пропорции и темпы формирования инновационного воспроизводственного процесса, опережающего общемировой уровень.

К сожалению, одной из главных проблем «прорывного» развития современной российской экономики является отставание в сфере инновационной деятельности малого и среднего бизнеса. Данная проблема усугубляется усиливающимся оттоком денежного капитала за рубеж, который в 2018 г. составил 67,5 млрд долл. США, что в 2,7 раза больше, чем в 2017 г. [6] В последнее время из-за пандемии коронавируса, усиления экономической конкуренции, обострения политических противоречий между Российской Федерацией и Европейским союзом, США и другими государствами данная проблема еще более усложняется.

Материалы и методы

В процессе данного исследования использовался статистический и информационно-аналитический материал, содержащийся в отечественной и зарубежной литературе, отражающий вопросы развития малого и среднего бизнеса с помощью прямых и косвенных методов государственной поддержки в рамках

глобальных цепочек добавленной стоимости.

При изучении проблем развития малого и среднего бизнеса в отечественной экономике возникла необходимость исследования позитивного опыта развитых и развивающихся стран мира в условиях цифровой трансформации экономики, в связи с чем применялись следующие методы научного познания: абстракции, альтернатив, единства логического и исторического, сравнительного, структурно-функционального анализа и др.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время субъектам малого и среднего бизнеса достаточно сложно реализовать произведенную продукцию, поскольку доминирующие в современной национальной экономике монополистические модели рыночных структур, имея достаточно высокую степень рыночной власти (монополия – у продавца 100%, моносония – у покупателя 100%, олигополия – у продавцов 60–80%), рассчитывают такой объем предложения товаров, который обеспечивает им получение максимальной экономической прибыли, блокируя по этой причине проникновение на отраслевые рынки излишних товаропроизводителей.

Возникающие отклонения от равновесного состояния национальной экономической системы не могут быть устранены автоматически, в рамках рыночного механизма саморегулирования. Это предопределяет необходимость усиления роли государственного регулирования организационно-экономического взаимодействия крупного, среднего и малого бизнеса посредством изменения структурной политики. Одним из ее приоритетов является инновационное развитие подсистемы МСБ путем прямого воздействия государства на экономику с помощью государственных научно-инновационных программ, предусматривающих целевое расходование экономических ресурсов на осуществление соответствующего ком-

плекса программных мероприятий и обеспечивающих согласованность решения федеральных, региональных и отраслевых задач.

С целью максимального сокращения административных барьеров при разработке и реализации программ целесообразно создание «организационной инфраструктуры» – «региональных центров компетенций» в лице независимых экспертных научных советов с соответствующим законодательным сопровождением [7].

В рамках научно-инновационных программ и иных прямых методов государственного регулирования развития МСБ (контрактов на поставку продукции для государственных нужд, лицензирования, квотирования и т.д.) необходимо предусматривать применение широкого спектра косвенных методов с учетом позитивного опыта зарубежных стран: кредиты на льготных условиях; формирование принципов установления налоговых ставок; государственные дотации и субсидии отдельным субъектам на возмещение части производственных затрат; фиксирование нижних и верхних пределов цен на производимую продукцию и др.

Современная мировая практика накопила определенный позитивный опыт оценки деятельности предприятий малого и среднего бизнеса в составе таких цепочек. Например, в Италии их вклад в создание добавленной стоимости в нефинансовом секторе экономики составил 67%, в Великобритании – 50%, в целом по странам Европейского союза в 2014 г. он увеличился на 3,3%, в Бангладеш, Таиланде и Филиппинах вклад МСБ в создание промышленной добавленной стоимости за 2007–2012 гг. составил в среднем 38%, в Китае малыми и средними предприятиями создается 74,7% общей добавленной стоимости, по странам Азии в целом ежегодный вклад МСБ в промышленную добавленную стоимость составляет около 42% [2; 8; 9; 10].

Как видно, в развитых и многих развивающихся странах мира отмечается относительно высокий вклад предприятий МСБ в создание добавленной стоимости в рамках глобальных цепочек, достигающийся за счет применения общепринятых «нефинансовых» мероприятий поддержки начинающих предпринимателей – образовательных курсов (лекции, тренинги, семинары), консультаций по юридическим, техническим и инженерным вопросам, информационному сопровождению организации производства и реализации продукции на внутреннем и внешнем рынках и др. Это позволяет субъектам МСБ изначально осуществлять предпринимательскую деятельность на достаточно высоком организационном и технологическом уровнях. Вместе с тем многие зарубежные страны используют методы финансовой поддержки МСБ, поощряя их участие (во взаимодействии с крупным бизнесом) в исследовательской деятельности, вследствие чего в глобальной цепочке достигается максимальный уровень производства добавленной стоимости [11; 12]. Не случайно на проходившем в 2017 г. в Гамбурге саммите G-20 была отмечена необходимость более широкого вовлечения субъектов МСБ в глобальные цепочки и их поддержки [13].

В странах Европейского союза традиционные мероприятия «нефинансового характера» дополняются следующими элементами финансово-кредитной поддержки предприятий МСБ для поощрения их участия в инновационной деятельности: законодательно закрепленный фиксированный банковский норматив кредитования МСБ и банковский овердрафт (поручительство основных собственников бизнеса) на срок от 6 до 12 месяцев; регулируемый государством факторинг (операции финансового управления, осуществляемые по поручению собственника предприятия МСБ специализированной фирмой-фактором) в составе отдельных законов и банковского законодательства (Португалия,

Италия); «предпоставочное финансирование» (временные кредиты в ожидании возможности приступить к нормальному долгосрочному финансированию) – страны Западной Европы; лизинг (инвестиции в основные фонды на льготных условиях) – страны ЕС и др. [14; 15]

Важным фактором позитивного развития малого и среднего бизнеса в странах Европейского союза являются «специальные центры», например, Business Innovation Centress и Innovation Research Centress, которые способствуют расширению взаимодействия МСБ с научно-исследовательскими организациями, обеспечивают его участие в глобальных цепочках с высокой добавленной стоимостью [2; 16]. Дополнительная государственная поддержка оказывается тем предприятиям МСБ, которые вошли в состав участников, осуществляющих научно-инновационные программы (в частности, «Промышленная политика в эру глобализации») по интегрированию в цифровую экономику и развитию инновационно-коммуникационного потенциала стран ЕС (уровень 1). Наряду с общеевропейскими мероприятиями по поддержке МСБ в некоторых странах ЕС, например во Франции, функционируют национальные программы (уровень 2), которые поддерживаются Европейской ассоциацией венчурного капитала и другими соответствующими объединениями [2; 17; 18].

Отметим некоторые национальные особенности сложившейся системы поддержки предприятий МСБ, применяющейся в Китае, с целью ориентации их участия в глобальных цепочках с высокой добавленной стоимостью. Так, на центральном и региональном уровнях в стране создана соответствующая система государственных органов власти, несущая ответственность за развитие МСБ: Госсовет КНР, обеспечивающий разработку и осуществление стратегической политики развития данного института; национальная коллегия по развитию

МСБ, находящаяся в подчинении Госсовета; департамент малого и среднего предпринимательства; центр координации и кооперации бизнеса, выполняющий роль специального агентства по обслуживанию предприятий малого и среднего бизнеса [18]. С принятием в 2010 г. Госсоветом Китая программы «Решение об ускорении развития новых стратегических отраслей» в стране было создано множество сегментов в вертикально интегрированных формированиях, обеспечивающих высокую добавленную стоимость благодаря тому, что в каждом из них были задействованы предприятия малого и среднего бизнеса. Ранее принятый в 2005 г. «Закон о стимулировании развития малых и средних предприятий» уравнивал их в статусе с крупными компаниями, что обеспечило МСБ возможность иметь равноправный доступ к финансовым ресурсам, рыночной информации, современной базе данных, новой технике и технологиям и другим необходимым источникам развития.

В процессе участия в государственных закупках был создан «Государственный фонд развития малых и средних предприятий». Вместе с тем крупные компании осуществляют подготовку «предприимчивых специалистов» для предприятий МСБ, а последние, вовлекаясь и участвуя в разработке и реализации научно-инновационных проектов, образуют новые звенья в глобальных цепочках с высоким уровнем добавленной стоимости. Комплекс прямых программных мероприятий развития МСБ дополняется мерами финансово-кредитной поддержки, среди которых наибольшая доля приходится на банковские кредиты, которыми пользуется 66,7% предприятий МСБ, поскольку в 12 крупнейших коммерческих банках страны этот вид услуг является одним из приоритетных направлений. В разряд приоритетов входят факторинговые услуги, на которые приходится 36% всего рынка факторинговых услуг, оказываемых специализированными го-

сударственными и кооперативными банками, сельскими кредитными обществами и другими соответствующими организациями. Лизинговые услуги, оказываемые лизинговыми государственными компаниями или крупными банками с активами не менее 81 млрд юаней, предназначаются для финансирования крупных компаний (а в их составе предприятий МСБ) регулируются государством [2; 17].

Крупные частные компании финансируют в Китае научно-исследовательские организации, которые разрабатывают уникальные научно-инновационные системы, способные в перспективе обеспечить доминирующие позиции страны в мировой экономике. Например, крупная частная корпорация Alibaba поддерживает «крупнейший технологический университет и является лидером в инновациях», компания Tencent, владеющая китайским чатом We Chat, имеет собственные учебные заведения. Другие компании, в частности Lenovo, ZTE, специально создаются государством с целью организации экосистемы, необходимой для разработки национальных операционных систем. В результате в Китае создана собственная операционная система Kylin для производства микрочипов. В 2020 г. было выпущено 4 млн компьютеров, предназначенных для работы в государственных органах власти с использованием собственной закрытой сети Интернет, на которую невозможно повлиять извне. Создано множество «небольших альянсов» с российскими, американскими, израильскими, европейскими космическими агентствами [20].

Таким образом, сложившаяся модель взаимовыгодного сотрудничества малого, среднего, крупного бизнеса и науки при адекватной государственной политике представляет собой перманентный научно-инновационный процесс целеустремленного развития Китая – занять лидирующие позиции в системе мирохозяйственных связей.

В настоящей статье вкратце приведены лишь некоторые прямые и косвенные методы регулирования развития МСБ в странах Европейского союза и Китая, хотя их спектр в других странах мира значительно разнообразнее и требует дополнительного исследования.

Сравнительный анализ госрегулирования малого и среднего бизнеса в странах Европейского союза и Китая показывает, что решение проблемы инновационного развития предприятий МСБ в Российской Федерации может быть обеспечено путем его имплантации в глобальные цепочки с высоким уровнем добавленной стоимости, т. е. вовлечением во всякую деятельность, связанную кооперацией с крупным бизнесом и научными исследованиями. В моделях горизонтального взаимодействия с крупным бизнесом устойчивый прогресс предприятий МСБ представляется в настоящее время проблематичным из-за недостатка у последних собственного капитала и отсутствия целереализующей системы господдержки. Государство в данном случае должно «мотивировать» крупный бизнес вкладывать капитал преимущественно не в сырьевую, а в инновационную сферу. С этой целью для крупных компаний представляется целесообразным ввести более высокие ставки налогов, например, на добычу полезных ископаемых, экспорт сырьевых ресурсов, дополнительные доходы, что позволило бы уменьшить прибыли сырьевых монополистов и направить вектор интересов крупного капитала в развитие современных альтернативных направлений – инновационных интернет-технологий [5].

Для экономического стимулирования развития предприятий МСБ необходимо активнее применять государственные и муниципальные контракты на поставку продукции по договорам, регулирующим взаимоотношения между заказчиками и поставщиками и вместе с тем предусматривать определенные льготы конкретным исполнителям по налогу на прибыль и

(или) кредиты на льготных условиях. По отношению к производителям инновационной продукции следует применять целевые дотации и субсидии за счет средств федерального бюджета, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и внебюджетных источников. Например, опыт стран ЕС и Китая подтверждает целесообразность использования венчурных фондов, грантов, специальных программ государственных банков. С целью поддержки интегрирования предприятий МСБ в интернациональные цепочки с высокой добавленной стоимостью аналитики рекомендуют дополнительные мероприятия: упрощение таможенных процедур и механизма консультирования с использованием современных цифровых технологий; согласование определенных показателей производимой продукции и перспективных направлений ее совершенствования; гарантии защиты и участия частных инвестиций в международных предприятиях и др. [2]

Эффективным «инструментом» поддержки МСБ на внутреннем и международном рынках являются «специальные центры», по примеру созданных в Европе и поддерживаемых Европейским союзом, о которых мы упоминали выше. Эти центры обеспечивают поддержку малых и средних предприятий, преимущественно занятых в инновационных отраслях, организуя их взаимодействие с властными структурами и ведущими научными центрами путем широкого использования интерактивных методов: организации видеолекций, конференций, разнообразных консультаций, информационных порталов, обеспечивая тем самым доступ к современной базе данных и, соответственно, высокую степень вероятности участия в определенных звеньях глобальных цепочек с высокой добавленной стоимостью. Сложившаяся в Европейском союзе модель взаимодействия науки, малого, среднего, крупного бизнеса и власти, реализуемая с помощью специальных центров, служит фундаментальной базой

развития множества инновационных глобальных цепочек, как генераторов интерактивного процесса совершенствования технологий. Это позволяет осуществлять адекватное управление информационными потоками на всех этапах инновационного воспроизводственного процесса – от научных исследований до конечного потребления их результатов. Следовательно, наука, продуцирующая инновационные технологии, является основополагающим фактором роста добавленной стоимости и устойчивого социально-экономического прогресса общества.

Позитивный опыт зарубежных стран необходимо использовать в отечественной практике, с целью чего в каждом региональном центре функцию управления развитием предприятий МСБ следует сосредоточить в специализированных центрах цифрового развития, актуальность и востребованность которых обсуждалась на 8-м Среднерусском экономическом форуме «Цифровой регион», состоявшемся в июне 2019 г. в г. Курск [5]. Такая востребованность предопределяется необходимостью организации адекватной системы управления инновационным развитием малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. По информации специалиста в области социально-экономического развития регионов профессора кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М. В. Ломоносова Н. В. Зубаревич общая численность зарегистрированных в сфере малого бизнеса в качестве юридических лиц составляла 12 млн человек, в настоящее время осталось 11 млн, из них налоговые отчисления в государственный и местные бюджеты осуществляют только 3,5 млн (31,8%) зарегистрированных индивидуальных предпринимателей. Доминирующая часть субъектов МСБ – 68,2% функционирует в сфере теневой экономики [21], поскольку государство и местные органы самоуправления не оказывают им адекватную поддержку. В результате, не ощущая реальной помощи, малый и

средний бизнес теряет всякий интерес к проводимой государственной политике.

В рамках специализированных центров управления цифровыми преобразованиями в экономике России представляется возможным организовать эффективное управление инновационным развитием малого и среднего бизнеса в системе воспроизводимых инновационных глобальных цепочек с высоким уровнем добавленной стоимости и, как следствие, обеспечить устойчивое приращение социально-экономического потенциала государства. Чтобы создать адекватную систему управления инновационным развитием МСБ, необходимо сформировать национальную статистическую базу данных научных исследований процессов межрегиональной и международной «фрагментации» производства и направлений торговли добавленной стоимости. Для этого в каждом субъекте Российской Федерации на базе ведущих научно-исследовательских институтов и образовательных учреждений страны следует организовать постоянный мониторинг и проводить систематизацию необходимой информации по аналогии с моделью «Мировая база данных затраты-выпуск» – WIOD (World Input-Output Database) [22] для выработки соответствующих управленческих решений и обращении их государственными органами власти и местного самоуправления в процесс «продуманной политики».

Выводы

Ускоренное инновационное развитие малого и среднего бизнеса предопределяется в настоящее время острой необходимостью защиты национальной информационно-коммуникационной безопасности российского общества. Дело в том, что в Российской Федерации осуществляются регулярные закупки электронного оборудования: маршрутизаторов, трансверов, серверов и прочих элементов у американской крупной компании Cisco,

дающей возможность с их помощью «влезть» в серверы национальной компьютерной системы и вызвать сбой сложившейся модели государственного управления. Чтобы минимизировать вероятность негативного воздействия внешнего фактора на российскую экономику, необходимо ограничивать использование импортного электронного оборудования во всех государственных и муниципальных учреждениях, с целью чего в освобождающиеся рыночные ниши глобальных цепочек, при активной поддержке государства, крупного отечественного бизнеса и науки, следует вовлекать предприятия малого и среднего бизнеса и интенсивно осуществлять их инновационное развитие. При этом основное внимание необходимо обращать на «критические факторы» интеграции МСБ в глобальные цепочки, например, активно использовать прямые и косвенные методы господдержки малого, среднего бизнеса и науки, поддерживать конкурентоспособность предприятий, обеспечивать повышение уровня квалификации рабочей силы, использовать инновационные технологии, которые служат источниками развития «способностей» предприятий обеспечивать прирост «богатства» в звеньях с высоким уровнем добавленной стоимости. В итоге данные мероприятия будут способствовать наращиванию «интеллектуальных фондов» и обеспечивать ускоренный экономический рост, относительно полную занятость трудовых ресурсов, стабильность цен и устойчивый платежный баланс страны. В связи с этим по результатам работы проведенного 11–13 июня 2021 г. в г. Керчь Всероссийского форума «Малый и средний бизнес: новая реальность – новые возможности» [9], можно сформулировать определенный комплекс программных мероприятий по инновационному развитию МСБ и предложить в Государственную думу проект бюджета по их финансированию.

Список литературы

1. Кооперация малого бизнеса – перспективное направление социально-экономического развития регионов / П. В. Сергеев, О. А. Асеев, В. П. Сергеев, В. С. Федорченко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 58–63.
2. Цигелкова Е., Платонова И. Н., Фролова И. Д. Компаративный анализ поддержки малых и средних предприятий ЕС и Китая в целях повышения создаваемой ими добавленной стоимости // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 256–269.
3. Применение моделей и методов линейного и нелинейного программирования в экономической теории и практике / П. В. Сергеев, А. В. Полянский, Р. В. Солошенко, Е. Н. Ноздрачева. Курск: Изд-во Курск. гос. сельхоз. акад., 2018. 187 с.
4. Сергеев В. П., Солошенко Р. В., Сергеева Л. В. Развитие производственной и социальной инфраструктуры сельских муниципальных образований: монография. Курск: Изд-во Курск. гос. сельхоз. акад., 2010. 143 с.
5. Сергеев П. В., Колмыкова Т. С., Сергеев В. П. Взаимодействие науки, бизнеса и власти в условиях цифровой трансформации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 4. С. 77–86.
6. Миронов С. Слабая внутренняя политика – наша «ахиллессова пята» // Аргументы недели. 2019. № 5 (649). С. 8–9.
7. Полуэктова С. Л. Целевая программа как инструмент обеспечения устойчивого развития социально-экономической системы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 225–230.
8. Куравкина Н. А., Филиппова И. А. Особенности развития малого бизнеса в Китае // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2012. № 4. С. 64–66.
9. Малый и средний бизнес. Новые возможности в новой реальности! // Аргументы недели. 2020. № 50(744). С. 16.
10. Comparative positioning of SME, in Banglad, Thailand and the Philippines / M. M. Ali, V. Ratanawiboonsom, C. M. Peres, A. A. Khan // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 2. С. 381–395.
11. Интегрирование российского региона в мировую хозяйственную систему. Эволюция новых организационных структур / под общ. ред. Е. В. Сапир, И. А. Карачева. Ярославль: Филигрань, 2017. 252 с.
12. Мешкова Т., Моисеичев Е. Анализ глобальных цепочек создания стоимости. Возможности Форсайта // Форсайт. 2016. Т. 10, № 1. С. 69–82.
13. G-20. Hamburg Action Plan. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/23546/2017-g20-hamburg-action-plan-en.pdf>. (дата обращения: 03.07.2021).
14. Гладкова В. Е., Абдюкова Э. И., Сысоева А. А. Факторинговые компании в системе кредитования российских предприятий малого и среднего бизнеса // Ученые записки российской академии предпринимательства. 2017. Т. 16, № 3. С. 143–156.
15. Клюкин И. Н. Лизинг как эффективный инструмент инвестирования в малые предприятия. На примере ЕС // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. 2015. № 7-8. С. 26–29.
16. Lesakova L. Small and medium enterprises in the new world of globalization // Forum Scientiae Oeconomia. 2014. Vol. 2, no. 3. P. 111–122.
17. Угланов А. Кто парализовал Москву 10 марта? // Аргументы недели. 2021. № 10(754). С. 1, 8, 9.
18. Analysen und Berichte. Monatsbericht der bMF. URL: <https://www.bundesfinanzministerium> (дата обращения: 03.07.2021).
19. Моисеев С. Чем полезен России Китайский опыт в лизинге // Ведомости. 2018. № 2. С. 3.
20. Как Украина кинула Китай на деньги // Аргументы недели. 2021. № 4 (748). С. 3.
21. Кризис ударил по большим городам и сильным регионам // Аргументы недели. 2021. № 6(750). С. 7.

22. Жаркова Е. М., Волгина Н. А. Вклад голландских ученых в изучение глобальных цепочек стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 10. С. 50–61.

References

1. Sergeev P. V., Aseev O. A., Sergeev V. P., Fedorchenko V. S. Kooperatsiya malogo biznesa – perspektivnoe napravlenie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Cooperation of small business is a promising direction of social and economic development of regions]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 2 (31), pp. 58–63.
2. Tsigelkova E., Platonova I. N., Frolova I. D. Komparativnyi analiz podderzhki malykh i srednikh predpriyatii ES i Kitaya v tselyakh povysheniya sozdavaemoi imi dobavlennoi stoimosti [Comparative analysis of support for small and medium-sized enterprises in the EU and China in order to increase the added value created by them]. *Ekonomika regiona = Economy of the region*, 2019, vol. 15, is. 1, pp. 256–269.
3. Sergeev P. V., Polyansky A. V., Soloshenko R. V., Nozdracheva E. N. Primenenie modelei i metodov lineinogo i nelineinogo programmirovaniya v ekonomicheskoi teorii i praktike [Application of models and methods of linear and nonlinear programming in economic theory and practice]. Kursk, Kursk St. Agricultural Acad. Publ., 2018. 187 p.
4. Sergeev V. P., Soloshenko R. V., Sergeeva L. V. Razvitie proizvodstvennoi i sotsial'noi infrastruktury sel'skikh munitsipal'nykh obrazovaniy [Development of industrial and social infrastructure of rural municipalities]. Kursk, Kursk St. Agricultural Acad. Publ., 2010. 143 p.
5. Sergeev P. V., Kolmykova T. S., Sergeev V. P. Vzaimodeistvie nauki, biznesa i vlasti v usloviyakh tsifrovoi transformatsii ekonomiki [The interaction of science, business and government in the context of digital transformation of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 77–86.
6. Mironov S. Slabaya vnutrennyaya politika – nasha "akhilessova pyata" [Weak domestic policy is our "Achilles' heel"]. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*, 2019, no. 5 (649), pp. 8–9.
7. Poluektova S. L. Tselevaya programma kak instrument obespecheniya ustoichivogo razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy [Target program as a tool for ensuring sustainable development of the socio-economic system]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 225–230.
8. Kuravkina N. A., Filippova I. A. Osobennosti razvitiya malogo biznesa v Kitae [Features of small business development in China]. *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*, 2012, no. 4, pp. 64–66.
9. Malyi i srednii biznes. Novye vozmozhnosti v novoi real'nosti! [Small and Medium Business. New opportunities in a new reality!]. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*, 2020, no. 50 (744), p. 16.
10. Ali M. M., Rattanawiboonsom V., Peres C. M., Khan A. A. Comparative Positioning of SME, in Banglad, Thailand and the Philippines. *Economy of the Region*, 2017, vol. 13, is. 2, pp. 381–395.
11. Integrirovaniye rossiiskogo regiona v mirovuyu khozyaistvennuyu sistem. Evolyutsiya novykh organizatsionnykh struktur [Integration of the Russian region into the world economic system. Evolution of new organizational structures]; ed. by E. V. Sapir, I. A. Karacheva. Yaroslavl, Filigree Publ., 2017. 252 p.
12. Meshkova T., Moiseichev E. Analiz global'nykh tsepochek sozdaniya stoimosti. Vozmozhnosti Forsaita [Analysis of global value chains. Foresight capabilities]. *Forsait = Foresight*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 69–82.
13. G-20. Hamburg Action Plan. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/23546/2017-g20-hamburg-action-plan-en.pdf>. (accessed 03.07.2021)

14. Gladkova V. E., Abdyukova E. I., Sysoeva A. A. Faktoringovye kompanii v sisteme kreditovaniya rossiiskikh predpriyatii malogo i srednego biznesa [Factoring companies in the system of lending to Russian small and medium-sized businesses]. *Uchenye zapiski rossiiskoi akademii predprinimatel'stva = Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 143–156.
15. Klyukin I. N. Lizing kak effektivnyi instrument investirovaniya v malye predpriyatiya. Na primere ES [Leasing as an effective tool for investing in small businesses. On the example of the EU]. *Sovremennaya nauka. Aktual'nye problemy teorii i praktiki = Modern Science. Actual problems of theory and practice*, 2015, no. 7-8, pp. 26–29.
16. Lesakova L. Small and medium enterprises in the new world of globalization. *Forum Scientiae Oeconomia*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 111–122.
17. Uglanov A. Kto paralizoval Moskvu 10 marta? [Who paralyzed Moscow on March 10?]. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*, 2021, no. 10 (754), pp. 1,8,9.
18. Analysen und Berichte. Monatsbericht der bMF. Available at: www.bundesfinanzministerium.de (accessed 03.07.2021).
19. Moiseev S. Chem polezen Rossii Kitaiskii opyt v lizinge [What is useful for Russia Chinese experience in leasing]. *Vedomosti = Vedomosti*, 2018, no. 2, p. 3.
20. Kak Ukraina kinula Kitai na den'gi [How Ukraine threw China for money]. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*, 2021, no. 4 (748), p. 3.
21. Krizis udaril po bol'shim gorodam i sil'nym regionam [The crisis hit big cities and strong regions]. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*, 2021, no. 6 (750), p. 7.
22. Zharkova E. M., Volgina N. A. Vklad gollandskikh uchenykh v izuchenie global'nykh tsepochek stoimosti [The contribution of Dutch scientists to the study of global value chains]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2020, no. 10, pp. 50–61.

Информация об авторе / Information about the Author

Сергеев Петр Владимирович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kgtu_fk@list.ru

Petr V, Sergeev, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kgtu_fk@list.ru

Генезис концепции публичного управления: фактор качества

В. С. Епинина¹ ✉

¹ Волгоградский государственный университет
проспект Университетский 100, г. Волгоград 4000062, Российская Федерация

✉ e-mail: v.epinina@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Концепция публичного управления на протяжении всей истории развития человечества неизменно эволюционирует. Предпосылки для перехода к каждой последующей концепции формируются, как правило, исходя из накопления продолжительного практического опыта, выявления и оценки недостатков предыдущей концепции. В целом вектор развития концепции публичного управления связан с траекторией исторического развития общества и предполагает постановку во главу угла, в первую очередь, вопросов повышения качества публичного управления.

Цель написания работы заключается в рассмотрении эволюции концепции публичного управления для определения вектора ее развития в зависимости от выбранного критерия – исторического этапа развития общества.

Задачи. В статье были поставлены и последовательно решены следующие задачи: исследовать историко-теоретические аспекты возникновения и развития концепции публичного управления и схематично представить и обосновать вектор ее развития в зависимости от исторических этапов развития общества: прединдустриального, индустриального, информационного.

Методология. В данной работе использован метод теоретического анализа источников исследуемой проблемы, метод историко-логического анализа и оценки современной ситуации, а также иллюстративно-графический метод.

Результаты. Проведенный в работе анализ эволюционного развития концепции публичного управления обосновывает наличие объективных потребностей целенаправленного повышения его качества и определяет характер его реализации во взаимосвязи со сменой этапа развития общества.

Выводы. Публичное управление в процессе эволюции претерпело ряд изменений, о чем свидетельствует выделение таких концепций его развития, как: бюрократическая, менеджеральная, сетевая, цифровая. Сегодня концепция публичного управления продолжает развиваться в контексте идеи государства как цифровой платформы.

Ключевые слова: публичное управление; концепция; бюрократия; новый государственный менеджмент; транспарентность; цифровизация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Епинина В. С. Генезис концепции публичного управления: фактор качества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 33–42. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-33-42>.

Поступила в редакцию 16.08.2021

Принята к публикации 13.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Епинина В. С., 2021

The Genesis of the Concept of Public Administration: the Quality Factor

Veronika S. Epinina¹ ✉

¹ Volgograd State University Universitetskij
100 Universitetskij prospekt, Volgograd 4000062, Russian Federation

✉ e-mail: v.epinina@rambler.ru

Abstract

Relevance. The concept of public administration has been constantly evolving throughout the history of human development. The prerequisites for the transition to each subsequent concept are formed, as a rule, on the basis of the accumulation of long-term practical experience, identification and assessment of the shortcomings of the previous concept. In general, the vector of the development of the concept of public administration is associated with the trajectory of the historical development of society and presupposes putting at the forefront, first of all, the issues of improving the quality of public administration.

Target. The purpose of writing the work is to consider the evolution of the concept of public administration in order to determine the vector of its development depending on the chosen criterion - the historical stage of the development of society.

Tasks. The following tasks were set and consistently solved in the article: to study the historical and theoretical aspects of the emergence and development of the concept of public administration and to schematically present and substantiate the vector of its development depending on the historical stages of the development of society: pre-industrial, industrial, informational.

Methodology. In this work, the method of theoretical analysis of the sources of the problem under study, the method of historical-logical analysis and assessment of the current situation, as well as the illustrative-graphic method are used.

Results. The analysis of the evolutionary development of the concept of public administration carried out in this work substantiates the existence of objective needs for a purposeful increase in its quality and determines the nature of its implementation in conjunction with a change in the stage of development of society.

Conclusions. Public administration in the process of evolution has undergone a number of changes, as evidenced by the allocation of such concepts of its development as: bureaucratic, managerial, network, digital. Today, the concept of public administration continues to evolve in the context of the idea of the state as a digital platform.

Keywords: public administration; concept; bureaucracy; new state management; transparency; digitalization.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Epinina V. S. The Genesis of the Concept of Public Administration: the Quality Factor. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 33–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-33-42>.

Received 16.08.2021

Accepted 13.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Несмотря на то, что исторически термин «публичное управление» стал использоваться свыше 140 лет назад, до сих пор целостная одновариантная его интерпретация отсутствует. Наиболее распространенная трактовка (в соответствии с классическим пониманием) данного термина предполагает его рассмотрение как совместную с обществом реализацию

органами публичной власти управления с целью достижения взаимных (согласованных) интересов.

Зарождение публичного управления произошло 4–5 тыс. лет назад во время становления государств на Древнем Востоке и формирования управленческих функций жрецов. В 1950-х гг. до н.э. вавилонским правителем Хаммурапи были введены элементы нормотворчества,

нашедшие отражение в Кодексе Хаммурапи. Нововавилонский царь Навуходоносор II (600 лет до н.э.) соединил государственные методы регулирования с производственной деятельностью. Средние века и далее – эпоха Ренессанса и период Реформации (XII–XVII вв.) характеризуются стремлением к власти торговых классов.

Публикация в 1887 г. труда В. Вильсона «Исследование управления» [1], в котором он выделил основные положения публичного управления, рассматривается в качестве начала публичного управления как особой области исследований, научного и образовательного направления. В 1947 г. П. Эпплби отметил важность публичного управления как управления государственными делами с акцентом на ответственность за действия исполнительной власти [2, с. 94]. В 1948 г. Г. Клэпп обозначил публичное управление в качестве инструментария демократического общества для обеспечения более полных экономических возможностей, а также с учетом справедливости и свободы [3, с. 174]. С течением времени акцент при определении термина «публичное управление» был сделан на теме демократии. Так, согласно определению, которое дал П. Шилдс, публичное управление представляет собой реализацию продуктов живой (меняющейся) демократии [4, с. 199].

Материалы и методы

Информационной базой для данного исследования послужили материалы научных журналов, теоретические и практические результаты различных отечественных и зарубежных экономистов.

При изучении данной темы были использованы: метод теоретического анализа источников исследуемой проблемы, метод историко-логического анализа и оценки современной ситуации, а также иллюстративно-графический метод.

Результаты и их обсуждение

Формальной точкой формирования публичного управления можно считать

традиционную бюрократическую концепцию публичного управления, характеризующуюся следующими фундаментальными постулатами:

1. Государство должно быть организовано иерархически на основе модели рациональной бюрократии.

2. Чиновники должны действовать в соответствии с оптимальными правилами и процедурами, предписанными инструкциями.

3. Государство должно само предоставлять публичные услуги посредством своего бюрократического аппарата.

4. Администрация должна лишь исполнять инструкции, а политика и стратегия – дело политических лидеров.

5. Публичное управление – особый вид деятельности, нуждающийся в политически нейтральной профессиональной бюрократии, способной равно служить любому политическому руководству.

6. Чиновники должны руководствоваться публичными интересами и действовать бескорыстно.

7. Государственная служба подразумевает точное соблюдение установленного порядка публичного управления без личной ответственности за результат.

Экономический кризис конца 1970-х гг. положил конец расширению участия государства в жизнеобеспечении. С этого момента начинается новый этап в развитии публичного управления: на первый план выходят вопросы результативности, экономичности и эффективности организации публичного управления, а также публичная стандартизация качества публичных услуг. Было выявлено, что государственная бюрократия, несмотря на все ее могущество, далеко не всегда хорошо работает и имеет массу существенных недостатков. Нейтральная бюрократия на деле оказывается глухой к новым потребностям общества. Соответственно, нужны эффективные механизмы демократической подотчетности. Задачи публичного управления требуют участия профессиональных менеджеров: недоста-

точно просто следовать инструкциям, нужно, чтобы кто-то взял ответственность за результат.

В конце 1980-х гг. сформировалась рыночно-ориентированная менеджерская концепция публичного управления, получившая название «новый государственный менеджмент» (New Public Management) и выступающая за использование моделей, организационных идей и ценностей, выработанных в частном бизнесе, для повышения эффективности и сервис-ориентированности государственного сектора. Она была предложена Д. Осборном и Т. Гейблером в книге «Переосмысливая государственное управление» («Reinventing Government») в контексте приоритетного достижения всех форм эффективности и результативности публичного управления – экономической, социальной, организационной [5, с. 247]. В соответствии с интерпретацией Р. Бена, новый государственный менеджмент рассматривается как система стратегий и тактик по преодолению неэффективности традиционной модели государственного сектора [6, с. 26].

В отличие от классического понимания публичного управления [7, с. 11] менеджерская концепция публичного управления признавала безусловный приоритет общественного (негосударственного) сектора и призывала к полному отсутствию регулирующей функции государства в отношении тех функций, которые могут выполнить негосударственные органы [8, с. 35]. Поэтому данная концепция характеризовалась следующими фундаментальными постулатами:

1. Профессиональный прикладной менеджмент, ответственный за реализацию целей государственного управления и наделенный широкой управленческой автономией.

2. Ясные прозрачные стандарты и индикаторы государственного управления (предпочтительно количественные показатели).

3. Акцент контроля на результатах, а не на исходных условиях или соблюдении процедур государственного управления.

4. Децентрализация и дезагрегирование структур государственного управления, деление их на компактные управляемые единицы с отдельными простыми бюджетами, внедрение корпоративных начал в государственное управление, разделение функций обеспечения и производства публичных услуг, что открывает возможности для приватизации (делегирования, аутсорсинга), четкое разграничение зон ответственности ради большей автономии структур управления.

5. Конкуренция в публичном секторе как катализатор роста эффективности [9, с. 63].

6. Бизнес-стиль в управлении, заимствованный у частного сектора, в том числе отношение к гражданам как к потребителям, а к деятельности государства как к предоставлению услуг населению [10, с. 402].

7. Экономичность государственного управления, сокращение государственного аппарата и вмешательства в экономику, снижение административных издержек бизнеса, эффективное использование ресурсов.

Вместе с тем в процессе урегулирования многих приоритетных государственных вопросов данная концепция оказалась неэффективной и были выявлены достаточно серьезные недостатки [11, с. 619; 12, с. 604; 13, с. 27; 14, с. 44]. В качестве основного аргумента критики выделяли неполный учет в менеджменте коммерческих организаций такого критерия, как социальная справедливость, которая в структурах публичного управления, наряду с эффективностью, достаточно значима [15, с. 108; 16, с. 107]. Практические последствия реализуемых реформ вызывали все больше сомнений в том, что выстраивание публичного сектора по образцу частного действительно способно решать социальные проблемы и обеспечить ожидаемое качество публичных

услуг. Не в полной мере были устранены проблемные зоны в открытости и профессионализме государственной службы. Эти и другие проблемы реализации менеджеральной концепции публичного управления обусловили актуальность поиска новых подходов к его организации.

Среди теоретиков публичного управления в 1990-х гг. становится популярным и влиятельным понятие «политическая сеть» (policy network) [17, с. 39; 18], которое стало истоком становления сетевой концепции публичного управления. Краеугольным камнем данной концепции, так же как и менеджеральной, выступает идея неполноценного удовлетворения государством существующих общественных потребностей, подчеркивающая несостоятельность иерархического администрирования и обуславливающая необходимость его замены.

Сетевая концепция публичного управления отвечала требованиям трансформационных условий осуществления публичного управления социально-экономическими процессами (глобализации мировой экономики, информатизации общества, развитие социальных сетей, увеличение масштаба неопределенности), актуализирующей поиск новых моделей управления помимо рыночных и иерархических. В отличие от менеджеральной концепции на первый план в соответствии с сетевой концепцией публичного управления должны быть поставлены значение и специфика публичной сферы, а также демократическая практика современных государств [19, с. 112]. Данная концепция демонстрирует новые формы коммуникационных каналов между органами публичной власти и обществом, предполагающие новые формы контроля, подотчетности и механизмы обеспечения реализации взаимных интересов [19, с. 113].

В связи с мировой тенденцией перехода от индустриального общества к информационному, популяризации информационно-коммуникационных техноло-

гий, появления новых форм организации экономики и производства обозначается важность роли информационной обеспеченности органов публичного управления. Поэтому в конце 1990-х гг. Р. Денхардт и Д. Денхардт в ответ на доминирование менеджеральной концепции предложили новую концепцию публичного управления в условиях цифровой эпохи (Digital Era Governance, DEG) [20, с. 551]. В данной цифровой концепции публичного управления основное внимание уделяется темам реинтеграции государственных обязанностей и цифровизации (использованию трансформационных возможностей современных информационно-коммуникационных технологий и цифровых платформ) в контексте развития концепций «электронного правительства» и «электронной демократии».

Цифровая концепция публичного управления во главу угла ставит процесс внедрения в деятельность органов публичной власти цифровых технологий для обеспечения структурно-функциональной и электронно-информационной взаимосвязи между всеми уровнями публичного управления с целью повышения качества реализации государственных (муниципальных) функций, предоставления государственных (муниципальных) услуг, взаимодействия с гражданами и бизнес-структурами для получения конкретных социально значимых результатов.

В отечественной практике публичного управления официально начало «перехода» к цифровому правительству связано с принятием «Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы», а также принятием национальной программы «Цифровая экономика РФ (2018–2024 гг.)» и разработкой включенного в эту программу федерального проекта «Цифровое государственное управление». В частности, на реализацию национальной программы «Цифровая экономика» общие расходы за период 2018–2024 гг. составят 1,634 трлн руб. (рис. 1). В целом внут-

ренные затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников в доле ВВП составляют: в 2019 г. – 2,2%, в 2021 г. – 3,0%, в 2024 г. – 5,1%. Вместе с тем источниками роста ВВП РФ к 2025 г. в аспекте реализации задач и приоритетов цифровой трансформации выступают: максимизация производи-

тельности оборудования; снижение производственных потерь; совершенствование логистических процессов; рост эффективности НИОКР. Потенциальный эффект для ВВП от цифровизации экономики к 2025 г. оценивается в 4,1–8,9 трлн руб., что составит 19–34% от общего увеличения ВВП [21].

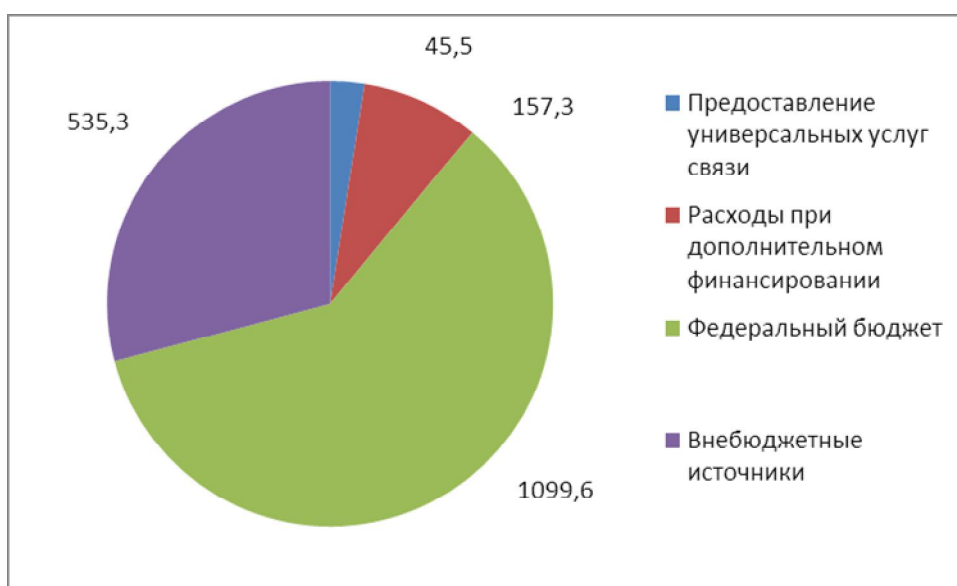

Рис. 1. Расходы на реализацию национальной программы «Цифровая экономика» за период 2018-2024 гг., млрд руб. [22]

Цифровизация многопланово изменила облик современного публичного управления. Большинство публичных услуг были переведены в электронный формат (ликвидирован физический контакт гражданина с чиновником), что максимально ускорило процесс их предоставления [23, с. 42; 24, с. 51]. Продолжают развиваться формы партисипации через электронные сети – цифровые платформы открывают новые возможности участия граждан в публичном управлении [25, с. 160; 26, с. 7; 27, с. 714; 28, с. 639], повышают уровень доверия населения к правительству. Благодаря новым цифровым технологиям система публичного управления приобретает возможность принимать решения практически в режиме реального времени [29, с. 251], перейти к разрешительной и контрольной функции в автоматическом режиме. В

целом к 2022–2025 гг. можно ожидать существенного роста уровня цифровизации органов публичной власти и активного перевода всех публичных услуг в электронный вид.

В условиях информационного общества приоритетом развития публичного управления является его ориентация на открытость и прозрачность деятельности органов публичной власти, с чем связана реализация концепта его транспарентности в рамках «открытого правительства». В связи с чем автор статьи уточняет понятие публичного управления как совместное (с учетом взаимных интересов) воздействие органов публичной власти и общества на социально-экономические процессы через обоснование, согласование и применение инструментов разработки и реализации программ социально-экономического развития в контексте со-

блюдения требований прозрачности совместной деятельности на всех уровнях публичного управления [30, с. 9].

Оценка истории становления и поступательного развития концепций публичного управления позволила выделить следующие этапы их эволюции вслед за преобразованиями, которые протекают в обществе (рис. 2). Переход на каждый следующий этап осуществляется в рамках поиска новых подходов и средств повышения качества и эффективности публич-

ного управления в соответствии с ростом запросов со стороны общества. Поэтому критерием эволюционного перехода к каждой следующей концепции публичного управления выступает формирующий (доминантный) фактор качества публичного управления как движущая сила, детерминирующая его эффективность и результативность (в аспекте экономического роста, занятости, качества услуг, социального благополучия) в зависимости от условий общественного развития.

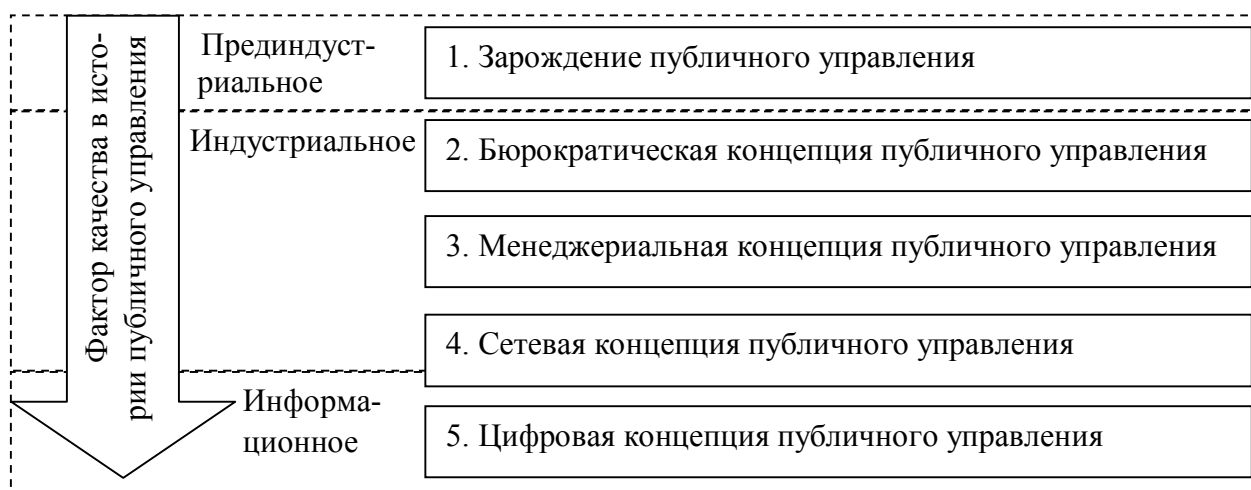

Рис. 2. Фактор качества в развитии концепции публичного управления

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что эмпирическая реализация публичного управления находится в прямой зависимости от текущей ступени эволюционного развития общества, его идеалов и ценностей, а также от изменений конфигурации социально-экономических процессов. Формы, инструменты, технологии, приоритеты и ориентиры развития концепций публичного управления определяются формирующим (доминантным) фактором качества публичного управления, отражающим объективные потребности в целенаправленном повышении его

эффективности и результативности (в аспекте экономического роста, занятости, качества услуг, социального благополучия) в зависимости от условий общественного развития. В связи с этим в условиях перманентно сокращающейся ресурсной базы и стремления добиться роста экономики одной из актуальных тенденций может быть детерминировано развитие цифровой концепции публичного управления, ориентированной на его комплексную цифровизацию и автоматизацию процессов управления для снижения издержек на административный персонал и повышение качества реализуемых проектов.

Список литературы

1. Wilson W. The study of administration. URL: web.jjay.cuny.edu/~phara/WilsononAdmin.htm (дата обращения: 12.06.2021).

2. Appleby P. Toward better public administration // *Public Administration Review*. 1947. Vol. 7, no. 2. P. 93–99.
3. Clapp G. Public administration in an advancing south // *Public Administration Review*. 1948. Vol. 8, no. 2. P. 169–175.
4. Shields P. Pragmatism as a philosophy of science: a tool for public administration // *Research in Public Administration*. 1998. Vol. 4. P. 199.
5. Kamensky J. M. Role of the “Reinventing Government” movement in Federal management reform // *Public Administration Review*. 1996. Vol. 56, no. 3. P. 247–255.
6. Behn R. *Rethinking democratic accountability*. Washington: Brookings, 2001. 317 p.
7. Dunleavy P., Hood C. From old public-administration to new public management // *Public Money & Management*. 1994. No. 14. P. 9–16.
8. Hood C. *The tools of government*. Chatham, NJ: Chatham House, 1984. 190 p.
9. Когнитивный подход к исследованию проблем продовольственной безопасности / И. Ф. Горлов, Г. В. Федотова, С. П. Сазонов, В. Н. Сергеев, Ю. А. Юлдашбаев. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та управления, 2018. 167 с.
10. Федотова Г. В., Шумилина О. В. Банковский риск-менеджмент // *Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы X Международной научно-практической конференции*. Курск: Университетская книга, 2015. С. 401–405.
11. *Классики теории государственного управления: американская школа* / под ред. Дж. Шафритц, А. Хайд. М.: Изд-во МГУ, 2003. 800 с.
12. Naque M. S. Significance of accountability under the new approach to public governance // *International review of administrative sciences*. 2000. Vol. 66. P. 601–609.
13. Федотова Г. В. Формирование национальной законодательной базы стратегического управления экономикой // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 1. С. 20–29.
14. Федотова Г. В. Роль институтов развития в реализации государственной инвестиционной политики // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2014. № 5. С. 43–47.
15. Frederickson H. G. *The spirit of public administration*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. 288 p.
16. Плотников В. А., Федотова Г. В. Генезис контроля в системе публичного управления России // *Экономическое возрождение России*. 2013. № 2. С. 101–110.
17. *Государственная политика и управление* / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006. 384 с.
18. Михайлова О. В. Проблемы идентификации и оценки политических сетевых альянсов // *Государственное управление*. 2012. № 35. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_35_dekabr_2012_g/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/mikhailova.pdf (дата обращения: 12.06.2021).
19. Купряшин Г. Л. *Публичное управление* // *Political science*. 2016. № 2. С. 101–131.
20. Denhardt R., Denhardt J. The new public service: serving rather than steering // *Public Administration Review*. 2000. Vol. 60, no. 6. P. 549–559.
21. *Цифровая Россия: новая реальность*. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_media/McKinsey/Locations/EuropeandMiddleEast/Russia/OurInsights/DigitalRussia/Digital-Russia-report.ashx (дата обращения: 14.06.2021).
22. *Национальные проекты: ключевые цели и ожидания*. URL: <http://government.ru/news/35675/> (дата обращения: 14.06.2021).
23. Полянин А. В., Докукина И. А. Направления развития информационного обеспечения публичного управления в Российской Федерации // *Государственное и муниципальное управление*. Ученые записки. 2020. № 2. С. 39–47.
24. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики / Ю. В. Вертакова, Т. О. Толстых, Е. В. Шкарупета, В. В. Дмитриева / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 156 с.

25. Eriksson K., Vogt H. On self-service democracy: configurations of individualizing governance and self-directed citizenship // *European Journal of Social Theory*. 2013. No. 16. P. 153–173.
26. Chung Ch.-S. From electronic government to platform government // *Journal of Platform Technology*. 2017. No. 5. P. 3–10.
27. Castelnovo W., Sorrentino M. The digital government imperative: a context aware perspective // *Public Management Review*. 2017. Vol. 20, no. 5. P. 709–725.
28. Gil-Garcia J. R., Dawes Sh. S., Pardo T. A. Digital government and public management research: finding the crossroads // *Public Management Review*. 2018. Vol. 20, no. 5. P. 633–646.
29. Зотов В. В., Захаров В. М., Сапрыка В. А. Цифровизация публичного управления: электронная демократия VS электронное правительство // *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46, № 2. С. 250–262.
30. Епинаина В. С. Развитие механизма публичного управления социально-экономическими процессами в условиях информационного общества: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Пенза, 2014. 25 с.

References

1. Wilson W. The study of administration. Available at: web.jjay.cuny.edu/~phara/WilsononAdmin.htm (accessed 12.06.2021)
2. Appleby P. Toward better public administration. *Public Administration Review*, 1947, vol. 7, no. 2, pp. 93–99.
3. Clapp G. Public administration in an advancing south. *Public Administration Review*, 1948, vol. 8, no.2, pp. 169–175.
4. Shields P. Pragmatism as a philosophy of science: a tool for public administration. *Research in Public Administration*, 1998, vol. 4, p.199.
5. Kamensky J. M. Role of the “Reinventing Government” movement in Federal management reform. *Public Administration Review*, 1996, vol. 56, no. 3, pp. 247–255.
6. Behn R. Rethinking democratic accountability. Washington, Brookings Publ., 2001. 317 p.
7. Dunleavy P., Hood C. From old public-administration to new public management. *Public Money & Management*, 1994, no. 14, pp. 9–16.
8. Hood C. The tools of government. Chatham, NJ, Chatham House, 1984. 190 p.
9. Gorlov I. F., Fedotova G. V., Sazonov S. P., Sergeev V. N., Juldashbaev Ju. A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju problem prodovol'stvennoj bezopasnosti [A Cognitive Approach to Researching Food Security Problems]. Volgograd, VIU Publ., 2018. 167 p.
10. Fedotova G. V., Shumilina O. V. [Banking risk management]. *Aktual'nye problemy razvitija hozjajstvujushhih sub'ektov, territorij i sistem regional'nogo i municipal'nogo upravlenija. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of the development of economic entities, territories and systems of regional and municipal management. Materials of the 10 International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaja kniga Publ., 2015, pp. 401–405. (In Russ.)
11. Klassiki teorii gosudarstvennogo upravlenija: amerikanskaja shkola [Classics of the theory of public administration: the American school]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2003. 800 p.
12. Haque M. S. Significance of accountability under the new approach to public governance. *International review of administrative sciences*, 2000, vol. 66, pp. 601–609.
13. Fedotova G. V. Formirovanie nacional'noj zakonodatel'noj bazy strategicheskogo upravlenija jekonomikoj [Formation of a national legislative base for strategic management of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2014, no. 1, pp. 20–29.
14. Fedotova G. V. Rol' institutov razvitija v realizacii gosudarstvennoj investicionnoj politiki [The role of development institutions in the implementation of state investment policy]. *Finansovaja analitika: problemy i reshenija = Financial analytics: problems and solutions*, 2014, no. 5, pp. 43–47.
15. Frederickson H. G. The spirit of public administration. San Francisco, CA, Jossey-Bass Publ., 1997. 288 p.

16. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. Genezis kontrol'ja v sisteme publicnogo upravlenija Rossii [Genesis of control in the public administration system of Russia]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*, 2013, no. 2, pp. 101–110.
17. Gosudarstvennaja politika i upravlenie [State policy and management]; ed. by L. V. Smorgunov. Moscow, ROSSPeN Publ., 2006. 384 p.
18. Mihajlova O. V. Problemy identifikacii i ocenki politicheskikh setevykh al'jansov [Problems of identification and assessment of political network alliances]. *Gosudarstvennoe upravlenie = Public administration*, 2012, no. 35. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_35_dekabr_2012_g/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/mikhailova.pdf. (accessed 12.06.2021)
19. Kuprjashin G. L. Publichnoe upravlenie [Public administration]. *Political science*, 2016, no. 2, pp. 101–131.
20. Denhardt R., Denhardt J. The new public service: serving rather than steering. *Public Administration Review*, 2000, vol. 60, no. 6, pp. 549–559.
21. Cifrovaja Rossija: novaja real'nost' [Digital Russia: new reality]. Available at: <https://www.mckinsey.com/ru/~ /media/McKinsey/Locations/EuropeandMiddleEast/Russia/OurInsights/DigitalRussia/Digital-Russia-report.ashx>. (accessed 14.06.2021)
22. Nacional'nye proekty: kljuchevye celi i ozhidaniya [National projects: key goals and expectations]. Available at: <http://government.ru/news/35675/>. (accessed 14.06.2021)
23. Polyanin A. V., Dokukina I. A. Napravleniya razvitiya informacionnogo obespecheniya publicnogo upravleniya v Rossijskoj Federacii [Directions of development of information support of public administration in the Russian Federation]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scholarly notes*, 2020, no. 2, pp. 39–47.
24. Vertakova Ju. V., Tolstyh T. O., Shkarupeta E. V., Dmitrieva V. V. Transformacija upravlencheskikh sistem pod vozdejstviem cifrovizacii ekonomiki [Transformation of management systems under the influence of digitalization of the economy]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2017. 156 p.
25. Eriksson K., Vogt H. On self-service democracy: configurations of individualizing governance and self-directed citizenship. *European Journal of Social Theory*, 2013, no. 16, pp. 153–173.
26. Chung Ch.-S. From electronic government to platform government. *Journal of Platform Technology*, 2017, no. 5, pp. 3–10.
27. Castelnovo W., Sorrentino M. The digital government imperative: a context aware perspective. *Public Management Review*, 2017, vol. 20, no. 5, pp. 709–725.
28. Gil-Garcia J. R., Dawes Sh. S., Pardo T. A. Digital government and public management research: finding the crossroads. *Public Management Review*, 2018, vol. 20, no. 5, pp. 633–646.
29. Zotov V. V., Zaharov V. M., Sapryka V. A. Cifrovizacija publicnogo upravlenija: jelektronnaja demokratija VS jelektronnoe pravitel'stvo [Digitalization of public administration: e-democracy VS e-government]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right*, 2021, vol. 46, no. 2, pp. 250–262.
30. Epinina V. S. Razvitie mehanizma publicnogo upravlenija social'no-ekonomicheskimi procesami v usloviyah informacionnogo obshhestva. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk. [Development of the mechanism of public management of socio-economic processes in the information society. Abstract diss. cand. econ. sci.]. Penza, 2014, 25 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Епинина Вероника Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: v.epinina@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-8771-3198
Researcher ID: N-8708-2015

Veronika S. Epinina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: v.epinina@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-8771-3198
Researcher ID: N-8708-2015

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-43-53>

Конфликтное взаимодействие органов власти и бизнеса в России

Ю. И. Валова¹ ✉

¹ Московский государственный областной университет
ул. Радио 10А, г. Москва 105005, Российская Федерация

✉ e-mail: guilett@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящий момент времени отсутствует единый конструктивный механизм взаимоотношений власти и субъектов малого и среднего бизнеса. Коронавирусный кризис, помимо того, что «оголил» все имеющиеся проблемы взаимодействия власти и бизнеса, так ещё и добавил букет новых. Несмотря на то, что Правительство РФ регулярно разрабатывает и запускает программы по поддержке малого и среднего бизнеса, эффективность работы последних вяло выражена. Для того чтобы и меры господдержки себя оправдывали, и предприниматели были довольны, необходимо более детально рассмотреть механизм их сотрудничества. Поэтому изучение моделей взаимодействия поможет выявить «слабые» места, усовершенствовать наиболее эффективные, так как успех деятельности и развитие любой компании влияет на комфортное функционирование экономической системы в целом.

Цель исследования состоит в оценке совместного функционирования государства и бизнеса, определении роли общества в этих взаимоотношениях.

Задачи: рассмотреть инструменты и модели взаимодействия власти и бизнеса; выявить ресурсы конфликтности, административные барьеры и их деструктивное влияние на субъекты малого и среднего бизнеса; обосновать необходимость конструктивного их взаимодействия.

Методология. В своей работе автор использует теоретические и практические методы исследования. В частности, исследование выполнено с помощью временных данных с использованием формальных методов анализа.

Результаты. Обоснована необходимость конструктивного взаимодействия органов государственной власти и бизнес-структур с целью эффективного влияния на экономическую ситуацию в стране. Подтверждается и тот факт, что сегодня большинство российских предпринимателей как никогда нуждаются в поддержке своего бизнеса со стороны государства. Данного рода поддержка должна быть выражена не только посредством изложенных мер на бумаге, но и подкреплена реальной действительностью в работе каждого предпринимателя.

Вывод. Материалы исследования позволяют систематизировать взаимоотношения органов власти и бизнеса, выделить основные механизмы взаимодействия между ними.

Ключевые слова: власть; бизнес; конфликт; взаимодействие; кредитование; льготы; коррупция; общество; административные барьеры; аутсорсинг; предприниматель; налоги.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Валова Ю. И. Конфликтное взаимодействие органов власти и бизнеса в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 43–53. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-43-53>.

Поступила в редакцию 13.08.2021

Принята к публикации 17.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Валова Ю. И., 2021

Conflict Interaction Between Authorities and Business in RussiaYulia I. Valova¹ ✉¹ Moscow State Regional University
10A Radio str., Moscow 105005, Russian Federation

✉ e-mail: guilett@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of the study is due to the fact that at the moment there is no single constructive mechanism of relations between the authorities and small and medium-sized businesses. The coronavirus crisis, in addition to "exposing" all the existing problems of interaction between government and business, also added a bunch of new ones. Despite the fact that the Government of the Russian Federation regularly develops and launches programs to support small and medium-sized businesses, the effectiveness of the latter is sluggish. In order for state support measures to justify themselves and entrepreneurs to be satisfied, it is necessary to consider in more detail the mechanism of their cooperation. Therefore, the study of interaction models will help to identify "weak" places, improve the most effective ones, because the success of the activity and development of any company affects the comfortable functioning of the economic system as a whole.

The purpose. The purpose of the study is to assess the joint functioning of the state and business, the role of society in these relations.

Objectives: consider the tools and models of interaction between government and business; identify resources of conflict potential, administrative barriers and their destructive impact on small and medium-sized businesses; substantiate the need for their constructive interaction.

Methodology. In his work, the author uses theoretical and practical research methods. The study was carried out using temporal data using formal methods of analysis.

Results. The necessity of constructive interaction between public authorities and business structures in order to effectively influence the economic situation in the country has been substantiated. It is also confirmed by the fact that today the majority of Russian entrepreneurs more than ever need the support of their business from the state. This kind of support should be expressed not only through the measures outlined on paper, but also backed up by the real reality in the work of each entrepreneur.

Conclusions. The research materials make it possible to systematize the relationship between the authorities and business, to highlight the main mechanisms of interaction between them.

Keywords: power; business; conflict; interaction; lending; benefits; corruption; society; administrative barriers; outsourcing; entrepreneur; taxes.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Valova Yu. I. Conflict Interaction Between Authorities and Business in Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 43–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-43-53>.

Received 13.08.2021

Accepted 17.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Вопрос о характере взаимоотношений государства с субъектами экономической деятельности имеет первостепенное значение для обеспечения эффективности экономики и успешного функционирования экономической системы в целом [1, с. 10].

Каждый предприниматель в обязательном порядке и в равной степени взаимодействует с органами власти. Это взаи-

модействие проявляется в виде посещения налоговой инспекции, получения разрешения, оформления договора с органами по управлению имуществом, взаимодействия с проверяющими инстанциями и т. д. В современных непростых экономических условиях буквально с каждым днем возрастает необходимость в адаптации отечественного бизнеса к постоянно изменяющимся экономическим и политическим условиям [2, с. 40].

Ни один из субъектов бизнеса не в состоянии обеспечить собственную безопасность самостоятельно, каждый из них нуждается в эффективной системе общественной (локальной, государственной, международной) безопасности. Такая безопасность может быть обеспечена посредством общественной организации жизнедеятельности людей на всех уровнях человеческого общества, внутри которых ни один из субъектов бизнеса не обладает способностью оказывать разрушительное воздействие на общество [13]. Бизнес и государство не могут существо-

вать автономно друг от друга. Именно по этой причине успех деятельности и развития любой компании зависит не только от руководства компании и слаженной командной работы, но и насколько правильно организована будет работа с властями различного уровня.

Материалы и методы

Намерения политики любой страны заключаются в нахождении эффективных способов и методов взаимодействия власти и бизнеса (табл. 1).

Таблица 1. Механизм взаимодействия государства и бизнеса

Параметр	Справка
1. Кредитно-финансовый	1. Банковская система. 2. Специализированные кредитно-финансовые институты
2. Конкурсные методы	1. Конкурентные способы (аукцион, конкурс, запрос котировок, запрос предложений). 2. Неконкурентные способы (закупка у единственного поставщика)
3. Аутсорсинг	Передача непрофильных для организации (учреждение) видов деятельности бизнес-структурам (исполнитель): бухгалтерский учёт, эксплуатация объектов недвижимости, логистика, юридические, информационные, транспортные, кадровые услуги, уборка помещений и т. д.
4. Государственно-частное партнерство (ГЧП)	Равные взаимовыгодные условия по строительству, реконструкции, модернизации, техническому обслуживанию и эксплуатации объектов общественных структур в рамках законодательных и нормативных актов
5. Особые экономические зоны	Привлечение инвестиций в определенные виды экономической деятельности для развития туризма, санаторно-курортной зоны, транспортной и портовой инфраструктуры, производство и реализация новых видов продукции. Деятельность ОЭЗ бизнесу предоставляет конкурентные преимущества для реализации этих проектов
6. Технопарки	Комплекс научно-производственных центров для развития малого и среднего бизнеса: информационно-аналитический; консультативный; маркетинговый; учебный; промышленная зона. Бизнес обеспечивается финансовыми и технологическими ресурсами

Помимо представленных в таблице 1 инструментов взаимодействия власти и бизнеса, существуют обособленные зоны их взаимодействия: белая, черная и серая. На рисунке 1 представим рычаги взаимодействия бизнеса и власти в соответствии с данными зонами.

Ингредиентный состав «белой зоны» – это целостное соблюдение законодательных требований для всех участников рынка, в свою очередь, «се-

рая» и «черная» границы символизируют неофициальные режимы для предпринимателей и вариативность в отношении использования тех или иных санкций при несоблюдении общепринятых норм. «Серая» и «черная» зоны дают простор для инвестирования бизнеса в «хорошие отношения» с властью, которые необходимы для приобретения преференций и достижения своих собственных интересов.

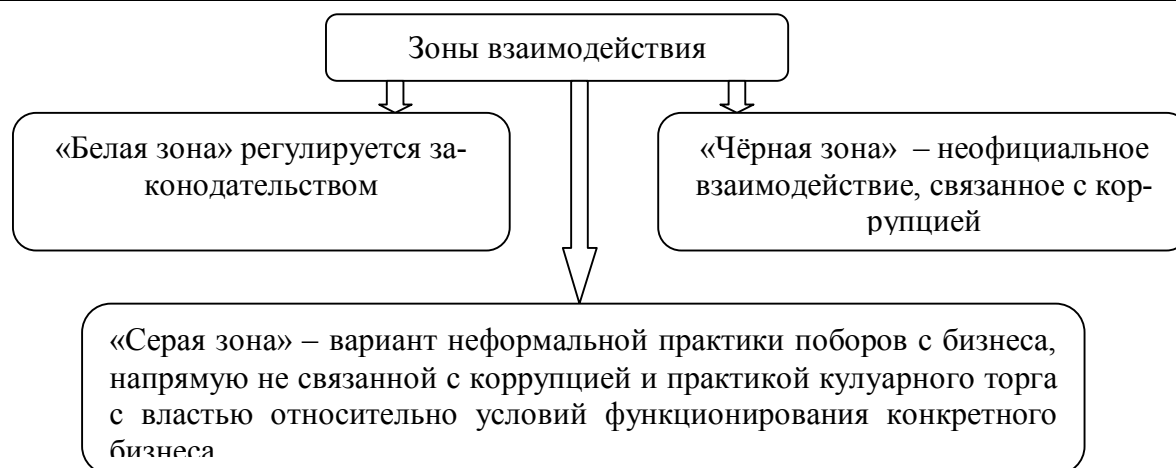

Рис. 1. Обособленные зоны взаимодействия бизнеса и власти

Когда-то обществом было создано государство для создания порядка из хаоса. В дальнейшем же основным занятием экономического и социального развития общества стал бизнес. В результате и государство, и бизнес несут колоссальную ответственность перед своим первооткрывателем. Государство выполняет свои функции сугубо в общественных интересах, а вот бизнес подотчетен и тому, и другому. В свою очередь, бизнес преследует интерес коммерческий, который может соответствовать или не соответствовать общественным намерениям. Единственно общее у этих двух мегаструктур то, что они обе заинтересованы в платёжеспособном населении. Более того, государству выгодно, чтобы социально-экономическая атмосфера внутри него была благополучная, ибо руководить таким обществом намного проще, чем тем, в котором периодически случаются антагонизмы на почве экономических и социальных проблем. Если рассматривать экономику, то бизнес в ней занимает главную составляющую, поскольку обладает трудовым, материальным и финансовым потенциалом. Вместе с тем роль государства также невозможно переоценить. Особенно значима роль государства в сфере защиты конкуренции как важнейшего драйвера роста экономики и гармонизации экономических отношений в целом [4, с. 250].

Бизнес и власть строят свои взаимоотношения, опираясь на законодательную

базу РФ. Помимо этого, существует ещё и формат неформальных отношений, который заключается в личных контактах, научных конференциях, бизнес-сообществах и т. д. Это делается для того, чтобы власть к бизнесу конструктивно относилась не на словах, а на деле. В результате этого взаимодействия формируется наиболее благоприятное законодательное регулирование предпринимательской деятельности. В таблице 2 представим функции регулирующих государственных органов.

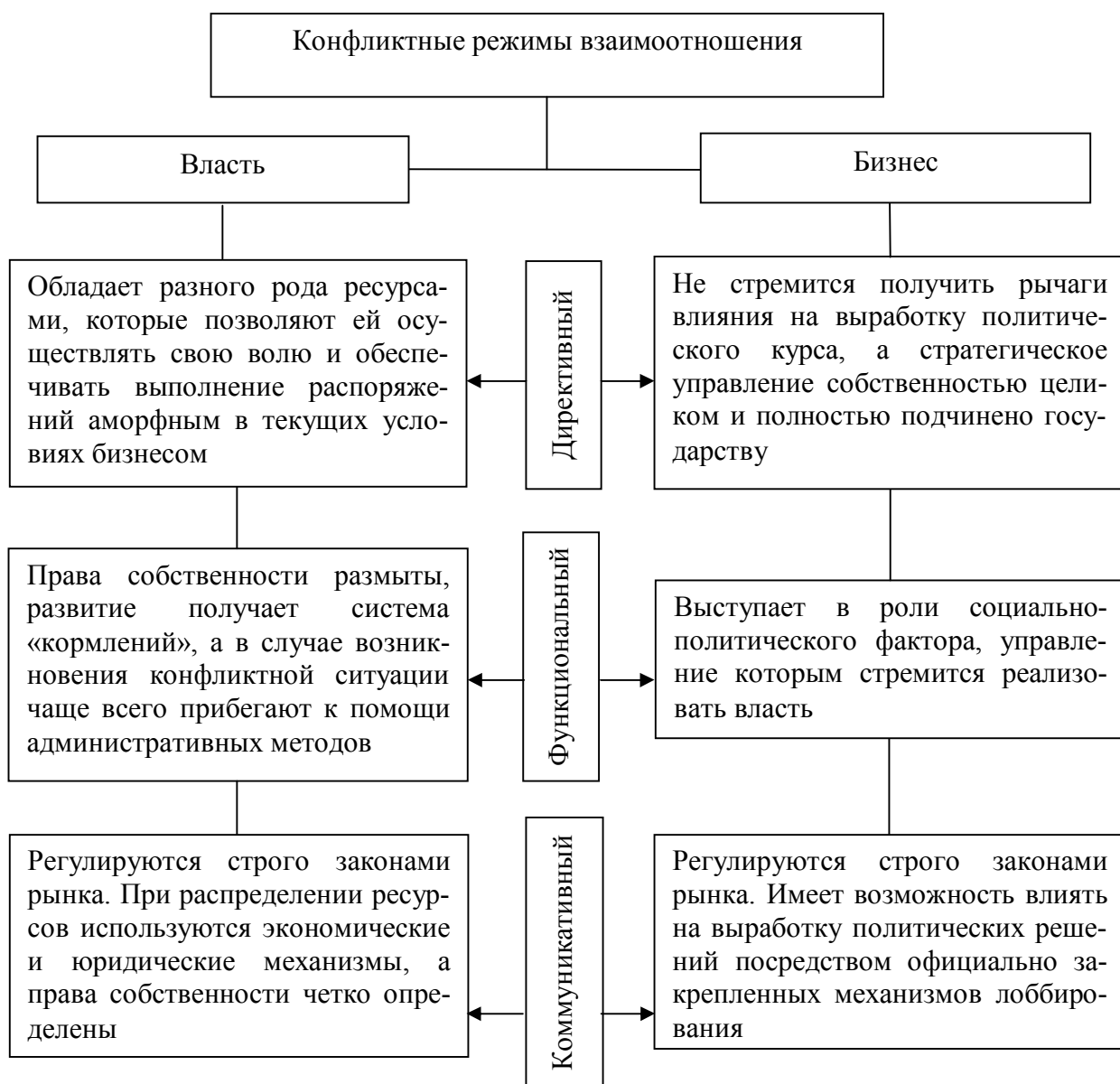
В целом, взаимоотношения власти и бизнеса в России сейчас обуславливаются довольно высоким ресурсом конфликтности. Разумеется, это не способствует эффективной работе по налаживанию существующих конфликтов и избеганию вероятных, а также не отвечает рациональным интересам бизнеса и власти.

Власть склонна гарантировать взаимодействие с бизнесом по единым установленным правилам, это реализуется и в периодически изменяющемся законодательстве, в сложившейся коррупционной обстановке и т. д. Конфликтный диалог бизнеса, публичной власти и граждан по поводу использования общественных ресурсов, реализующийся в социально-экономической политике, превращается тем самым в весьма принципиальный объект исследований для зарубежной и отечественной политологии [17, с. 9].

Выделяют несколько режимов функционирования конфликтных взаимоотношений власти и бизнеса (рис. 2).

Таблица 2. Регулирующие функции государственных органов.

Название органа власти	Функции
Федеральная налоговая служба (ФНС)	Контроль и надзор за соблюдением законодательства РФ о налогах и сборах; регистрация, реорганизации и ликвидации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; ведение и внесение изменений в ЕГРЮЛ, ЕГРН [6]
Федеральная служба по труду и занятости	Государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов
Федеральная антимонопольная служба (ФАС)	Контроль за соблюдением антимонопольного законодательства, защита конкуренции на различных товарных и финансовых рынках, в сфере рекламы и государственных закупок
Арбитражные суды	Разрешение споров в сфере экономической деятельности
Прокуратура РФ	Осуществление надзора за исполнением законов, проведение проверок, участие в рассмотрении дел судами

Рис. 2. Конфликтные режимы взаимоотношений [7; 8; 9; 10; 11; 12]

Сращивание бизнеса и власти, особенно на региональном уровне, становится все более заметным. Власть все чаще входит в бизнес в качестве акционера. Еще один вариант сращивания бизнеса и власти состоит в приходе предпринимателей в законодательную и исполнительную власть. Местная власть, в которую на выборах приходят владельцы магазинов, рынков и другой крупной собственности, использует полученные властные полномочия для дальнейшего личного обогащения.

Благополучные и высокодоходные добывающие сырьевые компании сами настолько власть или близки к власти, что способны, словно пономарь, только повторять свои требования о выдаче новых и новых лицензий на добычу национальных богатств и правах на их продажу на Запад и Восток. Каждый раз, когда реальная рентабельность их бизнеса опускается ниже заветных 40–50%, они также могут жаловаться на «непосильное» бремя налогов и требовать их снижения.

Совсем другое дело – так называемый реальный и, особенно, высокотехнологичный сектор экономики, который справедливо критикует государство за безразличие к своим проблемам, за бездействие, сопровождаемое глубинными кризисными дезинтеграционными процессами. Директора промышленных предприятий, напрямую не связанных с добычей и продажей сырья, ожесточенно критикуют правительство за разнузданную коррупцию и неэффективность государственного аппарата. Звучат даже крайние гиперболизированные высказывания о фактическом отсутствии в России несырьевой экономики.

Предприниматели обвиняют власти также в том, что биржевые финансовые инструменты остаются абсолютно неэффективными и живут своей жизнью, словно некие симулякры реальных регуляторов, к которым привык весь мир [12]. Финансовые аналитики справедливо отмечают, что снижение или рост ставки

рефинансирования в России не оказывают никакого существенного влияния, в отличие, например, от изменений ставки Федеральной резервной системы США, которые могут обрушить мировые рынки или, напротив, подстегнуть рост.

Еще бизнес обвиняет чиновников в том, что последние никак не могут справиться с инфляцией. Следуя своим сомнительным либеральным идеям, денежные власти продолжают пребывать в уверенности, что инфляция большей частью имеет чисто монетарные причины. Однако все чаще звучат голоса специалистов, считающих главной причиной инфляции в России не избыток денег, а господство монополий, которые устанавливают почти произвольные цены на рынке, чтобы извлекать максимальную краткосрочную прибыль [13, с. 13].

Однозначно новой претензией предпринимателей к органам власти является отсутствие ответственности чиновников за причиненный ущерб в результате их действия или бездействия. Это прямой карт-бланш чиновнику на самоуправство, на пренебрежение законом.

Государство не остается в долгу и упрекает предпринимателей в нежелании платить налоги, организации «воровского» бизнеса, вывозе накопленных денег за границу, т. е. в социальной безответственности, а также в лени и жажде власти, которую бизнес постоянно пытается получить путем конвертации награбленных богатств. Эта ущербность российского «предпринимательского корпуса», по мнению российских чиновников, не позволяет наращивать влияние России на уровне глобальных экономических процессов. При этом основные причины недовольства предпринимателей действиями властей постепенно сглаживаются, но сохраняют актуальность в связи с медленным их устранением.

В этих условиях важен прогноз развития отношений между властью и бизнесом, включающий выявление новых источников социальной динамики [14].

Все эти проблемы в случае определённой компании, так или иначе, требуют урегулирования. Между тем российский обыватель, не относящийся ни к олигархам, ни к властным структурам, наблюдает со стороны за развитием отношений государства и бизнеса и все отчетливее осознает, что цель сотрудничества вовсе не в улучшении его (обывателя) жизни, а лишь во взаимном обогащении партнеров. Чтобы этот тандем успешно, а главное, эффективно развивался, необходимо сотрудничать, находить компромисс и, конечно же, не забывать и не исключать своего создателя – общество. Общество должно переосмыслить направления поддержки эффективных собственников, которые в своих стратегиях реализуют интересы государства [15, с. 8].

Результаты и их обсуждение

В современных условиях, когда в Российской Федерации сформированы основные институты рыночной экономики, заинтересованность и мотивированность хозяйствующих субъектов становится решающим фактором эффективности реализации мер ГП, что требует расширения использования инструментария индикативного управления при разработке и реализации ГП [9, с. 211].

Административный барьер – это один из сдерживающих факторов в организации и развитии предпринимательской деятельности, в результате введения органами публичной власти дополнительных бюрократических процедур, предусматривающих возможное вознаграждение за их полное или частичное преодоление. Опрос представителей бизнеса показал, что 36% респондентов считают, что органы власти только мешают бизнесу своими действиями и инициативами, это ниже оценок в предыдущие годы (42% – в 2019 г., 40% – в 2018 г.); 23% участников опроса высказались неоднозначно по данному вопросу, отметив, что органы власти отчасти мешают, отчасти помогают бизнесу. Лишь 4% заявили, что

действия органов власти оказывают положительное влияние на российский бизнес, что, тем не менее, несколько выше, чем оценка за 2019 г. (2%) [11]. И как следствие таких взаимоотношений – предприниматели выбирают путь, наиболее приемлемый для двух мегаструктур – теневая экономика.

Среди административных барьеров, с которыми власти не только не борются, но и сами их устанавливают, следует отметить условия получения кредитов, лицензий на право производства конкретного вида продукции, формируемую при попустительстве государства неприемлемую величину издержек при входе в отрасль и при закрытии бизнеса, а также недостаточное обеспечение гарантий прав и защиты инвесторов. Предприниматели ожидают, что ограничение коррупции и другие меры по улучшению качества работы государственных институтов должны стать обязательным условием всей государственной экономической политики.

Далее рассмотрим некоторые административные барьеры и их деструктивное влияние на субъекты малого и среднего бизнеса.

1. Несовершенство законов в некотором отношении имеет место уже постольку, поскольку не существует предела совершенству. Представляется важным тот факт, что даже очень хороший закон не является решающим фактором улучшения предпринимательского климата в России, что разрыв между писанным и обычным правом невозможно устранить даже самым лучшим текстом закона. Но это не главное. Основное – это отсутствие надлежащего контроля над исполнением законов и заинтересованности самих правоохранительных органов в их исполнении. Взятки превратились в своего рода «частный налог», взимаемый чиновниками с граждан за свои услуги в качестве государственного служащего.

2. Высокие ставки и процедура получения кредита. Бизнесу необходимы для своего развития «свободные» деньги, как

правило, очень часто их не хватает. Для этого бизнес использует кредитно-финансовый механизм взаимодействия. Но не всё так просто! Кредит в долгосрочном периоде необходим МСБ для формирования первоначального капитала, необходимого для вхождения фирмы в рынок, а кредит в краткосрочном периоде нужен для внедрения инвестиций и инноваций. В данной ситуации имеют место высокие процентные ставки, долгое рассмотрение кредитов, требование к высокой кредитной репутации [16].

3. Несмотря на реформу контрольно-надзорной деятельности, которая активно работала в 2018 г., многие проблемы так и не получили своего решения. Например, нормы КоАП о смягчении ответственности за незначительные нарушения не согласованы между собой. В итоге применение данных норм зависит от конкретного проверяющего, так быть не должно априори. В случае выявления совокупности нарушений размер наказания также отдается на откуп инспектору. Назначаемые за однотипные правонарушения штрафы оборачиваются многомиллионными взысканиями, т. к. отсутствует предельный размер наказания при их сложении. Суммы штрафов становятся непосильны даже для крупной компании, не говоря уже о малом и среднем бизнесе. При этом на сегодня сформирован исчерпывающий перечень обязательных требований и проверочных листов. Например, для сферы промышленной безопасности разработано более 150 нормативных правовых актов, для санитарных правил – около 350, для пожарной безопасности – более 25 документов [17, с.4]. Сейчас в России насчитывается 197 органов контроля и надзора, которые осуществляют 236 функций и следят за выполнением требований к бизнесу. Если сравнить со странами Европы, то, например, в Великобритании работа ресторана регулируется 18 нормами, у нас таких требований к сфере общепита более 6 тысяч [18, с. 49].

4. Трансформация налогового законодательства. Отсутствие стабильной налоговой базы, частое принятие и отмена нормативно-правовых актов мешает предпринимателям, а также снижает инвестиционную привлекательность России в целом. Поправки в Налоговый кодекс вносятся с учётом изменений в экономической и социальной политике страны, что характеризует довольно нестабильное её положение. В частности, с 1 января 2021 г. изменения в налоговом законодательстве утвердили по таким основным налогам, как НДС, НДФЛ, налог на прибыль. Отмена специального налогового режима – ЕНВД повлекло очередное недовольство у предпринимателей. Также с начала текущего года активно действует переходный период на повышенную ставку НДФЛ в 15%, это затронуло тех, чей заработок превышает 5 млн руб. в год [10].

5. Нестабильная ситуация в стране, связанная со сложившейся коронавирусной ситуацией сегодня. Бизнес очень сильно реагирует на любые негативные изменения, которые происходят как внутри страны, так и за её пределами. Впрочем, и не только ситуация с коронавирусом, перед этим были жёсткие санкции, введённые с 2014 г. и по настоящее время, ещё ранее – последствия мирового кризиса 2008 г.

6. Барьер входа предпринимателей на рынки. Лицензирование, разрешения, согласование проектной документации, получение доступа к льготному кредитованию, лизингу и выделению субсидий, заключение контрактов на государственные или муниципальные закупки.

7. Сертификация, маркирование, паспортизация. Все эти требования нацелены на то, чтобы сохранить безопасность и здоровье граждан, а также охрану окружающей среды, в том числе если предприниматель нацелен на выход на международный рынок.

8. Излишние финансовые затраты. Определённые виды деятельности требуют лицензирования. Данная процедура

предусматривает сбор огромного пакета документов и прохождение значительных её этапов. Для того чтобы упростить всё это, существуют посредники в этом направлении, готовые сделать быстро и качественно, но за определенную плату.

9. Коррупция. Специалисты утверждают, что коррупция в России становится своеобразным бизнесом. Это подтверждает сравнение с 90-ми годами XX века – для осуществления свободной предпринимательской деятельности индивидуальные предприниматели платили «покровителям» из преступной группировки. В наше время функции «покровителя» исполняют должностные лица и чиновники [19, с. 32].

Выводы

Вместе с развитием экономики и стабилизацией в обществе все меньше места и возможностей остается для откровенного давления власти на бизнес или поглощения властных структур

агрессивным бизнесом. Считается, что постепенно укрепляется и в скором времени окажется доминирующей модель, когда сильные экономические субъекты, объединившись с сильной властью, будут решать свои прагматические задачи все более последовательно, отказавшись от полного захвата власти одной из сторон. Обоснованность такой модели сосуществования власти и бизнеса подтверждается многочисленными исследованиями и наблюдениями реальной жизни. Сильная власть способна разговаривать с бизнесом на одном языке и создавать реальные основания для обеспечения экономической и политической стабильности.

Все вышесказанное свидетельствует в пользу того, что несмотря на взаимные обвинения и противоречия есть нечто, что притягивает, т. е. объединяет партнеров. Первое, что приходит на ум, это помощь государства, на которую при определенном стечении обстоятельств может рассчитывать предприниматель.

Список литературы

1. GR. Взаимодействие бизнеса и органов власти / Е. И. Марковская [и др.]; под ред. Е. И. Марковской. 2-е изд. М.: Юрайт, 2021. 367 с.
2. Васильева И. А., Казакова Н. В., Сазонов А. А. Исследование технологий антикризисного бенчмаркетинга для организации процесса управления промышленными предприятиями в современных экономических условиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. № 4. С. 39–45. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-4-39-45>.
3. Сайбель Н. Ю., Каширская О. О. Особенности взаимодействия бизнеса и власти в условиях кризиса в России // Молодой ученый. 2017. № 2 (136). С. 496–500.
4. Крупнов Ю. А. Защита конкуренции и экономический рост // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции. Курск: Фин. ун-т при Правительстве РФ, Курский ф-л, 2020. С. 250–262.
5. Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/ (дата обращения 15.07.2021).
6. Алейников А. В. Анализ генезиса бизнеса в России: проблемное поле // Власть. 2009. № 12. С. 9–14.
7. Взаимодействие бизнеса и власти на муниципальном уровне: формальные и неформальные аспекты. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/05/30/1325391383/вкр%20-%20> (дата обращения: 07.07.2021).
8. Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2019. 484 с.

9. Вертакова Ю. В., Якушкина Т. А. Государственная политика стратегического развития территорий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 209–218.
10. Налоги – 2021: что изменилось и чего можно ожидать. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/mazeina/1451307/> (дата обращения: 15.07.2021).
11. Оценка состояния конкурентной среды в России – 2020 // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Konkurenciya_doklad_2020.pdf (дата обращения: 17.07.2021).
12. Самиев П. Экономические симулякры или декорации к финансовому рынку. URL: <http://www.raexpert.ru/editions/article39/> (дата обращения: 15.07.2021).
13. Крупнов Ю. А. Государство и бизнес. Научное монографическое исследование. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 508 с.
14. Яковлев А. А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела ЮКОСа» // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 35–44.
15. Ясин Е. Бремя государства и экономическая политика // Вопросы экономики. 2002. № 11. С. 4–30.
16. Барикян З. А. Преграды развития малого и среднего бизнеса России // Молодой ученый. 2019. № 29 (267). С. 44–49.
17. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в РФ. Аналитический доклад. 2018. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/263119916> (дата обращения: 15.07.2021).
18. Валова Ю. И. Барьеры на пути развития малого бизнеса // Цифровая экономика: перспективы развития и совершенствования: сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2020. С. 44–50.
19. Валова Ю. И. Антикоррупционная деятельность в России и за рубежом // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2021. № 1 (32). С. 30–34.

References

1. Markovskaya E. I., eds. GR. Vzaimodeistvie biznesa i organov vlasti [GR. Interaction between business and authorities: textbook and workshop for universities]; ed. by E. I. Markovskaya. 2th ed. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 367 p.
2. Vasilyeva I. A., Kazakova N. V., Sazonov A. A. Issledovanie tekhnologii antikrizisnogo benchmarkinga dlya organizatsii protsessa upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh [Research of anti-crisis benchmarking technologies for the organization of the management process of industrial enterprises in modern economic conditions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economic*, 2020, no. 4, pp. 39–45. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-4-39-45>
3. Saybel N. Yu., Kashirskaya O. O. Osobennosti vzaimodeistviya biznesa i vlasti v usloviyakh krizisa v Rossii [Features of interaction between business and government in the crisis in Russia]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2017, no. 2 (136), pp. 496–500.
4. Krupnov Yu. A. [Protection of competition and economic growth]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, tendentsii, perspektivy*. Sbornik nauchnykh statei 19-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Socio-economic development of Russia: problems, trends, prospects. Collection of scientific articles of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Financial Univ., Kursk Branch Publ., 2020, pp. 250–262. (In Russ.)
5. Federal'naya nalogovaya sluzhba [Federal Tax Service]. Available at: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/. (accessed 15.07.2021)
6. Aleinikov A. V. Analiz genezisa biznesa v Rossii: problemnoe pole [Analysis of the genesis of business in Russia: the problem field]. *Vlast' = Power*, 2009, no. 12, pp. 9–14.
7. Interaction of business and government at the municipal level: formal and informal aspects. Available at: <https://www.hse.ru/data/2014/05/30/1325391383/vkr%20-%20>. (accessed 07.07.2021)
8. Achkasov V. A., Lantsov S. A. Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya [World politics and international relations]. 2th ed., trans. and add. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 484 p.

9. Vertakova Yu. V., Yakushkina T. A. Gosudarstvennaya politika strategicheskogo razvitiya territorii [State policy of strategic development of territories]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2014, no. 4, pp. 209–218.

10. Nalogi – 2021: chto izmenilos' i chego mozhno ozhidat' [Taxes-2021: what has changed and what can be expected]. Available at: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/mazeina/1451307/>. (accessed 15.07.2021)

11. Otsenka sostoyaniya konkurentnoi sredy v Rossii - 2020 [Assessment of the state of the competitive environment in Russia – 2020]. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Konkurenciya_doklad_2020.pdf. (accessed 17.07.2021)

12. Samiev P. Ekonomicheskie simulyakry ili dekoratsii k finansovomu rynku [Economic simulacra or decorations for the financial market]. Available at: <http://www.raexpert.ru/editions/article39/>. (accessed 15.07.2021)

13. Krupnov Yu. A. Gosudarstvo i biznes. Nauchnoe monograficheskoe issledovanie [State and business. Scientific monographic research]. Moscow, Moscow St. Regional Univ. Publ., 2010. 508 p.

14. Yakovlev A. A. Vlast', biznes i dvizhushchie sily ekonomicheskogo razvitiya v Rossii: do i posle "dela YuKOSa" [Power, business and driving forces of economic development in Russia: before and after the "Yukos affair"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2005, no. 1, pp. 35–44.

15. Yasin E. Bremya gosudarstva i ekonomicheskaya politika [Burden of the State and Economic Policy]. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*, 2002, no. 11, pp. 4–30.

16. Barikyan Z. A. Pregrady razvitiya malogo i srednego biznesa Rossii [Barriers to the development of small and medium-sized businesses in Russia]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2019, no. 29 (267), pp. 44–49.

17. Kontrol'no-nadzornaya i razreshitel'naya deyatel'nost' v RF. Analiticheskii doklad. 2018 [Control and supervision and licensing activities in the Russian Federation. Analytical report 2018]. Available at: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/263119916>. (accessed 15.03.2021)

18. Valova Yu. I. [Barriers to small business development]. *Tsifrovaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Digital Economy: prospects for development and improvement. Collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020, pp. 44–50. (In Russ.)

19. Valova Yu. I. Antikorrupsionnaya deyatel'nost' v Rossii i za rubezhom [Anti-corruption activities in Russia and abroad]. *Innovatsionnaya ekonomika i sovremennyy menedzhment = Innovative economy and modern management*, 2021, no. 1 (32), pp. 30–34.

Информация об авторе / Information about the Author

Валова Юлия Игоревна, кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления, Московский государственный областной университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: guilett@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5195-2907

Yulia I. Valova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation, e-mail: guilett@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5195-2907

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-54-64>

Инвестиционные имиджевые характеристики в факторном пространстве региона в контексте обеспечения экономической безопасности

Р. В. Старовойт¹, С. Г. Емельянов¹, Л. В. Афанасьева¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: lv_af@mail.ru

Резюме

Актуальность. В системе экономической безопасности проблема инвестиционного обеспечения является одной из ключевых, поскольку формирование инвестиционного процесса в регионе во многом определяется особенностью экономического механизма регулирования инвестиционной деятельности, складывающиеся тенденции спроса на финансово-кредитные и денежные ресурсы, наличием предпринимательских структур, способствующих реализации задач региональной инвестиционной политики. Для нормального функционирования системы экономической безопасности региона необходимы материально-вещественные ресурсы. Однако в условиях жесткой конкуренции за ресурсы развития важен поиск и других факторов, а именно нематериальных, таких как имиджевые характеристики. В условиях объективно имеющихся ресурсных возможностей регионов именно практика формирования позитивного имиджа рассматривается как необходимый компонент системы стратегического развития в конкурентной борьбе за инвестиционные ресурсы.

Цель исследования: выявить имиджевые характеристики в составе факторного пространства региона, формируемые национальными рейтингами

Задачи: определить информационно-коммуникационную модель процесса формирования имиджа региона, провести декомпозицию имиджевых характеристик в факторном пространстве региона в системе обеспечения экономической безопасности, построить профили инвестиционного риска и инвестиционного потенциала Курской области.

Методология. В исследовании были использованы общенаучные методы: теоретико-методического анализа источников, иллюстративно-графический, абстрактно-логический.

Результаты. Установлено, что инвестиционные имиджевые характеристики в факторном пространстве являются конкурентными преимуществами региона и рассматриваются как нематериальный фактор, позволяющий стимулировать социально-экономическое развитие территории.

Выводы. Интегральная оценка территорий, реализуемая в рейтингах и индексах, служит ориентиром для принятия решений целевыми группами. Эффективное привлечение инвестиционных ресурсов рассматривается как необходимое условие реализации стратегических инициатив, поэтому параметры, участвующие в формировании инвестиционного имиджа региона, должны увязываться и согласовываться с задачами, ресурсами и сроками достижения целевых индикаторов и показателей государственных программ.

Ключевые слова: инвестиционные имиджевые характеристики; региональная инвестиционная политика; экономическая безопасность региона; рейтинг; инвестиционный риск.

© Старовойт Р. В., Емельянов С. Г., Афанасьева Л. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 54–64

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Старовойт Р. В., Емельянов С. Г., Афанасьева Л. В. Инвестиционные имиджевые характеристики в факторном пространстве региона в контексте обеспечения экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 54–64. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-54-64>.

Поступила в редакцию 26.08.2021

Принята к публикации 23.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Investment Image Characteristics in the Factor Space of the Region in the Context of Ensuring Economic Security

Roman V. Starovoi¹, Sergey G. Yemelyanov¹, Lubov V. Afanasyeva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lv_af@mail.ru

Abstract

Relevance. In the system of economic security, the problem of investment provision is one of the key ones, since the formation of the investment process in the region is largely determined by the peculiarity of the economic mechanism for regulating investment activity, the emerging trends in demand for financial, credit and monetary resources, the presence of business structures that contribute to the implementation of the objectives of regional investment policy. For the normal functioning of the economic security system of the region, material resources are necessary. However, in the conditions of fierce competition for development resources, it is important to search for other factors, namely non-material ones, such as image characteristics. In the conditions of objectively existing resource opportunities of the regions, it is the practice of forming a positive image that is considered as a necessary component of the system of strategic development in the competition for investment resources.

The purpose of the study: to identify the image characteristics in the composition of the factor space of the region, formed by national ratings.

Objectives: to determine the information and communication model of the process of forming the image of the region, to decompose the image characteristics in the factor space of the region in the system of ensuring economic security, to build profiles of investment risk and investment potential of the Kursk region.

Methodology. General scientific methods were used in the study: theoretical and methodological analysis of sources, illustrative-graphic, abstract-logical.

Results. It is established that the investment image characteristics in the factor space are the competitive advantages of the region and are considered as an intangible factor that allows stimulating the socio-economic development of the territory.

Conclusions. The integrated assessment of territories implemented in ratings and indexes serves as a reference point for decision-making by target groups. Effective attraction of investment resources is considered as a necessary condition for the implementation of strategic initiatives, so the parameters involved in the formation of the investment image of the region should be linked and coordinated with the objectives, resources and deadlines for achieving the target indicators and indicators of state programs.

Keywords: investment image characteristics; regional investment policy; economic security of the region; rating; investment risk.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Starovoit R. V., Yemelyanov S. G., Afanasyeva L. V. Investment Image Characteristics in the Factor Space of the Region in the Context of Ensuring Economic Security. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(5): 54–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-54-64>.

Received 26.08.2021

Accepted 23.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

В системе экономической безопасности проблема инвестиционного обеспечения является одной из ключевых. Формирование инвестиционного процесса в регионе во многом определяется особенностью экономического механизма регулирования инвестиционной деятельности, складывающимися тенденциями спроса на финансово-кредитные и денежные ресурсы, наличием предпринимательских структур, способствующих реализации задач региональной инвестиционной политики.

Согласимся с исследованиями [1–6], авторы которых указывают, что эффективная инвестиционная политика региона выражается в структурной трансформации экономики, рациональном размещении и использовании производительных сил, укреплении промышленного потенциала, что позволяет обеспечить достаточный приток финансовых ресурсов, повысить конкурентоспособность территории и обеспечить ее экономическую безопасность. Для нормального функционирования системы экономической безопасности региона необходимы ресурсы, которые, по сути, используются для решения проблем экономического роста и социально-экономического развития. Известно, что региональный воспроизводственный процесс требует непрерывного возобновления ресурсов, а именно материально-вещественных, трудовых, финансовых. Однако в условиях жесткой конкуренции за ресурсы развития важен поиск и других факторов, а именно нематериальных, таких как имиджевые характеристики.

Материалы и методы

Для написания статьи использованы материалы рейтинговых агентств Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации. Эмпирические данные, находящиеся в свободном доступе: сообщения АСИ, информационного портала Курской области. Также использовались методы теоретико-методического анализа источников, абстрактно-логический и иллюстративно-графический методы.

Результаты и их обсуждение

В условиях объективно имеющихся ресурсных возможностей регионов именно практика формирования позитивного имиджа рассматривается как необходимый компонент системы стратегического развития в конкурентной борьбе за инвестиционные ресурсы. Коструирование и развитие позитивного имиджа региона до уровня бренда, т. е. его коммерческого проявления, следует рассматривать как один из актуальных механизмов реализации стратегии социально-экономического развития территории.

Обратимся к терминологии. Имидж региона – это формируемый (деятельность региональных органов власти) и транслируемый посредством информационных каналов комплекс представлений об определенной территории, позволяющий осознать ее как положительную ценность и способствующий повышению ее политического, социального, экономического, культурного статуса [7, с. 147; 8, с. 21]. Информационно-коммуникативная модель процесса формирования имиджа

региона состоит из следующих элементов (рис. 1).

Субъектно-объектная обусловленность имиджа является основной его характеристикой. К субъектам формирования имиджа относим региональные и местные органы власти. К технологиям и каналам распространения имиджеформирующей деятельности – СМИ, социальные сети, рейтинги, индексы, выставки, ярмарки, форумы, конференции, уровень и качество жизни населения, экология, инвестиции, туризм, география, принятие законов и нормативных актов, подписание договоров о сотрудничестве, политические, экономические, социальные, культурные и многие другие события. В

качестве объекта имиджеформирующей деятельности рассматриваем регион (территорию) [9–11]. Теоретико-методологическими проблемами конструирования имиджа, его природы, возможности воздействия на массовое сознание занимаются социологи, маркетологи, культурологи, журналисты. Предметом данного исследования являются управленческие решения в контексте обеспечения экономической безопасности, реализация которых направлена на формирование положительных имиджевых характеристик, используемых в инвестиционном обеспечении социально-экономических преобразований в процессе трансформации факторного пространства.

Рис. 1. Информационно-коммуникационная модель процесса формирования имиджа региона

Формирование эффективного имиджа региона зависит от структурно-функциональных задач, стоящих перед региональными органами исполнительной власти. Приоритетным направлением является активизация инвестиционных процессов с целью повышению уровня технологического и инновационного развития секторов экономики регионов в си-

стеме обеспечения экономической безопасности.

Современные динамичные условия управления регионом требуют новых универсальных инструментов оценивания эффективности управления как со стороны общества, так и со стороны федерального центра. В этих условиях возрастает значимость комплексных интегральных

показателей, которые представлены в рейтингах и индексах. Рейтинги, отражающие различные аспекты развития регионов, используют и как инструмент формирования имиджа. Отметим, что главной целью национальных рейтингов субъектов Российской Федерации является снижение информационной неопределенности при решении задач по реализации стратегических приоритетов и повышению качества жизни населения территорий.

Для более глубокого понимания необходимости рейтингов в формировании имиджевых характеристик факторного пространства региона сформулируем их функции. Авторы предлагают следующий набор функций рейтингов регионов России:

– аналитическая, т. е. возможность в интегральном виде получить информацию о состоянии и динамике большого количества показателей, характеризующих различные аспекты инвестиционного климата региона;

– контрольная, заключается в возможности проанализировать значительные отклонения по конкретной группе факторов, формирующих инвестиционный климат региона и выявить причинно-следственные связи;

– информационная, предполагает понятную и простую комплексную оценку сложившейся ситуации по компонентам инвестиционного потенциала и риска ее доведения до потенциальных внешних и внутренних инвесторов;

– стимулирующая, предполагает возможность улучшать бизнес-среду совместно с деловыми сообществами и ассоциациями;

– управленческая, позволяет принимать стратегические решения на основе рейтинговых баллов и интегральных показателей;

– прогностическая, т. е. на основе имеющихся комплексных интегральных

оценок, формирующих инвестиционный климат региона, обеспечивается возможность прогнозировать инвестиционные тенденции;

– имиджевая, т. е. возможность акцентировать и индивидуализировать (территориальная индивидуальность) ключевые конкурентные преимущества региона для углубления и расширения связей с целевыми аудиториями (инвесторы, население, предпринимательское сообщество), что позволит доминировать в конкурентной борьбе за внешние и внутренние инвестиционные ресурсы.

Интерес к проблеме формирования инвестиционных имиджевых характеристик факторного пространства региона обусловлен необходимостью решения практических задач привлечения инвестиций, улучшения инвестиционного климата и повышения инвестиционной активности в условиях конкретной территории. Под экономической безопасностью региона понимаем состояние экономики региона, при котором созданы условия для реализации стратегических социально-экономических ориентиров и функционирует механизм защиты от внешних и внутренних угроз. В контексте обсуждаемого вопроса можем сформулировать: экономическая безопасность региона – это сбалансированное состояние всех факторов, формирующих пространство инвестиционного имиджа региона.

Декомпозиция имиджевых характеристик факторного пространства региона графически сконструирована на рисунке 2. Экономическая безопасность региона показана как контур (внешняя оболочка шара, т. е. сфера (граница шара)), отражающий сбалансированность состояния факторного пространства имиджевых характеристик региона. Внутреннее пространство шара отражает имидж региона, который формируется сегментами по линии радиуса, т. е. факторами (факторное пространство). Уровень конкретного

фактора – это точка, расположенная на линии радиуса от минимального значения (центра) до максимального (внешний контур).

Функционирование региона как территориально-специализированной многоуровневой социально-экономической системы происходит в условиях неопределенности сложного взаимодействия и

взаимовлияния комплекса внутренних и внешних факторов. Учитывая вышесказанное, под фактором понимается причина, т. е. движущая сила инвестиционного процесса, определяющая его характер. Систематизация и конструирование факторного пространства по целевым признакам прослеживается в методологии рейтингов и индексов.

Рис. 2. Декомпозиция имиджевых характеристик в факторном пространстве региона в системе обеспечения экономической безопасности

В настоящее время инвестиционные имиджевые характеристики факторного пространства региона формируются в том числе под влиянием периодически публикуемых рейтингов и индексов. Сформируем профиль инвестиционного имиджа Курской области по данным национальных рейтингов за последние 3 года (табл. 1).

Обратимся к рейтингу инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭК-Аналитика». Две относительно самостоятельные характеристики, такие как инвестиционный потенциал и инвестиционный риск, анализируются Агентством для оценки инвестиционной привлекательности регионов. Качественно-количественная

характеристика инвестиционного риска позволяет отразить некоммерческие риски региональной среды, с которыми сталкиваются предпринимательские структуры в субъекте Российской Федерации, а также общее состояние бизнес-среды в регионе. Развернем профиль инвестиционного риска Курской области через частные составляющие риска и построим графически факторное пространство инвестиционных имиджевых характеристик в сравнении с субъектом, имеющим минимальный уровень инвестиционного риска (Московская область), и субъектом, имеющим максимальный уровень инвестиционного риска (Республика Ингушетия), используя данные 2020 г. (табл. 2).

Таблица 1. Имиджевые характеристики в составе факторного пространства региона, формируемые национальными рейтингами

Наименование рейтинга	2018 г.			2019 г.			2020 г.		
	максимальное значение	Курская область	минимальное значение	максимальное значение	Курская область	минимальное значение	максимальное значение	Курская область	минимальное значение
Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ [12]	88,049 (Москва)	43,138	10,21 (Республика Тыва)	88,980 (Москва)	45,176	12,743 (Еврейская АО)	н/д	н/д	н/д
Рейтинг регионов РФ по качеству жизни [13]	77,371 (Москва)	55,391	16,195 (Республика Тыва)	79,275 (Москва)	54,319	17,533 (Республика Тыва)	82,164	54,966	17,506 (Республика Тыва)
Индекс конкурентоспособности регионов AV RCI [14]	5 (Москва)	1,58	0 (Еврейская АО)	5 (Москва)	1,55	0 (Еврейская АО)	5 (Москва)	1,6	0 (Еврейская АО)
Национальный туристический рейтинг [15]	105 (Москва)	47,1	9,3 (Ненецкий АО)	114,7 (Москва)	51,8	9,8 (Ненецкий АО)	119,4 (Московская обл.)	54,1	10,4 (Чукотский АО)
Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России [16]	Высокий потенциал — минимальный риск (1А)	Пониженный потенциал — минимальный риск (3А1)	Низкий потенциал — экстремальный риск (3D)	Высокий потенциал — минимальный риск (1А)	Пониженный потенциал — минимальный риск (3А1)	Низкий потенциал — экстремальный риск (3D)	Высокий потенциал — минимальный риск (1А)	Пониженный потенциал — минимальный риск (3А1)	Низкий потенциал — экстремальный риск (3D)
Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации [17]	0,765 (Тюменская обл.)	0,597	0,491 (Республика Хакасия)	0,796 (Тюменская обл.)	0,61	0,356 (Архангельская обл.)	0,802 (Тюменская обл.)	0,641	0,416 (Республика Хакасия)
Рейтинг регионов по уровню содействия развитию конкуренции [18]	101,85 (Омская обл.)	74,40	12,85 (Иркутская обл.)	95,38 (Омская обл.)	82,14	8,04 (Республика Калмыкия)	н/д	н/д	н/д
Экологический рейтинг регионов России [19]	77 (1) (Тамбовская обл.)	70 (4)	48 (85) (Свердловская обл.)	77 (1) (Тамбовская обл.)	70 (4)	44 (85) (Иркутская обл.)	77 (1) (Тамбовская обл.)	70 (4)	44 (85) (Иркутская обл.)

Таблица 2. Профиль инвестиционного риска (ранги) Курской области за 2020 г. [16]

Регион	Профиль инвестиционного риска (ранги)					
	социальный	экономический	финансовый	криминальный	экологический	управленческий
Московская область	3	4	10	14	27	6
Курская область	10	21	28	11	4	24
Республика Ингушетия	84	57	85	41	29	85

Представим профиль инвестиционного потенциала Курской области через частные составляющие потенциала и отобразим графически факторное пространство инвестиционных имиджевых характеристик в сравнении с субъектом,

имеющим максимальный уровень инвестиционного потенциала (г. Москва), и субъектом, имеющим минимальный уровень инвестиционного потенциала (Ненецкий АО), используя данные 2020 г. (табл. 3).

Таблица 3. Профиль инвестиционного потенциала (ранги) Курской области за 2020 г. [16]

Регион	Профиль инвестиционного потенциала (ранги)								
	трудо-вой	потре-битель-ский	производ-ственный	фи-нансо-вый	инсти-туцио-нальный	инно-ваци-онный	инфра-струк-турный	природно-ресурс-ный	тури-стиче-ский
г. Москва	1	1	1	1	1	1	1	84	1
Курская область	35	41	41	38	50	42	9	22	58
Ненецкий АО	85	84	63	83	85	84	84	36	85

Уменьшает инвестиционную привлекательность Курской области факторное пространство финансового риска, который в методологии анализируемого рейтинга выступает общей характеристикой уровня финансовой надёжности потенциальных контрагентов в регионе (в лице региональных органов исполнительной власти и частных предпринимателей). Показатели текущей долговой нагрузки, покрытия расходов за счёт собственных источников доходов и рейтингов кредитоспособности позволяют оценить финансовое состояние региональных органов власти. Просроченная кредиторская задолженность выступает индикатором рисков в бизнес-среде.

С точки зрения инвестиционного потенциала уменьшает инвестиционную привлекательность Курской области факторное пространство туристического потенциала, характеризующего в методологии рейтинга имеющиеся точки туристического «притяжения» в регионе (в том числе обу-

словленные культурным и природным наследием), степень развитости туристической инфраструктуры (в частности, мест размещения) и интенсивность туристического потока. Отметим, что Инвестиционная стратегия Курской области до 2025 г. [20] определяет туризм как стратегически значимое направление в развитии экономики региона и инвестиционной деятельности, что позволяет в настоящее время активно продвигать его основные виды: деловой, культурно-познавательный, религиозный, событийный.

Отметим, что лучшие практики эффективного управления региональным развитием свидетельствуют о том, что именно раскрытие территориальной индивидуальности, в том числе через конструирование факторного пространства инвестиционных имиджевых характеристик региона, содействует повышению конкурентоспособности в межрегиональном соперничестве за стратегические инвестиционные ресурсы.

Выводы

Таким образом, инвестиционные имиджевые характеристики в факторном пространстве являются конкурентными преимуществами региона и рассматриваются как нематериальный фактор, позволяющий стимулировать социально-экономическое развитие территории, поскольку содействует привлечению внимания к территориальной индивидуальности заинтересованных целевых групп, улучшению инвестиционного климата, повышению инвестиционной привлекательности и, соответственно, получению дополнительных инвестиционных ресурсов.

Интегральная оценка территорий, реализуемая в рейтингах и индексах, служит ориентиром для целевых групп. Эффективное привлечение инвестиционных ресурсов рассматривается как необходимое условие реализации стратегических инициатив и источник устойчивого социально-экономического развития региона, именно поэтому параметры, участвующие в формировании инвестиционного имиджа региона, должны увязываться и согласовываться с задачами, ресурсами и сроками достижения целевых индикаторов и показателей государственных программ.

Список литературы

1. Формирование стратегических приоритетов регионов на основе сценария развития в долгосрочной перспективе: монография / А. Н. Михайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов, Л. Н. Борисоглебская. М.: Высш. шк., 2008. 461 с.
2. Эффективная структура инвестиций как доминанта инновационного сценария развития регионального хозяйственного комплекса / Ю. В. Вертакова, С. Г. Емельянов, А. С. Зубарев, Е. В. Харченко // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 13–19.
3. Белоусова Л. С. Экономический рост и экономическое развитие в контексте обеспечения устойчивости региональной производственной системы // Экономика и управление. 2010. № 1(51). С. 30–33.
4. Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Крыжановская О. А. Анализ влияния инвестиционной составляющей на уровень конкурентоспособности региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 3. С. 19–25.
5. Белоусова Л. С., Литвинов А. А. Приоритетные направления и инструментарий региональной политики поддержки бизнеса // Регион: системы, экономика, управление. 2013. № 3(22). С. 42–47.
6. Афанасьева Л. В., Белоусова Л. С., Минаева Е. В. Инновационно-инвестиционные факторы в системе региональных приоритетов управления экономической безопасностью: монография. Курск, 2020. 156 с.
7. Чепкасов А. В. Формирование имиджа региона: ролевой набор имиджевой политики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 2. С. 147–150.
8. Важенина И. С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: дис. ... докт. экон. наук. Екатеринбург, 2008. 42 с.
9. Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. 155 с.
10. Таранова Ю. В. Формирование имиджа региона в условиях информационного общества: технологии, методология, исследование. LAPLAMBERT Academic Publ., 2012. 188 с.
11. Логунцова И. В. Имидж российских территорий как объект управления // Вестник Московского университета. 2011. № 1. С. 29–38.
12. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2020 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения: 22.04.2021).
13. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2020 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/regions/20210216/630194647.html> (дата обращения: 22.04.2021).
14. Индекс конкурентоспособности регионов России AV RCI – 2020 // Ежегодное исследование LC-AV. URL: <http://av-group.ru/2020/1808/> (дата обращения: 22.04.2021).

15. Национальный туристический рейтинг – 2020 // Центр информационных коммуникаций «Рейтинг». URL: <http://russia-rating.ru/info/18797.html> (дата обращения: 22.04.2021).
16. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов РАЕХ за 2020 год // РАЭК Аналитика. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020> (дата обращения: 22.04.2021).
17. VIII рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2020 году // Агентство политических и экономических коммуникаций. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=6829 (дата обращения: 22.04.2021).
18. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню содействия развитию конкуренции на основе стандарта в 2019 году // ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/p/contents/2497> (дата обращения: 22.04.2021).
19. Экологический рейтинг субъектов РФ // Национальный экологический рейтинг. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=361> (дата обращения: 22.04.2021).
20. Об утверждении Инвестиционной стратегии Курской области до 2025 года: Постановление Губернатора Курской области от 02.12.2014 № 527-пг. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4600201412090005> (дата обращения: 22.04.2021).

References

1. Mihajlov A. N., Zubarev A. S., Emel'yanov S. G., Borisoglebskaya L. N. Formirovanie strategicheskikh prioritetov regionov na osnove scenariya razvitiya v dolgosrochnoj perspective [Formation of strategic priorities of regions based on the scenario of development in the long term]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2008. 461 p.
2. Vertakova Yu. V., Emel'yanov S. G., Zubarev A. S., Harchenko E. V. Effektivnaya struktura investicij kak dominant innovacionnogo scenariya razvitiya regional'nogo hozyajstvennogo kompleksa [The effective structure of investments as the dominant of the innovative scenario for the development of the regional economic complex]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2011, no. 2 (35), pp. 13–19.
3. Belousova L. S. Ekonomicheskij rost i ekonomicheskoe razvitie v kontekste obespecheniya ustojchivosti regional'noj proizvodstvennoj sistemy [Economic growth and economic development in the context of ensuring the sustainability of the regional production system]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and management*, 2010, no. 1(51), pp. 30–33.
4. Klevcova M. G., Polozhenceva Yu. S., Kryzhanovskaya O. A. Analiz vliyaniya investicionnoj sostavlyayushchej na uroven' konkurentosposobnosti regiona [Analysis of the impact of the investment component on the level of competitiveness of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 3, pp. 19–25.
5. Belousova L. S., Litvinov A. A. Prioritetnye napravleniya i instrumentarij regional'noj politiki podderzhki biznesa [Priority directions and tools of regional business support policy]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: systems, economics, management*, 2013, no. 3(22), pp. 42–47.
6. Afanas'eva L. V., Belousova L. S., Minaeva E. V. Innovacionno-investicionnye faktory v sisteme regional'nyh prioritetov upravleniya ekonomicheskoy bezopasnost'yu [Innovation and investment factors in the system of regional priorities of economic security management]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2020. 156 p.
7. Chepkasov A. V. Formirovanie imidzha regiona: rolevoj nabor imidzhevoj politiki [Formation of the image of the region: a role set of image policy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2018, no. 2, pp. 147–150.
8. Vazhenina I. S. Konceptual'nye osnovy formirovaniya imidzha i reputacii territorii v konkurentnoj srede. Diss. dokt. ekon. nauk [Conceptual foundations of the formation of the image and reputation of the territory in a competitive environment. Diss. doct. econ. sci.]. Ekaterinburg, 2008. 42 p.
9. Gavra D. P. Imidzh territorial'nyh sub"ektov v sovremennom informacionnom prostranstve [The image of territorial subjects in the modern information space]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ., Higher School of Journalism and mas. communications, 2013. 155 p.

10. Taranova Yu. V. Formirovanie imidzha regiona v usloviyah informacionnogo obshchestva: tekhnologii, metodologiya, issledovanie [Formation of the image of the region in the conditions of the information society: technologies, methodology, research]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 p.
11. Loguncova I. V. Imidzh Rossijskikh territorij kak ob"ekt upravleniya [The image of Russian territories as an object of management]. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of the Moscow University*, 2011, no. 1, pp. 29–38.
12. Rejting social'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov – 2020 [Rating of the socio-economic situation of the regions - 2020]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html>. (accessed 22.04.2021)
13. Rejting regionov pokachestvu zhizni – 2020 [Rating of regions on quality of life - 2020]. Available at: <https://riarating.ru/regions/20210216/630194647.html>. (accessed 22.04.2021)
14. Indeks konkurentosposobnosti regionov Rossii AV RCI – 2020 [Competitiveness index of Russian regions AV RCI - 2020]. Available at: <http://av-group.ru/2020/1808/>. (accessed 22.04.2021)
15. Nacional'nyj turisticeskij rejting – 2020 [National tourist rating - 2020]. Available at: <http://russia-rating.ru/info/18797.html>. (accessed 22.04.2021)
16. Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov RAEX za 2020 god [Rating of investment attractiveness of RAEX regions for 2020]. Available at: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020>. (accessed 22.04.2021)
17. VIII rejting effektivnosti upravleniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii v 2020 godu [VIII rating of management efficiency in the subjects of the Russian Federation in 2020]. Available at: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=6829. (accessed 22.04.2021)
18. Rejting sub"ektov Rossijskoj Federacii po urovnyu sodejstviya razvitiyu konkurencii na osnove standarta v 2019 godu [Rating of the subjects of the Russian Federation on the level of promotion of competition based on the standard in 2019]. Available at: <https://fas.gov.ru/p/contents/2497>. (accessed 22.04.2021)
19. Ekologicheskij rejting sub"ektov RF [Environmental rating of the subjects of the Russian Federation]. Available at: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=361>. (accessed 22.04.2021)
20. Ob utverzhenii Investicionnoj Strategii Kurskoj oblasti do 2025 goda. Postanovlenie Gubernatora Kurskoj oblasti ot 02.12.2014 No. 527-pg [On the approval of the Investment Strategy of the Kursk region until 2025: Resolution of the Governor of the Kursk region dated 02.12.2014 No. 527-pg]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4600201412090005>. (accessed 22.04.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Старовойт Роман Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lv_af@mail.ru

Емельянов Сергей Геннадьевич, доктор технических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rector@swsu.ru

Афанасьева Любовь Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lv_af@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2880-8872

Roman V. Starovoit, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: lv_af@mail.ru

Sergey G. Emelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: rector@swsu.ru

Lubov V. Afanasyeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lv_af@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2880-8872

Формирование налоговых доходов местных бюджетов: состояние и перспективы развития

Т. Ю. Ткачева¹ ✉, С. Н. Белоусова¹, В. Л. Рыкунова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tat-tkacheva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Налоги призваны, с одной стороны, формировать финансовые ресурсы органов местного самоуправления, а с другой – служить инструментом социально-экономической политики муниципального образования. В большинстве зарубежных стран муниципальные бюджеты формируются за счет налоговых поступлений и являются основой экономической безопасности страны, в России же они стали наиболее проблемным звеном бюджетной системы.*

Целью статьи является обоснование перспективных направлений увеличения налогового потенциала местных бюджетов на основе комплексного исследования особенностей формирования доходов местных бюджетов, аналитико-систематизированного подхода, существующей региональной бюджетно-налоговой практики.

Задачи: анализ и оценка доходов местных бюджетов Российской Федерации; обоснование перспективных направлений увеличения налогового потенциала местных бюджетов на основе аналитико-систематизированного подхода; существующей региональной бюджетно-налоговой практики.

Методология. Методологическая база исследования базируется на системном подходе, в рамках которого использовались методы логического, экономико-статистического и динамического анализа.

Результаты. В статье представлены анализ и оценка доходов местных бюджетов Российской Федерации, обоснованы перспективные направления увеличения налогового потенциала местных бюджетов на основе аналитико-систематизированного подхода, существующей региональной бюджетно-налоговой практики.

Сделаны выводы, что проведение межведомственной активной работы по легализации трудовой деятельности иностранных граждан, мониторинги занятости населения в неформальном секторе экономики, уровня заработной платы на предприятиях, расположенных на территории муниципалитетов, финансового состояния градообразующих и крупных предприятий будут способствовать увеличению налоговых доходов муниципальных бюджетов.

Вывод. На протяжении последних лет для большинства муниципальных образований сохраняются такие общие проблемы, как недостаточность собственных налоговых поступлений и увеличение средств, выделяемых из вышестоящих бюджетов. Учитывая, что значительную долю в налоговых поступлениях муниципальных бюджетов Российской Федерации составляет налог на доходы физических лиц, то целесообразно для индивидуальных предпринимателей, у которых профессиональные налоговые вычеты составляют в полученных доходах больше 94%, ввести минимальный налог, что в значительной степени будет способствовать увеличению налоговых доходов местных бюджетов.

Ключевые слова: местные бюджеты; налоговые доходы; муниципальные образования; местные налоги; налог на доходы физических лиц.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья выполнена в рамках государственного задания Юго-Западного государственного университета, код проекта 0851-2020-0034.

Для цитирования: Ткачева Т. Ю., Белоусова С. Н., Рыкунова В. Л. Формирование налоговых доходов местных бюджетов: состояние и перспективы развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 65–74. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-65-74>.

Поступила в редакцию 19.08.2021

Принята к публикации 21.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Formation of Tax Revenues of Municipal Budgets: State and Prospects of Development

Tatyana Yu. Tkacheva¹ ✉, Svetlana N. Belousova¹, Valentina L. Rykunova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tat-tkacheva@yandex.ru

Abstract

Relevance. Taxes are called, on the one hand, to form the financial resources of local self-government bodies, and on the other, to serve as an instrument of socio-economic policy of the municipality. In most foreign countries, municipal budgets are formed at the expense of tax revenues and are the basis of the country's economic security, in Russia they have become the most problematic link in the budget system.

Purpose. The article is aimed at substantiating promising areas for increasing the tax potential of local budgets on the basis of a comprehensive study of the peculiarities of the formation of local budget revenues, an analytical-systematized approach, the existing regional fiscal practice.

Tasks. The article solves the following tasks: an analysis and assessment of local budget revenues in the Russian Federation is carried out, factors influencing the formation of local budget revenues are reflected, and ways to increase tax revenues are considered.

Objectives: analysis and assessment of local budget revenues of the Russian Federation, substantiation of promising areas for increasing the tax potential of local budgets on the basis of an analytical-systematized approach, existing regional fiscal practice.

Methodology. The methodological base of the study is based on a systematic approach, within the framework of which the methods of logical, economic-statistical and dynamic analysis were used.

Results. The article presents an analysis and assessment of local budget revenues of the Russian Federation, substantiates promising areas for increasing the tax potential of local budgets on the basis of an analytical-systematized approach, the existing regional budget and tax practice.

It is concluded that the interdepartmental active work on the legalization of labor activity of foreign citizens, monitoring of employment in the informal sector of the economy, the level of wages at enterprises located in municipalities, the financial condition of city-forming and large enterprises will contribute to increasing tax revenues of municipal budgets.

Conclusion. In recent years, most municipalities have faced common problems such as insufficient tax revenues and increased funds allocated from higher budgets. Given that a significant share in the tax revenues of municipal budgets of the Russian Federation is the tax on income of individuals, it is advisable for individual entrepreneurs whose professional tax deductions are more than 94% in the income received to introduce a minimum tax, which will greatly contribute to an increase in tax revenues of local budgets.

Keywords: local budgets; tax revenues; municipalities; local taxes; personal income tax.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was completed within the framework of the state assignment of Southwestern State University, project code 0851-2020-0034.

For citation: Tkacheva T. Yu., Belousova S. N., Rykunova V. L. Formation of Tax Revenues of Municipal Budgets: State and Prospects of Development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 65–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-65-74>.

Received 19.08.2021

Accepted 21.09.2021

Published 29.10.2021

Ведение

Положение местных бюджетов в Российской Федерации на протяжении последних десятилетий классифицируется как кризисное. Особенностью формирования налоговых доходов местных бюджетов в России является закрепление за ними долей от федеральных и региональных налогов и значительных перечислений в виде межбюджетных трансфертов. В этих условиях усиливается централизация налоговых доходов и наблюдается определенная зависимость местного самоуправления от властей федерального и регионального уровней.

В большинстве зарубежных стран местные налоги в местных бюджетах преобладают – в таких странах, как Канада, Швейцария и США, они составляют 69–73%, в Российской Федерации этот показатель значительно ниже и зависит от величины природного и экономического потенциала муниципального образования [1].

Вопросы формирования налоговых доходов муниципальных бюджетов всегда носили практический характер, поскольку уровень жизни населения, проживающего в пределах территории муниципального образования, во многом зависит от величины собственных доходов [2]. При низком уровне обеспеченности собственными налоговыми доходами увеличивается потребность в неналоговых доходах.

Следует отметить, что в современной экономической литературе ученые активно обсуждают проблемы и перспективы повышения бюджетной самостоятельности местных бюджетов [3; 4; 5; 6; 7; 8], достаточно широко обсуждаются вопросы как перераспределения налоговых полномочий между региональными и местными бюджетами [9; 10; 11], так и эффективности налоговых льгот по местным налогам [12; 13].

Материалы и методы

Одной из острых финансовых проблем России является дефицит доходов

местных бюджетов и, следовательно, проблема формирования их налоговых доходов в контексте устойчивого развития муниципальных образований. В статье применяются методы логического, системного, сравнительного анализа, методы обобщения, группировки и статистические методы.

Результаты и их обсуждение

Современные состав и структура доходов местных бюджетов формируются из налоговых и неналоговых доходов, а также безвозмездных поступлений из бюджетов субъектов Российской Федерации. По данным Минфина России на 01.01.2021 г., доходы местных бюджетов сформированы за счет налоговых поступлений в сумме 1404,5 млрд руб. (27,8%), неналоговых платежей – 242,7 млрд руб. (14,8%), а также межбюджетных трансфертов из бюджетов субъектов Российской Федерации [9].

Состав и структура налоговых доходов местных бюджетов Российской Федерации представлены в таблице 1.

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что за 2018–2020 гг. продолжается тенденция значительного преобладания в структуре налоговых доходов местных бюджетов поступлений по налогу на доходы физических лиц более 60%, достаточно стабильные поступления по налогам на совокупный доход и земельному налогу в 2020 г. – 24,3%. В ряде регионов наблюдалось снижение собственных налоговых доходов. Наибольшее снижение произошло в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах.

В рамках исследования были выявлены регионы с наибольшей долей налоговых доходов и с наименьшей долей налоговых доходов за 2018–2020 гг. Лидирующие позиции за исследуемый период по наибольшей доле налоговых доходов в местных бюджетах занимают такие регионы, как г. Санкт-Петербург, Москва, Приморский край, Московская область.

Таблица 1. Состав и структура налоговых доходов местных бюджетов Российской Федерации, млрд руб.

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Удельный вес, % к итогу		
				2018 г.	2019 г.	2020 г.
Налоговые доходы, всего	1231,4	1340,7	1404,5	100,0	100,0	100,0
В том числе:						
– налог на доходы физических лиц	780,9	850,3	907,2	63,4	63,4	64,6
– налоги на совокупный доход	166,7	185,9	179,5	13,5	13,8	12,8
– земельный налог	166,1	164,8	161,5	13,5	12,2	11,5
– налог на имущество физических лиц	42,3	47,6	52,7	3,4	3,6	3,8
– налог на прибыль организаций	–	11,5	16,2	–	1,0	1,2
– акцизы на нефтепродукты	35,4	41,8	39,7	2,9	3,1	2,8
– прочие налоги	40,0	38,8	47,7	3,3	2,9	3,4

Примечание. Рассчитано авторами на основании данных Минфина России [9].

При планировании параметров местных бюджетов органы власти проводят анализ и оценку следующих показателей социально-экономического развития, влияющих на формирование налоговых доходов бюджетов муниципальных образований: численность работающих, фонд оплаты труда, среднемесячная заработная плата одного работающего в муниципаль-

ном образовании, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, оборот розничной торговли, оборот общественного питания [10, с. 75].

В таблице 2 представлена динамика основных параметров бюджета г. Курска за 2018–2020 гг. и плановые показатели 2021–2023 г.

Таблица 2. Показатели бюджета муниципального образования «город Курск», млн руб.

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Плановые показатели*		
				2021 г.	2022 г.	2023 г.
1. Доходы бюджета, всего	9479,9	12445,8	12871,6	4225,7	4364,5	4537,9
В том числе:						
1.1. Налоговые доходы	2428,7	2487,9	3729,8	3815,9	3966,6	4144,1
из них:						
– НДФЛ	1199,4	1248,1	2178,2	2722,8	2879,9	3053,3
– местные налоги	747,7	753,1	750,4	787,7	824,8	824,8
– налоги на совокупный доход	481,6	486,7	387,2	211,8	167,7	171,2
1.2. Безвозмездные поступления	6489,1	8959,5	8546	–	–	–
2. Расходы бюджета г. Курска	9808,5	12425,2	13012,3	4575,7	4364,5	4537,9
3. Дефицит (профицит) бюджета	–328,6	20,6	–140,7	–350	–	–

*Плановые показатели доходов и расходов бюджета г. Курска на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. представлены без финансовой помощи из бюджета Курской области)

Примечание. Рассчитано авторами по данным Комитета финансов г. Курска.

Прежде всего, следует отметить снижение прогнозируемых доходов бюджета города Курска на 18%, с 10,7 млрд руб. в 2020 г. до 8,8 млрд руб. в 2022 г. [14] Планируется незначительное снижение сумм налоговых доходов на

0,5%. В структуре налоговых доходов основное место занимает НДФЛ и планируется рост его поступлений на 13,3%. Одновременно негативной динамикой является дальнейшее снижение прогнозируемых доходов от специальных налоговых режи-

мов на 88%, с 387,2 млн руб. в 2020 г. до 46,5 млн руб. в 2022 г. Данная ситуация вызвана отменой с 2021 г. единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности, средства от которого поступали в бюджет г. Курска. Следует отметить, что данная динамика снижает и без того невысокий уровень доходов и самостоятельности местных бюджетов.

Основными налоговыми источниками формирования доходной части бюджета города Курска на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. являются:

– налог на доходы физических лиц – запланирован рост структурообразующего налога в 2021 г. с 2 722 867 тыс. руб. (71,36% в общей сумме доходов) до 3 053 323 тыс. руб. (73,68% в общей сумме доходов) в 2023 г.;

– земельный налог – плановое увеличение местного налога с 511 688 тыс. руб. (13,41%) в 2021 г. до 523 114 тыс. руб. (12,62%) в 2023 г.;

– налог на имущество физических лиц – планируется увеличение налоговых поступлений в местный бюджет с 276 076 тыс. руб. в 2021 г. до 301 736 тыс. руб. в 2023 г.

Следует отметить, что уменьшение доходной части бюджета города Курска в

2021 г. планируется в связи с отменой действия системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности, с освобождением от уплаты налога на имущество и земельного налога за период владения объектом налогообложения с 01.04.2020 г. по 30.06.2020 г. индивидуальных предпринимателей, включенных в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в отраслях, наиболее пострадавших в условиях распространения новой коронавирусной инфекции [15].

Налог на доходы физических лиц индивидуальный предприниматель рассчитывает самостоятельно исходя из полученного им дохода. Доход индивидуального предпринимателя может быть существенно уменьшен благодаря налоговым вычетам [16]. Анализ данных деклараций, представленных индивидуальными предпринимателями в г. Курске (табл. 3), показал, что профессиональные налоговые вычеты в большинстве случаев превышают суммы полученного дохода от предпринимательской деятельности или их удельный вес составляет в полученных доходах больше 94%.

Таблица 3. Удельный вес профессиональных налоговых вычетов в общей сумме дохода в налоговых декларациях по форме № 3-НДФЛ, представленных индивидуальными предпринимателями в Инспекцию ФНС России по г. Курску

Показатель	По доходам, полученным в		
	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1. Общая сумма дохода от предпринимательской деятельности, заявленная индивидуальными предпринимателями в актуальных декларациях, тыс. руб.	25187508	18795617	18256420
2. Общая сумма заявленного профессионального налогового вычета, тыс. руб.	23713084	17868458	17351667
Удельный вес профессионального налогового вычета, % (с. 2:с.1 x100)	94,1	95,1	95,0

Примечание. Рассчитано авторами.

При таких размерах профессиональных налоговых вычетов возникает вопрос о целесообразности осуществления предпринимательской деятельности.

В целях увеличения налоговых поступлений считаем целесообразным ввести минимальный налог для индивидуальных предпринимателей по НДФЛ.

Минимальный налог должен рассчитываться с суммы полученного всего дохода от предпринимательской деятельности. Если рассчитанный налог на доходы физических лиц окажется меньше, чем минимальный, то в бюджет надо заплатить сумму минимального налога. Если же налог на доходы физических лиц окажется больше минимального, то в бюджет надо заплатить эту сумму. По мнению авторов, ставка минимального налога в рассматриваемом случае должна составить 5%. Введение минимального налога

при исчислении и уплате индивидуальными предпринимателями налога на доходы физических лиц должно представлять собой определенную страховку против чрезмерной минимизации налогового платежа. Увеличивать свои расходы настолько, чтобы свести доход к нулю и совсем не уплачивать налог на доходы физических лиц, индивидуальные предприниматели не смогут. В таблице 4 приведены расчеты возможных дополнительных поступлений налога на доходы физических лиц.

Таблица 4. Размеры возможных дополнительных поступлений налога на доходы физических лиц с учетом минимального налога по декларациям, представленным индивидуальными предпринимателями в ИФНС по г. Курску, в которых сумма профессиональных вычетов равна или превышает сумму дохода

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество актуальных деклараций, в которых сумма дохода и профессиональный налоговый вычет равен или превышает сумму дохода, ед.	57	65	83
Общая сумма дохода от предпринимательской деятельности по декларациям, в которых сумма дохода и профессиональный налоговый вычет равен или превышает сумму дохода, тыс. руб.	125769	156938	189360
Сумма минимального налога (5%) по НДФЛ, тыс. руб.	6288,5	7846,9	9468
Сумма НДФЛ, подлежащая зачислению в местный бюджет г. Курска, тыс. руб.	1886,5	2354,0	1420,2

Примечание. Рассчитано авторами.

При уплате индивидуальными предпринимателями минимального налога только по декларациям, в которых сумма профессиональных вычетов равна или больше суммы полученного дохода от предпринимательской деятельности, в бюджет Курской области поступило бы дополнительно в 2017 г. 6288,5 тыс. руб., в 2018 г. – 7846,9 тыс. руб., в 2019 г. – 6468 тыс. руб., в том числе в бюджет города Курска – 1886,5 тыс. руб., 2354 тыс. руб. и 1420,2 тыс. руб. соответственно.

На основе проведенного анализа бюджетно-налоговой практики регионов и муниципалитетов считаем целесообразным предложить следующие направления для увеличения налоговых доходов бюджетов муниципальных образований:

– расширение налогового потенциала по налогу на доходы физических лиц: проведение активной работы по легализации трудовой деятельности иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность без официальных разрешительных документов, функционирование межведомственных комиссий по выявлению случаев сдачи в аренду жилья без заключения договора [17, с. 103];

– организация работы межведомственных комиссий по снижению занятости в неформальном секторе, ежеквартальный мониторинг уровня заработной платы на предприятиях, расположенных на территории муниципальных образований [18; 19];

– в рамках бюджетного планирования финансовым органам местного самоуправ-

ления целесообразно осуществлять мониторинг финансового состояния хозяйствующих субъектов, в том числе крупных налогоплательщиков. Взаимодействие с крупными налогоплательщиками с целью мониторинга предполагает заключение отдельных соглашений с крупными предприятиями о предоставлении информации о финансовом состоянии для прогнозирования налоговых платежей [20].

Выводы

Учитывая, что значительную долю в налоговых поступлениях муниципальных бюджетов Российской Федерации составляет налог на доходы физических лиц, то целесообразно для индивидуальных предпринимателей, у которых про-

фессиональные налоговые вычеты составляют в полученных доходах больше 94%, ввести минимальный налог, что в значительной степени будет способствовать увеличению налоговых доходов местных бюджетов.

Обосновано, что проведение межведомственной активной работы по легализации трудовой деятельности иностранных граждан, мониторинги занятости населения в неформальном секторе экономики, уровня заработной платы на предприятиях, расположенных на территории муниципалитетов, финансового состояния градообразующих и крупных предприятий будут способствовать увеличению налоговых доходов муниципальных бюджетов

Список литературы

1. Экономическая безопасность в бюджетно-налоговой сфере экономики: монография / Т. Ю. Ткачева, Л. В. Афанасьева, Л. В. Севрюкова [и др.]; под ред. Л. В. Севрюковой, Т. Ю. Ткачевой; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2016. 315 с.
2. Ткачева, Т. Ю., Афанасьева Л. В., Белоусова С. Н. Налоговые льготы: теория и практика оценки их эффективности: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. 114 с.
3. Аюшиева Т. Ф., Родионова Д. Н. Местные налоги в системе собственных доходов муниципального образования: состояние и пути совершенствования // Вестник науки. 2018. Т. 1, № 9. С. 96–98.
4. Баяндурян Г. Л., Осадчук Л. М. Проблемы и пути укрепления налоговых доходов местного бюджета в контуре устойчивого развития территорий // Экономика устойчивого развития. 2018. № 2 (34). С. 104–109.
5. Белоусова С. Н., Ткачева Т. Ю. Методические и практические аспекты оценки эффективности налоговых льгот и преференций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 1. С. 152–159.
6. Белоусова С. Н. Внешние и внутренние угрозы налоговой безопасности России // Российско-белорусские отношения: тенденции развития: сборник статей по материалам Международной российско-белорусской конференции в рамках проекта «Российская школа политики». Курск, 2016. С. 31–34.
7. Сумская Т. В. Основные аспекты финансового обеспечения органов местного самоуправления в Российской Федерации // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19, № 2. С. 99–115.
8. Келеш Ю. В., Бессонова Е. А. Реализация стратегических документов цифровой трансформации региональной экономики // Вестник НГИЭИ. 2021. № 5. С. 111–125.
9. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_ispolneniya_mestnykh_byudzhetov_i_mezhbyudzhetnykh_otnoshenii_v_sube (дата обращения: 16.06.2021).

10. Белоусова С. Н. Перспективные направления регулирования налоговых источников доходной части местных бюджетов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 3. С. 74–79.
11. Солодовникова У. Н., Мищенко А. В. Роль местных налогов и сборов в формировании местных бюджетов Российской Федерации // Евразийский союз ученых. 2018. № 5-3 (50). С. 51–55.
12. Шаталова С. О., Белоусова С. Н. Оценка влияния местных налогов на формирование доходов муниципальных образований // Актуальные вопросы налогообложения, налогового администрирования и экономической безопасности: сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Л. В. Афанасьева. Курск: Университетская книга, 2018. С. 93–97.
13. Потапкина Л. М. Факторы, влияющие на формирование налоговой составляющей местного бюджета // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 117–122.
14. О бюджете города Курска на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов: решение Курского городского собрания от 19.11.2019 г. N 96 -6-PC: [ред. от 18.02.2020 №113-6-PC]. URL: <http://www.kurskadmin.ru> (дата обращения: 16.06.2021).
15. Федеральная налоговая служба РФ. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 16.06.2021).
16. Трусова Н. С., Белоусова С. Н., Хардинова Л. Н. Различия политики России и зарубежных стран в области налогообложения доходов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 6. С. 48–56.
17. Афанасьева Л. В., Ткачева Т. Ю. Бюджетно-налоговая политика: безопасность и приоритеты: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2016. 163 с.
18. Налогообложение физических лиц / Л. Н. Хардинова, С. Н. Белоусова, Л. В. Афанасьева [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2020. 221с.
19. Организация и методика проведения налоговых проверок / В. Л. Рыкунова, Л. В. Афанасьева, Т. Ю. Ткачева [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2021. 223 с.
20. Гончаренко Л. И. Налогообложение физических лиц / под ред. Л. И. Гончаренко. М.: Финансовая академия, 2014. 212 с.

References

1. Tkacheva T. Yu., Afanasyeva L. V., Sevryukova L. V., eds. *Ekonomicheskaya bezopasnost' v byudzhethno-nalогоvoi sfere ekonomiki* [Economic security in the budgetary - tax sphere of the economy]; ed. by L. V. Sevryukova, T. Yu. Tkacheva. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2016. 315 p.
2. Tkacheva T. Yu., Afanasyeva L. V., Belousova S. N. *Nalogovye l'goty: teoriya i praktika otsenki ikh effektivnosti* [Tax incentives: theory and practice of assessing their effectiveness]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2019. 114 p.
3. Ayushieva T. F., Rodionova D. N. *Mestnye nalogi v sisteme sobstvennykh dokhodov munitsipal'nogo obrazovaniya: sostoyanie i puti sovershenstvovaniya* [Local taxes in the system of own revenues of the municipality: state and ways of improvement]. *Vestnik nauki = Science Bulletin*, 2018, vol. 1, no. 9, pp. 96–8.
4. Bayanduryan G. L., Osadchuk L. M. *Problemy i puti ukrepleniya nalogovykh dokhodov mestnogo byudzheta v konture ustoichivogo razvitiya territorii* [Problems and ways of strengthening tax revenues of the local budget in the contour of sustainable development of territories]. *Ekonomika ustoichivogo razvitiya = Economics of sustainable development*, 2018, no. 2 (34), pp. 104–109.
5. Belousova S. N., Tkacheva T. Yu. *Metodicheskie i prakticheskie aspekty otsenki effektivnosti nalogovykh l'got i preferentsii* [Methodological and practical aspects of assessing the effectiveness of tax benefits and preferences]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 152–159.
6. Belousova S. N. [External and internal threats to the tax security of Russia]. *Rossiisko-belorusskie otnosheniya: tendentsii razvitiya. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi rossiisko-belorusskoi*

konferentsii v ramkakh proekta "Rossiiskaya shkola politiki" [Russian-Belarusian relations: development trends Collection of articles based on the materials of the International Russian-Belarusian conference in the framework of the project "Russian School of Politics"]. Kursk, 2016, pp. 31–34. (In Russ.)

7. Sumskaya T. V. Osnovnye aspekty finansovogo obespecheniya organov mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii [The main aspects of the financial support of local governments in the Russian Federation]. *Mir ekonomiki i upravleniya = The world of economics and management*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 99–115.

8. Kelesh Yu. V., Bessonova E. A. Realizatsiya strategicheskikh dokumentov tsifrovoi transformatsii regional'noi ekonomiki [Implementation of strategic documents of digital transformation of the regional economy]. *Vestnik NGIEI = Vestnik NGIEI*, 2021, no. 5, pp. 111–125.

9. Informatsiya o rezultatakh provedeniya monitoringa ispolneniya mestnykh byudzhetrov i mezhbyudzhethnykh otnoshenii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh [Information on the results of monitoring the execution of local budgets and interbudgetary relations in the constituent entities of the Russian Federation at the regional and municipal levels for 2015-2019]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_ispolneniya_mestnykh_byudzhetrov_i_mezhbyudzhethnykh_otnoshenii_v_sube. (accessed 16.06.2021)

10. Belousova S. N. Perspektivnye napravleniya regulirovaniya nalogovykh istochnikov dokhodnoi chasti mestnykh byudzhetrov [Promising directions of regulation of tax sources of the revenue side of local budgets]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 3, pp. 74–79.

11. Solodovnikova U. N., Mishchenko A. V. Rol' mestnykh nalogov i sborov v formirovanii mestnykh byudzhetrov Rossiiskoi Federatsii [The role of local taxes and fees in the formation of local budgets of the Russian Federation]. *Evrasiiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2018, no. 5-3 (50), pp. 51–55.

12. Shatalova S. O., Belousova S. N. [Assessment of the impact of local taxes on the formation of income of municipalities]. *Aktual'nye voprosy nalogooblozheniya, nalogovogo administrirovaniya i ekonomicheskoi bezopasnosti. Sbornik nauchnykh statei II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of taxation, tax administration and economic security. Collection of scientific articles of the II All-Russian scientific-practical conference]; ed. by L. V. Afanasyeva. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2018, pp. 93–97. (In Russ.)

13. Potapkina L. M. Faktory, vliyayushchie na formirovanie nalogovoi sostavlyayushchei mestnogo byudzheta [Factors affecting the formation of the tax component of the local budget]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2019, no. 49 (287), pp. 117–122.

14. O byudzhete goroda Kurska na 2020 god i na planovyi period 2021 i 2022 godov: reshenie Kur'skogo gorodskogo Sobraniya ot 19.11.2019 g. No. 96 -6-RS (red. ot 18.02.2020 No. 113-6-RS) [Decision of the Kursk City Council of November 19, 2019 N 96 -6-RS (as amended on February 18, 2020 No. 113-6-RS) "On the budget of the city of Kursk for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022"]. Available at: <http://www.kurskadmin.ru>. (accessed 16.06.2021)

15. Federal'naya nalogovaya sluzhba RF [Federal Tax Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.nalog.ru>. (accessed 16.06.2021)

16. Trusova N. S., Belousova S. N., Hardikova L. N. Razlichiya politiki Rossii i zarubezhnykh stran v oblasti nalogooblozheniya dokhodov [Differences in the policy of Russia and foreign countries in the field of taxation of income]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 6, pp. 48–56.

17. Afanasyeva L. V., Tkacheva T. Y. Byudzhethno-nalogovaya politika: bezopasnost' i priorityety [Fiscal Policy: Security and Priorities]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2016. 163 p.

18. Hardikova L. N., Belousova S. N., Afanasyeva L. V., eds. Nalogooblozhenie fizicheskikh lits [Taxation of individuals]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 221p.

19. Rykunova V. L., Afanasyeva L. V., Tkacheva T. Y., eds. Organizatsiya i metodika provedeniya nalogovykh proverok [Organization and methodology of tax audits]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2021. 223 p.

20. Goncharenko L. I. Nalogooblozhenie fizicheskikh lits [Taxation of individuals]; ed. by L. I. Goncharenko. Moscow, Finakademia Publ., 2014. 212 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ткачева Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tat-tkacheva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6713-2284

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tat-tkacheva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6713-2284

Белюсова Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bsn275@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8493-7922

Svetlana N. Belousova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bsn275@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8493-7922

Рыкунова Валентина Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valentina0209@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1875-0152

Valentina L. Rykunova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valentina0209@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1875-0152

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-75-84>

Ресурсный потенциал региона как основа инновационного развития отраслей биоэкономики

Е. А. Бессонова¹ ✉, И. Р. Руденко¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: bessonowa_new@mail.ru

Резюме

Актуальность. На фоне активного развития биотехнологий по всему миру особую актуальность приобретают исследования, направленные на совершенствование методов определения места и роли регионов в едином экономико-биотехнологическом пространстве страны, посредством оценки их ресурсного потенциала и возможностей инновационного развития отраслей биоэкономики.

Целью настоящего исследования является уточнение и совершенствование методики оценки ресурсного потенциала региона с точки зрения возможностей инновационного развития отраслей биоэкономики.

Задачи: произвести обзор подходов к оценке ресурсного потенциала региона; представить методику оценки ресурсного потенциала в виде единого комплекса средств, методов, форм оценки, а также порядка и условий его применения; предложить и охарактеризовать уровни ресурсного потенциала региона, а также апробировать методику в рамках регионов ЦФО.

Методология. Теоретико-методологической базой исследования явились методики и подходы, представленные в трудах ученых в области исследования ресурсного потенциала. В ходе научного исследования использовались эмпирические, теоретические, статистические методы и методы графического представления.

Результаты. Автором предлагается методика оценки ресурсного потенциала региона как единый комплекс средств, методов, форм оценки, а также порядка и условий его применения. Предложенная методика направлена на определение уровня ресурсного потенциала регионов и возможностей реализации биотехнологических комплексов на исследуемой территории.

Выводы. В работе сформулированы и обоснованы методические аспекты оценки ресурсного потенциала региона как основы инновационного развития отраслей биоэкономики, позволяющие составить рейтинг регионов в виде перечня потенциальных территорий, способных реализовать биотехнологический комплекс.

Ключевые слова: биотехнологии; биоэкономика; инновации; эффективность; ресурсный потенциал региона; инновационное развитие.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2021 год № 0851-2020-0034.

© Бессонова Е. А., Руденко И. Р., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 75–84

Для цитирования: Бессонова Е. А., Руденко И. Р. Ресурсный потенциал региона как основа инно-вационного развития отраслей биоэкономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 75–84. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-75-84>.

Поступила в редакцию 10.08.2021

Принята к публикации 08.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Resource Potential of the Region as the Basis for Innovative Development of Bioeconomy Sectors

Elena A. Bessonova¹ ✉, Ivan R. Rudenko¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: bessonowa_new@mail.ru

Abstract

Relevance. Against the background of the active development of biotechnologies around the world, research aimed at improving methods for determining the place and role of regions in the unified economic and biotechnological space of the country, by assessing their resource potential and opportunities for innovative development of bioeconomics industries, is becoming particularly relevant.

The purpose of this study is to clarify and improve the methodology for assessing the resource potential of the region from the point of view of the possibilities of innovative development of bioeconomics industries.

Objectives: to review approaches to assessing the resource potential of the region; to present a methodology for assessing the resource potential in the form of a single set of tools, methods, forms of assessment, as well as the procedure and conditions for its application; to propose and characterize the levels of the resource potential of the region, as well as to test the methodology within the regions of the Central Federal District.

Methodology. The theoretical and methodological basis of the research was the methods and approaches presented in the works of scientists in the field of resource potential research. In the course of the scientific research, empirical, theoretical, statistical methods and methods of graphical representation were used.

Results. The author proposes a methodology for assessing the resource potential of the region as a single set of tools, methods, forms of assessment, as well as the procedure and conditions for its application. The proposed methodology is aimed at determining the level of the resource potential of the regions and the possibilities of implementing biotechnological complexes in the studied territory.

Conclusions. The paper formulates and substantiates the methodological aspects of assessing the resource potential of the region as the basis for the innovative development of bioeconomics industries, which make it possible to make a rating of regions in the form of a list of potential territories capable of implementing a biotechnological complex.

Keywords: biotechnologies; bioeconomics; innovations; efficiency; resource potential of the region; innovative development.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The publication was carried out within the framework of the state task for 2021 No. 0851-2020-0034.

For citation: Bessonova E. A., Rudenko I. R. Resource Potential of the Region as the Basis for Innovative Development of Bioeconomy Sectors. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(5): 75–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-75-84>.

Received 10.08.2021

Accepted 08.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Требования устойчивого развития экономики обуславливают создание ка-

чественно новых продуктов, производимых с помощью новых методов, технологий и процессов, в т. ч. биотехнологий,

обеспечивающих инновационное развитие отраслей биоэкономики. Проблемы в традиционных отраслях экономики, в т. ч. экологии, энергетике, обеспечении продовольственной безопасности, сохранении и накоплении ресурсного потенциала территорий, улучшение генофонда нации и продолжительности жизни населения обуславливают активное развитие биотехнологий по всему миру. В основу биоэкономики заложена биологизация ресурсного потенциала, эффективная эксплуатация биологических процессов и принципов в целях устойчивого производства традиционных продуктов методами биотехнологий [1].

Материалы и методы

Обеспечение качественной и эффективной реализации инновационной деятельности возможно посредством применения методического инструментария, основанного на методе комплексного анализа инновационной среды [2]. В основе оценки инновационной среды лежит ресурсный потенциал, который может выражаться в обеспеченности территории природными ресурсами, развитости науки, наличии квалифицированных кадров, уровне промышленности, инвестиционном климате и множестве других элементов, влияющих на исследуемую отрасль [3]. Совершенствованием методов оценки ресурсного потенциала занимается множество современных ученых, все исследования сводятся к выделению элементного состава ресурсного потенциала региона и дальнейшего определения индикаторов с приведением к интегральному показателю [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Особую актуальность приобретают исследования, направленные на совершенствование методов достоверной оценки [12] ресурсного потенциала регионов в рамках возможностей инновационного развития отраслей биоэкономики.

Результаты и их обсуждение

Представленная ранее автором система показателей оценки инновационного потенциала биотехнологий [13] была доработана и представлена в качестве методики оценки ресурсного потенциала региона как единого комплекса средств, методов, форм оценки, а также порядка и условий его применения в инновационном развитии отраслей биоэкономики (рис. 1).

Методика направлена на качественный анализ ресурсного потенциала и выявление регионов с наиболее высокими возможностями реализации биотехнологических проектов.

Подход к определению критериев отбора показателей в настоящей методике основан на теории экономического районирования Н. Н. Колосовского [14]. Опираясь на марксистские учения, он акцентировал внимание на том, что производственные силы являются необходимым и решающим условием развития общества, при этом важнейшая составляющая производственных сил – орудия производства, материально-техническая база безразличны к классам и могут обслуживать с одинаковым успехом различные классы общества [15].

Элементы ресурсного потенциала (рис. 2) базируются на индивидуальных параметрах оценки, раскрывающих их суть. Определение параметров оценки осуществлялось путем опроса экспертов в реализации биотехнологических проектов.

Определив параметры каждого элемента методом «Делфи» экспертам предложен опросный лист, где необходимо проранжировать представленные элементы в соответствии с параметрами по 100-балльной шкале. По результатам исследования сформирована система показателей для оценки индекса ресурсного потенциала региона (I_{prbr}), состоящая из 7 элементов и 24 параметров оценки, представленная автором в прошлых исследованиях [13].

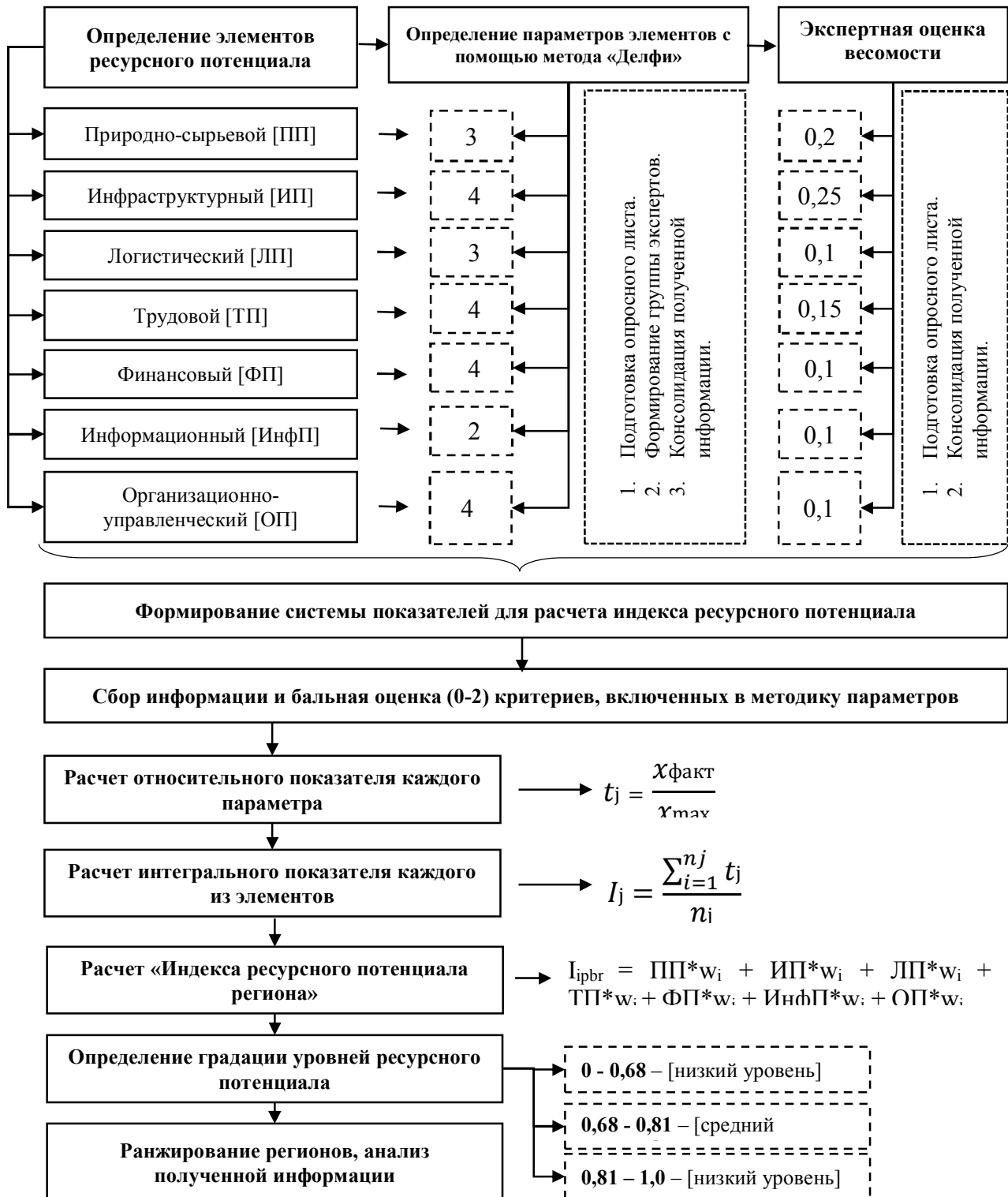

Рис. 1. Методика оценки ресурсного потенциала региона

В рамках апробации методики периметр исследования определен регионами Центрального федерального округа, по которым осуществлен сбор информации из различных источников:

открытые ресурсы сети Интернет, официальные сайты администраций регионов, годовые отчеты и научные публикации по проблеме исследования. Далее произведен расчет относительного по-

казателя каждого параметра оценки по следующей формуле как отношение фактического показателя к эталонному значению:

$$t_j = \frac{x_{\text{факт}}}{x_{\text{max}}}, \quad (1)$$

где t_j – параметр элемента потенциала; $x_{\text{факт}}$ – фактическое значение критерия параметра; x_{max} – максимальное значение критерия параметра.

После осуществляется расчет интегрального показателя каждого из элементов ресурсного потенциала региона по следующей формуле:

$$I_j = \frac{\sum_{i=1}^{n_j} t_j}{n_j}, \quad (2)$$

где I_j – интегральный показатель элемента ресурсного потенциала; t_j – рассчитанный параметр элемента потенциала; n_j – количество параметров элемента.

Рис. 2. Элементы ресурсного потенциала региона

Итоговый интегральный показатель I_{ipbr} (индекс ресурсного потенциала региона) предлагаем рассчитывать как средневзвешенное арифметическое всех элементов ресурсного потенциала (природно-сырьевой, инфраструктурный, логистический, трудовой, финансовый, информационный, организационно-управленческий) с учетом w_i – индивидуальных весовых коэффициентов, присвоенных по результатам экспертной оценки:

$$I_{ipbr} = \sum_{i=1}^{n_j} I_j \cdot W_i. \quad (3)$$

В таблице 1 представлены результаты сравнения подходов в выборе количества интервалов путем оценки количества регионов, которые попали в каждый из предлагаемых уровней ресурсного потенциала.

Количественная оценка наглядно отражает пустые и слабозаполненные уровни ресурсного потенциала регионов, что не подчеркивает выразительность полученных результатов, так как минимум 3 региона имеют низкий уровень потенциала, а при 5-7 интервалах они распределяются на 4 уровня, разграничить которые на данном этапе исследования не представляется возможным.

Кроме того, включение уровня «отсутствие потенциала», недопустимо, так как биотехнологии присутствуют в различных сферах жизнедеятельности человека и минимальный потенциал присущ каждому региону, в связи с чем предлагаем отказаться от промежуточных уровней и остановиться на следующих: «низкий», «средний», «высокий» (табл. 2).

Таблица 1. Количественная оценка регионов, попавших в расчетные интервалы

Уровень потенциала	Стерджесс	Брукс и Каррузер	Хайнхольд и Гаеде
	k = 6 (5,17)	k = 7 (6,27)	k = 5 (4,24)
Отсутствие потенциала	0	1	0
Низкий уровень	1	1	2
Ниже среднего	2	1	0
Средний уровень	1	3	1
Выше среднего	3	2	4
Высокий	4	5	3
Очень высокий	7	5	8

Таблица 2. Градация уровней ресурсного потенциала регионов с точки зрения возможностей инновационного развития биоэкономики

Уровни	ПП(н)	ИП(н)	ЛП(н)	ТП(н)	ФП(н)	ИнфП(н)	ОП(н)	I_{ipbr}
Max	0,20	0,22	0,10	0,15	0,10	0,10	0,10	0,94
Min	0,03	0,16	0,07	0,04	0,04	0,10	0,03	0,55
Шаг	0,06	0,02	0,01	0,04	0,02	0,00	0,03	0,13
Низкий	$0,03 \leq X \leq 0,09$	$0,16 \leq X \leq 0,18$	$0,07 \leq X \leq 0,08$	$0,04 \leq X \leq 0,08$	$0,04 \leq X \leq 0,06$	$0,1 \leq X \leq 0,1$	$0,03 \leq X \leq 0,05$	$0,55 \leq X \leq 0,68$
Средний	$0,09 \leq X \leq 0,15$	$0,18 \leq X \leq 0,2$	$0,08 \leq X \leq 0,09$	$0,08 \leq X \leq 0,11$	$0,06 \leq X \leq 0,08$	$0,1 \leq X \leq 0,1$	$0,05 \leq X \leq 0,08$	$0,68 \leq X \leq 0,81$
Высокий	$0,15 \leq X \leq 0,2$	$0,2 \leq X \leq 0,22$	$0,09 \leq X \leq 0,1$	$0,11 \leq X \leq 0,15$	$0,08 \leq X \leq 0,1$	$0,1 \leq X \leq 0,1$	$0,08 \leq X \leq 0,1$	$0,81 \leq X \leq 1$

Результаты апробации методики оценки индекса ресурсного потенциала региона представлены ниже (рис. 4).

Результаты исследования показали, что регионы ЦФО не обладают максимальным потенциалом для развития

биотехнологий, при этом в Москве и МО показатель составил 0,94, что свидетельствует о достаточно высоком потенциале. Также в ТОП-10 регионов по уровню ресурсного потенциала вошли Воронежская, Орловская, Калужская,

Тульская, Белгородская, Курская, Ярославская, Ивановская и Брянская области.

На рисунке 5 представлена характеристика уровней ресурсного потенциала региона.

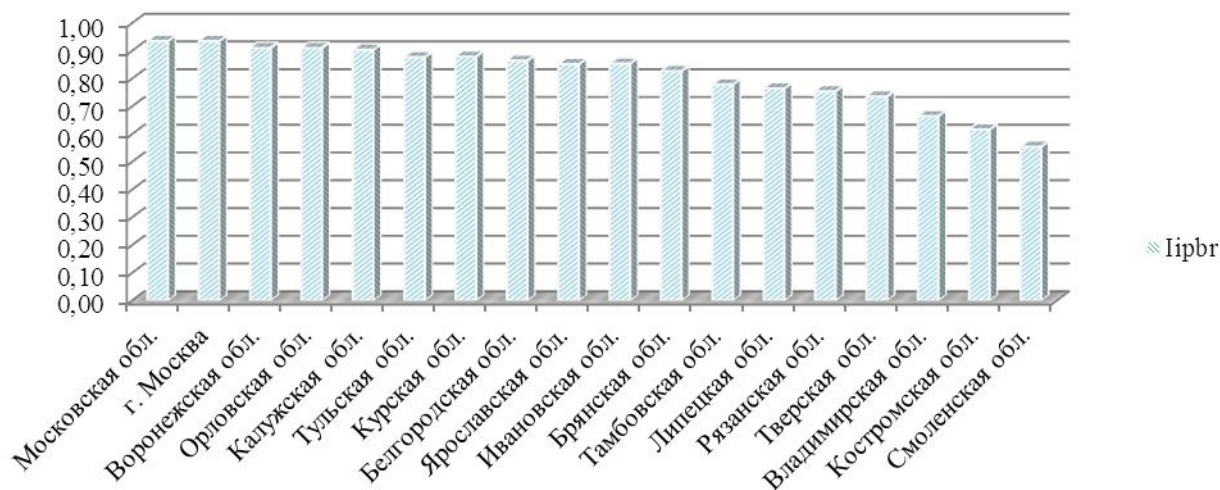

Рис. 3. Ресурсный потенциал регионов ЦФО

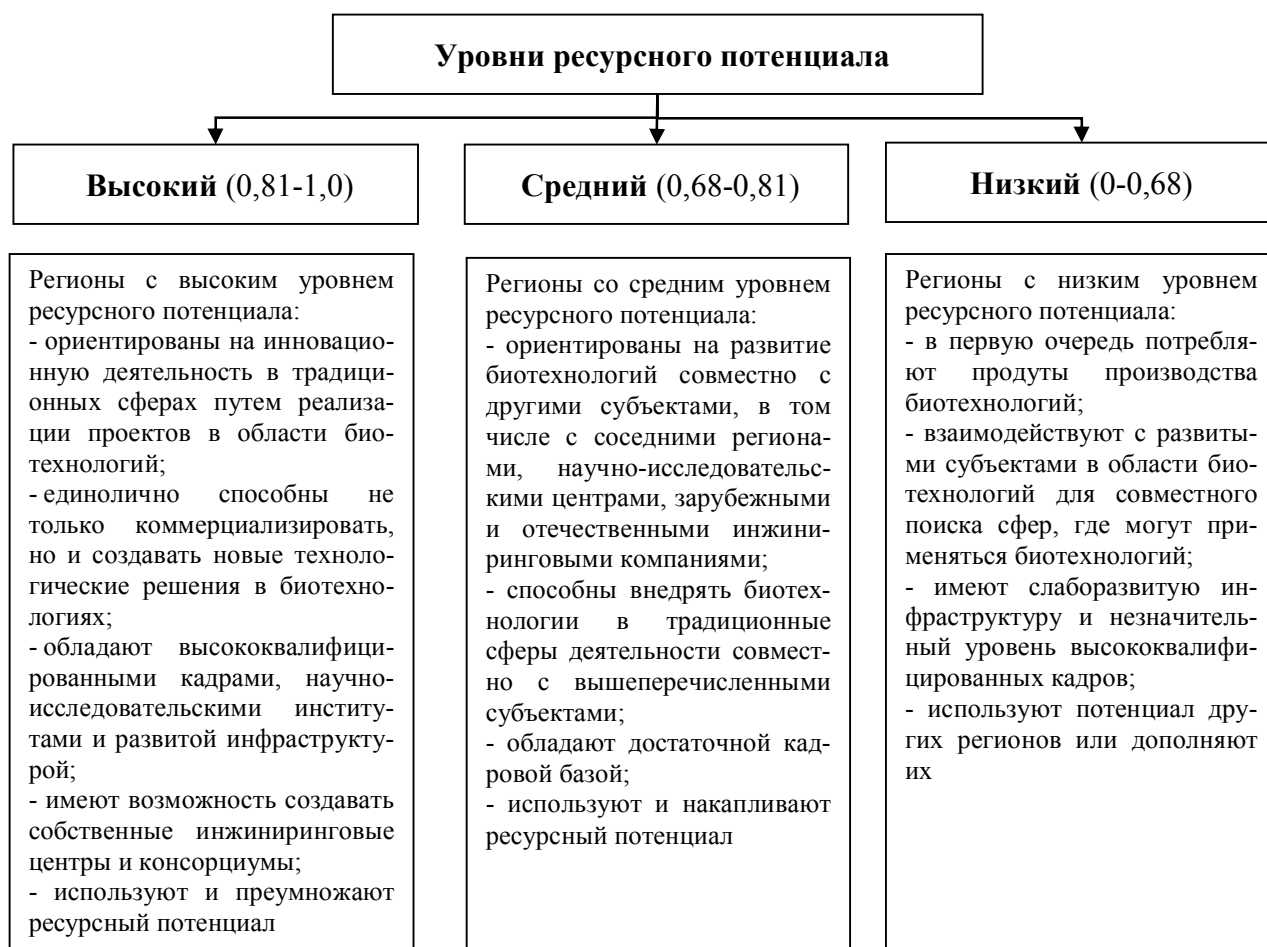

Рис. 4. Характеристика уровней ресурсного потенциала

В работе сформулированы и обоснованы методические аспекты оценки ресурсного потенциала региона как основы инновационного развития отраслей биоэкономики, позволяющие составить рейтинг регионов в виде перечня потенциальных территорий, способных реализовать проекты в области биотехнологий [16].

Выводы

Еще в 1922 г. Н. Н. Баранский в своих трудах отмечал, что географиче-

ское разделение труда является крупнейшим фактором экономического прогресса [17], что объективно подтверждает необходимость в совершенствовании методик оценки, направленных на оценку ресурсного потенциала для точности и эффективности территориального размещения проектов в области биотехнологий, способствующих инновационному развитию отраслей биоэкономики [18].

Список литературы

1. Гордеева И. В. Биоэкономика как одно из стратегических направлений устойчивого развития // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 1. С. 16–21.
2. Егорова С. Е., Кулакова Н. Г. Инновационный потенциал региона: сущность, содержание, методы оценки // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2014. № 4. С. 54–67.
3. Калинин А. М., Семенов А. Н., Белова Н. П. Сущность инновационного потенциала и его роль в процессе инновационного развития региона // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 380–384.
4. Анисимов Ю. П., Хорошилов Д. Н. Комплексная методика оценки инновационного потенциала // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. № 10. С. 159–164.
5. Баранова Е. С. Оценка инновационного потенциала региона // Baikal Research Journal. 2011. № 6. С. 22.
6. Деттер Г. Ф., Симонцев С. Н. Оценка инновационного потенциала региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного технического университета. 2011. № 3 (121). С. 159–163.
7. Колмыков В. А., Ерыгин Ю. В., Улицкая Т. Р. Показатели инновационного потенциала как инструменты формирования стратегии инновационного развития предприятий ракетно-космической отрасли // Сибирский журнал науки и технологий. 2008. № 4 (21). С. 126–131.
8. Корнилов Д. А., Беляев О. Г. Оценка инновационного потенциала региона // Труды НГТУ им. П. Е. Алексеева. 2012. № 3 (96). С. 254.
9. Новиков В. Ю. Методологические аспекты оценки инновационного потенциала экономических систем // Транспортное дело России. 2010. № 6. С. 16–18.
10. Ряпухина В. Н. Инновационный потенциал региона: методика и инструменты оценки // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. 2012. № 1. С. 94–98.
11. Сазонова А. С., Филиппова Л. Б., Филиппов Р. А. Оценка инновационного потенциала региона // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2017. № 2 (72). С. 273–279.
12. Алексеев С. Г. Оценка уровня инновационной активности региона // Вестник науки и образования. 2015. № 10 (12). С. 45–56.
13. Бессонова Е. А., Руденко И. Р. Методические аспекты оценки инновационного потенциала биотехнологий // Известия Юго-Западного государственного университета. 2020. № 1. С. 39–48.
14. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.
15. Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.

16. Сапожникова А. Г. Современные методические подходы к размещению инвестиционных площадок в регионе (на примере Ростовской области) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2012. № 1. С. 64–69.

17. Руденко И. Р. Ресурсный потенциал региона как драйвер цифровизации биоэкономики // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. С. 380–382.

18. Баранский Н. Н. Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 35.

References

1. Gordeeva I. V. Bioekonomika kak odno iz strategicheskikh napravlenii ustoichivogo razvitiya [Bioeconomics as one of the strategic directions of sustainable development]. *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki = Scientific Review. Economic sciences*, 2019, no. 1, pp. 16–21.

2. Egorova S. E., Kulakova N. G. Innovatsionnyi potentsial regiona: sushchnost', sodержание, metody otsenki [The innovative potential of the region: essence, content, assessment methods]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Pravo. Upravlenie = Bulletin of the Pskov State University. Series: Economics. Right. Control*, 2014, no. 4, pp. 54–67.

3. Kalinin A. M., Semenov A. N., Belova N. P. Sushchnost' innovatsionnogo potentsiala i ego rol' v protsesse innovatsionnogo razvitiya regiona [The essence of innovative potential and its role in the process of innovative development of the region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, 2011, no. 1, pp. 380–384.

4. Anisimov Yu. P., Khoroshilov D. N. Kompleksnaya metodika otsenki innovatsionnogo potentsiala [Comprehensive methodology for assessing innovative potential]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 2011, no. 10, pp. 159–164.

5. Baranova E. S. Otsenka innovatsionnogo potentsiala regiona [Assessment of the innovative potential of the region]. *Baikal Research Journal*, 2011, no. 6, p. 22.

6. Detter G. F., Simontsev S. N. Otsenka innovatsionnogo potentsiala regiona [Assessment of the region's innovative potential]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Technical University*, 2011, no. 3 (121), pp. 159–163.

7. Kolmykov V. A., Erygin Yu.V., Ulitskaya T. R. Pokazateli innovatsionnogo potentsiala kak instrumenty formirovaniya strategii innovatsionnogo razvitiya predpriyatii raketno-kosmicheskoi otrasli [Indicators of innovative potential as tools for forming the strategy of innovative development of enterprises in the rocket and space industry]. *Sibirskii zhurnal nauki i tekhnologii = Siberian Journal of Science and Technology*, 2008, no. 4 (21), pp. 126–131.

8. Kornilov D. A., Belyaev O. G. Otsenka innovatsionnogo potentsiala regiona [Assessment of the region's innovative potential]. *Trudy NGTU im. R. E. Alekseeva = Proceedings of NSTU im. R. E. Alekseeva*, 2012, no. 3 (96), p. 254.

9. Novikov V. Yu. Metodologicheskie aspekty otsenki innovatsionnogo potentsiala ekonomicheskikh sistem [Methodological aspects of assessing the innovative potential of economic systems]. *Transportnoe delo Rossii = Transport Business of Russia*, 2010, no. 6, pp. 16–18.

10. Ryapukhina V. N. Innovatsionnyi potentsial regiona: metodika i instrumenty otsenki [Innovative potential of the region: methodology and assessment tools]. *Vestnik BGTU imeni V. G. Shukhova = Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 2012, no. 1, pp. 94–98.

11. Sazonova A. S., Filippova L. B., Filippov R. A. Otsenka innovatsionnogo potentsiala regiona [Assessment of the innovative potential of the region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2017, no. 2 (72), pp. 273–279.

12. Alekseev S. G. Otsenka urovnya innovatsionnoi aktivnosti regiona [Assessment of the level of innovative activity of the region]. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*, 2015, no. 10 (12), pp. 45–56.
13. Bessonova E. A., Rudenko I. R. Metodicheskie aspekty otsenki innovatsionnogo potentsiala biotekhnologii [Methodological aspects of assessing the innovative potential of biotechnology]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2020, no. 1, pp. 39–48.
14. Kolosovsky N. N. Osnovy ekonomicheskogo raionirovaniya [Fundamentals of economic zoning]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 200 p.
15. Kolosovsky N. N. Teoriya ekonomicheskogo raionirovaniya [Theory of economic zoning]. Moscow, Thought Publ., 1969. 336 p.
16. Sapozhnikova A. G. Sovremennyye metodicheskie podkhody k razmeshcheniyu investitsionnykh ploshchadok v regione (na primere Rostovskoi oblasti) [Modern methodological approaches to the placement of investment sites in the region (on the example of the Rostov region)]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki = Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasian Region. Series: Social Sciences*, 2012, no. 1, pp. 64–69.
17. Rudenko I. R. [Resource potential of the region as a driver of digitalization of bioeconomy]. Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya: materialy II Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Digital Economy: Problems and Development Prospects. Proceedings of the 2nd Interregional Scientific and Practical Conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 380–382. (In Russ.)
18. Baransky N. N. Ekonomicheskaya geografiya Sovetskogo Soyuz. Obzor po oblastyam Gosplana [Economic geography of the Soviet Union. Overview of the regions of the State Planning Commission]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926, p. 35.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бессонова Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bessonowa_new@mail.ru,

Руденко Иван Романович, младший научный сотрудник кафедры экономики управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Rudenko-Ivan.R@yandex.ru

Elena A. Bessonova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics of Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bessonowa_new@mail.ru

Ivan R. Rudenko, Junior Researcher of the Department of Economics of Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Rudenko-Ivan.R@yandex.ru

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-85-94>

Тенденции технологической трансформации промышленного сектора экономики на современном этапе

Е. Ю. Чарочкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kati-ivolga@mail.ru

Резюме

Актуальность. В аспекте цифровых трансформаций стран, регионов и мирового сообщества важным направлением исследований теории и практики выступает проблема роста и развития промышленного производства и формирования промышленного потенциала экономики стран. Цифровая трансформация промышленного сектора экономики во многом определяется последовательностью глобальных политических и экономических тенденций, в результате которых формируется новая модель социально-экономического устройства социальной и экономической жизни, механизмов формирования конкурентных преимуществ и возможностей роста отраслей экономики, в т. ч. и промышленного сектора. В этих условиях актуальной проблемой видится исследование тенденций технологической трансформации отраслей национальной экономики, в частности промышленного сектора, поиск возможностей роста и воспроизводства промышленного потенциала.

Цель исследования – определение основных тенденций технологической трансформации отраслей национальной экономики, в частности промышленного сектора, оценка уровня технологического развития промышленного сектора и возможностей роста и воспроизводства промышленного потенциала российской экономики на современном этапе.

Задачи: дать оценку текущей ситуации уровня технологической трансформации промышленного сектора экономики России; определить возможности и угрозы технологического развития промышленности на современном этапе; на основе анализа обозначить основные направления в формировании подходов к государственной поддержке технологической трансформации отраслей промышленного сектора, учитывающих специфику каждой из них.

Методология. Исследование основывается на общенаучной методологии обзора литературных источников, системного и логического анализа, методов сбора данных, индукции, описания и обработки результатов исследования.

Результаты. Дана оценка возможностей и угроз технологической трансформации промышленного сектора российской экономики.

Выводы. Обозначены направления развития и повышения уровня технологической трансформации различных отраслей промышленности, учитывающих специфику каждой из них.

Ключевые слова: цифровизация; технологическая трансформация; промышленный сектор; экономика; технологии; экономический рост.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Для цитирования: Чарочкина Е. Ю. Тенденции технологической трансформации промышленного сектора экономики на современном этапе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 85–94. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-85-94>.

Поступила в редакцию 11.08.2021

Принята к публикации 09.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Чарочкина Е. Ю., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 85–94

Trends in the Technological Transformation of the Industrial Sector of the Economy at the Present Stage

Ekaterina Yu. Charochkina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kati-ivolga@mail.ru

Abstract

Relevance. In the aspect of digital transformations of countries, regions and the world community, an important area of research in theory and practice is the problem of the growth and development of industrial production and the formation of the industrial potential of the economies of countries. The digital transformation of the industrial sector of the economy is largely determined by the sequence of global political and economic trends, as a result of which a new model of the socio-economic structure of social and economic life and mechanisms for the formation of competitive advantages and growth opportunities for economic sectors, including the industrial sector, are being formed. In these conditions, an urgent problem is the study of trends in the technological transformation of sectors of the national economy, in particular the industrial sector, the search for opportunities for growth and reproduction of industrial potential.

The purpose of the study is to determine the main trends in the technological transformation of the sectors of the national economy, in particular the industrial sector, to assess the level of technological development of the industrial sector and the growth and reproduction opportunities of the industrial potential of the Russian economy at the present stage.

Objectives: to assess the current situation of the level of technological transformation of the industrial sector of the Russian economy; to identify the opportunities and threats of technological development of industry at the present stage; based on the analysis to identify the main directions in the formation of approaches to state support of technological transformation of industrial sectors, taking into account the specifics of each of them.

Methodology. The research is based on the general scientific methodology of literature review, system and logical analysis, methods of data collection, induction, description and processing of research results.

Results. An assessment of the possibilities and threats of technological transformation of the industrial sector of the Russian economy is given.

Conclusions. The directions of development and increasing the level of technological transformation of various industries, taking into account the specifics of each of them.

Keywords: digitalization; technological transformation; industrial sector; economy; technology; economic growth.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation No. NSh-2702.2020.6 "Conceptual foundations of a new paradigm of economic development in an era of technological and social transformation"

For citation: Charochkina E. Yu. Trends in the Technological Transformation of the Industrial Sector of the Economy at the Present Stage. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 85–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-85-94>.

Received 11.08.2021

Accepted 09.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Промышленный сектор занимает лидирующие позиции в формировании эффективного механизма социально-экономического развития стран и регионов. Особенно важным это видится в период кризисов и современных цифровых

трансформаций мировой экономической системы, роста глобальной конкуренции в результате открытости экономик стран. Традиционно-промышленный сектор выступает локомотивом, по образу которого развиваются все остальные отрасли национального хозяйства, никакая другая от-

расль не характеризуется такой высокой концентрацией инновационных и технологических структур, гибкими организационными системами [1]. Это одна из немногих отраслей, производящая средства и инструменты для обеспечения остальных секторов национального хозяйства. Промышленность играет огромную роль в формировании занятости и, как результат, повышении уровня доходов населения. Уровень развития промышленности влияет на способность государств обеспечить их обороноспособность [2; 3].

Россия позже крупнейших западных экономик перешла на рельсы цифровой трансформации. Однако результаты есть, и они свидетельствуют о качественных сдвигах в понимании игроками национальной экономики смысла и целей цифровизации. Нарастанию цифровых активностей бизнесом способствует проактивная позиция государства, которое демонстрирует очевидные достижения в оцифровке государственного сектора [4; 5]. В рамках нацпроекта «Цифровая экономика», запущенного в 2018 г., запланирована реализация до 2024 г. масштабных проектов в области госуправления и взаимодействия с гражданами. Цифровые технологии кардинальным образом меняют традиционные бизнес-модели и подходы, заставляя предприятия всех отраслей адаптироваться к этим изменениям [6]. Но они же дают и дополнительные возможности, которые позволяют повысить конкурентоспособность и заложить основы для долгосрочного роста. В этих условиях актуальной проблемой видится исследование и оценка уровня цифровизации отраслей национальной экономики, в частности промышленного сектора, поиск возможностей роста и воспроизводства промышленного потенциала [7; 8].

Материалы и методы

Исследования и оценки экспертов как современного, так и прошлого этапов развития экономики отмечают домини-

рующую роль промышленности в национальном объеме производства. Объем промышленного производства – это один из основных макроэкономических показателей, характеризующий текущее состояние экономики, который показывает работу промышленности за определенный период времени. В современном мире наибольшую долю промышленного сектора в экономике имеют развивающиеся страны с достаточным ресурсным потенциалом. Так некоторые страны Ближнего Востока имеют долю промышленности в общем объеме ВВП до 50-60%, в России значение данного показателя на начало 2020 г. составило 32,4%. Оценивая возможности и позиции стран в объемах промышленного производства, а также данные по объемам промышленной продукции, согласно официальным данным Всемирного банка, на начало 2020 г. лидером в мировом сообществе по объемам промышленного производства выступает Китай с показателем в 9,4 трлн долл. США. Китай лидирует в производстве большинства продукции и ресурсов (например, автомобилестроение и производство электроэнергии) [9]. Что касается России, то среди лидеров мы занимаем достаточно уверенные позиции с объемом производства промышленности 1,3 трлн долл. США (табл.1).

Цифровая трансформация предприятий и отраслей во многом определяется последовательностью глобальных политических и экономических тенденций, в результате которых формируются конкурентные преимущества и потенциал роста всей экономики. В сравнении с технологически развитыми странами ориентация на цифровизацию хозяйственной деятельности предприятий промышленного сектора российской экономики началась не так давно, однако, руководители и государство стремятся активно развивать и использовать цифровые технологии, понимая, что цифровизация – это единственная возможность на сего-

дняшний день непрерывного экономического роста и развития [10; 11].

Согласно данным исследования, в разрезе отраслей российской экономики лидерами цифровизации являются пред-

приятия финансового, промышленного и ИТ секторов, которые в последние годы потратили значительные усилия для создания своих экосистем (рис. 1).

Таблица 1. Рейтинг стран по объему промышленного производства на начало 2020 г. [6]

Страна	Объем промышленного производства, млн долл. США	Доля в ВВП, %	Объем промышленной продукции, млн долл. США
Весь Мир	38340000	30,0%	13171000
Азербайджан	92127	53,5%	2263
Ирак	331143	51,0%	3592
ОАЭ	346608	49,8%	36927
Саудовская Аравия	784550	44,2%	100232
Китай	9400050	40,5%	4002752
Европейский Союз	5233350	25,1%	2684985
США	3722590	19,1%	2173319
Япония	1638343	30,1%	1007330
Германия	1289093	30,7%	832431
Южная Корея	799755	39,3%	440941
Индия	2179020	23,0%	408693
Индонезия	1332500	41,0%	207017
Россия	1301184	32,4%	203988

Рис. 1. Уровень цифровизации предприятий различных отраслей экономики в 2020 г., % [9]

Учитывая необходимость цифровизации для долгосрочного развития предприятий и отраслей национальной экономики и их адаптации к новым условиям хозяйствования в период кризиса пандемии, необходимость повышения производительности за счет инвестиций в роботиза-

цию и автоматизацию является важной составляющей эффективной работы.

Мировыми лидерами в области цифровой трансформации промышленности являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Япония, Южная Корея), Великобритания, страны Евро-

пейского союза (Германия, Франция), США и Канада. Так, например, среди крупнейших немецких компаний 91% заявляют об инвестициях в создание цифровых фабрик [12]. Первенство в области роботизации производства и 3D-печати принадлежит странам Азиатско-Тихоокеанского региона и США. Для организации производства широко используются технологии промышленного «Интернета вещей» (часто применяется при производстве электронного оборудования, например, на заводах General Electric в США) и распределенного реестра (используются для планирования ресурсов промышленных предприятий, в частности, в авиационной промышленности шведской компанией IFS) [9].

Технологии цифровых двойников изделия более распространены в отрас-

лях машиностроения, приборостроения, а технологии цифровых двойников производства – в фармацевтической и медицинской промышленности. Растет спектр областей применения ИИ. Например, данная технология широко применяется в странах Европейского союза для контроля качества лекарственных средств и поддержки принятия решений в авиационной промышленности.

В России обрабатывающая промышленность является одним из лидеров цифровизации, среди других отраслей, согласно данным, широкополосный доступ к Интернету применяют 90,4% предприятий промышленности, облачные сервисы – 27,6%, ERP-системы – 29,6%, электронные продажи – 19,6%, RFID-технологии – 12% (рис. 2).

Рис. 2. Использование цифровых технологий российскими компаниями промышленного сектора экономики на начало 2020 года, % [9]

Индекс цифровизации промышленности является обобщающим индикатором уровня развития цифровых процессов и использования цифровых технологий предприятиями промышленности разных стран мира. Согласно экспертным оценкам, по значению данного индекса российская промышленность находится на 21-м месте среди 27 стран, участвующих в данном рейтинге. Как показывают исследования, главными возможностями для развития процессов цифровизации являются инвестиции в развитие и формирование цифровой инфраструктуры

как на уровне предприятий, так и на уровне государства [13; 14]. Лидерами по инвестициям в цифровизацию являются предприятия машиностроительного и металлургического комплексов промышленного сектора России.

Направления развития российских промышленных компаний соответствуют общемировым трендам, однако темпы реализации цифровых инициатив заметно отстают от темпов ведущих стран. Задержка России в освоении цифровых технологий, по разным оценкам, составляет около 5–10 лет, что обусловлено в

том числе негативным влиянием санкций, которые затруднили доступ к передовым зарубежным технологиям [12].

Наиболее роботизированные отрасли в России – автомобильная промышленность, химические и нефтехимические производства.

Лидерами по внедрению и использованию цифровых технологий в обрабатывающей промышленности России стали производство автотранспортных средств, лекарственных средств, металлургическое производство, производство бумаги и бумажных изделий, производство компьютеров, электронных и оптических изделий, электрического оборудования, химических веществ и продуктов.

Среди наиболее востребованных промышленным сектором передовых цифровых технологий в будущем – нейротехнологии и ИИ, технологии беспроводной связи, новые производственные технологии и технологии виртуальной и дополненной реальности [15].

Технологическая трансформация охватывает многие отрасли промышленности, однако некоторые из них еще не готовы к такой трансформации. На скорость внедрения цифровых технологий на промышленных предприятиях влияют как внутренние возможности организации (кадровый потенциал, технологический уровень производства и др.), так и внешние – уровень конкуренции в индустрии и на мировом рынке, доступность технологий и капитала, а также развитие законодательства и инфраструктуры [16].

Результаты и их обсуждение

Если рассмотреть и провести оценку проблем цифровой трансформации промышленного сектора на макроэкономическом уровне, то в первую очередь необходимо отметить позиции России на мировом рынке высокотехнологичной продукции, так как этот фактор является основополагающим в формировании технологической конкурентоспособности страны. На сегодняшний день Россия остается отстающим участником гло-

бального рынка передовых производственных технологий. По оценкам экспертов НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ), доля России в мировом экспорте продукции передового производства в 2003–2019 гг. варьировалась в пределах 0,2–0,5%, а в мировом импорте – в пределах 0,3–1,6% [9]. Импорт технологий шел в Россию из развитых стран, а инновационную продукцию страна экспортировала в основном на постсоветском пространстве, в связи с этим на текущий момент времени Россия не обладает достаточными конкурентными позициями на рынках передового технологического производства и не отличается высоким потенциалом для устойчивого технологического развития на ближайшую перспективу. Эти технологические и организационные изменения создают для экономики России как новые возможности, так и новые угрозы, которые проявляются на микро- и макроуровне. Эти возможности и риски тесно связаны друг с другом (табл. 2).

Для российской промышленной технологической трансформации необходимым условием выступает государственная поддержка новых технологий и цифровых лидеров с целью создания конкурентоспособных преимуществ и снижения угроз со стороны внешнего мира, поскольку риски, связанные с технологической трансформацией, очень велики [17]. Создание таких лидеров на сегодняшний день представляется только возможностью, реализация которой осуществима при условии целого комплекса мероприятий, к числу которых можно отнести налоговые льготы, субсидии. Важно оказывать всестороннюю помощь при переходе промышленных предприятий на инновационные производственные и организационные технологии. В частности, проводимое перевооружение российской промышленности должно происходить на основе новых цифровых и аддитивных технологий, а не просто путем закупки оборудования и технологий. Необходимо финансировать часть инвестиций, связанных с таким техническим перевооружением [18; 19].

Таблица 2. Анализ возможностей и угроз технологической трансформации промышленного сектора российской экономики

Среда	Факторы, способствующие технологическому росту и лидерству России	Факторы, препятствующие технологическому росту России
Внутренняя	S (strengths) – преимущества: – возникновение новых предприятий, технологических лидеров (в открывающихся нишах) на национальном уровне; – активная государственная политика в области цифровой трансформации промышленности; – использование ресурсного потенциала промышленного сектора	W (weaknesses) – недостатки: – зависимость от конъюнктуры мирового рынка перспективных промышленных технологий; – недостаточно развитая цифровая инфраструктура; – высокая дифференциация по уровню использования цифровых технологий в различных отраслях экономики
Внешняя	O (opportunities) – возможности: – компенсация технологического отставания промышленного сектора за счет ускоренного развития ключевых экспортных отраслей; – наращивание технологического лидерства за счет преимуществ ресурсного потенциала; – снижение технологической дифференциации отраслей за счет государственных инвестиций	T (threats) – угрозы: – захват российского рынка иностранными компаниями за счет их более высокого уровня технологического развития и больших ресурсов; – вытеснение с рынка технологий предприятий-лидеров из-за их более низкой эффективности по сравнению с зарубежными технологиями; – минимальные стимулы предприятий промышленного сектора к внедрению цифровых технологий

Выводы

В промышленность входит множество отраслей, различающихся между собой по преобладающим бизнес-моделям и месту в цепочке создания стоимости, технологическому уровню и цифровой зрелости, готовности организаций к изменениям, особенностям формирования и использования данных, экономической ситуации и другим параметрам. Это требует дифференцированных подходов к государственной поддержке цифровой трансформации различных отраслей промышленности, учитывающих специфику каждой из них [20]. Кроме того, зачастую цифровая трансформация может осу-

ществляться только через последовательное прохождение необходимых этапов внедрения цифровых технологий на пути к полноценной «цифровой зрелости» предприятия и секторов в целом. Технологическая трансформация промышленности требует встраивания целого комплекса новых технологий в неадаптированные инфраструктурные условия. Например, прорыв по отдельным технологическим направлениям. В случае реализации благоприятного сценария Россия сможет ликвидировать свое технологическое отставание и оптимизировать свое положение в глобальных цепочках создания стоимости.

Список литературы

1. Tvaronavičienė M., Burinskis A. Industry 4.0 Significance to competition and the EU competition policy // Экономика и социология. 2020. Т. 13, № 3. С. 244–258. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2020/13-3/15>.

2. Авдеева И. Л., Полянин А. В., Головина Т. А. Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. С. 239–241.
3. Акбердина В. В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Journal of New Economy. 2018. № 3. С. 83–96.
4. Аршикова А. В., Крыжановская О. А. Цифровая трансформация промышленных предприятий в условиях реиндустриализации: теоретический аспект // Цифровая экономика: перспективы развития и совершенствования: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2021. С. 36–40.
5. Быковская Е. Н. Современные тенденции цифровизации инновационного процесса // Управление. 2018. Т. 6, № 1. С. 38–43. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2018-1-38-43>.
6. Отрасли промышленности стран мира в таблице. URL: <https://visasam.ru/emigration/economy/promyshlennost-stran-mira.html> (дата обращения: 02.07.2021).
7. Вертакова Ю. В., Бабич Т. Н. Экономическое развитие в условиях технологической и социальной трансформации // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 4 (186). С. 248–261.
8. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А. Особенности развития организаций в условиях цифровой трансформации // Вестник университета. 2020. № 10. С. 33–39.
9. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
10. Чарочкина Е. Ю. Стратегия диверсификации как условие модернизации национальной экономики // Актуальные вопросы развития современного общества: материалы Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2011. С. 210–211.
11. Чарочкина Е. Ю., Каширцева А. Ю. Социальная стабильность в условиях современных трансформаций экономики // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4, № 1. С. 266–270.
12. Истомина Е. А. Оценка трендов цифровизации в промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 12 (422). С. 108–116.
13. Вишнякова А. Б. Цифровая трансформация промышленности: актуальность и основные проблемы внедрения инновационных технологий // Экономика и предпринимательство. 2021. Т. 5, № 130. С. 124–127. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.130.5.022>.
14. Мау В. Глобальные тенденции и национальные цели: Россия приближается к новой модели экономического роста // Российский экономический журнал. 2019. № 5. С. 27–45. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.35234>.
15. Леонтьев Е. Д., Крыжановская О. А., Ларина О. Г. Социально-экономические риски цифровой трансформации сферы труда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 6. С. 140–151.
16. Рукинов М. В. Векторы технологических трансформаций и перспективы безопасного развития экономики России в условиях нового технологического уклада // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 94–96.
17. Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 1. С. 57–69.
18. Старкова М. И., Крыжановская О. А. Разработка и реализация управленческого решения о выборе стратегии трансформации бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 34–46.
19. Терещенко Р. В. Цифровая трансформация предприятий малого и среднего бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2021. Т. 6, № 131. С. 747–749. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.144>.
20. Хафизова Э. Р., Фазулзянова А. Р., Хусаинова Е. А. Цифровая трансформация в экономике // Трибуна ученого. 2021. № 1. С. 588–592.

References

1. Tvaronavičienė M., Burinskas A. Industry 4.0 Significance to competition and the EU competition policy. *Ekonomika i sotsiologiya = Economics and Sociology*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 244–258. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2020/13-3/15>
2. Avdeeva I. L., Polyanin A. V., Golovina T. A. Tsifrovizatsiya promyshlennykh ekonomicheskikh sistem: problemy i posledstviya sovremennykh tekhnologii [Digitalization of industrial economic systems: problems and consequences of modern technologies]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Proceedings Saratov University New Series. Series: Economics. Management. Right*, 2019, no. 3, pp. 239–241.
3. Akberdina V. V. Transformatsiya promyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Transformation of the industrial complex of Russia in the conditions of digitalization of economy]. *Journal of New Economy*, 2018, no. 3, pp. 83–96.
4. Arshikova A. V., Kryzhanovskaya O. A. [Digital transformation of industrial enterprises in the conditions of reindustrialization: a theoretical aspect]. Tsifrovaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. Sbornik nauchnykh statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Digital economy: prospects for development and improvement. Collection of scientific articles of the 2nd International scientific-practical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2021, pp. 36–40.
5. Bykovskaya E. N. Sovremennye tendentsii tsifrovizatsii innovatsionnogo protsessa [Modern trends in the digitalization of the innovation process]. *Upravlenie = Management*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 38–43. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2018-1-38-43>
6. Otrashi promyshlennosti stran mira v tablitse [Industries of countries of the world in the table]. Available at: <https://visasam.ru/emigration/economy/promyshlennost-stran-mira.html>. (accessed 02.07.2021)
7. Vertakova Y. V., Babich T. N. Ekonomicheskoe razvitie v usloviyakh tekhnologicheskoi i sotsial'noi transformatsii [Economic development in conditions of technological and social transformation]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2021, vol. 27, no. 4 (186), pp. 248–261.
8. Vertakova Y. V., Kryzhanovskaya O. A. Osobennosti razvitiya organizatsii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii [Features of organizations' development under conditions of digital transformation]. *Vestnik universiteta = University Herald*, 2020, no. 10, pp. 33–39.
9. Tsifrovaya transformatsiya otraslei: startovye usloviya i priority [Digital transformation of industries: starting conditions and priorities]. Available at: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf>. (accessed 02.06.2021)
10. Charochkina E. Yu. [Diversification strategy as a condition for modernization of the national economy]. Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennogo obshchestva. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Contemporary Issues of Modern Society Development. Materials of the International Scientific-Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2011, pp. 210–211. (In Russ.)
11. Charochkina E. Yu., Kashirtseva A. Yu. Sotsial'naya stabil'nost' v usloviyakh sovremennykh transformatsii ekonomiki [Social stability in the conditions of modern transformations of the economy]. *Russian Economic Bulletin = Russian Economic Bulletin*, 2021, vol. 4. no. 1, pp. 266–270.
12. Istomina E. A. Otsenka trendov tsifrovizatsii v promyshlennosti [Evaluation of digitalization trends in industry]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, no.12 (422), pp. 108–116.
13. Vishnyakova A. B. Tsifrovaya transformatsiya promyshlennosti: aktual'nost' i osnovnye problemy vnedreniya innovatsionnykh tekhnologii [Digital transformation of industry: relevance and major problems of implementing innovative technologies]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2021, vol. 5, no. 130, pp.124–127. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.130.5.022>
14. Mau V. Global'nye tendentsii i natsional'nye tseli: Rossiya priblizhaetsya k novoi modeli ekonomicheskogo rosta [Global trends and national goals: Russia is approaching a new model of economic growth]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2019, no. 5, pp. 27–45. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.35234>

15. Leontiev E. D., Kryzhanovskaya O. A., Larina O. G. Sotsial'no-ekonomicheskie riski tsifrovoy transformatsii sfery truda [Socio-economic risks of digital transformation of the labor sphere]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 140–151.
16. Rukinov M. V. Vektory tekhnologicheskikh transformatsii i perspektivy bezopasnogo razvitiya ekonomiki Rossii v usloviyakh novogo tekhnologicheskogo uklada [Vectors of technological transformations and prospects for safe development of Russia's economy in the conditions of the new technological mode]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of St. Petersburg State University of Economics*, 2020, no. 1 (121), pp. 94–96.
17. Smirnov E. N., Lukyanov S. A. Formirovanie i razvitie global'nogo rynka sistem iskusstvennogo intellekta [Formation and development of the global market of artificial intelligence systems]. *Ekonomika regiona = Regional Economy*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 57–69.
18. Starkova M. I., Kryzhanovskaya O. A. Razrabotka i realizatsiya upravlencheskogo resheniya o vybore strategii transformatsii biznesa [Development and Implementation of Management Decision on the Choice of Business Transformation Strategy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 34–46.
19. Tereschenko R. V. Tsifrovaya transformatsiya predpriyatii malogo i srednego biznesa [Digital transformation of enterprises of small and medium-sized businesses]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2021, vol. 6, no. 131, pp. 747–749. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.144>
20. Khafizova E. R., Fazulzyanova A. R., Khusainova E. A. Tsifrovaya transformatsiya v ekonomike [Digital transformation in the economy]. *Tribuna uchenogo = Scientist's Tribune*, 2021, no. 1, pp. 588–592.

Информация об авторе / Information about the Author

Чарочкина Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kati-ivolga@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-9526-3687, Researcher ID: AAG-9305-2019

Ekaterina Yu. Charochkina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kati-ivolga@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-9526-3687, Researcher ID: AAG-9305-2019

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-95-104>

Пандемия COVID-19 и ее влияние на общественное производство

О. В. Шугаева¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Olga.sop@mail.ru

Резюме

Актуальность. Экономический спад во время введения ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19 обуславливает актуальность выработки мер и предложений по обеспечению устойчивого развития различных сфер общественного производства.

Цель исследования состоит в выработке предложений по поддержке и обеспечению развития материального и нематериального производства в Российской Федерации в период пандемии COVID-19.

Задачи: анализ степени влияния пандемии COVID-19 на мировую экономику в целом и РФ в частности; выявление наиболее пострадавших, не пострадавших и имевших положительный рост сфер общественного производства; выработка основных направлений их дальнейшего развития.

Методология. Методическая база исследования основана на системном анализе данных, полученных из доступных источников, наблюдений и личного опыта автора, а также использовании экономико-математических методов и экспертного мнения специалистов из профильных отраслей.

Результаты. В результате проведенного анализа выявлены отрасли, наиболее пострадавшие от введения ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19. Выявлены наиболее пострадавшие сферы деятельности и возможные последствия других, которые могут проявиться в краткосрочном периоде. Выработаны предложения по стабилизации и развитию различных сфер материального и нематериального производства.

Выводы. Пандемия COVID-19 оказала двойное влияние на общественное производство: с одной стороны, отдельные отрасли пришли в упадок, а с другой – она создала предпосылки к развитию других сфер общественного производства. При этом особую актуальность получило внедрение цифровых технологий и развитие информационно-коммуникационных систем, что привело к экономической трансформации производства.

Ключевые слова: общественное производство; пандемия COVID-19; ограничительные меры; убытки предприятий; цифровые технологии; информационно-телекоммуникационные системы.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шугаева О. В. Пандемия COVID-19 и ее влияние на общественное производство // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 95–104. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-95-104>.

Поступила в редакцию 17.08.2021

Принята к публикации 10.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Шугаева О. В., 2021

The COVID-19 Pandemic and Its Impact on Public Health Production

Olga V. Shugaeva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Olga.sop@mail.ru

Abstract

Relevance. The economic downturn during the introduction of restrictive measures in connection with the COVID-19 pandemic determines the urgency of developing measures and proposals to ensure the sustainable development of various spheres of social production.

The purpose of the study is to develop proposals to support and ensure the development of tangible and intangible production in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic.

Objectives: analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the global economy as a whole and the Russian Federation, in particular; identification of the most affected, not affected and had a positive growth in the spheres of social production, development of the main directions of their further development.

Methodology. The methodological base of the study is based on a systematic analysis of data obtained from available sources, observations and personal experience of the author, as well as the use of economic and mathematical methods and expert opinion of specialists from specialized industries.

Results. As a result of the analysis, the industries most affected by the introduction of restrictive measures in connection with the COVID-19 pandemic were identified. The most affected areas of activity have been identified, and possible consequences of others that may manifest themselves in the short term. Proposals have been developed for the stabilization and development of various spheres of material and non-material production.

Conclusions. The COVID-19 pandemic had a twofold impact on social production: on the one hand, certain industries declined, and on the other hand, it created prerequisites for the development of other spheres of social production. At the same time, the introduction of digital technologies and the development of information and communication systems became particularly relevant, which led to the economic transformation of production.

Keywords: public production; the COVID-19 pandemic; restrictive measures; losses of enterprises; digital technologies; information and telecommunications systems.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shugaeva O. V. The COVID-19 Pandemic and Its Impact on Public Health Production. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 95–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-95-104>.

Received 17.08.2021

Accepted 10.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Функционирование и устойчивое развитие любого государства напрямую зависят от состояния его общественного производства. При этом под общественным производством понимается целенаправленная деятельность экономических субъектов по удовлетворению потребностей населения. В нем традиционно выделяют две ключевые сферы – материальное и нематериальное производство.

К сфере материального производства относятся все виды экономической дея-

тельности, в результате которой происходит создание материальных благ, их распределение и потребление. Это в первую очередь промышленность, строительство, сельское хозяйство, добыча и переработка полезных ископаемых, транспорт, торговля, связь, коммунальные услуги и т. п.

В отличие от материального производства нематериальная сфера экономики предполагает создание и реализацию нематериальных благ и услуг, таких как здравоохранение, образование, культура, искусство, спорт, туризм.

Указанные сферы общественного производства имеют жесткую, порой невидимую взаимосвязь, которая в своей совокупности составляет социально-экономический базис государственности. В зависимости от уровня экономического развития стран пропорции в отношении материального и нематериального производства могут существенно меняться. Для каждой, отдельно взятой страны структура ее общественного производства складывается исторически, под воздействием конкретных экономических, научно-технических, социальных, природно-климатических и прочих факторов.

Однако, как показала практика, огромное влияние на экономику практически всех стран мирового сообщества оказал биологический фактор, способный негативно влиять на человека, сферы его жизнедеятельности и окружающую среду. К нему относится пандемия COVID-19, затронувшая все сферы материального и нематериального производства. В 2020-2021 гг. начался своего рода общемировой кризис, нивелировавший специфические особенности развития государств (культурные, исторические, экономические). В складывающихся условиях проблемы выживания экономик как отдельных стран, так и человечества в целом приобретают особое значение.

Цель данного исследования состоит в анализе влияния пандемии COVID-19 на сферы общественного производства, выявлении наиболее пострадавших отраслей и определении основных направлений инновационного развития.

Материал и методы

В процессе исследований использовались материалы Счетной палаты Российской Федерации, официальных публикаций «Российской газеты», интернет-публикаций, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ЮНЕСКО, интернет-версий журналов Forbs, РБК и

«Коммерсант», а также публикаций периодических интернет-изданий [1; 2; 3; 4; 5].

Методической базой проведения исследования является системный анализ данных доступных источников и наблюдений, а также экономико-математический метод.

Результаты и их обсуждение

Возникновение в глобальном масштабе пандемии COVID-19 привело к локдауну в большинстве стран мира. Введение ограничительных мер, связанных с распространением вируса SARS-CoV-2 (возбудитель COVID-19), обусловило появление целого ряда негативных факторов (с точки зрения экономического развития) [6], таких как:

- ограничения на перемещения населения (в том числе между государствами);
- экспортно-импортные ограничения на ряд товаров;
- разрыв производственно-сбытовых цепочек;
- принудительное закрытие организаций и предприятий;
- снижение доходов населения и соответственно потребительского спроса на общем фоне неопределенности;
- дисбаланс спроса и предложения на отдельные группы товаров и услуг и пр.

В сфере материального производства наиболее сильно пострадала промышленность.

На рисунке 1 приведены объемы прироста промышленного производства в России в апреле 2020 г. (на начало введения ограничительных мер) по отношению к аналогичному периоду 2019 г., рассчитанные по данным журнала Forbs [7].

На диаграмме (см. рис. 1) не отражены показатели нефтедобывающей отрасли в связи с соглашением стран ОПЕК+ о сокращении добычи нефти [8].

Как следует из приведенных на диаграмме данных, наиболее пострадавшими от пандемии COVID-19 отраслями промышленности РФ являются производства

транспортных средств, бытовых приборов, мебели, ювелирных изделий, спортивных товаров, кожи и изделий из кожи,

обуви, электрического оборудования, электронных и оптических изделий, одежды.

Рис. 1. Объемы прироста промышленного производства в РФ в апреле 2020 г. (на начало введения ограничительных мер)

Имели положительный рост производства пищевых продуктов, бумаги и бумажных изделий, химические производства, производство медицинских инструментов и оборудования. Наибольшие темпы роста приобрела фармацевтическая отрасль.

В целом сложившаяся ситуация соответствовала общемировым тенденциям.

Так, например, в указанный период были временно закрыты: во Франции – заводы Peugeot, Renault и Citroën; в Словакии – Kia Motors; в Японии – Subaru и Nissan; в Индии – Xiaomi, Samsung Electronics, LG Electronics, Apple и пр. [6].

Вследствие введения ограничительных мер, включая закрытие границ меж-

ду государствами, международные грузовые и пассажирские перевозки понесли большие потери (финансовые и кадровые). Ведение режима самоизоляции и возникновение «психологического фактора», связанного со «страхом заражения», также сказались на междугороднем и городском транспорте. Прогнозные оценки убытков российских транспортных компаний (включая объекты инфраструктуры) в период 2020-2021 гг. приведены на рисунке 2 [1].

Влияние пандемии COVID-19 на транспортную сферу в основном обусловлено сокращением спроса на данные виды услуг из-за глобальной стагнации в различных сферах общественного произ-

водства. Наиболее пострадали международные пассажирские перевозки, в част-

ности воздушный транспорт, ввиду закрытия границ между странами [9].

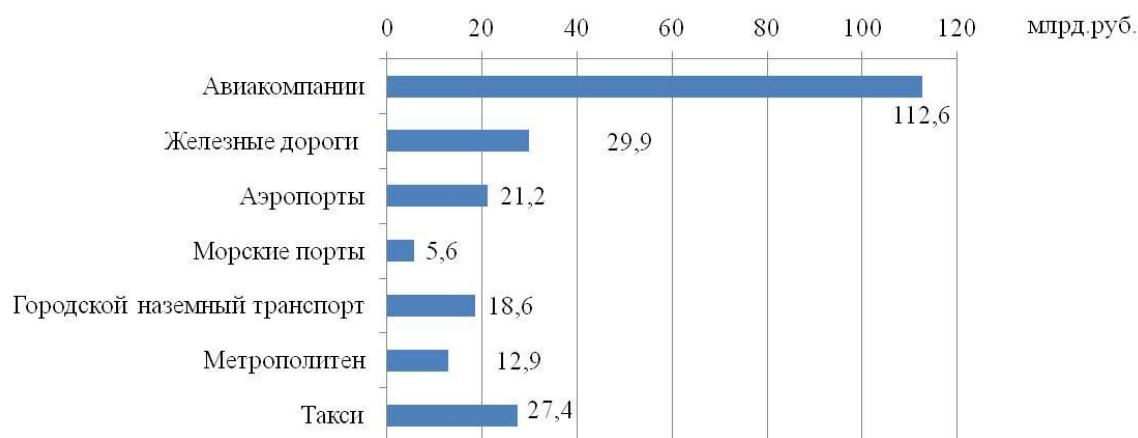

Рис. 2. Прогнозные оценки потерь российских транспортных компаний различного уровня в период 2020-2021 гг. при введении ограничительных мер во время пандемии COVID-19

Пассажиропоток российских авиаперевозчиков (по данным Росавиации [2]) упал в 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.: в марте — на 30,9%, в апреле — на 93,4%.

Как следствие, от пандемии COVID-19 большие убытки понесла торговля (международная и внутригосударственная), что напрямую связано с вышеперечисленными факторами. Введенные ограничения подтолкнули рынок розничной торговли к переходу от традиционных к цифровым форматам. Это привело к существенной структурной трансформации системы розничной и интернет-торговли, как в мировом масштабе в целом, так и в российском в частности, что было связано с привлечением покупателей к онлайн-покупкам, в т. ч. за счет предоставления скидок на онлайн-заказы.

На многие отрасли сельского хозяйства пандемия COVID-19 практически не повлияла. Однако важнейшей проблемой на долгосрочную перспективу может стать обновление семенного и племенного фондов, подавляющее большинство которого импортируется из-за рубежа. Ввиду введенных пандемических ограничений стоимость молока и мяса возросла от 30% до 50%, в связи с тем что импорт

комбикормов и витаминов в РФ составляет до 75% от общего потребного объема [3].

В основном из-за ограничительных мер понесли убытки предприятия, ориентированные на поставку сельскохозяйственных продуктов в организации быстрого питания, а также в компании, обеспечивавшие детское и школьное питание, в связи сокращением государственных закупок [3].

В целом оборот предприятий общественного питания за 9 месяцев 2020 г., по сравнению аналогичным периодом 2019 г., сократился почти на 25 %. При ослаблении карантинных мер спрос на услуги общепита имел весьма незначительные тенденции роста, что связано, во-первых, с «психологическим фактором» ограничения появления отдельных групп населения в общественных местах, и во-вторых, с усилением конкуренции в данной сфере, обусловленной переходом ряда предприятий (ресторанов, кафе) и супермаркетов к доставке готовой еды собственного производства (онлайн-заказы) и торговле на вынос [10].

В сфере нематериального общественного производства с началом пандемии COVID-19 с серьезными пробле-

мами столкнулись организации здравоохранения во всех странах мирового сообщества. Возникали сбои при проведении срочных хирургических операций, было приостановлено лечение плановых больных, а также оказание дополнительных медицинских услуг населению ввиду необходимости неотложной помощи пациентам, инфицированных вирусом SARS-CoV-2. В странах, которые испытывали экономические трудности, имел место временный отказ от лечения онкологических заболеваний и ВИЧ. Сократился объем амбулаторных обращений без крайней необходимости опять-таки в силу «психологического фактора». Перебои в поставках необходимого оборудования и лекарственных препаратов также сыграли свою роль в уменьшении объемов медицинских услуг для населения [11].

По мере борьбы с пандемией COVID-19 был накоплен большой опыт и выработаны рекомендации по медицинскому обслуживанию населения, в частности: определение приоритетов при оказании помощи, внедрение онлайн-консультаций с пациентами, налаживание поставок необходимых лекарств и оборудования, своевременное информирование населения и пр. К ним, в том числе, относятся и отмена или снижение платы за медицинское обеспечение с малоимущих семей, однако данная рекомендация ВОЗ реализована лишь в 14 % государств [4].

Опыт борьбы с коронавирусом создал объективные предпосылки к ускоренной разработке и производству вакцин, внедрению перспективных цифровых методов диагностики и лечения пациентов (телемедицина), а также подготовки/переподготовки медицинского персонала. При этом все перечисленные процессы могут проводиться дистанционно. Так, например, Россия и ряд стран Центральной Азии стали активно производить и закупать оборудование, позволяющее дистанционно делать томографию легких с помощью планшетных компьютеров и осуществлять сервисное

обслуживание медицинского оборудования в «красных зонах» лечебных учреждений [4].

Наиболее значимым результатом инноваций в российской медицине стало создание вакцин против вируса SARS-CoV-2 и налаживание их массового производства (Москва, Санкт-Петербург, Башкирия, Владимирская обл.) [4], что вызвало инновационный прорыв в российской фармацевтике и других смежных отраслях (производство и поставка необходимого оборудования и вспомогательных материалов) (рис.1).

Пандемия COVID-19 существенно повлияла на развитие сферы образования. В попытке сдержать распространение заболеваемости правительства многих стран приняли решения о переводе на дистанционное обучение либо закрытии учебных заведений начального, среднего, специального и высшего образования. По данным ЮНЕСКО, в мировом масштабе это коснулось более 50% учащихся [12]. РФ при переходе на дистанционные формы обучения также столкнулась с рядом проблем, таких как: отсутствие устойчивой интернет-связи в отдельных районах РФ и ухудшение качества восприятия материала; ограниченность функционала бесплатно распространяемого программного обеспечения (так называемого free software), необходимого для онлайн-обучения (Zoom, Cisco Webex и др.); ограниченные возможности населения, особенно многодетных и малоимущих семей, по приобретению необходимого количества средств вычислительной техники (ПЭВМ, планшетные компьютеры и пр.) и программного обеспечения для дистанционного обучения и пр. [5].

Также сильно пострадала от последствий пандемия COVID-19 сфера культуры, что было обусловлено введением режима самоизоляции и закрытием межгосударственных границ. В результате чего в начале марта 2020 г. практически во всех странах были отменены гастроли, закрыты театры, концертные залы, вве-

дены запреты/ограничения на проведение культурно-массовых мероприятий, перенесены сроки проведения выставок и пр. Это подтолкнуло данную сферу к переходу в интернет-пространство. В результате чего широкое распространение получили онлайн-технологии (виртуальные экскурсии, концерты, онлайн-репетиции). Веденные карантинные меры оказали негативное влияние на киноиндустрию, что было связано как с закрытием кинотеатров, так и с ограничениями по размещению зрителей, что усилило ранее существовавшие тенденции к переходу кинематографа на интернет-платформы [13].

Но наибольший ущерб в период пандемии понесла туристическая сфера. С учетом того, что ВВП в ряде государств (Греция, Черногория и пр.) данный бизнес составляет более 20 %, указанные страны понесли ощутимые потери [13]. На этом фоне стал активно развиваться внутренний туризм, из которого наиболее популярными направлениями в РФ к осени 2020 г. стали Сочи, Абхазия, Калининград, Санкт-Петербург и Хакасия [14]. Однако вследствие введения карантинных ограничений до 20% отечественных турагентств в итоге подошли к стадии банкротства [15].

В этой связи в период пандемии COVID-19 особую востребованность получили информационно-телекоммуникационные системы. Сетевой трафик в период введения ограничительных мер в отдельных странах возрос на 70% и более [16]. Перевод на самоизоляцию показал, что услуги операторов связи практически легли в основу жизнеобеспечения населения большинства стран мира (общение с родными и близкими, работа «на удаленке», дистанционное обучение, онлайн-тренировки, интернет-торговля, онлайн-заказы, доставка продовольствия и предметов повседневного спроса, виртуальные онлайн-экскурсии, онлайн-концерты, онлайн-кинотеатры/театры и т. п.).

Это, в свою очередь, повысило спрос на услуги операторов связи и вызвало дополнительную нагрузку на информацион-

но-телекоммуникационные системы, что потребовало привлечения дополнительных инвестиций в указанную сферу. Однако, несмотря на предпринятые меры, доходность деятельности отдельных операторов («Вымпелком», «Эр-Телеком»), предоставляющих услуги интернет-связи, имела тенденции к снижению. В первую очередь это связано с переходом многих компаний на дистанционный режим работы и, как следствие, сокращением доли выручки от корпоративных клиентов. С другой стороны, компании, сделавшие ставку на предоставление цифровых сервисов, например такие, как «Ростелеком», в 2020 г. существенно увеличили свою прибыль [17].

Подводя итог, можно утвердительно заключить, что пандемия COVID-19 оказала колоссальное влияние на практически все сферы человеческой деятельности. Однако объем настоящей статьи не позволяет провести полный анализ ее влияния на отрасли материального и нематериального общественного производства.

С учетом тенденций инновационного развития современной экономики, которые отражены в работах [18; 19; 20], ключевые направления трансформации общественного производства РФ в период пандемии COVID-19 связаны с глобальной цифровизацией всех его отраслей. Это должно реализовываться в первую очередь в науке, медицине (телемедицине), образовании, культуре, торговле, логистике и транспорте. В отраслях промышленного производства внедрение подобных технологий очень часто затруднено в связи с их сложной организационной структурой, нормативно-правовыми ограничениями, особенностью технологических процессов. Это требует нового экономического мышления, кардинальной перестройки промышленного производства, внедрения робототехники и формирования новых социальных отношений.

Эффективность развития перечисленных выше направлений имеет непосредственную связь со степенью развитости и

состоянием информационно-телекоммуникационных систем. Переход многих сфер материального и нематериального производства на качественно новый уровень напрямую зависит от возможностей технологий и высокоскоростных средств передачи цифровых данных. Обеспечение доступности населения, внедрение новых технологий высокоскоростной передачи информации, повышение доступности абонентов к сети Интернет в различных районах страны должны стать перспективными направлениями экономического развития РФ в ближайшем будущем.

Выводы

С одной стороны, пандемия COVID-19 уже нанесла огромный ущерб экономикам всех мировых стран, но с другой – дала толчок к переосмыслению общечеловеческих ценностей, выявила наиболее узкие места в сферах материального и нематериального общественного производства, создала предпосылки к их структурной трансформации за счёт изменения социально-экономической политики, внедрения инновационных цифровых технологий.

Список литературы

1. Логистические тренды 2020–2021 года: влияние пандемии COVID-19 на перевозки. URL: <https://www.retail.ru/articles/logisticheskie-trendy-2020-2021-goda-vliyanie-pandemii-covid-19-na-perevozki/> (дата обращения: 02.07.2021).
2. Пандемия заставила компании пересобрать цепочки поставок. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/06/16/832460-pandemiya-zastavila> (дата обращения: 15.07.2021).
3. Какие проблемы сельского хозяйства выявил коронавирус. URL: <https://www.dairynews.ru/news/kakie-problemy-selskogo-khozyaystva-vyavil-korona.html> (дата обращения: 15.07.2021).
4. COVID-19 и медицина будущего: пандемия ускорила инновации в здравоохранении. URL: <https://www.dw.com/ru/covid-19-i-medicina-budushhego-pandemija-uskorila-innovacii/a-56697529> (дата обращения: 22.07.2021).
5. Шугаева О. В. Дистанционное обучение. История развития и проблемы в современной России // Проблемы образования и науки. 2021. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30871> (дата обращения: 22.07.2021).
6. Дайджест. Воздействие пандемии COVID-19 на промышленность и экологию // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-prom.pdf> (дата обращения: 06.07.2021).
7. Какие отрасли российской промышленности пострадали от пандемии коронавируса сильнее всего. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/404085-kakie-otrasli-rossiyskoj-promyshlennosti-postradali-ot-pandemii-koronavirusa-silnee> (дата обращения: 05.07.2021).
8. Страны ОПЕК+ заключили соглашение о рекордном сокращении добычи нефти. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/04/2020/5e9357129a79473d1267e1d6> (дата обращения: 06.07.2021).
9. Дайджест. Транспортная сфера в контексте COVID-19 // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-transport.pdf> (дата обращения: 06.07.2021).
10. Ментюкова С. В. Выживают вкуснейшие. Как рестораны и бары спасают свой бизнес в пандемию // Российская газета. 2020. 27 окт. (№ 242 (8296)).
11. ВОЗ: COVID-19 бьет по системам здравоохранения – как смягчить удар. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/08/1384832> (дата обращения: 22.07.2021).
12. Образование: от закрытия учебных заведений до возобновления их работы. URL: <https://ru.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 21.07.2021).
13. Дайджест. Культура в условиях пандемии COVID-19 // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).
14. Турные новости: после пандемии закрылось каждое пятое туристическое агентство. URL: <https://iz.ru/1063396/ekaterina-vinogradova/turnye-novosti-posle-pandemii-zakrylos-kazhdoe-piatoe-turisticheskoe-agentstvo> (дата обращения: 06.07.2021).

15. Пандемия коронавируса «закрыла» до 20% российских турагентств. URL: <https://iz.ru/1060852/2020-09-15/pandemiia-koronavirusa-zakryla-do-20-rossiiskikh-turagenstv> (дата обращения: 06.07.2021).
16. Телеком-компании и коронавирус: три действия для управления кризисом. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5e8dab359a79470cb8c55a65> (дата обращения: 25.07.2021).
17. На связи с пандемией. URL: https://special.kommersant.ru/pandemic/na_svyazi.html (дата обращения: 23.07.2021).
18. Брагина А. В., Вертакова Ю. В., Евченко А. В. Формирование и развитие сквозных технологий планирования деятельности предприятия в условиях цифровизации экономики: теория и практика Курск: Университетская книга, 2020. 127 с.
19. Moving Towards "Digit": Via The Management of Economic Security to Ensure Sustainable Development / E. Karpunina, I. Podmolodina, O. Averina, I. Kuznetsov, S. Solonina // Digital Future: Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives / T. Kolmykova, E. Kharchenko [et al.]. Springer, 2020. P. 81–93.
20. Practical Application of the Theory of Constraints in the Economic Security of Enterprises on the Example of Critical Chain Project Management (CCPM) / E. Karpunina, O. Savvateeva, N. Chermisina, O. Shugaeva // Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference. P. 3820–3828.

References

1. Logisticheskie trendy 2020–2021 goda: vliyanie pandemii COVID-19 na perevozki [Logistics trends of 2020-2021: the impact of the COVID-19 pandemic on transportation]. Available at: <https://www.retail.ru/articles/logisticheskie-trendy-2020-2021-goda-vliyanie-pandemii-covid-19-na-perevozki/>. (accessed 02.07.2021)
2. Pandemiya zastavila kompanii peresobrat' tseppochki postavok [The pandemic has forced companies to reassemble the supply chain]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/06/16/832460-pandemiya-zastavila>. (accessed 15.07.2021)
3. Kakie problemy sel'skogo khozyaistva vyyavil koronavirus [What problems of agriculture have been revealed by the coronavirus]. Available at: <https://www.dairynews.ru/news/kakie-problemy-selskogo-khozyaistva-vyyavil-korona.html>. (accessed 15.07.2021)
4. COVID-19 i meditsina budushchego: pandemiya uskorila innovatsii v zdravookhranении [COVID-19 and the medicine of the future: the pandemic accelerated innovations in healthcare]. Available at: <https://www.dw.com/ru/covid-19-i-medicina-budushchego-pandemija-uskorila-innovacii/a-56697529>. (accessed 22.07.2021)
5. Shugaeva O. V. Distantionnoe obuchenie. Istoriya razvitiya i problemy v sovremennoi Rossii [Distance learning. History of development and problems in modern Russia]. *Problemy obrazovaniya i nauki = Problems of Education and Science*, 2021, no. 3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30871>. (accessed 22.07.2021)
6. Daidzhest. Vozdeistvie pandemii COVID-19 na promyshlennost' i ekologiyu [Digest. The impact of the COVID-19 pandemic on industry and the environment]. Schetnaya palata Rossiiskoi Federatsii [Audit Chamber of the Russian Federation]. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-prom.pdf>. (accessed 06.07.2021)
7. Kakie otrasli rossiiskoi promyshlennosti postradali ot pandemii koronavirusa sil'nee vsego [Which branches of the Russian industry have suffered the most from the coronavirus pandemic]. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/404085-kakie-otrasli-rossiyskoy-promyshlennosti-postradali-ot-pandemii-koronavirusa-silnee>. (accessed 05.07.2021)
8. Strany OPEK+ zaklyuchili soglasenie o rekordnom sokrashchenii dobychi nefi [OPEC+ countries have signed an agreement on a record reduction in oil production]. Available at: <https://www.rbc.ru/business/12/04/2020/5e9357129a79473d1267e1d6>. (accessed 06.07.2021)

9. Daidzhest. Transportnaya sfera v kontekste SOVID-19. Schetnaya palata Rossiiskoi Federatsii [Digest. The transport sector in the context of COVID-19. Audit Chamber of the Russian Federation]. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-transport.pdf>. (accessed 06.07.2021)
10. Mentuykova S. V. Vyzhivayut vkusneishie. Kak restorany i bary spasayut svoi biznes v pandemiyu [The tastiest survive. How restaurants and bars are saving their business in a pandemic]. *Rossiiskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2020, October 27, no. 242(8296).
11. VOZ: COVID-19 b'et po sistemam zdravookhraneniya – kak smyagchit' udar [WHO: COVID-19 hits health systems – how to soften the blow]. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2020/08/1384832>. (accessed 22.07.2021)
12. Obrazovanie: ot zakrytiya uchebnykh zavedenii do vozobnovleniya ikh raboty [Education: from the closure of educational institutions to the resumption of their work]. Available at: <https://ru.unesco.org/covid19/educationresponse>. (accessed 21.07.2021)
13. Daidzhest. Kul'tura v usloviyakh pandemii COVID-19 [Digest. Culture in the context of the COVID-19 pandemic]. Schetnaya palata Rossiiskoi Federatsii [Audit Chamber of the Russian Federation]. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf>. (accessed 03.07.2021)
14. Turnye novosti: posle pandemii zakrylos' kazhdoe pyatoe turisticheskoe agentstvo [Tour news: after the pandemic, every fifth travel agency was closed]. Available at: <https://iz.ru/1063396/ekaterina-vinogradova/turnye-novosti-posle-pandemii-zakrylos-kazhdoe-piatoe-turisticheskoe-agentstvo>. (accessed 06.07.2021)
15. Pandemiya koronavirusa "zakryla" do 20% rossiiskikh turagentstv [The coronavirus pandemic "closed" up to 20% of Russian travel agencies]. Available at: <https://iz.ru/1060852/2020-09-15/pandemiya-koronavirusa-zakryla-do-20-rossiiskikh-turagentstv>. (accessed 06.07.2021)
16. Telekom-kompanii i koronavirus: tri deistviya dlya upravleniya krizisom [Telecom companies and coronavirus: Three actions to manage the crisis]. Available at: <https://pro.rbc.ru/demo/5e8dab359a79470cb8c55a65>. (accessed 25.07.2021)
17. Na svyazi s pandemiei [In connection with the pandemic]. Available at: <https://special.kommersant.ru/pandemic/na-svyazi.html>. (accessed 23.07.2021)
18. Bragina A. V. Formirovanie i razvitie skvoznykh tekhnologii planirovaniya deyatel'nosti predpriyatiya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: teoriya i praktika [Formation and development of end-to-end technologies for enterprise activity planning in the conditions of digitalization of the economy: theory and practice]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020. 127 p.
19. Karpunina E., Podmolodina I., Averina O., Kuznetsov I., Solonina S. Moving Towards "Digit": Via The Management of Economic Security to Ensure Sustainable Development. Digital Future: Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives; T. Kolmykova, E. Kharchenko, eds. Springer, 2020, pp. 81–93.
20. Karpunina E., Savvateeva O., Cheremisina N., Shugaeva O. Practical Application of the Theory of Constraints in the Economic Security of Enterprises on the Example of Critical Chain Project Management (CCPM). Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference, pp. 3820–3828.

Информация об авторе / Information about the Author

Шугаева Ольга Валентиновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Olga.sop@mail.ru

Olga V. Shugaeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Olga.sop@mail.ru

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-105-115>

Особенности производственного менеджмента в телекоммуникационной сфере

А. Ю. Каширцева¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kaschirtsevaanna2012@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Управленческие процессы любого уровня имеют тенденцию постоянно усложняться, и для повышения их эффективности необходимо рассматривать и совершенствовать отдельные его аспекты. Именно поэтому значение производственного менеджмента как специфического вида деятельности по управлению основными бизнес-процессами организации сейчас особенно велико. Современная экономическая реальность создает условия, при которых необходимо постоянное совершенствующие управленческих практик для повышения конкурентоспособности выпускаемого организацией продукта. Все это характерно для таких быстроразвивающихся отраслей, как телекоммуникация.*

Целью исследования, представленного в статье, является выявление особенностей производственного (операционного) менеджмента в телекоммуникационной сфере для нахождения оптимальных путей его совершенствования.

Задачами исследования являются выявление универсальных принципов современного производственного менеджмента; выявление особенностей основных бизнес-процессов компаний телекоммуникационной отрасли; формулирование особенностей производственного менеджмента в телекоммуникационной сфере; разработка основных направлений совершенствования производственного менеджмента телекоммуникационной сферы.

Методология исследования включает общенаучные методы, такие как компаративный анализ источников, системный анализ и синтез фактов, индукция и аналогия.

Результатами исследования являются перечень особенностей производственного менеджмента в телекоммуникационной сфере и актуальные пути его совершенствования.

Автором получены **выводы** о том, что производственный (операционный) менеджмент является специфическим видом управленческой деятельности, который позволяет управлять основными бизнес-процессами организаций и повышать конкурентоспособность продукта организации, имея при этом свои основные характеристики, особенности и пути развития. Кроме того, существуют определенные особенности производственного (операционного) менеджмента в телекоммуникационной сфере, выявление которых позволяет выделить пути его совершенствования.

Ключевые слова: производственный менеджмент; операционный менеджмент; телекоммуникационная отрасль; направления совершенствования производственного менеджмента.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Каширцева А. Ю. Особенности производственного менеджмента в телекоммуникационной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 105–115. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-105-115>.

Поступила в редакцию 05.08.2021

Принята к публикации 03.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Каширцева А. Ю., 2021

Features of Production Management in the Telecommunications Sector

Anna Yu. Kashirtseva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kaschirtsevaanna2012@yandex.ru

Abstract

Relevance. Management processes at any level tend to constantly become more complicated and to increase their effectiveness, it is necessary to review and improve its individual aspects. This is why the importance of production management as a specific type of activity for managing the main business processes of an organization is now especially great. The modern economic reality creates conditions under which it is necessary to constantly improve management practices to increase the competitiveness of the product produced by the organization. All this is typical for such rapidly developing industries as telecommunications.

The purpose of the research presented in the article is to identify the features of production (operational) management in the telecommunications sector in order to find optimal ways to improve it.

The objectives of the research are to identify the universal principles of modern production management; to identify the features of the main business processes of companies in the telecommunications industry; to formulate the features of production management in the telecommunications sector; development of the main directions for improving the production management of the telecommunications sector.

The research **methodology** includes general scientific methods such as comparative analysis of sources, system analysis and synthesis of facts, induction and analysis.

The result of the study is a list of features of production management in the telecommunications sector and current ways to improve it.

The author draws **conclusions** that production (operational) management is a specific type of management activity that allows you to manage the main business processes of organizations and increase the competitiveness of the organization's product, while having its own main characteristics, features and development paths. In addition, there are certain features of production (operational) management in the tele-communication sphere, the identification of which allows us to identify ways to improve it.

Keywords: production management; operational management; telecommunications industry; areas of improvement of production management.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kashirtseva A. Yu. Features of Production Management in the Telecommunications Sector. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 105–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-105-115>.

Received 05.08.2021

Accepted 03.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Современная управленческая практика имеет множество значимых аспектов, которые раскрывают различные стороны управленческого процесса. Производственный (или операционный) менеджмент представляет собой управление основной деятельностью компании (основных бизнес-процессов), связанной с получением основного дохода [1]. При этом одной из главных его целей является повышение конкурентоспособности

продукта, предлагаемого организацией, а также оптимизация операционного цикла. На сегодняшний день координация производственного (в широком смысле) процесса осуществляется на основе научных концепций и с соблюдением принципов системного подхода, однако, постоянное изменение внешней для организации среды и кризисные ситуации, обусловленные макроэкономическими факторами, требуют адаптации процесса к конкретным отраслевым условиям. Теле-

коммуникационная отрасль является важной частью российской экономики и обладает своими, только ей присущими особенностями, поэтому необходимо формировать новые механизмы и пути совершенствования производственного (операционного) менеджмента в телекоммуникационной сфере.

Материалы и методы

В качестве методологии исследования применялись общенаучные методы, такие как компаративный анализ источников, системный анализ и синтез фактов, индукция и аналогия. На основе открытых источников, тематических научных статей в периодической литературе и статистических данных были систематизированы принципы, характерные для производственного менеджмента. Данные принципы, в свою очередь, были выявлены путем синтеза подходов к определению производственного менеджмента различных авторов. Для определения требований к производственному менеджменту в рамках современной телекоммуникационной отрасли был проведен статистический анализ данных по телекоммуникационной отрасли за 2017–2021 гг. и был сделан количественный прогноз на 2022 г. методом экстраполяции тренда.

Результаты и их обсуждение

В основе производственного менеджмента, как и других видов управления, лежат определенные принципы, которые сформировались в результате исторического развития этого вида управления [2]. В целом различные авторы используют разные классификационные приемы для выделения основополагающих принципов производственного менеджмента [3; 4, с. 41]. Однако на сегодняшний день можно выделить обобщенные принципы, характерные для всех концепций производственного менеджмента (рис. 1) [3].

Кратко раскроем указанные на рисунке 1 принципы. Научность управления

означает, что производственный менеджмент должен опираться на научно обоснованные концепции и парадигмы, в т. ч. на системный и ситуационный подходы. При этом необходимо помнить, что любой менеджмент – это, прежде всего, общение с людьми, а производственный менеджмент предполагает оперативное руководство, а значит, постоянное взаимодействие с сотрудниками и частое принятие управленческих решений, поэтому необходимо наряду с научными подходами активно использовать то, что получило название «искусство управления», т. е. нахождение индивидуального подхода к каждому сотруднику.

Таким образом, мы переходим к следующему принципу – это индивидуальность и универсальность. Он предполагает, что в процессе осуществления производственного менеджмента необходимо соблюдать баланс при применении универсальных принципов управления с индивидуальным подходом, обусловленным отраслью, масштабом компании и личными характеристиками сотрудников.

Целенаправленность заключается в необходимости устанавливать и достигать краткосрочные цели, характерные для данного вида деятельности. Данный принцип говорит о важности планирования производства (основной деятельности) и контроля достижения целей.

Принцип последовательности говорит о соблюдении этапов управленческого цикла.

Принцип вознаграждения всех участников подчеркивает важность мотивационной составляющей для поддержания эффективности основных бизнес-процессов компании.

Основываясь на данных принципах, можно сформулировать основную суть производственного (операционного) менеджмента – это наука и практическая деятельность, направленные на повышение конкурентоспособности продукта компании за счет оптимизации основных бизнес-процессов.

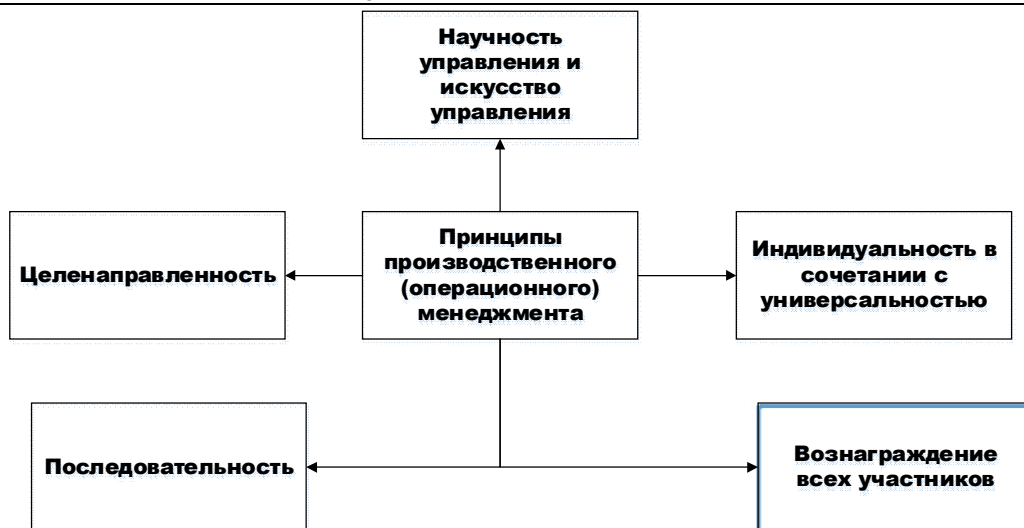

Рис. 1. Обобщенные принципы производственного менеджмента

На основе данного определения выделим основные составляющие производственного (операционного) менеджмента (ПМ) (рис. 2) [2; 5].

Перенос общих принципов и концепций, характерных для производственного менеджмента, на конкретные условия функционирования предприятий конкретных отраслей всегда требует их определенной адаптации. Особенно актуально это для отраслей, которые

оказывают услуги. Их операционный цикл имеет специфические черты, которые определяют особенности производственного (операционного) менеджмента. Все эти тенденции напрямую относятся к телекоммуникационной отрасли, которая имеет специфические черты не только как отрасли услуг, но и обусловленные характером самой отрасли [6, с. 1913].

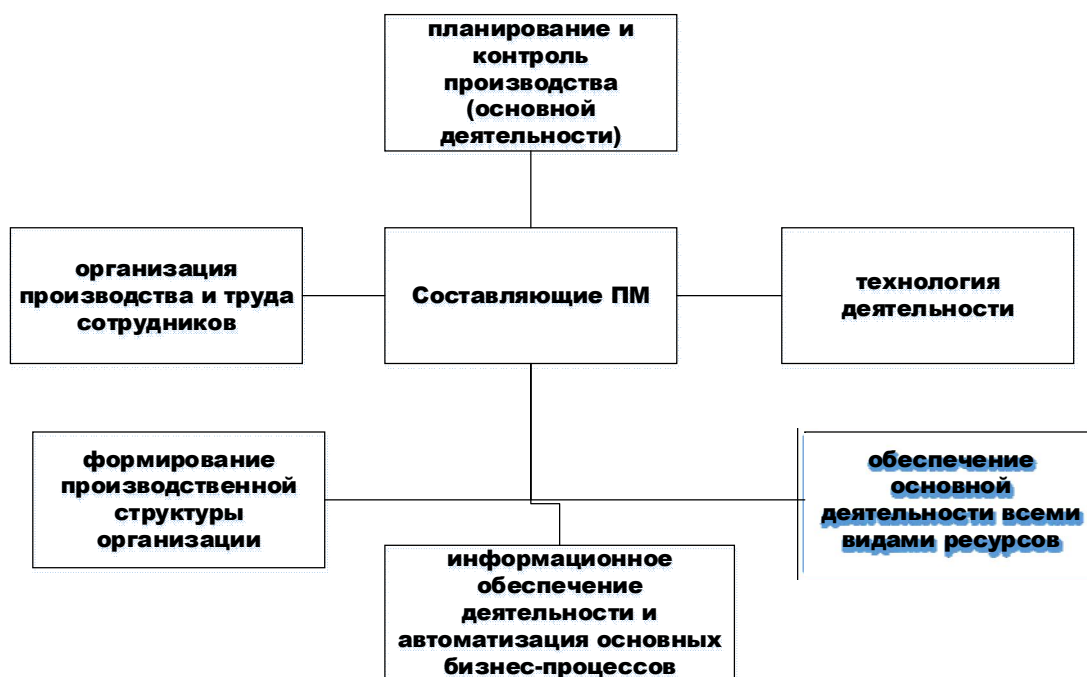

Рис. 2. Основные составляющие производственного (операционного) менеджмента

Для выявления ряда специфических для телекоммуникационной отрасли особенностей производственного (операционного) менеджмента необходимо провести обобщающий анализ текущего состояния российской телекоммуникационной отрасли.

Рассмотрим основные показатели, характеризующие значимые сегменты телекоммуникационного рынка. Первым

показателем является общий IP-трафик. К 2022 г. прогнозируется (различными аналитическими агентствами) рост общего IP-трафика до 396 эксабайт в месяц, если сравнить с объемом в 2017 г. (122 эксабайта), то ожидается рост более чем в 3 раза [7]. Следовательно, общий среднегодовой темп роста (CAGR) IP-трафика будет составлять 26% (рис. 3) [8, с. 1913; 9; 10].

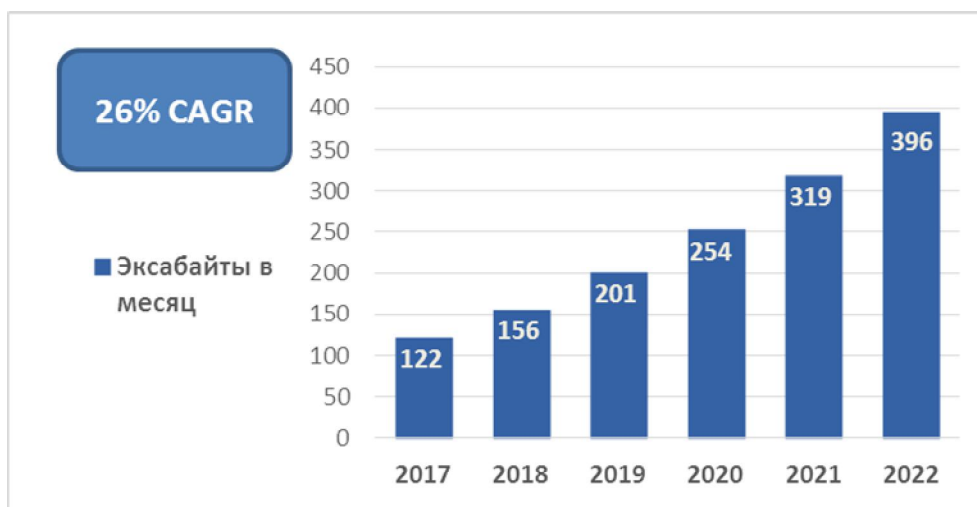

Рис. 3. Общий рост IP-трафика 2017-2022 год

Следующим показателем является объем телекоммуникационного рынка, который на начало 2020 г. составил 1,73 трлн руб., что позволяет сделать выводы о уменьшении темпов роста отрасли по сравнению с темпами предыдущих двух лет (2,1%) (рис. 4) [8, с. 1913].

Одной из причин снижения роста является замедление роста рынка мобильной связи, который формирует около 57% всей выручки телекоммуникационных компаний и тем самым определяет динамику роста данной отрасли [11, с.113; 12; 13, с. 16].

Еще одним негативным фактором является высокий темп снижения объемов выручки на рынке межоператорских услуг и фиксированной телефонной связи [14, с. 461; 15, с. 294]. На рисунке 5 пред-

ставлена структура телеком рынка России за начало 2020 г. [8, с. 1914]. Анализ рассматриваемых параметров показывает, что существует существенная необходимость совершенствования операционного менеджмента в телекоммуникационных компаниях, поскольку управление должно изменяться и подстраиваться под меняющиеся объемы IP-трафика, операционные менеджеры (владельцы основных бизнес-процессов) должны трансформировать свой подход к управленческому процессу и типу предоставляемых услуг, иначе их ждет постепенное уменьшение роста доходов ввиду уменьшения спроса на «традиционные» услуги телекоммуникационных компаний, таких как фиксированная телефония, межоператорские услуги и т. д. [16, с. 461; 17; 18, с. 35].

Рис. 4. Динамика рынка телекоммуникаций 2016 – 2020 гг. в России

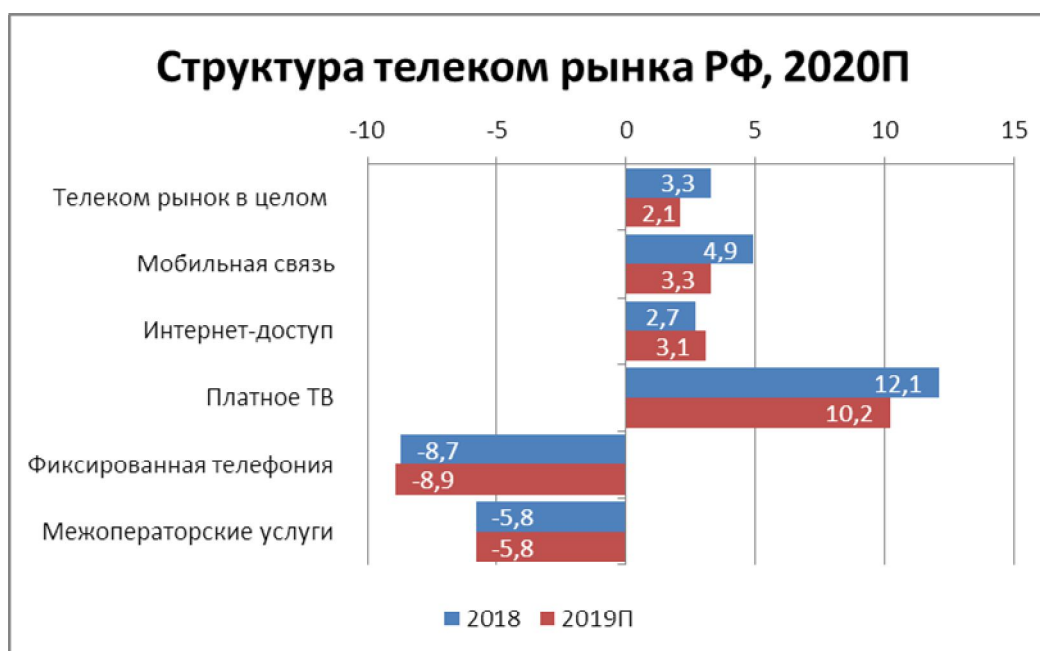

Рис. 5. Структура телеком рынка России на начало 2020 гг.

Исследования показывают, что организации телекоммуникационной отрасли в основном опираются на процессные модели управления, при этом из производственная (в широком смысле) структура изначально выстраивалась по принципам процессного управления [19, с. 294]. При этом, по мнению некоторых

авторов [8, с. 1915], телекоммуникационная отрасль входит в группу так называемых цифрозависимых отраслей, поэтому информационно-коммуникационные технологии имеют большое значение для основной деятельности телекоммуникационных компаний. Следовательно, одними из особенностей производственного

(в данном случае – операционного) менеджмента телекоммуникационных компаний являются высокая степень автоматизации основных бизнес-процессов и достаточно высокий темп обновления необходимого оборудования. Эти особенности обусловлены конкурентными условиями в отрасли.

Телекоммуникационная отрасль всегда испытывает на себе влияние НТП, поскольку напрямую связана с высокотехнологическим оборудованием и технологиями. Этот фактор обуславливает особые требования к квалификации сотрудников и системе повышения их квалификации. Кроме того, развитие этого фактора подразумевает, что менеджеры всех уровней для принятия решений должны ориентироваться на наилучшие результаты и методики, характерные для данной сферы, а значит, иметь специфические знания, на основе которых можно оценить ценность и перспективность той или иной технологии, обеспечивающей высокую конкурентоспособность оказываемых услуг. Следовательно, менеджеры телекоммуникационных компаний должны постоянно обновлять свои знания как в методике управления, так и в технологически вопросах, связанных с основными бизнес-процессами компании [20, с. 17]. Эта особенность подразумевает использование современных образовательных технологий непрерывного обучения для поддержания нужной квалификации менеджеров телекоммуникационных компаний.

Выводы

В целом производственный (операционный) менеджмент является специфическим видом управленческой деятельности, которая позволяет управлять основными бизнес-процессами организаций и повышать конкурентоспособность продукта организации (товара или услу-

ги). При этом его основные характеристики включают в себя: планирование производства (основной деятельности), организацию производства и труда сотрудников (в т. ч. использование мотивационных инструментов в текущей деятельности), выбор технологий деятельности, контроль основной деятельности, формирование производственной структуры организации, обеспечение основной деятельности всеми видами ресурсов, а также информационное обеспечение деятельности и автоматизацию основных бизнес-процессов.

Все выделенные выше характеристики производственного (операционного) менеджмента в определенной степени относятся к организациям телекоммуникационной отрасли, при этом были выделены следующие особенности:

1) основные бизнес-процессы телекоммуникационных компаний связаны с оказанием услуг связи, что обуславливает выбор технологий, ресурсов и организации труда сотрудников;

2) услуги связи относятся к быстроменяющимся продуктам и требуют постоянного повышения конкурентоспособности относительно конкурентов, что накладывает определенные особенности на процессы мотивации, оперативного планирования и организации деятельности;

3) уровень автоматизации основных бизнес-процессов телекоммуникационных компаний является достаточно высоким, однако, специфика отрасли такова, что степень и качество автоматизации должны постоянно повышаться, что отражается на производственных отношениях, требованиях к сотрудникам и процессах внутреннего обучения и повышения квалификации.

Выделенные особенности производственного (операционного) менеджмента в телекоммуникационной сфере позво-

ляют сформулировать следующие пути повышения его эффективности:

1) использование новых технологий дистанционного образования для повышения эффективности процесса повышения квалификации сотрудников телекоммуникационных компаний;

2) использование технологии бенчмаркинга в рамках оперативного планирования основной деятельности;

3) создание условий для постепенной модернизации программного обеспечения и технических средств, необходимых

для автоматизации основных бизнес-процессов телекоммуникационных компаний.

Таким образом, современные требования к организации производственного (операционного) менеджмента в телекоммуникационной сфере достаточно высоки и требуют активного внедрения актуальных информационно-коммуникационных технологий, современных технологий непрерывного образования сотрудников и постоянного совершенствования технологий оказания услуг связи.

Список литературы

1. Кустова Л. А., Сыроватский В. А. Анализ и совершенствование основных принципов производственного менеджмента // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-3. С. 79–83.

2. Калимов О. В. Повышение конкурентоспособности предприятия на региональном рынке инфокоммуникационных услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3 (20). С. 112–122.

3. Жемчугов А. М., Жемчугов М. К. Четыре системы управления предприятием и практические методы повышения их эффективности // Менеджмент сегодня. 2021. № 3. С. 220–235.

4. Бабич Т. Н., Брагина А. В., Мотренко Д. В. Концептуальные основы технологической модернизации промышленных предприятий // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XV Международной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. С. 41–45.

5. Самохвалова Д. И. Особенности производственного менеджмента // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2016. № 38. С. 116–121.

6. Telecommunications Market Trends in the Digital Economy / M. Plakhotnikova, O. Sogacheva, I. Androsova, E. Simonenko // Education excellence and innovation management: a 2025 vision to sustain economic development during global challenges: 35th International-Business-Information-Management-Association Conference (IBIMA). Seville, 2020. P. 1913–1918.

7. Развитие телекоммуникационных услуг как базис для перехода к цифровой экономике / Н. С. Маслов, Н. С. Завиваев, Н. В. Проскура, Н. Н. Кондратьева // Вестник НГИЭИ. 2018. № 12 (91). С. 87–96.

8. Лю С. Сквозное управление производственными системами предприятий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 281–289.

9. Синица С. А. Анализ тенденций развития глобального рынка телекоммуникационных услуг // Вестник евразийской науки. 2019. № 1. С. 30.

10. Repinskiy O. D. Information and telecommunications technologies as one of the factors of Russia's strategic development // Journal of Physics: Conference Series. 2020. N 1661(1). <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1661/1/012075>.

11. Андросова И. В., Шевцов А. Н. Оптимизация управления продажами организации телекоммуникационного сектора в условиях цифровой трансформации // Известия Юго-Западного

государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 113–120.

12. Петрова И. С. Принципы производственного менеджмента // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 42–46.

13. Tikhonov, A., Zelentsova, L. Analysis of external and internal factors of business competitiveness // *Quality - Access to Success*. 2021. N 22(182). P. 16–19.

14. Луганский М. И., Елисеева Н. В. Анализ особенностей рынка телекоммуникаций на примере ПАО «Ростелеком» // Вестник Академии знаний. 2017. № 4 (23). С. 124–129.

15. Плахотникова М. А., Андросова И. В., Согачева О. В. Трансформация управленческих бизнес-процессов телекоммуникационных компаний под влиянием цифровой экономики // Цифровая трансформация экономики и развитие кластеров: монография / под ред. А. В. Бабкина; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2019. С. 294–319. <https://doi.org/10.18720/IEP/2019.4/12>.

16. Фомченкова А. Ю., Филонова А. В., Плахотникова М. А. Особенности применения телекоммуникационных систем в экономике // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сборник статей XX Международной научно-практической конференции / Курский филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Курск, 2020. С. 461–464.

17. Belokur O. S., Tsvetkova G. S., Maslikhina V. Y. Digitalization of the economy in the provincial region: Main trends and problems // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021. N 650(1). P. 012015.

18. Trubnikov D. The Russian Telecommunications Experience: a Positive Outcome of the Competitive Order in the Industry // *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2020. N 20(1). P. 35–58. <https://doi.org/10.1007/s10842-019-00304-5>.

19. Каширцев А. Ю. Цифровизация бизнеса: российский и зарубежный опыт // ЦИТИСЭ. 2020. № 4(26). С. 17–24.

20. Геворгян Р. М., Мартынов Л. М., Старожук Е. А. Менеджмент современных организаций с использованием виртуальной бизнес-среды в условиях цифровой экономики // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12, ч. 4. С. 718–724.

References

1. Kustova L. A., Syrovatsky V. A. Analiz i sovershenstvovanie osnovnykh printsipov proizvodstvennogo menedzhmenta [Analysis and improvement of the basic principles of production management]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Aktualnye Problemy Humanities and Natural Sciences*, 2016, no. 1-3, pp. 79–83.

2. Kalimov O. V. Improving the competitiveness of the enterprise in the regional market of information services [Improving the competitiveness of the enterprise in the regional market of information and communication services]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo university. Series: Economics. Sociology. Management = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2016, no. 3 (20), pp. 112–122.

3. Zhemchugov A. M., Zhemchugov M. K. Chetyre sistemy upravleniya predpriyatiem i prakticheskie metody povysheniya ikh effektivnosti [Four enterprise management systems and practical methods for improving their efficiency]. *Menedzhment segodnya = Management Today*, 2021, no. 3, pp. 220–235.

4. Babich T. N., Bragina A. V., Motrenko D. V. [Conceptual foundations of technological modernization of industrial enterprises]. *Aktual'nye problemy razvitiya khozyaistvuyushchikh sub"ektov, territorii i sistem regional'nogo i munitsipal'nogo upravleniya. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of development of economic entities, territories and systems

of regional and municipal management. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 41–45. (In Russ.).

5. Samokhvalova D. I. Osobennosti proizvodstvennogo menedzhmenta [Features of production management]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad = Modern Trends in Economics and Management: a New Look*, 2016, no. 38, pp. 116–121.

6. Plakhotnikova M., Sogacheva O., Androsova I., Simonenko E. Telecommunications Market Trends in the Digital Economy. Education excellence and innovation management: a 2025 vision to sustain economic development during global challenges. 35th International-Business-Information-Management-Association Conference (IBIMA). Seville, 2020, pp. 1913–1918.

7. Maslov N. S., Zavivaev N. S., Proskura N. V., Kondratieva N. N. Razvitie telekommunikatsionnykh uslug kak bazis dlya perekhoda k tsifrovoi ekonomike [The development of telecommunications services as a basis for the transition to a digital economy]. *Vestnik NGIEI = Bulletin of the NGIEI*, 2018, no. 12 (91), pp. 87–96.

8. Liu S. Skvoznoe upravlenie proizvodstvennymi sistemami predpriyatii [End-to-end management of production systems of enterprises]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 281–289.

9. Sinita S. A. Analiz tendentsii razvitiya global'nogo rynka telekommunikatsionnykh uslug [Analysis of trends in the development of the global market of telecommunications services]. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*, 2019, no. 1, p. 30.

10. Repinskiy O. D. Information and telecommunications technologies as one of the factors of Russia's strategic development. *Journal of Physics: Conference Series*, 2020, no. 1661(1). <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1661/1/012075>

11. Androsova I. V., Shevtsov A. N. Optimizatsiya upravleniya prodazhami organizatsii telekommunikatsionnogo sektora v usloviyakh tsifrovoi transformatsii [Optimization of sales management of the telecommunications sector organization in the conditions of digital transformation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Management = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 113–120.

12. Petrova I. S. Printsipy proizvodstvennogo menedzhmenta [Principles of production management]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya = Socio-Economic Sciences and Humanitarian Studies*, 2016, no. 10, pp. 42–46.

13. Tikhonov A., Zelentsova L. Analysis of external and internal factors of business competitiveness. *Quality - Access to Success*, 2021, no. 22(182), pp. 16–19.

14. Lugansky M. I., Eliseeva N. V. Analiz osobennostei rynka telekommunikatsii na primere PAO "Rostelekom" [Analysis of the peculiarities of the tele-communications market on the example of PJSC Rostelecom]. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2017, no. 4 (23), pp. 124–129.

15. Plakhotnikova M. A., Androsova I. V., Sogacheva O. V. Transformatsiya upravlencheskikh biznes-protsessov telekommunikatsionnykh kompanii pod vliyaniem tsifrovoi ekonomiki [Transformation of managerial business processes of telecommunications companies under the influence of the digital economy]. Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki i razvitie klasterov [Digital transformation of the economy and the development of clusters]; ed. by A. V. Babkin. St. Petersburg, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University" Publ., 2019, pp. 294–319. <https://doi.org/10.18720/IEP/2019.4/12>

16. Fomchenkova A. Yu., Filonova A. V., Plakhotnikova M. A. [Features of the use of telecommunications systems in the economy]. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: problemy i puti ikh resheniya. Sbornik statei XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Management of socio-economic development of regions: problems and ways to solve them. Collection of articles of the 10th International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Kursk Branch of the Federal State

Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation" Publ., 2020, pp. 461–464. (In Russ.)

17. Belokur O. S., Tsvetkova G. S., Maslikhina V. Y. Digitalization of the economy in the provincial region: Main trends and problems. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2021, no. 650(1), p. 012015.

18. Trubnikov D. The Russian Telecommunications Experience: a Positive Outcome of the Competitive Order in the Industry. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 2020, no. 20(1), pp. 35–58. <https://doi.org/10.1007/s10842-019-00304-5>

19. Kashirtseva A. Yu. Tsifrovizatsiya biznesa: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Digitalization of business: Russian and foreign experience]. *TsITISE = CITISE*, 2020, no. 4(26), pp. 17–24.

20. Gevorgyan R. M., Martynov L. M., Starozhuk E. A. Menedzhment sovremennykh organizatsii s ispol'zovaniem virtual'noi biznes-sredy v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Management of modern organizations using a virtual business environment in the digital economy]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2017, no. 12, pt. 4, pp. 718–724.

Информация об авторе / Information about the Author

Каширцева Анна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kaschirtsevaanna2012@yandex.ru

Anna Yu. Kashirtseva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kaschirtsevaanna2012@yandex.ru

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ И ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DEVELOPMENT PRIORITIES OF MARKETING AND LOGISTICS ACTIVITIES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-116-133>

Значение цифровых технологий в логистике морских портов

В. В. Жохова¹ ✉, А. Р. Блюдик¹

¹ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
ул. Гоголя 41, г. Владивосток 690014, Российская Федерация

✉ e-mail: zhokhova@gmail.com

Резюме

Актуальность. В статье проводится исследование влияния цифровизации на логистическую деятельность морских портов. Оптимизация рабочих операций морских портов неразрывно связана с эффективным движением и обработкой большого количества информации между всеми участниками логистической цепочки. Использование электронного документооборота, «цифровых близнецов», информационных цифровых платформ рассматривается в данной статье как один из элементов модернизации логистики морских портов. В Российской Федерации вопросы конкурентоспособности и повышения эффективности работы морских портов, в т. ч. с использованием цифровых технологий, повышения уровня их инновационности являются особенно актуальными. Каково же значение их применения в исследуемой области, обусловлено ли оно внедрением «умных» сетевых систем или возможностью организации труда на новой основе?

Целью исследования является необходимость выявления преимуществ и недостатков использования цифровых технологий в системе управления логистической деятельностью морских портов на примере Приморского края.

Задачи: провести наукометрический анализ научных статей, изучающих предметную область; проанализировать основные подходы к определению «цифровые технологии в логистике»; выявить достоинства применения цифровых технологий в логистике; определить их значение для развития логистической деятельности в морских портах.

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ научной и нормативной литературы, изучение международной практики. Используются методы сравнительного и системного анализа, позволяющие исследовать логистическую деятельность морских портов региона.

Результаты. В работе оценены результаты теоретической дискуссии при исследовании понятия «цифровые технологии» в логистической деятельности. Представлены результаты исследования системы управления логистикой морских портов с использованием цифровых технологий на примере Приморского края в период 2020–2021 гг.

Выводы. Основные результаты исследования в области цифровизации логистических систем транспортных и грузовых потоков могут внести определенный вклад в развитие теоретических знаний в данной области, а также помочь менеджерам морских портов в модернизации логистической деятельности.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые технологии; управление логистикой; информационное взаимодействие; электронный документооборот; морской порт.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Жохова В. В., Блюдик А. Р., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 116–133

Для цитирования: Жохова В. В., Блюдик А. Р. Значение цифровых технологий в логистике морских портов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 116–133. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-116-133>.

Поступила в редакцию 15.08.2021

Принята к публикации 10.09.2021

Опубликована 29.10.2021

The Importance of Digital Technologies in the Logistics of Seaports

Valentina V. Zhokhova¹ ✉, Angelina R. Bluydik¹

¹Vladivostok State University of Economics and Service
41 Gogol str., Vladivostok 690014, Russian Federation

✉ e-mail: zhokhova@gmail.com

Abstract

Relevance. The article examines the impact of digitalization on the logistics activities of seaports. Optimization of the working operations of seaports is inextricably linked with the efficient movement and processing of a large amount of information between all participants in the logistics chain. The use of electronic document management, "digital twins", digital information platforms are considered in this article as one of the elements of modernization of logistics of seaports. In the Russian Federation, the issues of competitiveness and improving the efficiency of seaports, including using digital technologies, increasing the level of their innovation are particularly relevant. What is the significance of their application in the field under study, is it due to the introduction of "smart" network systems or the possibility of organizing work on a new basis?

The purpose of the study is the need to identify the advantages of using digital technologies in the management system of logistics activities of seaports on the example of the Primorsky Territory.

Objectives: to conduct a scientometric analysis of scientific articles studying the subject area; to analyze the main approaches to the definition of "digital technologies in logistics"; to identify the advantages of using digital technologies in logistics; to determine their significance for the development of logistics activities in seaports.

Methodology. The research methodology is based on an integrated approach, including the analysis of scientific and normative literature, the study of international practice. The methods of comparative and system analysis are used to investigate the logistics activities of the seaports of the region.

Results. The paper evaluates the results of a theoretical discussion in the study of the concept of digital technologies in logistics activities. The results of the study of the logistics management system of seaports using digital technologies on the example of the Primorsky Territory in the period 2020-2021 are presented.

Conclusions. The main results of the research in the field of digitalization of logistics systems of transport and cargo flows can make a certain contribution to the development of theoretical knowledge in this field. And also to help the managers of seaports in the modernization of logistics activities.

Keywords: digitalization; digital technologies; logistics management; information interaction; electronic document management; seaport.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhokhova V. V., Bluydik A. R. The Importance of Digital Technologies in the Logistics of Seaports. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 116–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-116-133>.

Received 15.08.2021

Accepted 10.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Теория управления цепочками поставок, изучающая процессы создания и преобразования ресурсов в логистиче-

ских и торговых предприятиях, нацелена на снижение издержек. Цифровые технологии могут иметь особое значение в модернизации логистических систем в

транспортных потоках цепочек поставок. Каково же значение применения цифровых технологий в логистической деятельности морских портов – сетевые системы или возможности «новой» организации труда?

Актуальность исследования эффективности логистической деятельности морских портов Приморского края продиктована среднесрочной перспективой развития цифровой экономики Российской Федерации до 2024 г. в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1] и Постановлением Администрации Приморского края от 27 декабря 2019 г. № 919-па «Об утверждении государственной программы Приморского края «Развитие транспортного комплекса Приморского края на 2020–2027 годы» [2], определяющими цифровизацию логистики транспортных потоков как основной фактор совершенствования процессов организации и управления транспортно-экспедиционной деятельности региона.

Порты Приморского края с точки зрения логистики являются составными элементами международных транспортных узлов, функционирование которых способствует развитию региональной экономики. Один лишь порт Владивосток занимает 11 место по объему перевалки грузов среди всех портов РФ, его доля по итогам 5 месяцев 2018 г. составляет 2,49% [3]. В условиях конкуренции совершенствование системы управления морской логистикой Приморья становится острым вопросом стратегического развития края. Развернувшиеся в мире единые информационные и коммуникационные пространства, воплощенные международными транспортными коридорами, определяют интеграционные процессы в транспорте. Данные процессы должны быть эффективно управляемы. Внедрение цифровых технологий позволит автоматизировать технологические операции; удобно и быстро представлять информацию через Интернет по требованию контролиру-

ющих органов; сокращать время обработки судов и грузов; улучшать взаимодействие порта внутри собственных подразделений и с внешними контрагентами; ускорять ведение учета, статистики порта и принимать управленческие решения.

Исследование заключалось в определении понятия «цифровые технологии в логистике», определении роли цифровых технологий в транспортных и грузовых потоках морских портов и выявлении значения внедрения цифровых технологий в систему управления логистической деятельностью на примере морских портов Приморского края. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные концепции управления цепочками поставок и изучению цифровых технологий в логистической деятельности предприятий.

Материалы и методы

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ научной и нормативной литературы, изучение международной практики в исследовании внедрения цифровых технологий в логистическую деятельность. Использовались методы сравнительного и системного анализа, позволяющие исследовать логистическую деятельность морских портов региона.

Был проведен обзор научных публикаций периода 2016–2020 гг. по определению понятия «цифровые технологии в логистике» в профильных журналах по транспортному делу и логистике. Для этого было решено обратиться к наиболее авторитетным базам журналов и статей в области цифровизации Scopus, Web of Science, издательской корпорации Elsevier на портале ScienceDirect и eLibrary.ru. Поиск статей в журналах по базе ScienceDirect производился путем введения в поисковую строку запроса словосочетаний digital technologies и digital technologies in logistics. Были рассмотрены и работы отечественных уче-

ных в анализируемый период. Изучаемая тема наиболее обсуждается в таких журналах, как: *Maritime Supply Chains*, *Transport Policy*, *Transportation Research Procedia*, «Транспортное дело России», «Логистика», «Автоматика на транспорте», «Экономика и предприниматель-

ство», «Вестник Астраханского технического университета. Серия: Морская наука и технологии». Анализ публикаций выявил тенденцию растущего интереса к теме цифровых технологий в логистике морского транспорта, что отражено графиками (рис. 1, 2).

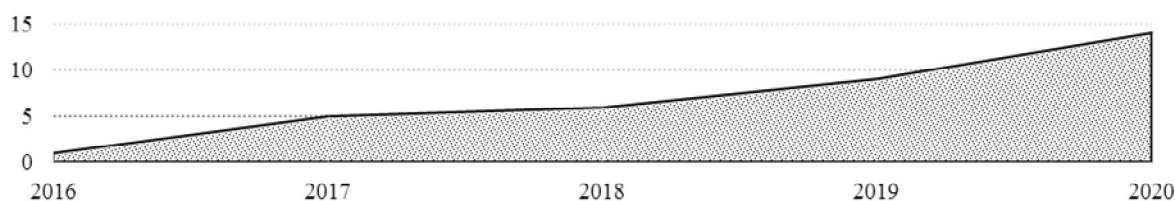

Рис. 1. Количество анализируемых публикаций базы eLibrary

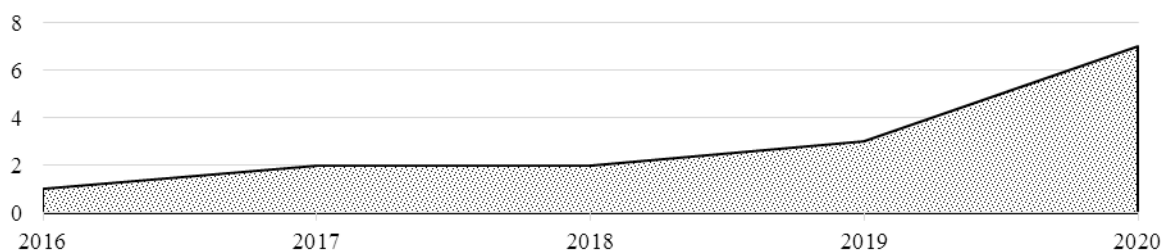

Рис. 2. Количество анализируемых публикаций базы ScienceDirect

Следует заметить: цифровые технологии в логистике морского транспорта рассматриваются учеными как неотъемлемый элемент модернизации логистики, с помощью которого можно добиться повышения качества портовых услуг, согласованности работы внутрипортовых подразделений, эффективности во взаимодействии порта с другими видами транспорта и с контрагентами [4; 5]. Наблюдается повышенный интерес научного сообщества в период 2016–2020 гг. к теме динамично развивающихся цифровых технологий, можно предположить прирост работ по данной теме и в последующие периоды.

Результаты и их обсуждение

Применение цифровых технологий в транспорте – это безусловный тренд научных исследований в области оптимизации системы управления морского транспорта. В работах российских уче-

ных: Н. В. Богатых, Г. М. Грошева, Н. В. Климова, А. В. Сугоровского, А. Д. Манакова, П. Е. Булавского – изучаются автоматизированные информационные системы; авторы К. О. Анисимов, А. Б. Володин, Ю. В. Куприяновская рассматривают цифровые двойники «берегосудно»; В. П. Куприяновский, Д. Е. Намиот, А. В. Долбнев, С. А. Синягов исследуют IoT и блокчейн; С. Гнездилов, Г. Т. Пономарева, А. Р. Рафикова анализируют беспилотники и роботы. Интересует вопрос о перспективах внедрения цифровизации в логистику морского транспорта. Обзор иностранного опыта внедрения цифровых технологий опирается на опыт компаний IBM, Maersk, порта Гамбург, которые изучали российские авторы: Э. И. Башарова, М. П. Веселова, И. Ю. Татаева, М. А. Яковлева.

Как российские, так и зарубежные ученые подчеркивают, что внедрение цифровых технологий требует прозрач-

ности систем управления морским портом, а значит, деятельность функциональных блоков современного порта может быть оптимизирована с помощью комплексного подхода к построению модели архитектуры портовой логистики [6]. Особое внимание уделяется модернизации портов. Это связано с тем, что именно его эксплуатационные характеристики определяют качество перевозок.

Важной научной повесткой ученые выделяют информационную скоординированность внутри порта во взаимодействии с судами, с стейкхолдерами (например, таможней). Авторы отмечают, что координация должна осуществляться не только на уровне планирования, но и на операционном уровне. Причем интеграция должна затрагивать не только конкретный отдельный порт, терминалы, пользователей портовой инфраструктуры, но и выходить далеко за пределы глобальной цепочки поставок [7].

Остро стоит вопрос координации различных функциональных подразделений морского порта между собой, в т. ч. координации документооборота, который на сегодняшний день в большинстве кейсов является фрагментированным. Все это отражается на качестве обмена информацией, вызывает задержки во времени, что может привести к снижению эффективности логистической деятельности морского порта [8].

Возможности современной логистики позволяют оценить преимущества ведения бизнеса и многоуровневой клиентской поддержки в цифровом формате практически всем участникам рынка транспортных и грузовых потоков.

Подходы к определению цифровых технологий в логистике

В таблице 1 представлены определения «цифровые технологии». Результаты поиска подходов к данному определению показывают отсутствие единого понятия цифровых технологий.

Таблица 1. Подходы к определению «цифровые технологии»

Источник	Определение
[9]	Это набор процедур и исследований, необходимых для создания научных достижений, выражаемых в электронном виде
[10]	Использование компьютеризированных или цифровых устройств, или систем и оцифрованных данных, которые предназначены для снижения затрат, повышения производительности бизнеса и преобразования методов осуществления деятельности компании
[11]	Технологии, которые используют компьютеры и/или другую современную технику для записи кодовых импульсов и сигналов в определенной последовательности и с определенной частотой
[12]	Тип передачи информации, который включает в себя разбиение сообщения или формы связи между двумя машинами на двоичный код
[13]	Электронные инструменты, системы, устройства и ресурсы, которые генерируют, хранят или обрабатывают данные

Как правило, в определениях «цифровые технологии» отсутствует контекст, в рамках которого сформировано данное понятие. В общем виде цифровые технологии – это набор методов, инструментов, систем и устройств для записи, обработки, передачи и управления данными с целью повышения производительности и автоматизации различных технологических процессов. Основные свойства цифровых технологий – это представление

сигналов с помощью дискретных полос аналоговых уровней, разбиение информации на двоичный код, запись информации в определенной последовательности и с определенной частотой.

Ключевыми направлениями цифровизации в торговых компаниях являются производство, логистика и продажи. В таблице 2 представлены определения цифровых технологий в логистике.

Таблица 2. Подходы к определению «цифровые технологии в логистике»

Источник	Определение
[14]	Логистическая информационная система – интерактивная структура, включающая персонал, оборудование и процедуры (технологии), которые объединены информационным потоком, используемым логистическим менеджментом для планирования, регулирования, контроля и анализа функционирования логистической системы.
[15]	Оцифрованные архивы информации, а также системы сбора, обработки и хранения данных, управления перевозками, оказания различных услуг и др.
[16]	Взаимосвязанные технологии по сбору, хранению, обработке, передаче данных в информационных системах, а также статистические данные
[17]	Комплексные решения для автоматизации всего жизненного цикла производства, анализа грузопотоков, контроля и учета, поддерживающие работу транспортно-логистической компании
[18]	Поиск, хранение и способ передачи информации, а также цифровые технологии, обеспечивающие выявление и прогнозирование потребностей, оптимизации маршрутов, направлений материальных и информационных потоков, в т. ч. сокращение времени существования в цепях поставок

При анализе определений, содержащихся в таблице 2, выявлено:

– цифровые технологии в логистике рассматриваются как система взаимосвязанных технологий по сбору, обработке, хранению данных, включающая в себя объединенные информационным потоком персонал, оборудование и процедуры (технологии);

– данная взаимосвязанная система предполагает, что различные функциональные подразделения компании, а также внешние контрагенты используют аналогичные цифровые продукты, способные синхронизировать и конвертировать информацию при обмене;

– комбинации ресурсов в системе предназначены для работы логистического менеджмента (планирования, регулирования, контроля логистической деятельности).

Исследование определений цифровых технологий в логистике позволило сформулировать понятие, сочетающее в себе представленные различными авторами характерные черты: цифровые технологии в логистике – это взаимосвязанный комплекс автоматизированных решений, содержащий в себе оцифрованные данные, а также процесс их сбора, хранения, обработки, передачи в целях

оптимизации планирования, регулирования и контроля за логистической деятельностью.

На сегодняшний день интерес к теме цифровых технологий в логистике возрастает, ученые продолжают исследовать сущность и значение цифровых технологий для оптимизации логистической деятельности. В рамках данного исследования основное внимание уделено использованию цифровизации в логистике морских портов. Почему же цифровые технологии так важны для модернизации логистической деятельности морских портов?

В экономике под логистикой понимается научная и практическая деятельность, связанная с организацией, управлением и оптимизацией движения материальных (сырья, товаров, полуфабрикатов) и сопутствующих (информационного и финансового) потоков от источника сырья до конечного потребителя. Система управления морской логистикой – это часть цепочки поставок, которая с помощью комбинации программных инструментов реализует и контролирует эффективное движение, хранение грузов и соответствующей информации от точки отправления до точки доставки, обеспечивая требования клиентов [19]. Наметившийся глобальный тренд на цифровую

экономику подразумевает необходимость для предприятий морского транспорта преобразовывать систему управления и стратегию развития таким образом, чтобы уметь адаптироваться под цифровые запросы потребителей услуг этих предприятий, реализовывать свою деятельность точно в срок, тем самым укрепляя свои конкурентные позиции не только на региональном, но и на международном рынке морских транспортных услуг.

Существуют цифровые решения, которые применимы в системе управления логистической деятельностью морских портов и которые будут способствовать повышению ее эффективности [20]:

– CRM-система (Customer Relationship Management) – автоматизированная система сбора и хранения информации о клиентах, существующая с целью анализа этой информации и дальнейшей разработки стратегии взаимодействия с клиентами, формирования управленческих решений;

– ERP-система (Enterprise Resource Planning) – система, основной задачей которой является учет, планирование и контроль расходов организации на выполнение заказов клиентов. Указанные выше задачи касаются всех бизнес-процессов организации. Примеры готовых решений системы ERP: «1С», «Галактика», «Парус», Oracle, SAP, Microsoft и др.

Автоматизированные системы в своей работе используют электронный документооборот. Это система управления различными видами документов на предприятии с использованием компьютерных программ и электронных систем хранения данных, включающая в себя комплекс документов, рабочий процесс, хранилища документов, информационно-поисковые системы и процессы, используемые для отслеживания, хранения и контроля документов [21].

Технология «цифровой близнец» (digital twin) рассматривается как цифровая модель, имитирующая объект в реальной жизни, предназначенная для представления физического объекта. Это

набор математических формул, описывающих сам объект и протекающие в нем процессы.

Цифровые платформы являются разновидностью многосторонних платформ и представляют собой гибридные структуры, ориентированные на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия и осуществления транзакций между несколькими группами сторонних пользователей.

Цифровые технологии в отраслях экономики России

Анализ научной литературы определил, что наблюдается невысокий спрос на цифровые технологии в России, по сравнению с другими странами, что связано с ограниченным инвестированием в данную сферу со стороны государства, неравным доступом к технологиям в регионах Российской Федерации, несовершенной системой цифровой безопасности и защиты.

В странах Евросоюза определяется уровень цифровизации экономики и рассчитывается сводный индекс цифровой экономики и общества, включающий 6 основных показателей, среди которых показатель «интеграция цифровых технологий в бизнесе» [22]. Внедряя цифровые технологии в производство, предприятия получают доступ к новым рынкам, увеличивается база клиентов и деловых партнеров, появляется потенциал для роста и развития компании, повышается ее эффективность. Следует привести в пример такую компанию, как KFC, зародившуюся еще в 1952 г. Применяя цифровые технологии, компания увеличила сеть ресторанов до 21000 более чем в 130 странах мира. В 2018 г. прирост продаж в России увеличился на 20%, открылось 140 новых точек заведения [23]. Промышленные предприятия используют робототехнику, «Интернет вещей», «Мобильное ТО» и др. В сфере торговли активно применяются технологии Big Data, CRM-система.

Надо отметить большое значение внедрения цифровизации в налоговой и банковской системах, страховании. Начали появляться сайты, связывающие несколько участников экономических отношений и позволяющие производить оплату через банк, необходимый клиенту. Одним из путей решения проблемы необходимости цифровизации налоговой системы Российской Федерации стало внедрение в 2016 г. ФНС РФ системы налогового мониторинга – дистанционного налогового контроля. Результатами сотрудничества между компаниями и налоговыми органами стали минимизация налоговых рисков и повышение уровня определенности у налогоплательщиков в отношении совершенных и планируемых операций.

Программные роботы могут оказывать поддержку в различных функциях, таких как транзакции, кадровые услуги, ИТ, финансы и бухгалтерский учет, документооборот. Наибольший интерес к данной технологии проявили компании банковского сектора; транспортно-логистические компании уже используют роботизацию бизнес-процессов в тестовом режиме или для стимулирования своего бизнеса.

Механизм страхования – один из наиболее эффективных способов защиты имущественных интересов в жилищной сфере в современных социально-экономических условиях, и внедрение комплексной системы страхования в жилищной сфере с применением цифровых технологий будет способствовать росту благосостояния населения, повышению социальной и экономической стабильности в стране.

Отмечается появление целого ряда тенденций на рынке труда в результате развития цифровых технологий, такие как: сокращение потребности в «живом труде», изменение принципов разделения и кооперации труда, рост мобильности работников и др. [24].

При этом исследователь А. З. Барыбина, проводя анализ готовности российских отраслей к цифровой трансформации, отметила низкое использование цифровых технологий в таких отраслях, как железнодорожные перевозки, здравоохранение, искусство (музеи и галереи), и среднее – в розничной торговле [25]. Автор изучил болевые точки в данных отраслях и считает, что цифровизация решает многие проблемы в логистической деятельности отраслей. Своими исследованиями она доказывает, что «хотя российские грузовые и пассажирские перевозчики уже присутствуют в интернет-пространстве, но возможности покупки пассажирских услуг и особенно грузоперевозок через веб-сайт и мобильные приложения пока ограничены». Сложностями в розничной торговле исследователь отмечает возрастающую фрагментированность покупателей, связанную с ускорением темпа жизни и подчеркивает: «поддержание широкого ассортимента требует создания достаточно сложной системы логистики от поставщика до торговой точки..., и цифровые технологии являются решением для многих проблем».

Но не стоит скрывать и пессимистичное отношение российских и зарубежных ученых к цифровизации, указывая на отрицательные стороны этого глобального процесса. Освобождая человека от тяжелого труда, машина вместе с тем лишает его работы, так как возникает риск сокращения рабочих мест и увеличение неравенства на рынке труда, а также риски потери данных, потери бизнеса и нарушения его безопасности, а следствие – необходимости его модернизации.

Цифровые технологии в системе управления логистической деятельностью морских портов Приморского края

Цифровизация морских портов осуществляется в целях улучшения безопасности мореплавания в соответствии с ме-

роприятиями плана, утвержденного Минтранс России два года назад. В феврале 2021 г. Евразийский межправительственный совет утвердил концепцию развития электронного документооборота в морских портах государств-членов ЕАЭС, а также план мероприятий по развитию электронного документооборота (ЭДО) на 2021–2022 гг. [26].

Руководитель Федерального агентства морского и речного транспорта Александр Пошивай отметил, что морские порты Российской Федерации с 2020 г. перешли на единую цифровую платформу формирования и использования суточного графика расстановки и движения судов (СГРиДС) посредством информационной системы Portcall. Осуществлялось поэтапное внедрение цифровой платформы, позволяющей капитанам морских портов проводить все действия с судами в единой электронной форме суточного графика в промышленную эксплуатацию [27]. По словам директора Информационного центра государственного портового контроля – филиала ФГБУ «АМП Приморского края и Восточной Арктики» Владимира Кузьмина, нововведение позволяет формировать СГРиДС в единой форме во всех морских портах Российской Федерации в целях унификации и качественного исполнения службами капитанов морских портов функций госпортконтроля. Кроме того, данные изменения способствуют повышению эффективности работы служб капитанов морских портов в дистанционном формате, что является немаловажным обстоятельством в современной эпидемиологической ситуации в мире [27]. Внедрения СГРиДС оказывает существенное снижение влияния человеческого фактора на управление судовым трафиком в отечественных портах.

Важность внедрения цифровых технологий в управлении логистической деятельностью портов Приморского края обозначена в Стратегии социально-экономического развития Приморского

края до 2030 г. [28]. На морской транспорт Приморья приходится около 17% всего объема перевозок на Дальнем Востоке. Морские порты региона являются конечными пунктами Транссибирской железной дороги и федеральной автомобильной дороги Хабаровск-Владивосток. Через порты Приморья и Транссиб действует контейнерный мост: АТР – страны Западной Европы. Транзит через Россию занимает 11-12 суток. Различные грузы и пассажиры перевозятся между отдельными портами и порт-пунктами Приморского края, в другие порты России, прежде всего на Тихоокеанском побережье, а также во многие страны мира. Транспортный комплекс Приморского края имеет четыре морских транспортных узла: Владивостокский; Восточно-Находкинский; Хасанский (Южный); Северный.

За прошедший период, как отметила пресс-служба администрации Приморья, в 2018 г. было увеличение грузооборота морских портов. Морской порт в бухте Троицы нарастил объем перевалки генеральных грузов на 76%, до 352 тыс. тонн. ВМПТ обработал 1 тыс. 989 судов, что на 22,5% больше, чем в 2017 г. Объем перевалки генеральных грузов здесь увеличился на 64%, до 4,9 млн тонн, обработка транспортных средств – на 63%, до 60 тыс. единиц. Крупнейший в России специализированный терминал с высокотехнологичной перевалкой угля АО «Восточный порт» по итогам работы в 2018 г. перевыполнил план, перевалив 24,2 млн тонн угольной продукции [29].

Из Восточного порта в 2018 г. уголь отправлялся в Южную Корею, Японию, Тайвань, Китай, Малайзию, Индию, Пакистан, Таиланд, Вьетнам и Сингапур. Лидером по объему импорта является Южная Корея, на долю которой пришлось 32% [29].

Динамика грузооборота портов Дальневосточного бассейна, в т. ч. основных портов Приморского края в период 2016–2020 гг., отражена ниже (рис. 3).

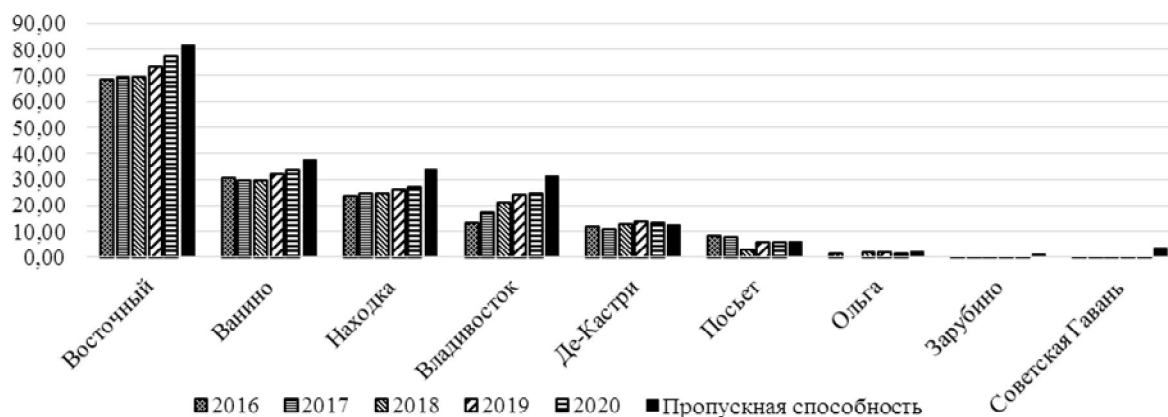

Рис. 3. Динамика грузооборота портов Дальневосточного бассейна в период 2016–2020 гг., млн тонн [30; 31]

Стоит обратить внимание на значение максимальной пропускной способности (последний столбик каждой группы показателей) – большая часть портов региона не достигала данного значения в рассматриваемый период. Исследование отмечает, что основными проблемами для эффективности деятельности морских портов Приморского края являются использование устаревшего оборудования и высокие логистические издержки.

Для развития морских портов Приморского края применяются различные цифровые технологии: ЭДО, цифровые близнецы, 3D-печать запасных частей, дроны, цифровые платформы и др.

ЭДО содействует созданию унифицированного электронного вида документации, но имеет как преимущества, так и недостатки в применении, определенные авторами и представленные ниже (рис. 4).

Функционал системы ЭДО в морских портах региона включает в себя загрузку документов с возможностью их редактирования, формирование иерархии прав пользователей, возможность работать одновременно над одним и тем же документом, обеспечение бесперебойного потока документов и построение внутренних связей между подразделениями, создание архива документов, защищенного от порчи и потерь. Ощутимая стоимость системы ЭДО компенсируется выгодами, ко-

торые получает компания взамен – временные затраты на обработку документов сокращаются до 75%, производительность труда в силу четкого распределения взаимосвязей повышается на 25%, минимизируются затраты на закупку бумаги, оргтехники, содержание архивных помещений, снижается риск утраты документов, а корпоративная культура переходит на новый уровень. В системе управления логистической деятельностью морских портов Приморского края ЭДО помогает оперативно обмениваться документацией между подразделениями и с контрагентами и принимать управленческие решения.

Одна из крупнейших транспортно-логистических компаний в России в сфере портового, железнодорожного и интегрированного логистического бизнеса FESCO (Дальневосточное морское пароходство) имеет в своем составе Сервисный центр FESCO, который функционирует во Владивостоке с 2018 г. Он обслуживает 25 компаний в 9 городах, оборот составляет свыше 45 млрд руб., осуществляет 64 различных видов сервиса.

В 2020 г. АО «Владивостокский морской торговый порт» (ВМТП) объявило открытый сбор заявок на право заключения договора на выполнение работ «Создание системы «Цифровой двойник порта». Максимальная цена контракта составляла 11,9 млн руб. Цифровые двойники позво-

ляют выбрать наиболее оптимальные режимы работы в логистической деятельно-

сти, ставить виртуальные эксперименты и найти узкие проблемные места.

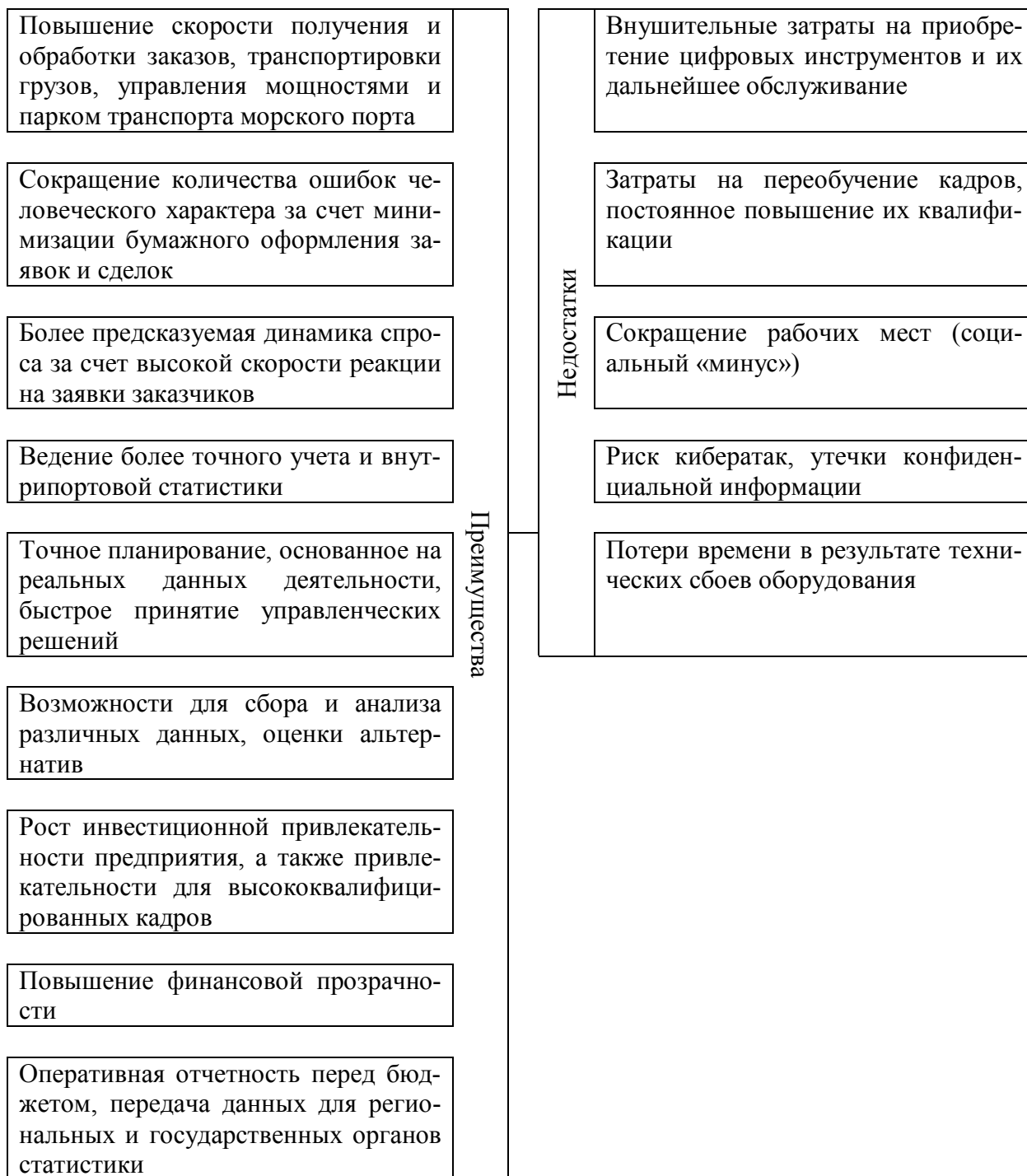

Рис. 4. Преимущества и недостатки использования цифровых технологий в логистике морских портов Приморского края

В 2020 г. в ВМТП была успешно внедрена информационная система контейнерного терминала (ИСКТ 2.0), которой пользуются тальманы для учета гру-

зов, докеры – для получения заданий, водители тягачей – для перемещения контейнеров. В 2021 г. разрабатывается функционал для работы на универсаль-

ном терминале, что позволит учитывать генеральные грузы: металлические чушки и слябы, средства транспорта и спецтехнику, пшеницу, зерно и др. Открытие оснащенной современным оборудованием единой диспетчерской совместно с ДВЖД – важный шаг к цифровизации работы порта.

В логистике морских портов региона используются информационные цифровые платформы, которые применяются для планирования перевозочного процесса, организации взаимодействия различных видов транспорта на базе транспортных узлов, обработки грузов на складах. Формируется роботизация процессов, которая окажет влияние на экспедирование грузов и управление цепочками поставок.

Применение цифровых технологий в системе управления логистической деятельностью морских портов Приморского края позволяет связать необходимые для управления «информационные атрибуты» с субъектами, ресурсами и операциями и обеспечить для них автоматический обмен в режиме реального времени, что значительно сократит издержки в логистике.

Однако исследование показывает, что информационные системы некоторых портов Приморского края не подходят для использования новых цифровых технологий, что связано с использованием устаревших систем радиосвязи, неспособных обеспечить работу современных приложений с большим объемом передачи данных. Системы управления верфью, рассчитанные на использование устаревших технологий связи, с трудом поддаются интеграции с новой таможенной системой (АСЕ) и другими современными системами, не хватает докеров, погрузочно-разгрузочной техники и сотрудников, которые бы работали на данной системе.

Обсуждение

В настоящее время существует необходимость в совершенствовании логистики морских портов. Цифровизация способствует ускорению реализации ло-

гистических процессов, улучшению их управляемости, устранению потерь и снижению затрат. Применение цифровых технологий обеспечивает: повышение скорости получения заказов и их обработки, транспортировки грузов, управления мощностями и парком транспорта морского порта; минимизацию бумажного оформления заявок и сделок, сокращение количества ошибок человеческого характера и уменьшение объема затрат; увеличение скорости реакций на заявки заказчиков, что сделает динамику спроса более предсказуемой и прозрачной и избавит предприятие морского транспорта от необходимости содержания «страхующих» мощностей; ведение более точного учета и внутривортовой статистики, а значит, планирование и оценка альтернатив будут обеспечивать эффективное принятие управленческих решений; повышение финансовой прозрачности деятельности морского порта, что дополнит степень его инвестиционной привлекательности.

Анализ научных трудов, статистической и справочной информации обозначил наличие проблем портов Приморского края [32]:

- невозможность дальнейшего строительства и реконструкции портовой и припортовой инфраструктуры ввиду расположения портов в границах города Владивостока и Находки;

- зависимость от сторонних звеньев транспортно-логистической цепи (например, железнодорожных перевозчиков);

- сложное управление производственным процессом по причине того, что порты не являются единым предприятием, а различные работы в порту выполняют самостоятельные стивидорные и прочие компании;

- внушительные размеры портовых сборов и устаревшее оборудование;

- экологические проблемы (угольная пыль, разлив нефти).

Использование устаревшего оборудования и высокие логистические издерж-

ки – одни из немногих проблем в развитии логистической сферы Приморья.

Выявлены наиболее острые вопросы в логистической деятельности региона:

– сравнительно малая доля внедрения принципа «единого окна», позволяющая сторонам, участвующим в торговых и транспортных операциях, представлять стандартизированную информацию и документы с использованием единого пропускного канала;

– отсутствие единой системы управления мощностями в зависимости от «специализации» порта (пассажирские перевозки, перевалка угля и др.);

– нехватка квалифицированных кадров, способных работать с цифровыми инструментами, либо сложности переобучения существующих;

– недостаточно оперативная координация между собственными подразделениями порта [33].

В условиях современных вызовов рынку транспортных и грузовых потоков важное значение в логистической деятельности имеют цифровые технологии. Это связано с автоматизацией операционной деятельности; с информационным, концептуальным и компьютерным моделированием цепей поставок и технологии виртуализации транспортных ресурсов. Существует необходимость активного применения в морских портах ЭДО, так как товарно-транспортные документы – это максимально задействованное в операционной деятельности ядро интегрированной информационной системы [34], разработка и внедрения комплексов систем имитационного моделирования отдельных производств. Цифровой двойник решит множество операционных задач: даст лоцману подсказки при швартовке, передав данные с метеостанции и дальнометров, выберет причал, исходя из запроса и характеристик. С появлением продвинутой статистики станет видно все – от скрытых проблем до недооцененных специалистов. Данная технология позволит избежать ситуации, когда регулятор

«накладывает вето на возврат НДС в размере 20% от стоимости проекта в результате сомнений в операции на одном из уровней цепочки кооперации» [35].

Применение цифровых технологий в системе управления логистической деятельностью морских портов будет содействовать: оптимизации времени и издержек на рабочих операциях [4; 20]; развитию внутриворотных логистических связей и связей со стейкхолдерами [5; 8; 21]; организации эффективного взаимодействия порта с другими видами транспорта [4; 5]; ускорению ведения учета операций и ведению портовой статистики [8].

Для повышения эффективности логистического сервиса российскому рынку морских транспортных услуг необходимы: цифровизация транспортных узлов, транспортных коридоров; организация принципа «единого окна» при импортно-экспортных операциях; совершенствование соответствующего законодательства; создание масштабных проектов по модернизации транспортной инфраструктуры и привлечение инвесторов к этим проектам [36].

Выводы

Современный логистический сектор в настоящее время отстает в плане цифровизации от телекоммуникационного, медиа и банковского, розничного секторов бизнеса, используя много «ручной» работы. Применение цифровых технологий меняет каналы движения товаров, форматы поставки и процессы управления. Компании, использующие их, более эффективны. Однако уровень диджитализации российской логистики остается достаточно низким. Наблюдается необходимость в оптимизации затрат на погрузочно-разгрузочные работы и логистические операции, которая формируется наряду с другими факторами путем нахождения успешного компромисса между скоростью, надежностью и стоимостью.

Для выполнения работы с большими данными и использования цифровых тех-

нологий в логистической деятельности морских портов необходимы квалифицированные специалисты, обладающие цифровыми коммуникативными навыками. Следует усилить требования к адаптивности и гибкости сотрудников, желающих и умеющих применять новейшие технологии для повышения своего профессионализма.

Стоящие перед морскими портами задачи по модернизации системы управления требуют создания информационной инфраструктуры, которая позволит мобилизовывать и обрабатывать данные, передавать их стейкхолдерам логистической деятельности. Унификация и стандартизация документооборота, перевод его в электронное пространство смогут в значительной степени повлиять на эффективность логистической деятельности грузовых и транспортных потоков. Переход к цифровому производству заставляет по-новому посмотреть на логистику и управление цепями поставок как на инструменты управления цепями создания ценности и определить фокус изменений,

который должен произойти в них под влиянием перехода на киберпроизводство. Руководству морских портов необходимо совершенствовать применение современных цифровых технологий, способных обеспечить более эффективное и безопасное перемещение грузов, одновременно контролируя издержки. Но стоит и заметить, что интенсивное развитие цифровых технологий сократит жизненный цикл некоторых профессий в логистике морских портов.

Результаты научного исследования в области цифровизации логистических систем транспортных и грузовых потоков могут внести определенный вклад в развитие теоретических знаний в данной области. Практическая значимость проводимых исследований будет заключаться в том, что полученные результаты могут помочь менеджерам морских портов в модернизации логистической деятельности. Выявление основных факторов влияния на транспортно-логистические аспекты морских портов может стать дальнейшим научным исследованием.

Список литературы

1. Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 27.06.2021).
2. Об утверждении государственной программы Приморского края «Развитие транспортного комплекса Приморского края» на 2020-2027 годы: Постановление Администрации Приморского края от 27 декабря 2019 года № 919-па. URL: <http://docs.cntd.ru/document/561690635> (дата обращения: 28.06.2021).
3. Гриванова О. В. Влияние транспортной составляющей на социально-экономическое развитие г. Владивостока // Актуальные проблемы развития судоходства и транспорта в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сборник материалов. Владивосток: Изд-во Дальрыбвтуз, 2019. С. 170–172.
4. Автоматизация информационного обеспечения независимых участников мультимодальных перевозок контейнеров в морской порт в транспортном узле / Г. М. Groшев, Н. В. Климова, А. В. Суворовский, А. Д. Манаков, П. Е. Булавский // Автоматика на транспорте. 2018. Т. 4, № 3. С. 315–332.
5. Коробкова М. Н. Применение механизма «единого окна» в морских портах в целях повышения качества портовых услуг // Ученые записки Санкт-Петербургского университета имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 2 (62). С. 37–41.
6. Власов М. П. Функциональная модель системы управления портовой логистикой // Экономика и предпринимательство. 2018. № 12, № 101. С. 1142–1145.
7. Zarzueloa I. Industry 4.0 in the port and maritime industry: A literature review // Journal of Industrial Information Integration. 2020. Vol. 20. P. 100–117.
8. Concaa A. Automation in freight port call process: real time data sharing to improve the stowage planning // Transportation Research Procedia. 2018. Vol. 30. P. 70–79.

9. What are digital technologies? // FadTech4U. 2018. URL: <http://fadtech4u.com/technology-trends-digital-marketing-technology-what-are-digital-technologies/> (дата обращения: 04.06.2021).
10. Barnewold L. Identification of digital technologies and digitalisation trends in themining industry // International Journal of Mining Science and Technology. 2020. Vol. 30(6). P. 1–11.
11. Машевская О. В. Цифровые технологии как основа цифровой трансформации современного общества // Вестник полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 37–44.
12. What Is Digital Technology? // Computer History. 2020. URL: <https://www.reference.com/history/digital-technology-93efbf266360578c> (дата обращения: 28.06.2021).
13. Teach with digital technologies // Digital learning. 2021. URL: <https://www.education.vic.gov.au/school/teachers/teachingresources/digital/> (дата обращения: 29.06.2021).
14. Савенкова Т. И. Логистика: учебное пособие. 5-е изд. М.: Омега-Л, 2017. 255 с.
15. Экономика и логистика в условиях цифровизации транспортной отрасли / Г. В. Бубнова, В. Н. Емец, П. В. Куренков, А. В. Астафьев, А. А. Тюгашев // Тренды экономического развития транспортного комплекса России: форсайт, прогнозы и стратегии: труды национальной научно-практической конференции / Российский университет транспорта. М., 2018. С. 45–49.
16. Крышняя А. О., Стерхова Т. Ю. Основные тренды цифровой логистики // Развитие логистики и управления цепями поставок: материалы I Республиканской научно-практической студенческой конференции в Белорусском национальном техническом университете (в рамках Международного молодежного форума «Креатив и инновации 2020») / Белорусский национальный технический университет. Минск, 2020. С. 223–227.
17. Чугуреева А. А., Шепелин Г. И. Инновационные технологии в логистике как фактор повышения эффективности работы отечественных предприятий // Актуальные исследования. 2020. № 11 (14). С. 50–53.
18. Основные тренды цифровой логистики / В. Л. Василенок, А. И. Круглова, Е. И. Алексашкина, В. В. Негреева, С. А. Пластунова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 1. С. 69–78.
19. Определение системы управления морской логистикой // Цифровая библиотека Scribd. 2021. URL: <https://ru.scribd.com/doc/27912060/Maritime-Logistics> (дата обращения: 27.06.2021).
20. Газдиев И. И. Цифровые технологии в системе управления организацией // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 8 (42). С. 51–53.
21. Ефремова Л. И., Колекина А. О. Выбор системы электронного документооборота для предприятия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 1. С. 23–31.
22. Анализ отечественного и мирового опыта цифровой трансформации / А. Д. Борреманс, И. В. Ильин, О. Ю. Ильяшенко, А. И. Левина // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 8 (98). С. 176–181.
23. Магазин исследований. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11166/> (дата обращения: 28.06.2021).
24. Актуальные проблемы развития управленческой и сервисной деятельности в цифровой среде: материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции / Омский государственный технический университет. Омск, 2020. 228 с.
25. Барыбина А. З. Применение цифровых технологий в основных отраслях экономики России. 2019. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77102/1/978-5-7996-2729-4_1_60.pdf (дата обращения: 24.06.2021).
26. ЕАЭС запустит электронный документооборот в морских портах // Федеральная таможенная служба. 2021. URL: <https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/267747> (дата обращения: 28.06.2021).
27. Администрация морских портов Приморского края и восточной Арктики. URL: <http://pma.ru> (дата обращения: 28.06.2021).
28. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 года // Инвестиционный портал Приморского края. 2018. URL: <https://invest.primorsky.ru/files/guide/strategy/strategy2030.pdf> (дата обращения: 28.06.2021).
29. Порты Приморья в 2018 г. нарастили грузооборот до рекордных значений // Альта Софт. 2019. URL: https://www.alt.ru/logistics_news/65252/ (дата обращения: 28.06.2021).

30. Грузооборот портов Дальневосточного бассейна // Cargo-report.info: 2021. URL: <https://cargo-report.info/stat/ports-fareast/> (дата обращения: 28.06.2021).
31. Пропускная способность портов Дальневосточного бассейна // Министерство транспорта Российской Федерации. 2021. URL: http://morflot.gov.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/portyi_rf/reestr_mp/portyi_primorskogo_kraya_i_vostochnoy_arktiki.html (дата обращения: 28.06.2021).
32. Кривошапова С. В. Проблемы развития портового хозяйства Приморского края // Вестник науки и образования. 2019. № 1 (55). С. 63–68.
33. Grivanova O. V. Ports located in south of Primorsky Territory as part of international logistic chains // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020. Vol. 666(6). P. 062087.
34. Необходимость использования ИТ в транспортной логистике // Transport and Logistics Information Portal. 2021. URL: <http://logistika.uz/en/info/articles/1617> (дата обращения: 04.06.2021).
35. Электронная торговая площадка. URL: https://etppgb.ru/posts/686-dlya_razvitiya_infrastruktury_severnyh_portov_gazprombank_predlagaet_tsifrovoy_dvoynik/ (дата обращения: 28.06.2021).
36. Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года»): Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 г. № 1797-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (дата обращения: 04.06.2021).

References

1. Nacional'nyj proekt "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" [National project "Digital Economy of the Russian Federation"]. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>. (accessed 27.06.2021)
2. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Primorskogo kraja "Razvitie transportnogo kompleksa Primorskogo kraja" na 2020-2027 gody [On approval of the State Program of the Primorsky Territory "Development of the Transport Complex of the Primorsky Territory" for 2020-2027]. Resolution of the Primorsky Territory Administration of December 27, 2019 № 919-па. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/561690635>. (accessed 28.06.2021)
3. Grivanova O. V. [The influence of the transport component on the socio-economic development of Vladivostok]. Aktual'nye problemy razvitiya sudokhodstva i transporta v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione. Sbornik materialov [Actual problems of shipping and transport development in the Asia-Pacific region. A collection of materials]. Vladivostok, Dalrybvuz Publishing House, 2019, pp. 170–172. (In Russ.)
4. Groshev G. M., Klimova N. V., Suvorovsky A. V., Manakov A. D., Bulavsky P. E. Avtomatizaciya informacionnogo obespecheniya nezavisimyh uchastnikov mul'timodal'nyh perevozok kontejnerov v morskoy port v transportnom uzle [Automation of information support for independent participants of multimodal container transportation to a seaport in a transport hub]. *Avtomatika na transporte = Automation in Transport*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 315–332.
5. Korobkova M. N. Primenenie mekhanizma "edinogo okna" v morskikh portah v celyah povysheniya kachestva portovyh uslug [Application of the "single window" mechanism in seaports in order to improve the quality of port services]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii = Scientific Notes of the V. B. Bobkov St. Petersburg University of the Branch of the Russian Customs Academy*, 2017, no. 2 (62), pp. 37–41.
6. Vlasov M. P. Funkcional'naya model' sistemy upravleniya portovoj logistikoj [Functional model of the port logistics management system]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2018, vol. 12, no. 101, pp. 1142–1145.
7. Zarzueloa I. Industry 4.0 in the port and maritime industry: A literature review. *Journal of Industrial Information Integration*, 2020, vol. 20, pp. 100–117.
8. Concaa A. Automation in freight port call process: real time data sharing to improve the stowage planning. *Transportation Research Procedia*, 2018, vol. 30, pp. 70–79.
9. What are digital technologies? FadTech4U. 2018. Available at: <http://fadtech4u.com/technology-trends-digital-marketing-technology-what-are-digital-technologies/>. (accessed 04.06.2021)
10. Barnewold L. Identification of digital technologies and digitalisation trends in themining industry. *International Journal of Mining Science and Technology*, 2020, vol. 30(6), pp. 1–11.
11. Mashevskaya O. V. Cifrovyte tekhnologii kak osnova cifrovoj transformacii sovremennogo obshchestva [Digital technologies as the basis of digital transformation of modern society]. *Vestnik*

polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk = Bulletin of the Polessky State University. A Series of Social Sciences and Humanities, 2020, no. 1, pp. 37–44.

12. What Is Digital Technology? Computer History. 2020. Available at: <https://www.reference.com/history/digital-technology-93efbf266360578c>. (accessed 28.06.2021)

13. Teach with digital technologies. Digital learning. 2021. Available at: <https://www.education.vic.gov.au/school/teachers/teachingresources/digital/>. (accessed 29.06.2021)

14. Savenkova T. I. Logistika [Logistics]. 5th ed. Moscow, Omega-L Publ., 2017. 255 p.

15. Bubnova G. V., Yemets V. N., Kurenkov P. V., Astafyev A. V., Tyugashev A. A. [Economics and logistics in the conditions of digitalization of the transport industry]. *Trendy ekonomicheskogo razvitiya transportnogo kompleksa Rossii: foresajt, prognozy i strategii. Foresajt, prognozy i strategii. Trudy natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Trends in the economic development of the transport complex of Russia: foresight, forecasts and strategies. Foresight, forecasts and strategies. Proceedings of the National Scientific and Practical Conference]*. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2018, pp. 45–49. (In Russ.)

16. Kryshnyaya A. O., Sterkhova T. Yu. [The main trends of digital logistics]. *Razvitie logistiki i upravleniya tsenyami postavok. Materialy I Respublikanskoj nauchno-prakticheskoi studencheskoj konferentsii v Belorusskom nacional'nom tekhnicheskome universitete (v ramkakh Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma "Kreativ i innovatsii 2020") [Development of logistics and supply chain management. Materials of the First Republican scientific and Practical Student Conference at the Belarusian National Technical University (within the framework of the International Youth Forum "Creativity and Innovation 2020")]*. Minsk, Belarusian National Technical University Publ., 2020, pp. 223–227. (In Russ.)

17. Chugreeva A. A., Shepelin G. I. Innovacionnye tekhnologii v logistike kak faktor povysheniya effektivnosti raboty otechestvennykh predpriyatij [Innovative technologies in logistics as a factor of increasing the efficiency of domestic enterprises]. *Aktual'nye issledovaniya = Actual Research*, 2020, vol. 11, no.14, pp. 50–53.

18. Vasilenok V. L., Kruglova A. I., Aleksashkina E. I., Negreeva V. V., Plastunova S. A. Osnovnye trendy cifrovoj logistiki [The main trends of digital logistics]. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskij menedzhment = Scientific Journal of NIU ITMO. Economics and Environmental Management Series*, 2020, no. 1, pp. 69–78.

19. Opredelenie sistemy upravleniya morskoy logistikoj [Definition of a Marine Logistics Management System]. *Cifrovaya biblioteka Scribd [Digital Library, 2021]*. Available at: <https://ru.scribd.com/doc/27912060/Maritime-Logistics>. (accessed 27.06.2021)

20. Gazdiev I. I. Cifrovye tekhnologii v sisteme upravleniya organizaciej [Digital technologies in the organization management system]. *Nauchnyj elektronnyj zhurnal "Meridian" = Scientific Electronic Journal "Meridian"*, 2020, no. 8 (42), pp. 51–53.

21. Efremova L. I., Kolenkina A. O. Vybor sistemy elektronnoho dokumentooborota dlya predpriyatiya [Choosing an electronic document management system for an enterprise]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2019, vol. 2, no. 1, pp. 23–31.

22. Borremans A. D., Ilyin I. V., Ilyashenko O. Yu., Levina A. I. Analiz otechestvennogo i mirovogo opyta cifrovoj transformatsii [Analysis of domestic and world experience of digital transformation]. *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and Business: Ways of Development*, 2019, vol. 8, no. 98, pp. 176–181.

23. Magazin issledovanij [Research store]. Available at: <https://marketing.rbc.ru/articles/11166/>. (accessed 28.06.2021)

24. Aktual'nye problemy razvitiya upravlencheskoi i servisnoi deyatelnosti v tsifrovoi srede. Materialy Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Actual problems of development of management and service activities in the digital environment. Materials of the All-Russian Youth scientific and practical conference]. Omsk, Omsk State Technical University Publ., 2020. 228 p. (In Russ.)

25. Barybina A. Z. Primenenie cifrovyykh tekhnologij v osnovnykh otraslyakh ekonomiki Rossii. 2019 [Application of digital technologies in the main sectors of the Russian economy. 2019]. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77102/1/978-5-7996-2729-4_1_60.pdf. (accessed 24.06.2021)

26. EAES zapustit elektronnyj dokumentooborot v morskikh portah [EAEU to launch electronic document management in seaports]. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba. 2021 [Federal Customs Service, 2021]*. Available at: <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/267747>. (accessed 28.06.2021)

27. Administraciya morskikh portov Primorskogo kraia i vostochnoj Arktiki [Administration of Seaports of Primorsky Krai and the Eastern Arctic]. Available at: <http://pma.ru>. (accessed 28.06.2021)
28. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraia do 2030 goda [Strategy of socio-economic development of the Primorsky Territory until 2030]. Investitsionnyi portal Primorskogo kraia/ 2018 [Investment portal of Primorsky Krai, 2018]. Available at: <https://invest.primorsky.ru/files/guide/strategy/strategy2030.pdf>. (accessed 28.06.2021)
29. Porty Primor'ya v 2018 godu narastili gruzooborot do rekordnykh znachenij [The ports of Primorye increased cargo turnover to record values in 2018]. Al'ta Soft, 2019 [Alto Software, 2019]. Available at: https://www.alt.ru/logistics_news/65252/. (accessed 28.06.2021).
30. Gruzooborot portov Dal'nevostochnogo bassejna [Cargo turnover of the ports of the Far Eastern basin]. [Cargo-report.info: 2021]. Available at: <https://cargo-report.info/stat/ports-fareast/>. (accessed 28.06.2021).
31. Propusknaya sposobnost' portov Dal'nevostochnogo bassejna [The throughput capacity of the ports of the Far Eastern basin]. Ministerstvo transporta Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Transport of the Russian Federation, 2021]. Available at: http://morflot.gov.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/portyi_rf/reestr_mp/portyi_primorskogo_kraia_i_vostochnoy_arktiki.html. (accessed 28.06.2021)
32. Krivoshapova S. V. Problemy razvitiya portovogo hozyajstva Primorskogo kraia [Problems of development of the port economy of the Primorsky Territory]. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*, 2019, no. 1(55), pp. 63–68.
33. Grivanova O. V. Ports located in south of Primorsky Territory as part of international logistic chains. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2020, vol. 666(6), p. 062087.
34. Neobходимost' ispol'zovaniya IT v transportnoj logistike [The need to use IT in transport logistics]. Transport and Logistics Information Portal, 2021. Available at: <http://logistika.uz/en/info/articles/1617>. (accessed 28.06.2021)
35. Elektronnaya trgovaya ploshchadka [Electronic trading platform]. Available at: https://etpgpb.ru/posts/686dlya_razvitiya_infrastruktury_severnyh_portov_gazprombank_predlagaet_tsifr_ovoy_dvoynik/. (accessed 28.06.2021)
36. Ob utverzhenii Strategii razvitiya eksporta uslug do 2025 goda (vmeste s "Planom meropriyatii po realizatsii Strategii razvitiya eksporta uslug do 2025 goda") ["On approval of the Strategy for the development of export of services until 2025" (together with the "Action Plan for the implementation of the Strategy for the Development of Services exports until 2025")]. Decree of the Government of the Russian Federation of August, 2019 № 1797-р. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/. (accessed 28.06.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Жохова Валентина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и торговли, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Российская Федерация, e-mail: valentina.zhokhova@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9934-2702, Researcher ID: Y-1144-2017

Valentina V. Zhokhova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing and Trade, Vladivostok, State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: valentina.zhokhova@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9934-2702, Researcher ID: Y-1144-2017

Блюдик Ангелина Руслановна, магистрант кафедры маркетинга и торговли, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Российская Федерация, e-mail: angelinablyudik@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1923-5005

Angelina R. Blyudik, Undergraduate of the Department of Marketing and Trade, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: angelinablyudik@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1923-5005

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

SOCIO-ECONOMIC FORECASTING AND MODELLING

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-134-147>

Применение многокритериальных методов для выбора направления цифровой трансформации промышленных предприятий

О. А. Крыжановская¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: morozikolya2008@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время цифровизация затронула все аспекты жизнедеятельности, все отрасли хозяйствования. Одними из приоритетных направлений развития мировой экономики в целом и России в частности являются внедрение и эффективное применение цифровых технологий в промышленности. Таким образом, цифровая трансформация промышленных предприятий становится актуальным направлением научных исследований. В то же время вопросам выбора приоритетных направлений цифровой трансформации промышленных предприятий на основе многокритериальных методов уделено недостаточное внимание, что и обусловило выбор темы исследования.

Цель исследования состоит в применении многокритериальных методов для выбора направления цифровой трансформации промышленных предприятий.

Задачи: обосновать актуальность цифровой трансформации промышленных предприятий, выявить приоритетные направления (альтернативы) цифровой трансформации промышленных предприятий; применить многокритериальные методы для выбора направления цифровой трансформации промышленных предприятий; выявить приоритетное направление цифровой трансформации промышленных предприятий.

Методология. В процессе исследования были использованы общенаучные методы логического и статистического анализа, качественный и количественный анализ, а также методы многокритериального выбора, такие как метод Черчмена-Акоффа, «Полигон альтернатив», «Паттерн».

Результаты: выявлены приоритетные направления (альтернативы) цифровой трансформации промышленных предприятий; применены на практике методы многокритериального выбора: метод Черчмена-Акоффа, «Полигон альтернатив», «Паттерн»; в результате практической апробации многокритериальных методов выявлено приоритетное направление цифровой трансформации промышленных предприятий.

Выводы. Практическое применение многокритериальных методов позволило выявить приоритетное направление цифровой трансформации промышленных предприятий, последовательная реализация которого позволит прямых и косвенных эффектов цифровизации промышленных предприятий.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация; промышленность; многокритериальные методы.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Крыжановская О. А., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 134–147

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Для цитирования: Крыжановская О. А. Применение многокритериальных методов для выбора направления цифровой трансформации промышленных предприятий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 134–147. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-134-147>.

Поступила в редакцию 08.08.2021

Принята к публикации 05.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Application of Multi-Criteria Methods for Choosing the Direction of Digital Transformation of Industrial Enterprises

Olga A. Kryzhanovskaya¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: morozikolya2008@yandex.ru

Abstract

Relevance. Currently, digitalization has affected all aspects of life, all sectors of the economy. One of the priority areas for the development of the world economy and Russia in particular is the introduction and effective use of digital technologies in industry. Thus, the digital transformation of industrial enterprises is becoming an urgent area of scientific research. At the same time, insufficient attention has been paid to the selection of priority areas for the digital transformation of industrial enterprises based on multi-criteria methods, which led to the choice of the research topic.

The purpose of the study is to use multi-criteria methods to select the direction of digital transformation of industrial enterprises.

Objectives: to substantiate the relevance of the digital transformation of industrial enterprises, to identify priority areas (alternatives) for the digital transformation of industrial enterprises; apply multi-criteria methods to choose the direction of digital transformation of industrial enterprises; identify the priority area of digital transformation of industrial enterprises.

Methodology. In the process of the study, general scientific methods of logical and statistical analysis, qualitative and quantitative analysis, as well as methods of multi-criteria choice, such as the Churchman-Ackoff method, Polygon of alternatives, "Pattern" were used.

Results: identified priority areas (alternatives) of digital transformation of industrial enterprises; the methods of multi-criteria choice were applied in practice - the Churchman-Ackoff method, Polygon of alternatives, "Pattern"; As a result of practical testing of multicriteria methods, the priority direction of digital transformation of industrial enterprises was revealed.

Conclusions: the practical application of multicriteria methods made it possible to identify the priority direction of the digital transformation of industrial enterprises, the consistent implementation of which will allow direct and indirect effects of digitalization of industrial enterprises.

Keywords: digitalization; digital transformation; industry; multi-criteria methods.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation No. NSh-2702.2020.6 "Conceptual foundations of a new paradigm of economic development in the era of technological and social transformation."

For citation: Kryzhanovskaya O. A. Application of Multi-Criteria Methods for Choosing the Direction of Digital Transformation of Industrial Enterprises. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 134–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-134-147>.

Received 08.08.2021

Accepted 05.09.2021

Published 29.10.2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 134–147

Введение

Цифровая трансформация промышленности – процесс, отражающий переход промышленного сектора из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий с целью повышения уровня его эффективности и конкурентоспособности [1]. Основные характеристики промышленной трансформации следующие:

1. Промышленная трансформация нацелена на производственную часть дискретного, непрерывного или массового производства. Таким образом, производственная деятельность заводов, фабрик и шахт находится в прямой зоне влияния промышленных преобразований.

2. Промышленная трансформация направлена на последовательное улучшение производства, а также на управление и координацию на удаленных производственных объектах [2].

3. Одной из основной задачей является нахождение подходящего решения бизнес-задач, обеспечение возможности адаптации трансформации на удаленных производственных площадках.

4. Промышленная трансформация оказывает влияние на активы, процессы и корпоративные продукты [3].

Вопросам цифровизации и трансформации промышленности посвящены работы многих ученых [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], тем не менее вопрос применения многокритериальных методов для выбора направления цифровой трансформации промышленных предприятий [14; 15; 16; 17] актуален и требует дальнейшего изучения.

Государственная стратегия Российской Федерации направлена на внедрение механизмов цифровой трансформации, поэтому высокотехнологичные предприятия полностью осознают, что их невозможно избежать, и они в значительной степени будут условиями для роста их конкурентоспособности на внутреннем и

внешнем рынках. В связи с вышесказанным и в условиях ограниченности ресурсов нами была сформулирована следующая генеральная цель – выбор направления цифровой трансформации промышленных предприятий.

Материалы и методы

На основе многокритериальных методов мы сможем выбрать наиболее эффективное направление цифровой трансформации промышленных предприятий. В качестве многокритериальных методов выбора нами были использованы методы Черчмена-Акоффа и «Полигон альтернатив».

Результаты и их обсуждение

В качестве альтернатив нами были выявлены следующие:

1. Альтернатива А – создать, интегрировать и развить сервисы государственной информационной системы промышленности (ГИСП) к декабрю 2022 г. По оценкам экспертов, на реализацию данного проекта потребуется около 643 млн руб. Каждый год запланированного периода будут задействованы около 263 140 промышленных предприятий, из которых 221 892 предприятия обрабатывающих отраслей промышленности, по прогнозам экспертов, получают «цифровые паспорта» и подключатся к сервисам ГИСП предприятий. Для этого понадобится разработать и принять 18 стандартов в области цифровых технологий. Данный проект включает в себя 24 целевых направления. Также по прогнозам ожидается повышение выручки на 15%.

2. Альтернатива Б – создать регуляторную среду для цифровой трансформации промышленности к декабрю 2022 г. По оценкам экспертов, на реализацию данного проекта потребуется около 649 млн руб. Каждый год запланированного периода будут задействованы около 375 650 промышленных предприятий, из которых 213 650 предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, по

прогнозам экспертов, получат «цифровые паспорта» и подключатся к сервисам ГИСП предприятий. Для этого понадобится разработать и принять 23 стандарта в области цифровых технологий. Данный проект включает в себя 12 целевых направления. Также по прогнозам ожидается повышение выручки на 15%.

3. Альтернатива В – повысить эффективность цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности (средние и крупные предприятия) к декабрю 2022 г. По оценкам экспертов, на реализацию данного проекта потребуется около 651 млн руб. Каждый год запланированного периода будут задействованы около 246 891 промышленного предприятия, из которых 216 075 предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, по прогнозам экспертов, получат «цифровые паспорта» и подключатся к сервисам ГИСП предприятий. Для этого понадобится разработать и принять 25 стандартов в области цифровых техно-

логий. Данный проект включает в себя 15 целевых направления. Также по прогнозам ожидается повышение выручки на 25%.

Были выбраны следующие критерии для оценки будущих альтернатив:

1. Объем выручки проектов на основе внедрения сквозных цифровых технологий.

2. Число предприятий, которые включены в проект.

3. Количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших «цифровые паспорта» и подключенных к сервисам ГИСП предприятий.

4. Количество разработанных и принятых стандартов в области цифровых технологий.

5. Количество целевых направлений.

6. Необходимые финансовые ресурсы для реализации направления.

Упорядочим результаты по степени важности и присвоим им значения от 1 до 6 (табл. 1).

Таблица 1. Оценка критериев по степени важности

Критерий	Ранг	Оценка (V_i) [0-1]
1. Объем выручки проектов на основе внедрения сквозных цифровых технологий	1	0,98
2. Число предприятий, которые включены в проект	5	0,05
3. Количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших «цифровые паспорта» и подключенных к сервисам ГИСП предприятий	3	0,25
4. Количество разработанных и принятых стандартов в области цифровых технологий	4	0,12
5. Количество целевых направлений	6	0,03
6. Необходимые финансовые ресурсы для реализации направления	2	0,5
<i>Итого</i>		$\sum V_i = 1,93$

Мы провели сравнение полученных оценок методом Черчмена-Акоффа. (табл. 2).

По данным таблицы 2 были рассчитаны уточненные оценки важности критериев:

$$V'_1 = \frac{0,98}{1,93} = 0,508,$$

$$V'_2 = \frac{0,5}{1,93} = 0,259,$$

$$V'_3 = \frac{0,25}{1,93} = 0,130,$$

$$V'_4 = \frac{0,12}{1,93} = 0,062,$$

$$V'_5 = \frac{0,03}{1,93} = 0,015,$$

$$V'_6 = \frac{0,5}{1,93} = 0,259.$$

Далее нами составлена таблица 3 – оценка важности уточненных оценок критериев.

Таблица 2. Сравнение критериев по методу Черчмена-Акоффа

Сравнение	Конечная оценка (V_i)
$0,98 > 0,5 + 0,25 + 0,12 + 0,05 + 0,03$	
$0,98 > 0,5 + 0,25 + 0,12 + 0,05$	
$0,98 > 0,5 + 0,25 + 0,12$	
$0,98 > 0,5 + 0,25$	0,98
$0,5 > 0,25 + 0,12 + 0,05 + 0,03$	
$0,5 > 0,25 + 0,12 + 0,05$	
$0,5 > 0,25 + 0,12$	0,5
$0,25 > 0,12 + 0,05 + 0,03$	
$0,25 > 0,12 + 0,05$	0,25
$0,12 > 0,05 + 0,03$	0,12
0,05	0,05
0,03	0,03
<i>Итого</i>	1,93

Таблица 3. Оценка важности уточненных оценок критериев

Критерий	Оценка (V_i)	Уточненная оценка (V_i)
1. Объем выручки проектов на основе внедрения сквозных цифровых технологий	0,98	0,508
2. Число предприятий, которые включены в проект	0,05	0,026
3. Количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших «цифровые паспорта» и подключенных к сервисам ГИСП предприятий	0,25	0,130
4. Количество разработанных и принятых стандартов в области цифровых технологий	0,12	0,062
5. Количество целевых направлений	0,03	0,015
6. Необходимые финансовые ресурсы для реализации направления	0,5	0,259
<i>Итого</i>	1,93	1

Основываясь на данных таблицы 3, нами была проведена оценка альтернатив по выбранным критериям (табл. 4).

По результатам применения метода Черчмена-Акоффа можно сделать вывод о том, что приоритетным является вариант А – создать, интегрировать и развивать сервисы государственной информационной системы промышленности (ГИСП) к декабрю 2022 г. Следующими по приоритетности выступают альтернативы В и Б.

Для применения метода «Полигон альтернатив» мы использовали безразмерную шкалу. Определение значений для показателей «количество затронутых

предприятий», «количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших "цифровые паспорта" и подключенных к сервисам ГИСП предприятий» и «необходимые финансовые ресурсы для реализации направления» с помощью безразмерной шкалы представлено в таблице 5.

Результаты оценок с учетом безразмерной шкалы представлены ниже (табл. 6).

На полярной диаграмме нами был построен «Полигон альтернатив» для выбора приоритетного направления цифровой трансформации промышленных предприятий (рис. 1).

Таблица 4. Результаты оценок альтернатив по приведенным критериям

Критерий	А	Б	В
1. Объем выручки проектов на основе внедрения сквозных цифровых технологий	1,15	1,17	1,25
2. Число предприятий, которые включены в проект	2,63	3,76	2,47
3. Количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших «цифровые паспорта» и подключенных к сервисам ГИСП предприятий	2,22	2,14	2,16
4. Количество разработанных и принятых стандартов в области цифровых технологий	18,00	23,00	25,00
5. Количество целевых направлений	24,00	12,00	15,00
6. Необходимые финансовые ресурсы для реализации направления	6,43	6,49	6,51
Итоговая оценка	54,43	48,55	52,39

Таблица 5. Безразмерная шкала для показателей «количество затронутых предприятий», «количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших "цифровые паспорта" и подключенных к сервисам ГИСП предприятий» и «необходимые финансовые ресурсы для реализации направления»

Безразмерная шкала	Число предприятий, которые включены в проект	Количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших "цифровые паспорта" и подключенных к сервисам ГИСП предприятий	Необходимые финансовые ресурсы для реализации направления
1	100 000	100 000	100 000 000
2	200 000	200 000	200 000 000
3	300 000	300 000	300 000 000
4	400 000	400 000	400 000 000
5	500 000	500 000	500 000 000
6	600 000	600 000	600 000 000
7	700 000	700 000	700 000 000
8	800 000	800 000	800 000 000
9	900 000	900 000	900 000 000
10	100 000	100 000	1 000 000 000

Таблица 6. Результаты оценок с учетом безразмерной шкалы

Критерий	Уточненная оценка	А	Б	В
1. Объем выручки проектов на основе внедрения сквозных цифровых технологий	0,508	0,584	0,594	0,635
2. Число предприятий, которые включены в проект	0,026	0,068416	0,097669	0,064192
3. Количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, получивших "цифровые паспорта" и подключенных к сервисам ГИСП предприятий	0,130	0,288460	0,277745	0,280898
4. Количество разработанных и принятых стандартов в области цифровых технологий	0,062	1,116	1,426	1,550
5. Количество целевых направлений	0,015	0,3600	0,1800	0,2250
6. Необходимые финансовые ресурсы для реализации направления	0,259	1,665	1,681	1,686

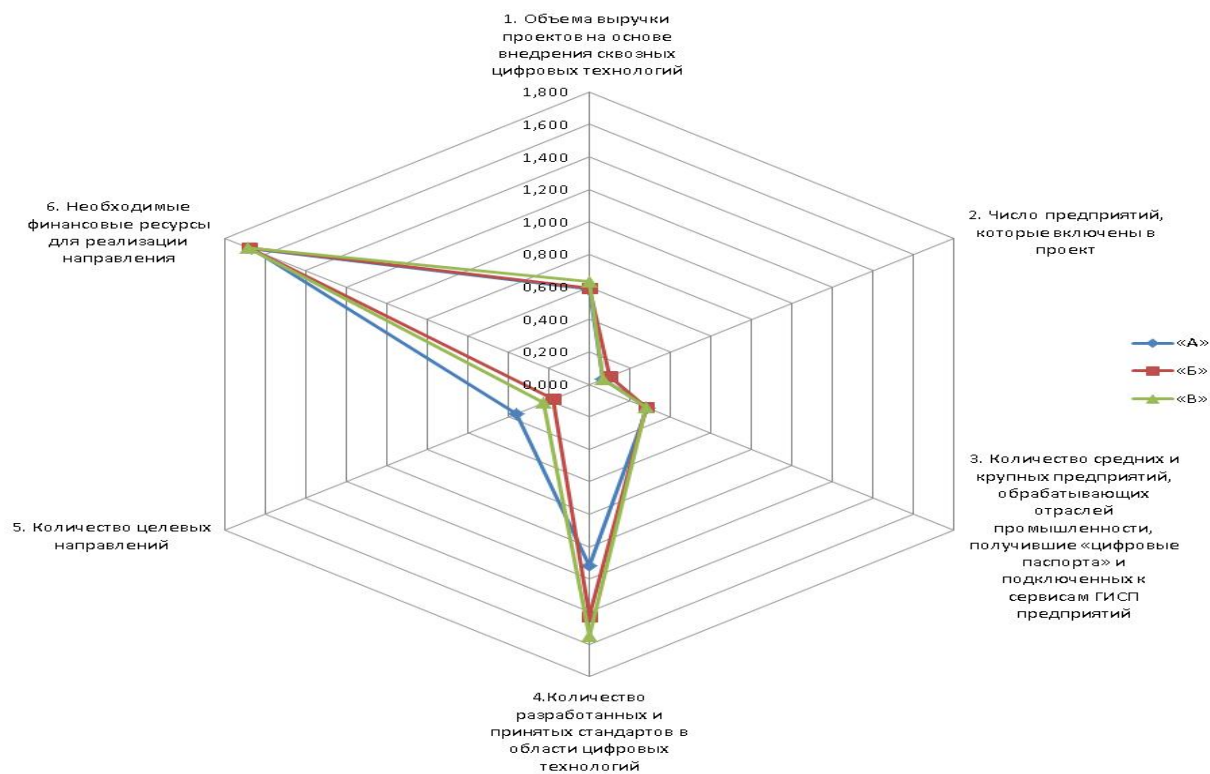

Рис. 1. «Полигон альтернатив» для выбора направления цифровой трансформации промышленных предприятий

По рисунку 1 визуально видно, что альтернатива А – создание, интеграция и развитие сервисов государственной информационной системы (ГИСП) – имеет более высокое значение, а следовательно, и более высокий приоритет, чуть мень-

шее значение соответствует альтернативам В и Б.

Для уточнения результатов визуального наблюдения нами были рассчитаны площади полученных многоугольников (табл. 7).

Таблица 7. Результаты расчета площадей многоугольников для каждой альтернативы

Треугольники	Альтернатива А	Альтернатива Б	Альтернатива В
S1	0,017386	0,025252	0,017731
S2	0,008585	0,011800	0,007844
S3	0,140036	0,172288	0,189395
S4	0,174766	0,111656	0,151706
S5	0,260797	0,131615	0,165026
S6	0,423215	0,434594	0,465740
Собщ	1,0248	0,8872	0,9974

По данным расчётам мы получили значения площадей многоугольников по трём альтернативам. Наибольшую площадь, а следовательно, и высший приоритет занимает альтернатива А – создание, интеграция и развитие сервисов государственной информационной системы

(ГИСП) к декабрю 2022 г., сумма площадей треугольников которой равна 1,0248. Далее по приоритетности следуют альтернатива В, сумма площадей треугольников которой равна 0,9974, и альтернатива Б с суммой площадей треугольников 0,8872.

В целях дальнейшего исследования нами был применен метод «Паттерн» для выбора направления цифровой трансформации промышленности. На основе проведения экспертизы методом мозго-

вой атаки было разработано дерево целей – повышение эффективности цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности России. Дерево целей представлено ниже (рис. 2).

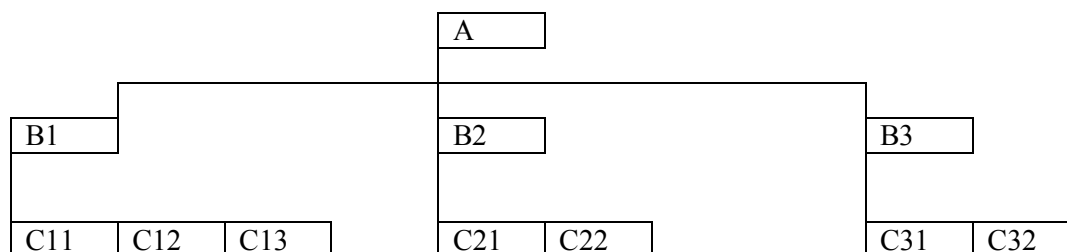

Рис. 2. Дерево целей цифровой трансформации промышленных предприятий

Показатели дерева целей:

А – повысить эффективность цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности (средние и крупные предприятия) к декабрю 2021 г.

В1 – оценить уровень цифровой трансформации средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности.

В2 – внедрить системы классификации цифровой трансформации бизнес-процессов средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности.

В3 – оценить уровень цифровой трансформации холдингов и интегрированных структур обрабатывающих отраслей промышленности.

С11 – выявить системные проблемы цифровой трансформации промышленности.

С12 – сформировать центры компетенций цифровой трансформации промышленности.

С13 – проанализировать развитие производства промышленных предприятий на базе объективных статистических данных.

С21 – осуществить ряд административных мер, направленных на внедрение

систем классификации цифровой трансформации бизнес-процессов.

С22 – реализовать меры государственной финансовой поддержки, направленные на стимулирование разработки цифровых платформ, программных продуктов, базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры.

С31 – масштабировать внедрение существующих на рынке решений в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности.

С32 – осуществить ряд мероприятий по адаптации решений в области цифровой трансформации.

На основе метода «Паттерн» была проведена декомпозиция целей и получены следующие семейства:

1. А, В1, В2, В3.
2. В1, С11, С12, С13.
3. В2, С21, С22.
4. В3, С31, С32.

Для получения экспертных оценок мы руководствовались следующими критериями: затраты (капвложения на осуществление мероприятий); наличие трудовых ресурсов, необходимых для реализации мероприятий; величина ожидаемой

прибыли; срок реализации мероприятия, а также уровень риска.

Для определения весовых коэффициентов критериев по каждому семейству нами был использован метод «Дельфи» (табл. 8). Для определения сходимости мнений экспертов рассчитывался коэффициент вариации по формуле

$$V = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (K_{B_i} - \bar{K}_B)^2}{n}} 100\% \quad (1)$$

В нашем случае значения коэффициента вариации (значение коэффициента вариации менее 33%) свидетельствуют об

однородности мнений экспертов, значит, второй тур экспертизы не требуется.

В качестве результата экспертизы стала медиана ранжированного ряда (табл. 9).

Далее с помощью метода Черчмена-Акоффа мы нашли нормированные оценки для дочерних элементов дерева целей для всех семейств (табл. 10).

Найдем нормированные оценки для дочерних элементов дерева целей для семейств 2-4 (табл. 11).

Далее нами проведена оценка семейств дерева целей с учетом уточненных оценок (табл. 12).

Таблица 8. Расчет весовых коэффициентов критериев для оценивания целей

Критерии	Эксперты									V
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
1. Затраты	0,31	0,15	0,21	0,34	0,14	0,11	0,15	0,12	0,23	10,23
2. Наличие трудовых ресурсов	0,07	0,13	0,04	0,1	0,05	0,12	0,19	0,07	0,14	5,20
3. Величина ожидаемой прибыли	0,25	0,45	0,51	0,31	0,47	0,4	0,24	0,49	0,5	12,78
4. Срок реализации	0,22	0,09	0,11	0,23	0,26	0,16	0,31	0,09	0,07	9,37
5. Уровень риска	0,15	0,19	0,14	0,02	0,08	0,21	0,11	0,23	0,06	7,56

Таблица 9. Результаты экспертизы для определения весовых коэффициентов критериев

Критерии	Вес
Затраты (капиталовложения)	0,15
Наличие трудовых ресурсов	0,1
Величина ожидаемой прибыли	0,45
Срок реализации	0,16
Уровень риска	0,14
Сумма	1

Таблица 10. Нормированные оценки для дочерних элементов дерева целей для семейства 1

Критерии	Очки			Нормированные оценки			Σ
	B1	B2	B3	S1	S2	S3	
Затраты	0,3	0,6	1	0,16	0,32	0,53	1
Наличие трудовых ресурсов	1	0,7	0,2	0,53	0,37	0,11	1
Величина ожидаемой прибыли	1	0,4	0,5	0,53	0,21	0,26	1
Срок реализации	1	0,3	0,6	0,53	0,16	0,32	1
Уровень риска	0,1	1	0,8	0,05	0,53	0,42	1

Таблица 11. Нахождение нормированных оценок для дочерних элементов дерева целей для семейств 2-4

Критерии	Очки			Нормированные оценки			Σ
	C11	C12	C13	S1	S2	S3	
Затраты	1	0,4	0,5	0,53	0,21	0,26	1
Наличие трудовых ресурсов	1	0,3	0,4	0,59	0,18	0,24	1
Величина ожидаемой прибыли	0,3	1	0,3	0,19	0,63	0,19	1
Срок реализации	1	0,3	0,5	0,56	0,17	0,28	1
Уровень риска	1	0,2	0,6	0,56	0,11	0,33	1
Критерии	Очки		Нормированные оценки		Σ		
	C21	C22	S1	S2			
Затраты	0,7	1	0,41	0,59	1		
Наличие трудовых ресурсов	1	0,8	0,56	0,44	1		
Величина ожидаемой прибыли	1	0,9	0,53	0,47	1		
Срок реализации	0,8	1	0,44	0,56	1		
Уровень риска	0,6	1	0,38	0,63	1		
Критерии	Очки		Нормированные оценки		Σ		
	C31	C32	S1	S2			
Затраты	0,9	1	0,47	0,53	1		
Наличие трудовых ресурсов	1	0,8	0,56	0,44	1		
Величина ожидаемой прибыли	1	0,7	0,59	0,41	1		
Срок реализации	1	0,7	0,59	0,41	1		
Уровень риска	0,6	1	0,38	0,63	1		

Таблица 12. Оценка семейств дерева целей с учетом уточненных оценок

Семейство 1 Критерии	Кв	В1	В2	В3
Затраты	0,15	0,16	0,32	0,53
Наличие трудовых ресурсов	0,1	0,53	0,37	0,11
Величина ожидаемой прибыли	0,45	0,53	0,21	0,26
Срок реализации	0,16	0,53	0,16	0,32
Уровень риска	0,14	0,05	0,53	0,42
ИТОГО	1	1,8	1,59	1,64
Семейство 2 Критерии	Кв	C11	C12	C13
Затраты	0,15	0,53	0,21	0,26
Наличие трудовых ресурсов	0,1	0,59	0,18	0,24
Величина ожидаемой прибыли	0,45	0,19	0,63	0,19
Срок реализации	0,16	0,56	0,17	0,28
Уровень риска	0,14	0,56	0,11	0,33
ИТОГО	1	2,43	1,3	1,3
Семейство 3 Критерии	Кв	C21	C22	
Затраты	0,15	0,41	0,59	
Наличие трудовых ресурсов	0,1	0,56	0,44	
Величина ожидаемой прибыли	0,45	0,53	0,47	
Срок реализации	0,16	0,44	0,56	
Уровень риска	0,14	0,38	0,63	
ИТОГО	1	2,32	2,69	
Семейство 4 Критерии	Кв	C31	C32	
Затраты	0,15	0,47	0,53	
Наличие трудовых ресурсов	0,1	0,56	0,44	
Величина ожидаемой прибыли	0,45	0,59	0,41	
Срок реализации	0,16	0,59	0,41	
Уровень риска	0,14	0,38	0,63	
ИТОГО	1	2,59	2,42	

На основании данных таблицы 12 нами рассчитаны искомые коэффициенты относительной важности. Для расчета использована следующая формула:

$$r_i = \sum_{j=1}^n K_{B_i} \cdot S_{ji}. \quad (2)$$

Ветвь 1 (А-С11): $0,8006 \cdot 0,392 = 0,3138352$.
 Ветвь 2 (А-С12): $0,8006 \cdot 0,3756 = 0,01232924$.
 Ветвь 3 (А-С13): $0,8006 \cdot 0,2396 = 0,03698772$.
 Ветвь 4 (А-С21): $0,2793 \cdot 0,4796 = 0,13395228$.
 Ветвь 5 (А-С22): $0,2793 \cdot 0,5218 = 0,14573874$.
 Ветвь 6 (А-С31): $0,3175 \cdot 0,5396 = 0,171323$.
 Ветвь 7 (А-С32): $0,3175 \cdot 0,4618 = 0,1466215$.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что наибольшее значение соответствует ветви 1. Остальные направления являются альтернатив-

Значения коэффициентов относительной важности семейств дерева целей по методу «Паттерн» представлены на рисунке 3.

Далее нами были рассчитаны оценки важности каждой ветви дерева целей:

ными (не взаимоисключающими) и их приоритетность следующая: С31, С32, С22, С21, С13, С12.

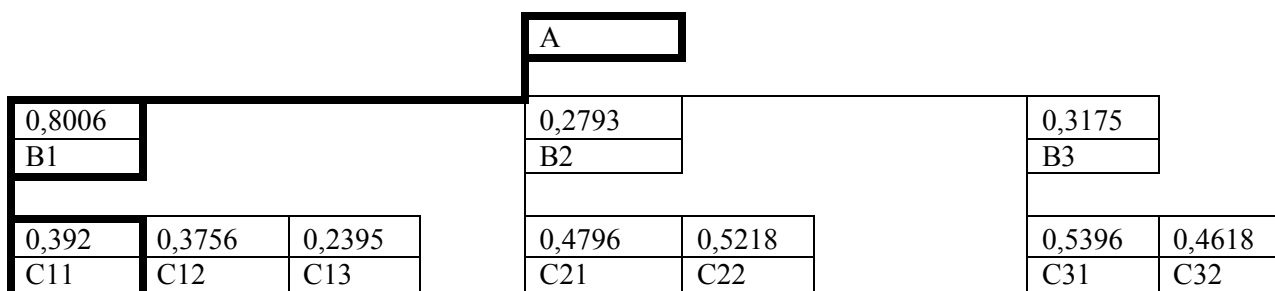

Рис. 3. Значения коэффициентов относительной важности семейств дерева целей по методу «Паттерн»

Выводы

Выявленное направление – повышение эффективности цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности (средние и крупные предприятия) к декабрю 2022 г. было выбрано с помощью многокритериальных методов как самое востребованное, и если последовательно реализовывать стратегический план данного направления, можно будет достичь следующих прямых и косвенных ключевых эффектов цифровизации промышленных предприятий:

- повышение времени эффективного использования оборудования;
- снижение себестоимости продукции;

- обеспечение оперативного обмена достоверной информацией на всех этапах жизненного цикла производства;

- повышение качества и потребительских свойств изделий, снижение доли брака;

- повышение эксплуатационных характеристик оборудования;

- увеличение загрузки производственных мощностей и эффективности их использования;

- обеспечение выполнения производственных заказов в срок;

- увеличение доли высокопроизводительных рабочих мест;

- контроль и управление процессом исполнения заказа по всей цепи кооперации;

– сокращение сроков изготовления изделия и рисков невыполнения контракта в срок;

– повышение конкурентоспособности продукции и предприятий на внутреннем и внешнем рынках и многое другое.

Также нужно учесть некоторые особенности для максимального повышения эффективности цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности, такие как:

– изучение и использование новых технологий и инновации;

– обеспечение высокого уровня цифровизации бизнес-процессов;

– внедрение принципов организационной информационной культуры и постоянное развитие компетенций сотрудников;

– развитие всей цифровой экосистемы организации.

Учет данных особенностей позволит повысить эффективность цифровой трансформации промышленных предприятий.

Список литературы

1. Цифровая трансформация промышленности // Евразийская экономическая комиссия, 2021. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Pages/Основные%20направления%20промышленного%20сотрудничества/digitalindustry.aspx (дата обращения: 21.06.2021).
2. Цифровая трансформация в России – 2020. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 22.06.2021).
3. Phan Anh Tu, Huynh Tuan Anh. Internationalization and Firm Performance: Case of Manufacturing Enterprises in Ecuador // *Research in World Economy*. 2021. Vol. 12, N. 1. P. 11–20.
4. Миркина О. Н. Цифровизация и ее особенности в Смоленской области // *Цифровое образование в РФ: состояние, проблемы и перспективы: материалы Международного форума / Санкт-Петербургский государственный аэрокосмического приборостроения*. СПб., 2019. С. 171–173.
5. Вертакова Ю. В., Плахотникова М. А., Бабкин А. В. Тенденции развития цифровой экономики в России // *Инновационные кластеры цифровой экономики: теория и практика / А. А. Алетдинова, В. В. Андреев, Т. А. Андреева [и др.]*; Санкт-Петербургский университет Петра Великого. СПб., 2018. С. 290–315.
6. Шманёв С. В. Современное состояние цифровой экономики в России и перспективы ее развития // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 44–52.
7. Аршикова А. В., Крыжановская О. А. Цифровая трансформация промышленных предприятий в условиях реиндустриализации: теоретический аспект // *Цифровая экономика: перспективы развития и совершенствования: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет*. Курск, 2021. С. 36–40.
8. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Трансформация развития промышленного комплекса в условиях цифровой экономики // *Вестник университета*. 2021. № 2. С. 71–79.
9. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А. Особенности развития организаций в условиях цифровой трансформации // *Вестник университета*. 2020. № 10. С. 33–39.
10. Талдыкина Е. М., Чарочкина Е. Ю. Анализ состояния развития цифровой экономики в России // *Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет*. Курск, 2021. С. 259–264.
11. Плотников В. А. Промышленное развитие и технологическая безопасность как факторы формирования инновационной экономики // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2011. № 2. С. 17–24.
12. Положенцева Ю. С. Оценка уровня развития цифровизации экономических систем // *Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет*. Курск, 2020. С. 70–75.

13. Брагина А. В., Вертакова Ю. В., Евченко А. В. Развитие сквозных технологий планирования деятельности промышленного предприятия в условиях цифровизации экономики // Организатор производства. 2020. Т. 28, № 1. С. 24–36.
14. The choice of strategic priorities for the development of the organization: a methodological approach / S. G. Emelyanov, Yu. V. Vertakova, O. A. Kryzhanovskaya, O. Y. Nepochatykh // Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. Cham: Springer Nature, 2020. P. 123–132.
15. Крыжановская О. А., Блинова М. С. Оценка эффективности принятого управленческого решения // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества: материалы I Международной научно-практической конференции / Воронежский экономико-правовой институт. Воронеж, 2015. С. 219–222.
16. Вертакова Ю. В., Ланкина М. Ю. Многокритериальная оценка качества интеллектуальных ресурсов организации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 103–114.
17. Старкова М. И., Крыжановская О. А. Разработка и реализация управленческого решения о выборе стратегии трансформации бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 34–46.

References

1. Cifrovaya transformaciya promyshlennosti [Digital transformation of industry]. Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya, 2021 [Eurasian Economic Commission, 2021]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Pages/Osnovnye%20napravleniy%20promyshlennogo%20sotrudnichestva/digitalindustry.aspx. (accessed 21.06.2021)
2. Cifrovaya transformaciya v Rossii – 2020 [Digital transformation in Russia – 2020]. KMDA 2021. Available at: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020. (accessed 21.06.2021)
3. Phan Anh Tu, Huynh Tuan Anh. Internationalization and Firm Performance: Case of Manufacturing Enterprises in Ecuador. *Research in World Economy*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 11–20.
4. Mirkina O. N. [Digitalization and its features in the Smolensk region]. Tsifrovoe obrazovanie v RF: sostoyanie, problemy i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnogo foruma [Digital education in Russia: status, problems and prospects. Materials of the International forum]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State Aerospace Instrumentation Publ., 2019, pp. 171–173. (In Russ.)
5. Vertakova Yu. V., Plahotnikova M. A., Babkin A. V. Tendencii razvitiya cifrovoj ekonomiki v Rossii [Trends in the development of the digital economy in Russia]. Innovacionnye klasteri cifrovoj ekonomiki: teoriya i praktika [Innovative clusters of the digital economy: theory and practice]; A. A. Aletdinova, V. V. Andreev, T. A. Andreeva, eds. St. Petersburg, Peter the Great Saint Petersburg University Publ., 2018. pp. 290–315.
6. Shmanyov S. V. Sovremennoe sostoyanie cifrovoj ekonomiki v Rossii i perspektivy ee razvitiya [The current state of the digital economy in Russia and the prospects for its development]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 44–52.
7. Arshikova A. V., Kryzhanovskaya O. A. [Digital transformation of industrial enterprises in the context of reindustrialization: theoretical aspect]. Cifrovaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. Sbornik nauchnyh statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Digital economy: prospects for development and improvement. Collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2021, pp. 36–40. (In Russ.)
8. Polozhenceva Yu. S., Klevcova M. G. Transformaciya razvitiya promyshlennogo kompleksa v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Transformation of the development of the industrial complex in the digital economy]. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2021, no. 2, pp. 71–79.
9. Vertakova Yu. V., Kryzhanovskaya O. A. Osobennosti razvitiya organizacij v usloviyah cifrovoj transformacii [Features of the development of organizations in the context of digital transformation]. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2020, no. 10, pp. 33–39.

10. Taldykina E. M., Charochkina E. Yu. [Analysis of the state of development of the digital economy in Russia]. *Strategiya formirovaniya ekosistemy cifrovoj ekonomiki. Sbornik nauchnyh trudov 3-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Strategy of formation of the ecosystem of the digital economy. Collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2021, pp. 259–264. (In Russ.)

11. Plotnikov V. A. *Promyshlennoe razvitiye i tekhnologicheskaya bezopasnost' kak faktory formirovaniya innovacionnoj ekonomiki* [Industrial development and technological safety as factors in the formation of an innovative economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2011, no. 2, pp. 17–24.

12. Polozhenceva Yu. S. [Assessment of the level of development of digitalization of economic systems]. *Strategiya formirovaniya ekosistemy cifrovoj ekonomiki. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Strategy of formation of the ecosystem of the digital economy. Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 70–75. (In Russ.)

13. Bragina A. V., Vertakova Yu. V., Evchenko A. V. *Razvitiye skvoznyh tekhnologij planirovaniya deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya v usloviyah cifrovizacii ekonomiki* [Development of end-to-end technologies for planning the activities of an industrial enterprise in the context of digitalization of the economy]. *Organizator proizvodstva = Production Organizer*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 24–36.

14. Emelyanov S. G., Vertakova Yu. V., Kryzhanovskaya O. A., Nepochatykh O. Y. *The choice of strategic priorities for the development of the organization: a methodological approach. Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives*. Cham, Springer Nature, 2020, pp. 123–132.

15. Kryzhanovskaya O. A., Blinova M. S. [Evaluation of the effectiveness of the adopted management decision]. *Innovacionnye podhody k resheniyu social'no-ekonomicheskikh, pravovykh i pedagogicheskikh problem v usloviyah razvitiya sovremennogo obshchestva. Materialy I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Innovative approaches to solving socio-economic, legal and pedagogical problems in the context of the development of modern society. Materials of the I International Scientific and Practical Conference]. Voronezh, Voronezh Economic and Legal Institute Publ., 2015, pp. 219–222. (In Russ.)

16. Vertakova Yu. V., Lankina M. Yu. *Mnogokriterial'naya ocenka kachestva intellektual'nyh resursov organizacii* [Multi-criteria assessment of the quality of the organization's intellectual resources]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 4, pp. 103–114.

17. Starkova M. I., Kryzhanovskaya O. A. *Razrabotka i realizaciya upravlencheskogo resheniya o vybore strategii transformacii biznesa* [Development and implementation of management decisions on the choice of business transformation strategy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 34–46.

Информация об авторе / Information about the Author

Крыжановская Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: morozikolya2008@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0763-2214, Researcher ID: N-3589-2016

Olga A. Kryzhanovskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: morozikolya2008@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0763-2214, Researcher ID: N-3589-2016

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-148-159>

Понятие, классификация и методология измерения социально-экономического неравенства: проблемы и решения

М. Л. Дорофеев¹ ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский просп. 55, г. Москва 119333, Российская Федерация

✉ e-mail: dorofeevml@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Вызовы, вставшие перед мировой экономикой в связи с пандемией COVID-19, потребовали от регуляторов проведения неконвенциональной политики стимулирования экономического роста, и это определенным образом повлияло на динамику бедности и экономического неравенства. С этой точки зрения сегодня данная тема особенно актуальна и требует ответа на большое количество новых вопросов. В исследованиях проблематики социально-экономического неравенства задействовано большое количество различных терминов и показателей, которые иногда используются некорректно, создавая определенную терминологическую и методологическую путаницу в научной дискуссии. В этой связи представляется важным проработать эти теоретические проблемы и уточнить понятие, классификацию социально-экономического неравенства, а также вопросы, связанные с качеством данных и методов его оценки.

Целью работы является решение ряда теоретических и методологических проблем, связанных с сущностью, классификацией и методологией оценки социально-экономического неравенства домохозяйств.

Задачи: дать определение социально-экономического неравенства домохозяйств; предложить классификацию видов социально-экономического неравенства домохозяйств; обосновать проблему полноты, качества и сопоставимости данных в анализе и международных сопоставлениях уровня и динамики социально-экономического неравенства домохозяйств и предложить пути ее решения.

Методология. В исследовании использовались методы анализа и синтеза научных трудов и графического анализа статистических данных.

Результаты. Уточнено определение и предложена классификация видов социально-экономического неравенства; обоснованы проблема качества данных, затрудняющая формирование объективной оценки социально-экономического неравенства, а также проблема сложности проведения международных сравнений, следующая из различных методологий оценки объекта исследования в разных странах.

Вывод. Предложено развивать систему статистического учета и анализа социально-экономического неравенства домохозяйств на основе международных стандартов в более тесной международной кооперации и сотрудничестве между странами, т. к. это позволит глубже понять проблему экономического неравенства и формировать адекватную политику государственного финансового регулирования.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство; социально-экономическая политика; бедность; налоги; государственное регулирование экономики.

© Дорофеев М. Л., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 148–159

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Дорофеев М. Л. Понятие, классификация и методология измерения социально-экономического неравенства: проблемы и решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 148–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-148-159>.

Поступила в редакцию 04.08.2021

Принята к публикации 07.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Concept, Classification and Methodology for Measuring Socio-Economic Inequality: Problems and Solutions

Mikhail L. Dorofeev¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
55 Leningradsky Ave., Moscow 119333, Russian Federation

✉ e-mail: dorofeevml@yandex.ru

Abstract

Relevance. The challenges standing against the world economy because of the COVID-19 pandemic have required regulators to use unconventional financial policies to stimulate economic growth. This has had a certain impact on the dynamics of poverty and economic inequality. From this perspective, the topic is particularly relevant today and requires a large number of new questions to be answered. Research on socio-economic inequality involves many different terms and indicators, which are sometimes used incorrectly, creating some terminological and methodological confusion in the scientific discussion. In this regard, it is important to study all these theoretical problems and clarify the concept, classification of socio-economic inequalities, as well as issues related to the quality of data and its methods of assessment.

The purpose of the work is to solve a number of theoretical and methodological problems related to the essence, classification and methodology of assessing the socio-economic inequality of households.

Objectives: define the socio-economic inequality of households; propose a classification of types of socio-economic household inequality; justify the problem of completeness, quality and comparability of data in analysis and international comparisons of the level and dynamics of socio-economic inequality of households and suggest ways to solve it.

Methodology. The study used methods of analysis, and synthesis of scientific papers and graphical analysis of statistical data.

Results. the definition and classification of types of socio-economic inequality have been clarified; the problem of data quality, which makes it difficult to form an objective assessment of socio-economic inequality was justified: the problem of the complexity of international comparisons, going from the usage of different methodologies for assessing the subject of the study in different countries, is also justified.

Conclusions. It is proposed to continue developing and enhancing the system of statistics and analysis of socio-economic inequality of households on the base of international standards and in closer international cooperation between countries, as this will allow to get a deeper understanding of economic inequality problem and the work out adequate policies of state financial regulation.

Keywords: socio-economic inequality; socio-economic policies; poverty; taxes; state regulation of the economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Dorofeev M. L. Concept, Classification and Methodology for Measuring Socio-Economic Inequality: Problems and Solutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 148–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-148-159>.

Received 04.08.2021

Accepted 07.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

В настоящее время проблематика роста бедности и социально-экономического неравенства в мире является чрезвычайно актуальной и привлекает огромное внимание широкой публики и научного сообщества [1]. Рост социально-экономического неравенства рассматривается как один из актуальных вызовов современности, что подтверждают множество научных исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], активное обсуждение данной темы в СМИ [8; 9] и фигурирование различных аспектов этой проблематики в формулировках целеполагания ООН в обосновании траектории устойчивого развития мировой экономики до 2030 г. [10; 11]. Но проблема социально-экономического неравенства не так однозначна, как может показаться на первый взгляд, поскольку также существует точка зрения, что неравенство «естественным образом снижается или даже спонтанно приобретает гармоничные формы» [5, с. 21]. Такое яркое расхождение мнений и непрекращающиеся споры в исследовательских кругах усиливают актуальность выбранной темы и оправдывают развитие научной работы в данном направлении.

Вместе с тем в обсуждениях данной темы нередко используются недостаточно точные формулировки или слишком обобщенные термины, что является проблемой, создающей определенные разно-

чтения и недопонимания. К примеру, В. Яковенко [12] еще в 2009 г. в своей статье писал о данной проблеме, отмечая, что она встречается в работах экономистов, исследующих проблематику экономического неравенства на основе своей методологии. При составлении экономико-математических моделей авторы нередко могли очень формально подходить к определению неравенства как экономической категории, хотя оно имеет слишком много измерений и видов, чтобы использовать его в прикладном аспекте без каких-либо уточнений [13].

В работах экономистов и социологов эта проблема имеет гораздо менее выраженный характер, тем не менее при описании экономического неравенства в научной литературе используются огромное количество различных формулировок, среди которых «социальное неравенство», «экономическое неравенство», «социально-экономическое неравенство», «социально-экономическая дифференциация», «социальное расслоение», «социально-экономическое расслоение» и пр. [14]. А. И. Россошанский ярко показал проблему несоответствия экономического неравенства в своей статье [13], обозначив риски неаккуратного использования терминологического аппарата в научной дискуссии (табл. 1).

Таблица 1. Показатели социально-экономического неравенства и проблема их несоответствия [13]

1.1. Неравенство в рыночных доходах	≠	2.1. Неравенство в располагаемых доходах
1.2. Неравенство в доходах (различия в текущих поступлениях)	≠	2.2. Неравенство в расходах (различия в уровне жизни и потребления)
		2.3. Неравенство в богатстве (различия в прошлых накоплениях)
		2.4. Неравенство в пожизненных доходах
1.3. Неравенство в распределении доходов между индивидами	≠	2.5. Неравенство в распределении доходов между домохозяйствами
1.4. Проблема неравенства	≠	2.6. Проблема бедности
1.5. Неравенство доходов на душу населения	≠	2.7. Неравенство доходов домохозяйств
		2.8. Неравенство эквивалентного дохода в расчете на взрослого члена домохозяйства
		2.9. Неравенство доходов семей
		2.10. Неравенство эквивалентного дохода в расчете на взрослого члена семьи

Большое разнообразие используемых в научном обороте видов экономического неравенства, безусловно, создает заметный шлейф терминологической путаницы, тянущийся из одного исследования в другое, и с нашей точки зрения, требует уточнений и соответствующей классификации. Проведение межстрановых сравнений, определение пороговых значений уровней социально-экономического неравенства, бедности и богатства должны осуществляться максимально аккуратно и с учетом понимания того, о чем именно идет речь. В этой связи уточнение понятийного аппарата и анализ различных определений социально-экономического неравенства домохозяйств являются важными аспектами раскрытия сущности этого явления.

Материалы и методы

Исследование терминологических аспектов проводится на основе научных статей и материалов исследований международных организаций. С использованием этих же материалов была разработана авторская классификация видов социально-экономического неравенства домохозяйств.

Вопросы, связанные с качеством данных и методологией их анализа, были проработаны на основе открытых источников Росстата, Евростата, ОЭСР, Всемирного банка и международной базы о неравенстве.

Результаты и их обсуждение

Понятие и классификация экономического неравенства

Социально-экономическое неравенство тесно связано с понятием бедности, но является более широкой экономической категорией и оценивает не относительно черты бедности, а по всему распределению доходов/богатства внутри выборки домохозяйств. В теории социологии существует ряд концепций, объясняющих сущность социально-экономи-

ческого неравенства. Рассмотрим некоторые из них для более точной формулировки исследуемого явления.

1. Теория функционализма, предложенная Э. Дюркгеймом [15], рассматривает неравенство как важный аспект мотивации наиболее успешных и одаренных членов общества, позволяющий стимулировать его экономическое развитие и обеспечивать экономическое выживание человечества.

2. Теория конфликта иначе смотрит на истинную сущность социально-экономического неравенства. Ее сторонники связывают данное понятие со сложившейся в результате определенных причин структурой социального строя, при котором наиболее богатые люди контролируют власть и извлекают из своего привилегированного положения личные выгоды.

3. В теории Вебера [16] выделяется три основных составляющих социально-экономического неравенства: 1) имущественное неравенство (уровень доходов и богатства); 2) социальный статус (престиж и деловая репутация); 3) власть (политическое влияние в обществе).

Под социально-экономическим неравенством как обобщающей экономической категорией мы понимаем различия между отдельными лицами в группе, между группами населения или между странами по таким критериям, как: 1) уровень жизни (проявляется в объеме расходов, которые тратятся на поддержание конкретного уровня жизни); 2) уровень доходов (как правило, речь идет про трудовые доходы и доходы от использования собственности и финансовых активов); 3) уровень богатства (накопления и сбережения, находящиеся в собственности и распоряжении домохозяйства). Считается, что из перечисленных составляющих социально-экономического неравенства домохозяйств особая роль принадлежит дифференциации общества по уровню доходов, поскольку этот фактор связан с уровнем деловой активности в

обществе и может оказывать влияние на его политическую стабильность [17; 18].

На основе обзора научных источников и современных международных ис-

следований по рассматриваемой проблематике предлагается авторская классификация видов социально-экономического неравенства (табл. 2).

Таблица 2. Классификация видов социально-экономического неравенства

Вид экономического неравенства	Фактор, выделяющий специфическое определение экономического неравенства	
1. По источнику дохода (неравенство по ...)	1.1. Трудовые доходы	
	1.2. Рентные (пассивные) доходы	
	1.3. Прочие виды доходов, например, трансферты и социальные выплаты из бюджета (пособия, пенсии, стипендии и пр.)	
2. По виду дохода (неравенство по ...)	2.1. Рыночные (совокупные доналоговые) доходы	
	2.2. Промежуточные (рыночные доходы после вычета налогов)	
	2.3. Располагаемые доходы (доходы после уплаты налогов и получения трансфертов)	
	2.3. Реальные доходы	
	2.4. Реальные промежуточные доходы	
3. По расходам	2.5. Реальные располагаемые доходы	
	3.1. Неравенство по конечным расходам, определяющим текущий уровень жизни	
4. По горизонту получения денежных доходов	4.1. Неравенство по текущим доходам и поступлениям	
	4.2. Неравенство в пожизненных доходах и поступлениях	
5. По уровню накопленных / богатства.	5.1. Неравенство владения/распоряжения реальными активами (движимое и недвижимое имущество)	
	5.2. Неравенство владения/распоряжения финансовыми активами и долями в собственности	
	5.3. Неравенство владения/распоряжения нематериальными активами	
6. По субъекту	6.1. Индивидуальное неравенство	6.1.1. В расчете на душу населения
		6.1.2. В расчете на взрослого гражданина
		6.1.3. В расчете на работающего гражданина
		6.1.4. В расчете на налогоплательщика
		6.1.5. В расчете на численность мужского населения
		6.1.6. В расчете на численность женского населения
	6.2. Групповое неравенство	6.2.1. В расчете на домохозяйство
		6.2.2. В расчете на семью
	6.3. Территориальное неравенство	6.3.1. Неравенство муниципалитетов
6.3.2. Межрегиональное неравенство		
6.3.3. Межстрановое неравенство		
7. По деловой активности населения [14, с. 36–39]	7.1. Нормальное неравенство (распределение доходов и богатства среди экономически активных слоев населения)	
	7.2. Избыточное неравенство (неравенство, вызванное чрезмерно низким уровнем доходов и богатства экономически неактивных слоев населения, т. е. обусловленного бедностью)	
8. По степени оптимальности для роста экономики	8.1. Оптимальное неравенство, которое способствует экономическому росту. По версии Всемирного банка [17] существует критический уровень неравенства, определяющий характер его воздействия экономический рост (0,4 по индексу Джини)	
	8.2. Неоптимальное неравенство (чрезмерно низкое или высокое), которое негативно сказывается на темпах экономического роста	
9. По временному горизонту	9.1. Неравенство текущего поколения	
	9.2. Межпоколенческое неравенство	

В таблице 2 показано большое разнообразие видов экономического неравенства, подтверждающее идею о том, что следует более аккуратно формулировать предмет в исследовании проблемы экономического неравенства, особенно тогда когда речь идет про разработку и утверждение государственной финансовой политики регулирования данного процесса. Описанная проблема терминологического характера является далеко не самой сложной. Качество данных и методология их оценки – это один из сложнейших и дискуссионных аспектов оценки социально-экономического неравенства.

Проблемы данных и выбора методологии оценки социально-экономического неравенства

Формирование репрезентативной информационной базы экономического неравенства необходимо для корректной интерпретации исторической динамики исследуемого явления и выработки соответствующей политики финансового регулирования. Проблема релевантности и репрезентативности собираемой информации о доходах домохозяйств на сегодняшний день остается нерешенной [18]. Совершенно потрясающей является научная дискуссия, которую начал Р. И. Капелюшников в направлении исследования качества статистических данных для оценки уровня и динамики экономического неравенства [19]. В этой работе автор проводит критический анализ данных Всемирной базы о неравенстве, имеющих отношение к России [20], и подробно разбирает методологические артефакты, нестыковки и спорные вопросы, оставшиеся без ответов в исследованиях команды Т. Пиккети. В заключении к статье Р. И. Капелюшников пишет, что никакая оценка масштабов неравенства не может считаться «объективным фактом», поскольку этой оценке в подавляющем большинстве случаев предшествует большое число условностей, досчетов, допущений, экстраполяций и прочих ма-

нипуляций с данными. Разумеется, если изменить метод получения этого «объективного факта», то высока вероятность получения иных результатов оценки.

Кроме проблемы качества и сопоставимости данных существует и проблема методологии оценки социально-экономического неравенства. Сравнение методологий оценки бедности и неравенства по версии Росстата [21], Евростата [22], ОЭСР [23], Всемирного банка [24] и других статистических баз данных [25] также указывает на многообразие подходов к определению и оценке этих явлений. Для оценки уровня экономического неравенства используются не только разные базы данных, но и различные показатели и коэффициенты дифференциации. Это создает почву для возникновения таких противоречий, как: методологические нестыковки в учете данных о доходах и богатстве домохозяйств в разных странах; расхождения во временных периодах для проведения исследований трендов экономического неравенства, связанные с недостаточностью данных; различия в выборе измерительных показателей для оценки структуры и динамики экономического неравенства и пр.

Во многих зарубежных научных исследованиях можно встретить три основных метрики социально-экономического неравенства: доходы наиболее обеспеченных домохозяйств; масштабы неравенства и их динамика; неравенство, обусловленное бедностью [25]. Простым и популярным методом оценки социально-экономического неравенства является определение доли национального дохода, распределяемого в пользу наиболее богатых (10%, 5%, 1% и 0,1%) домохозяйств [26]. То же самое касается и оценки социально-экономического неравенства по уровню богатства.

Оценка уровня и структуры социально-экономического неравенства в статистическом учете проводится на основе построения вариационных рядов распределения доходов и богатства домохо-

зайств [27], позволяющих группировать и анализировать их по определенным признакам:

1. Группировка по интервалам с фиксированными границами проводится по разным типам домохозяйств с учетом их географических, демографических, структурных и прочих характеристик.

2. Использование квинтильных, децильных и процентильных распределений домохозяйств по доходам и богатству.

3. Использование относительных распределений домохозяйств по группам, где базой сравнения может выступать прожиточный минимум в стране.

Для характеристики относительного расслоения домохозяйств по доходам или богатству, как правило, применяются такие статистические показатели распределения и коэффициенты дифференциации населения по уровню доходов и богатству, как коэффициент фондов, децильный коэффициент, квинтильный коэффициент, коэффициент Пальма, индекс Джини и пр. Росстат в своих оценках уровня экономического неравенства использует распределение доходов по квинтильным группам в комбинации с коэффициентом фондов и индексом Джини [21]. Недостатком такого подхода является игнорирование информации о распределении доходов между верхней и нижней децильными группами домохозяйств, а также слепая зона в группе верхних 1%-ных домохозяйств, которая не охватывается выборочными обследованиями Росстата.

В иностранных источниках, в т. ч. в методике ОЭСР, практикуется оценка неравенства на основе показателей и коэффициентов, состав которых заметно отличается от методологии Росстата. Так, среди относительных показателей ОЭСР встречаются три децильных коэффициента, отличающихся от коэффициента фондов тем, что в их основе используется не средний доход по децильной группе, а пороговый доход, соответствующий определенному децилю. В базе данных Income Distribution Database [28] в разде-

ле «неравенство» можно встретить такие децильные коэффициенты, как P90/P10; P90/P50; P50/P10, а также квинтильный коэффициент S80/S20, показывающие соотношения пороговых значений располагаемого дохода для соответствующих децилей и квинтилей. Данная комбинация коэффициентов в отличие от подхода Росстата позволяет гораздо лучше и точнее оценить проблемы социального расслоения населения по доходам и богатству. В дополнение к этому в методологии ОЭСР применяются индекс Джини (GI) и коэффициент Пальма (P90/P40), представляющий собой соотношение доли доходов верхней децильной группы и нижних 40% распределения.

Международный исследовательский центр Люксембурга, на который в своих исследованиях ссылается Всемирный банк, по аналогии с ОЭСР использует соотношения различных видов дохода, большая часть которых являются эквивалентным доходом, рассчитанным на члена домохозяйства: Джини (GI), Индекс Аткинсона (AI) и коэффициенты соотношения перцентилей P90/P10; P90/P50; P50/P10 [29].

Евростат применяет другие комбинации расчетных коэффициентов, в основном делая упор на квинтильные доли распределения выборки. Так, используются такие соотношения, как S80/S20; S80/S50; S40/S100, отражающие соотношение соответствующих квинтильных долей распределения доходов. Например, коэффициент S80/S20 показывает, во сколько раз верхние 20%-ные выборки зарабатывают больше, чем нижние 20%-ные выборки. Данные коэффициенты используются в комбинации с коэффициентом Джини и рассчитываются на основе различных видов доходов населения [22].

Методологии ОЭСР, Всемирного банка, Евростата и других международных организаций выглядят более продвинутыми и комплексными, чем то, что в настоящее время применяется Росстатом, но как у Росстата, при таких подходах

остается без внимания 1% самых богатых домохозяйств. Тем не менее сравнение российской и зарубежных методологий оценки социально-экономического неравенства указывает на то, что в России проблематике расслоения населения по уровню доходов и богатства уделяется меньше внимания и значимости.

Из изложенного выше вытекает следующая проблема, связанная с решением задачи по проведению международных

сопоставлений социально-экономического неравенства. Сложность решения такой задачи заключается в различиях в используемых подходах к определению и классификации доходов, системах оценочных показателей и коэффициентов, а также прочих методологических аспектах. К примеру, динамика индекса Джини для России, полученного из различных источников, наглядно это показывает (рис. 1).

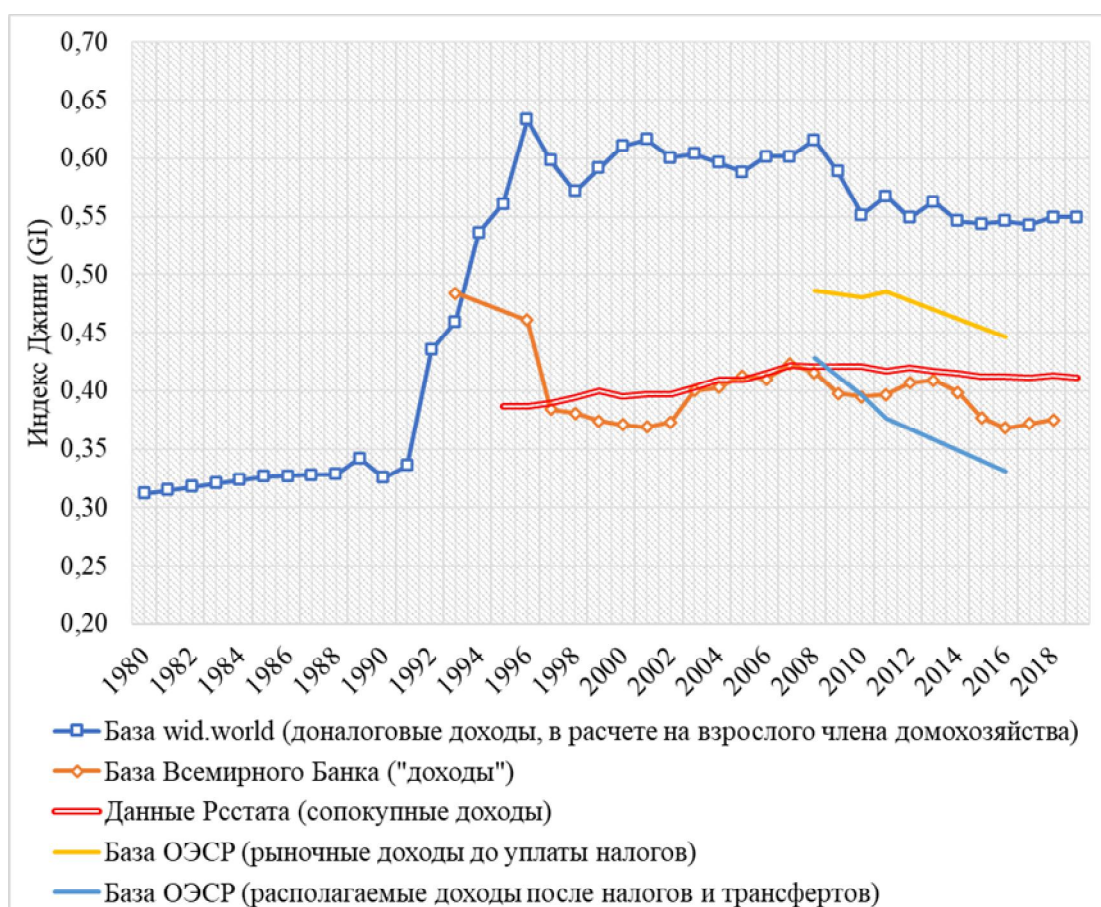

Рис. 1. Динамика индекса Джини по доходам для России по данным различных источников [20; 21; 22; 23; 24]

Все это также значительно затрудняет работу по выработке оптимальной политики финансового регулирования [18]. При проведении межстрановых аналогий и разработке предложений по совершенствованию государственной финансовой политики регулирования социально-экономического неравенства могут быть получены неверные выводы, чего, безусловно, не следует допускать.

Проблематика социально-экономического неравенства является очень сложной и дискуссионной, и получение объективной оценки о происходящих в этой области процессов едва ли возможно при действующей системе статистического учета и качества данных. Означает ли это, что не следует регулировать неравенство и лучше оставить данную проблему до лучших времен, когда хотя бы

половина описанных в данной статье проблем будет решена? На наш взгляд, ответ – нет. Регуляторам не следует полностью абстрагироваться от проблематики неравенства. Наоборот, рекомендуется продолжать развивать международные стандарты учета и оценки социально-экономического неравенства домохозяйств, повышать прозрачность данных и развивать международное сотрудничество в этой области. Эти шаги позволят нам больше понять об экономическом неравенстве в глобальном масштабе, точнее, проводить межстрановые сравнения, лучше оценить различные факторы, которые оказывают влияние на неравенство и, как результат, выработать более взвешенную и обоснованную политику государственного регулирования этой проблемы.

Выводы

Проблематика социально-экономического неравенства чрезвычайно актуальна в настоящее время. Об этой проблеме достаточно часто говорят в СМИ и обсуждают в научных исследованиях. В процессе дискуссии используются разные термины, методы оценки и базы данных

для расчетов. Все это важно иметь в виду при выдвижении научных гипотез и разработке государственной политики регулирования социально-экономического неравенства.

В статье рассмотрены три группы проблем: (1) несоразмерность видов экономического неравенства и вытекающие из нее требования соблюдать терминологическую точность в научной дискуссии; (2) проблема данных, проявляющаяся в разных методиках учета и обработки данных и больших различиях в российской и международных информационных базах для исследования проблематики экономического неравенства и (3) большим количестве методологий оценки экономического неравенства, что затрудняет проведение межстрановых сопоставлений и более глубокому пониманию исследуемой проблемы.

В качестве рекомендаций мы предлагаем развивать международное сотрудничество, разрабатывать и внедрять международные стандарты учета и оценки экономического неравенства в глобальном масштабе.

Список литературы

1. Дорофеев М. Л. Актуальные проблемы регулирования экономического неравенства и пути их решения // Банковское дело. 2021. № 8. С. 24–30.
2. Дорофеев М. Л. Влияние монетарной политики на уровень экономического неравенства в США // Вестник МГИМО – Университета. 2020. Т. 13, № 5. С. 97–114. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-97-114>.
3. Капелюшников Р. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.
4. Лившиц В. Н., Лившиц С. В. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. Часть 1 // Экономическая наука современной России. 2017. № 3. С. 70–86.
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
6. Tridico P. Inequality in Financial Capitalism. 1st ed. Routledge frontiers of political economy. Routledge, 2017. 252 p. <https://doi.org/10.4324/9781315672083>.
7. Acemoglu D. Technical change, inequality, and the labor market // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40, no. 7. P. 72.
8. Inequality in America was huge before the pandemic. The stock market is making it worse. URL: <https://edition.cnn.com/2020/06/17/investing/stock-market-inequality-coronavirus/index.html> (дата обращения: 11.06.2021).

9. Орешкин заявил о «недопустимо высоком уровне неравенства» в России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/01/2020/5e28495a9a79470b4500642d?fromtg=1> (дата обращения: 11.06.2021).
10. Goals to Transform Our World. 2020. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 20.06.2021).
11. Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World. 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Challenges_and_Opportunities_Post_COVID_19.pdf (дата обращения: 20.06.2021).
12. Yakovenko V. M. Econophysics, Statistical Mechanics Approach to, in Encyclopedia of Complexity and System Science / ed. by R. A. Meyers. London: Springer, 2009. P. 2800–2826.
13. Россошанский А. И. Социально-экономическое неравенство населения в контексте развития социального государства современной России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 7 (98). С. 108–117.
14. Костылева Л. В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование: монография / под ред. В. А. Ильина, Л. В. Костылева. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. 223 с.
15. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1986. 430 с.
16. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 687 с.
17. World Bank. Equity and Development: World Development Report 2006. New York: The World Bank and Oxford University Press, 2006.
18. World inequality report 2018 / F. Alvaredo, L. Chancel, T. Piketty, E. Saez, G. Zucman. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).
19. Капелюшников Р. И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 67–106. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-67-106>.
20. Всемирная база данных о неравенстве. URL: <https://wid.world/data/> (дата обращения: 01.06.2021).
21. Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.06.2021).
22. Income and living conditions. Methodology. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/income-and-living-conditions/methodology> (дата обращения: 11.06.2021).
23. OECD Income (IDD) and Wealth (WDD) Distribution Databases. URL: <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (accessed 10.06.2021).
24. Poverty and Inequality. URL: <https://www.worldbank.org/en/research/brief/poverty-inequality/> (дата обращения: 10.06.2021).
25. Малкина М. Ю. Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике // Journal of Institutional Studies. 2016. Т. 8, № 1. С. 100–120.
26. Our world in data. URL: <https://ourworldindata.org/income-inequality> (дата обращения: 10.06.2021).
27. Бикеева М. В., Моисеева И. В. Измерение экономического неравенства: проблемы, факты и оценка // Статистика и экономика. 2019. Т. 16, № 6. С. 48–56.
28. Inequality. URL: <https://stats.oecd.org/#> (дата обращения: 10.06.2021).
29. Overview DART Aggregates, Indicators, and Decompositions. URL: <https://www.lisdatacenter.org/data-access/dart/indicators/> (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. Dorofeev M. L. Aktual'nye problemy regulirovaniya ekonomicheskogo neravenstva i puti ih resheniya [Topical problems of regulating economic inequality and ways to solve them]. *Bankovskoe delo = Banking*, 2021, no. 8, pp. 24–30.
2. Dorofeev M. L. Vliyanie monetarnoj politiki na uroven' ekonomicheskogo neravenstva v SSHA [The influence of monetary policy on the level of economic inequality in the United States]. *Vestnik*

MGIMO – Universiteta = Bulletin of MGIMO University, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 97-114. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-97-114>

3. Kapelyushnikov R. Ekonomicheskoe neravenstvo – vselenskoe zlo? [Economic inequality – universal evil?]. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*, 2019, no. 4, pp. 91–106.

4. Livshic V. N., Livshic S. V. Bednost' i neravenstvo dohodov naseleniya v Rossii i za rubezhom. CHast' 1 [Poverty and income inequality of the population in Russia and abroad]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economic Science of Modern Russia*, 2017, no. 3, pp. 70-86.

5. Piketgi T. Kapital v XXI veke [Capital in the 21st century]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 592 p.

6. Tridico P. Inequality in Financial Capitalism. 1st ed. Routledge frontiers of political economy. Routledge, 2017. 252 p. <https://doi.org/10.4324/9781315672083>

7. Acemoglu D. Technical change, inequality, and the labor market. *Journal of Economic Literature*, 2002, vol. 40, no. 7, p. 72.

8. Inequality in America was huge before the pandemic. The stock market is making it worse. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/06/17/investing/stock-market-inequality-coronavirus/index.html>. (accessed 11.06.2021)

9. Oreshkin zavavil o "nedopustimo vysokom urovne neravenstva" v Rossii [Oreshkin declared an "unacceptably high level of inequality" in Russia]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/22/01/2020/5e28495a9a79470b4500642d?fromtg=1>. (accessed 11.06.2021)

10. Goals to Transform Our World. 2020. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/>. (accessed 20.06.2021)

11. Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World. 2020. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Challenges_and_Opportunities_Post_COVID_19.pdf. (accessed 20.06.2021)

12. Yakovenko V. M. Econophysics, Statistical Mechanics Approach to, in *Encyclopedia of Complexity and System Science*; ed. by R. A. Meyers. London, Springer, 2009, pp. 2800–2826.

13. Rossoshanskij A. I. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo naseleniya v kontekste razvitiya social'nogo gosudarstva sovremennoj Rossii [Socio-economic inequality of the population in the context of the development of the social state of modern Russia]. *Vestnik NGIEI = Bulletin of the NGIEI*, 2019, no. 7 (98), pp. 108–117.

14. Kostyleva L. V. Neravenstvo naseleniya Rossii: tendencii, faktory, regulirovanie [Inequality of the population of Russia: trends, factors, regulation]; ed. by V. A. Il'ina, L. V. Kostyleva. Vologda, Institut social'no-ekonomicheskogo razvitiya territorij RAN Publ., 2011. 223 p.

15. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of public labor]. Moscow, Canon Publ., 1986. 430 p.

16. Smelzer N. Sociologiya [Sociology]. Moscow, Phoenix Publ., 1994. 687 p.

17. World Bank. Equity and Development: World Development Report 2006. New York, The World Bank and Oxford University Press Publ., 2006.

18. Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World inequality report 2018. Available at: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>. (accessed 11.06.2021)

19. Kapelyushnikov R. I. Komanda T. Piketti o neravenstve v Rossii: kollekcija statisticheskikh artefaktov [T. Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2020, no. 4, pp. 67–106. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-67-106>

20. Vsemirnaya baza dannyh o neravenstve [World Inequality Database]. Available at: <https://wid.world/data/>. (accessed 01.06.2021)

21. Neravenstvo i bednost' [Inequality and poverty]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>. (accessed 01.06.2021)

22. Income and living conditions. Methodology. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/income-and-living-conditions/methodology>. (accessed 11.06.2021)

23. OECD Income (IDD) and Wealth (WDD) Distribution Databases. Available at: <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm>. (accessed 10.06.2021)

24. Poverty and Inequality. Available at: <https://www.worldbank.org/en/research/brief/poverty-inequality/>. (accessed 10.06.2021)

25. Malkina M. Yu. Institucional'nye osnovy neravenstva dohodov v sovremennoj ekonomike [Institutional foundations of income inequality in modern economics]. *Journal of Institutional Studies*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 100–120.

26. Our world in data. Available at: <https://ourworldindata.org/income-inequality>. (accessed 10.06.2021)

27. Bikeeva M. V., Moiseeva I. V. Izmerenie ekonomicheskogo neravenstva: problemy, fakty i oценка [Measurement of economic inequality: problems, facts and assessment]. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*, 2019, vol. 16, no. 6, pp. 48–56.

28. Inequality. Available at: <https://stats.oecd.org/#>. (accessed 10.06.2021)

29. Overview DART Aggregates, Indicators, and Decompositions. Available at: <https://www.lisdatacenter.org/data-access/dart/indicators/>. (accessed 10.06.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Дорофеев Михаил Львович, кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: dorofeevml@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2829-9900

Mikhail L. Dorofeev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Public Finance Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: dorofeevml@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2829-9900

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-160-170>**«Цветные революции» на постсоветском пространстве:
социально-экономические предпосылки и последствия****В. М. Кузьмина¹ ✉, М. А. Пархомчук²**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. «Цветные революции», которые буквально заполнили все постсоветское пространство в начале 2000-х годов, в своей основе имеют не только политические корни, но в большой степени социально-экономическую основу, которая проявилась в нищенском существовании граждан постсоветского пространства, видевших причину своих экономических трудностей во власти, в ее неспособности управлять государством на данном этапе.

Цель – раскрыть влияние социально-экономических факторов на процесс протекания «цветных» революций на примере таких стран, как Грузия, Украина, Киргизия.

Задачи: рассмотреть динамику основных макроэкономических показателей ЕС и США с 2015 по 2020 гг.; изучить и наглядно представить динамику прироста ВВП, ВВП по ППС на душу населения, инфляции в странах-членах ЕС за 2016–2020 гг.; исследовать динамику совокупного государственного долга США за 2015–2020 гг.

Методы: метод статистического и критического анализа данных мировых агентств (Solidarity Center, Center for International Private Enterprise CIPE, International Republican Institute, National Democratic Institute for International Affairs, National Security Council); метод сравнительного анализа применялся для сравнения социально-экономических причин и последствий протекания «цветных революций» на примере событий в Грузии, на Украине и Киргизии.

Результаты. Так называемые «цветные революции» разворачивались на постсоветском пространстве по определенным, стандартным технологиям, разработанным на Западе и апробированным в странах Ближнего и Среднего Востока в период «бархатных революций». Единой основой для их протекания, обеспечивавшей их успешность, было худшее состояние экономики страны, бедность основной массы населения и наличие молодежных группировок, финансируемых с Запада для разжигания протестных и иногда националистических настроений.

Выводы. События, вошедшие в историю как «цветные революции», показали государственным деятелям невозможность восстановления прежних торгово-экономических и социально-политических отношений, что повлекло за собой нанесение ущерба национальным интересам РФ в Грузии, на Украине и в Киргизии.

Ключевые слова: Украина; Киргизия; Грузия; постсоветское пространство; «цветные революции».

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кузьмина В. М., Пархомчук М. А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: социально-экономические предпосылки и последствия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 160–170. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-160-170>.

Поступила в редакцию 11.08.2021

Принята к публикации 08.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Кузьмина В. М., Пархомчук М. А., 2021

"Color Revolutions" in the Post-Soviet Space: Socio-Economic Prerequisites and Consequences

Violetta M. Kuzmina¹ ✉, Marina A. Parkhomchuk¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

Relevance. The "color revolutions" that literally filled the entire post-Soviet space in the early 2000s are based not only on political roots, but to a large extent on a socio-economic basis, which manifested itself in the miserable existence of citizens of the post-Soviet space who saw the reason for their economic difficulties in power, in its inability to govern the state at this stage.

The purpose is to reveal the influence of socio-economic factors on the process of the "color" revolutions on the example of such countries as Georgia, Ukraine, Kyrgyzstan. Methods.

Objectives: consider the dynamics of the main macroeconomic indicators of the EU and the US from 2015 to 2020; to study and visualize the dynamics of GDP growth, GDP in PPP per capita, inflation in the EU member states for 2016–2020; investigate the dynamics of the total US government debt for 2015–2020.

Methodology: the method of statistical and critical analysis of data from world agencies (Solidarity center, Center for International Private Enterprise CIPE, International Republican Institute, National Democratic Institute for International Affairs, National Security Council); the method of comparative analysis was used to compare the socio-economic causes and consequences of the "color revolutions" in Georgia, Kyrgyzstan and Ukraine.

Results. "Color revolutions" in the post-Soviet space were developed according to the same technologies developed in the West and tested in the countries of the Near and Middle East during the period of "velvet" revolutions. The only basis for their course, which ensured their success, was the worse state of the country's economy, the poverty of the bulk of the population and the presence of youth groups financed from the West to incite protest and sometimes nationalist sentiments.

Conclusions. After the events in Georgia and Ukraine in Russia, at the level of high-ranking government officials, decision-makers gradually formed a point of view according to which "revolutionary events" in the CIS republics are causing real damage to Russian national interests in the post-Soviet space. Key words: Ukraine, Kyrgyzstan, Georgia, post-Soviet space, "color revolutions".

Keywords: Ukraine; Kyrgyzstan; Georgia; post-Soviet space; "color revolutions".

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuzmina V. M., Parkhomchuk M. A. "Color Revolutions" in the Post-Soviet Space: Socio-Economic Prerequisites and Consequences. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 160–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-160-170>.

Received 11.08.2021

Accepted 08.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

«Цветная революция» вошла в социально-политическую жизнь ряда государств как один из способов передела мира на том геополитическом пространстве, которое стало свободным после распада СССР. Технологии, которые годами вырабатывались для развязывания межнациональных и внутривнутриполитических конфликтов, этнополитических и этно-

территориальных конфликтов, в конечном итоге привели к угрозе суверенитета, независимости отдельных государств, не нашедших в себе сил противостоять западному влиянию. Практика реализации «цветных революций» показала, что нет четкого понимания того, где могут успешно завершиться революции государственным переворотом, а где нет. Можно говорить о том, что некоторые

государства, построившие свою демократическую систему в соответствии с западным образцом, оказались наиболее подвержены влиянию западных технологий по смене правительств. При этом нельзя упускать социально-экономический фактор, который также лежит в основе любых разногласий недовольств в обществе.

Цель – раскрыть влияние социально-экономических факторов на процесс протекания «цветных революций» на примере таких стран, как Грузия, Украина, Киргизия.

Задачи:

1. Охарактеризовать внутренние и внешние предпосылки развития «цветных революций» в Грузии, Киргизии и на Украине.

2. Проанализировать основной ход «цветных революций», выявив схожие и отличительные особенности.

3. Раскрыть социально-экономические и политические результаты и последствия «цветных революций» в Грузии, Киргизии и на Украине.

Западные исследователи из всех многочисленных «цветных революций» особенно выделяют революцию в Грузии и на Украине. Randall E. Newnham в своем исследовании пишет о том, что Москва в лице президента сознательно пошла на подрыв режима грузинской власти как в начале 2000-х годов в период «революции роз», так и последующие годы, Россия использует такой мощный экономический ресурс, как использование природного газа [1]. Относительно процесса протекания «оранжевой революции» на Украине мнение западных исследователей единодушно относительно рассмотрения данного процесса как попыток вырваться из-под власти Москвы [2]. Taras Kuzio категорично утверждает, что корни революций уходят в проблемы взаимоотношений между Украиной и Россией с 1991 г., причем в качестве важнейших причин автор называет курс

на строительство государства Украина снизу вверх, несовпадение национальной идентичности между русскими и украинцами, противостояние Украины попыткам возрождения со стороны России как имперской великой державы [3]. Эту же проблему автор раскрывает в своих других статьях, но при этом корни проблем уже видит во взаимоотношениях царский России с Украиной [4]. Революция на Украине благодаря своей непрерывности (с 2004 по 2014 гг.) не отпускает западных исследователей, тем более что активное участие Запада в протестных акциях и Евромайдане ни для кого не является секретом. Но исследователи (Henry E. Hale, Yuriy Matsiyevsk) предпочитают писать о гибридном режиме на Украине и о ее попытках получить независимость и самостоятельность на международной арене [5; 6].

Президент России В. В. Путин говорит о том, что необходимо подвергать тщательному анализу весь исторический опыт страны, в т. ч. «цветные революции» с целью дальнейшего недопущения такого развития государства [7]. Сама технология проведения таких революций основана на сочетании нескольких важных позиций: слабая государственная власть, влекущая за собой уязвимость электоральной системы, наличие контрэлиты, которая может называть себя оппозицией, но при этом она поддерживается силовым блоком, и эта оппозиция в любой момент может вступить в сговор с внешней силой, ориентированной на смену власти и ослабление политического режима. Известный западный исследователь революций Дж. Голдстоун доказывает, что непосредственно социально-экономические факторы (низкий уровень дохода, бедность населения) чрезвычайно редко ведут к революциям. А это значит, что революции, направленные на смену политической элиты, происходят не в обедневших странах, а в странах,

где можно говорить о среднем уровне дохода населения [8].

С. Г. Кара-Мурза, профессор МГУ, выдающийся исследователь феномена «цветных революций», справедливо доказывает, что США стали разрабатывать новые технологии уничтожения легитимной власти в государствах с применением информационных, фэйковых ресурсов, а также путем вложения значительных финансовых ресурсов в оппозицию для дестабилизации социального положения в странах, введения народа в заблуждения относительно легитимности существования власти. Эта технология позволяла минимизировать применение военной силы и совершать перевороты практически мирным путем [9]. Также исследователь считает, что цель «цветных революций» – не только смена власти и его геополитической ориентации, но и подрыв самих основ государственности в стране [10].

И. А. Василенко предлагает разграничивать между собой «бархатные революции» и «цветные перевороты», считая, что в первом варианте революции происходили в период существования СССР, а во втором – после его распада [11].

Таким образом, мы видим, что западные и отечественные исследователи стоят на диаметрально противоположных позициях относительно истоков, причин революций и их последствий для развития самих государств, а также о роли России в осложнении ситуаций с этими государствами.

Материалы и методы

Исходными материалами стали статистические данные по процессу протекания «цветных революций», опубликованные на официальных сайтах мировых агентств: Solidarity Center, Center for International Private Enterprise CIPE, International Republican Institute, National Demo-

cratic Institute for International Affairs, а также материалы с сайта National Security Council (Совет национальной безопасности США). Метод сравнительного анализа применялся для сравнения социально-экономических причин и последствий протекания «цветных революций» в Грузии, Киргизии и на Украине.

Результаты и их обсуждение

Российская Федерация в новых геополитических условиях, вызванных распадом СССР, признала вновь образовавшиеся государства в тех административных границах, которые ранее совпадали с границами союзных республик. Для РФ это были большие этнические потери, поскольку за пределами России оказались 25 млн этнических русских, причем новые государства формально гарантировали им безопасность проживания, но по факту начались процессы вытеснения русских за пределы государств. Для РФ остро стоял вопрос об Украине, Крыме, Севастополе, Черноморском флоте. Можно было бы предъявить претензии украинскому правительству, но во избежание конфликта российское руководство пошло по пути соглашательской политики с Украиной.

«Цветные революции», которые одна за другой стали возникать на пространстве бывшего СССР, не могли не затронуть интересов Российской Федерации, но на тот момент эти вновь образованные государства, которые «бежали» из состава СССР, оказались на периферии внешнего и геополитического курса нашей страны.

На первый взгляд череда «цветных революций» кажется примерно одинаковой. Но для того чтобы понять региональные особенности их протекания, проведем анализ некоторых «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии по основным параметрам (табл. 1).

Таблица 1. Социально-экономические предпосылки «цветных революций» [12; 13]

Предпосылки	Грузия	Украина	Киргизия
Внешние (причина интереса западных держав)	<p>Выгодное геополитическое положение (Кавказ, Каспийский регион).</p> <p>Проходят стратегически важные коммуникации: нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум.</p> <p>Инфраструктура очень гибкая, что позволяет не регулировать логистические перевозки в Турцию, Армению, но обеспечивать качественный и безопасный транзит каспийской нефти и нефтепродуктов.</p> <p>Грузия удобно расположена в контексте мониторинга происходящих событий в Иране, являющемся соперником США на данной территории</p>	<p>Размещение систем ПРО в странах Восточной Европы, приграничная территория с Российской Федерацией</p>	<p>Руководство страны пыталось «усидеть на нескольких стульях», лавируя между РФ, США, КНР. При этом каждому из государств постоянно доказывалось приоритетность геополитического взаимодействия с ним.</p> <p>Такая политика усугубила сложные взаимоотношения между РФ, США и Киргизией из-за одновременного присутствия военных баз США (НАТО) и РФ (ОДКБ) на территории страны</p>
Внутренние (социально-экономическое развитие)	<p>ВВП на душу населения в 2003 г. составлял 928 долл. Госбюджет был утвержден с дефицитом в 113,7 млн долл. Имелась массовая невыплата пенсий и почти полное отсутствие зарплат в государственном секторе. Из-за крупного государственного долга (2,6 млрд долл.) страна стояла перед опасностью дефолта.</p> <p>Уровень безработицы составлял 11,5 %.</p> <p>За время с 1991 по 2002 гг. из Грузии количество трудовых мигрантов достигло от 800 тыс. до 1 млн граждан, не менее половины из них трудились в России</p>	<p>Темп роста ВВП Украины на 2004 г. был высоким (12%) за счет торговых отношений с РФ, но уровень официальной инфляции составлял 9%.</p> <p>Увеличился госдолг страны по отношению к ВВП, что составило 24,7%.</p> <p>Высокий темп роста ВВП не гарантировал высокий уровень жизни населения, которое находилось в состоянии бедности (27,3%) и нищеты (14,2%). Каждый второй из бедного слоя был нищим, что в итоге составило 51,9%.</p> <p>Бедность и нищета были территориально расположены в сельской местности, которая ранее была источником дохода украинцев и всей страны</p>	<p>Реальный ВВП Киргизии демонстрировал рост, дошел в 2004 г. до 7,1%. Это достигнуто было за счет ростов объема промышленной продукции, но сельские местности Баткенской, Нарынской и Чуйской областях показывали сложную экономическую ситуацию, где люди находились в состоянии бедности, что способствовало росту трудовой миграции (около полмиллиона граждан страны)</p>

Исследование показало, что Грузия встала на путь «цветной революции» одной из первых, но не по своим тяжелым социально-экономическим показателям, а из-за своего крайне выгодного

геополитического положения (выход на Кавказ и весь Каспийский регион, удобно наблюдать за Ираном) и владения такими важными ресурсами, как нефть. Э. Шеварнадзе (президент Гру-

зии) проводил проамериканский курс, при этом Шеварнадзе понимает необходимость сохранения торгово-экономических отношений с Россией. США, видя такую политику лавирования, четко обозначили, что хотят доминировать в регионе и выразили свое желание избавиться от российских военных баз в Батуми и Ахалкалаки, хотя российские военные находились там в соответствии с договоренностями от 1995 г. США заинтересованы в дистанцировании Грузии от России, в ее проамериканском

курсе и доминировании в Каспийском регионе.

Относительно внешних причин в виде заинтересованности западных держав мы видим различие в интересе к странам. Что касается социально-экономического развития, то все страны находились в одинаково бедственном состоянии, с высоким уровнем миграции населения и низкой заработной платой.

Сравним процесс протекания «цветных революций» в изучаемых странах (табл. 2).

Таблица 2. Основной ход событий «цветных революций» [14;1 5]

Показатель	Грузия	Украина	Киргизия
Участники внутренние	ЕНД – партия «Единое национальное движение»; «Кмара» (груз. «хватит») – молодежное движение, ставившее задачи мобилизации наиболее активной и протестной части Грузии	БЮТ и блок «Наша Украина» оказали поддержку В. Ющенко на выборах Президента Украины благодаря созданию оппозиционного блока; «Наша Украина» – политический оппозиционный блок, созданный В. Ющенко в 2001 г.; Украинская неофициальная общественная молодежная организация (создана весной 2004 г. под участие в революции)	Движение «Ата-Журт» («Отечество»); движение «Жаны-Багыт» («Новый курс»); Народный конгресс Кыргызстана (НКК); Гражданский союз «За честные выборы»; «Кел-Кел» (в пер. с кыргызского «возрождение») – радикальное молодежное движение, созданное под революционные события
Участники внешние	Georgia Liberty Institute – учреждение, финансируемое ОБСЕ; НПО «Институт свободы», финансируемый Госдепартаментом США; «Кмара!», финансируемое Фондом Сороса и Open Society Institute (OSI); Фонд «Открытое общество» Дж. Сороса	Фонд поддержки демократии (США); Фонд К. Аденауэра; Фонд «Евразия»; Фонд Ф. Эберта; Фонд Г. Зайделя; Фонд «Возрождение»; Центр проблем европейской безопасности (Нидерланды); RAND Corporation; SIPRI; Freedom House; Центр информации и документации НАТО; религиозные организации: свидетели Иеговы, Новоапостольская церковь, Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормонов), «Посольство Божье»	Исламские экстремисты; религиозные экстремисты: «Церковь Объединения Мунана», Сайентологическая группа (дианетика); «Белое братство»; школа менеджмента «Махариши»; «Шри Чинмойя»; общество «Фалуныгунь»
Наблюдатели	Более 4 370 наблюдателей, среди них члены от ОБСЕ, ООН, Европарламента и Евросоюза	Ричард Лугар – личный представитель Джорджа Буша (президента США) на Украине во время второго тура голосования	

Таблица 2 показывает, что в проведенных революция в качестве внутренних участников были общественные объединения и партии, претендующие на власть, и молодежные объединения, которые создавались исключительно на время проведения протестных акций, финансируемые со стороны Запада.

В качестве внешних участников представлены общественные объединения, просветительские фонды из разных стран, финансируемые посольствами этих стран с целью дестабилизации ситуации в регионе.

Отличительной особенностью является Украина, где имеет место религиозный богословский фактор, и Киргизия, где появлялись исламские экстремисты.

Таблица 3 по результатам революций показала, что из всех стран именно Киргизия продолжала оставаться за чертой бедности, а правительство США хотело использовать страну исключительно для размещения военных баз, только помощь России не дала этого сделать.

Киргизия пошла по пути сохранения дружественных отношений с Россией.

Таблица 3. Социально-экономические и внешнеполитические результаты революций [15;16]

Результат	Грузия	Украина	Киргизия
Политический	Важным направлением новой власти стала дебиюрократизация. Основными реформаторскими принципами стали: пересмотр принципов работы госслужащих и всего госаппарата, кадровые трансформации и планирование бюджета в соответствии с новыми практиками и подходами. Политический истеблишмент постреволюционной страны оказался не готов к работе в демократической среде		
Экономический	С 2004 г. Грузия проводит активный курс на приватизацию, либерализацию рынка, сокращение вмешательства государства в экономику и привлечение иностранных инвестиций. Были проведены налоговая и таможенная реформы, которые позволили уменьшить долю теневой экономики. Она стала самой реформируемой страной мира, поднявшись с 137 до 11 места в рейтинге стран по легкости ведения бизнеса	Реформы не проводились. Президент конфликтовал с парламентом и премьером, эту должность большую часть правления Ющенко занимала его соратник по «оранжевому лагерю» Тимошенко. Противоречия между ветвями власти возникали на почве распределения полномочий	МВФ отказался финансировать страну, увидев, что она находится в состоянии крайней бедности и нищеты (50% населения живут за гранью бедности). ВТО в 2005 г. отказало Кыргызстану в поиске новых торговых партнеров, фактически бросив страну на произвол
Социальный	Грузинская юрисдикция над регионом Абхазии была восстановлена, а инфраструктура там налажена, сегодня Абхазия с центром в Батуми является главным курортом страны	Обозначил лишь первый, протестный этап формирования новых форм гражданской активности. Рождение новой национальной идеи, современной украинской идентичности	Население продолжало оставаться за чертой бедности, особенно в сельскохозяйственных районах, молодежь мигрировала в соседние страны

Результат	Грузия	Украина	Киргизия
Внешнеполитический	Первым государством, которое признало новый режим в Грузии, стали США. Резкое ухудшение отношений с Российской Федерацией, несмотря на изначальные попытки Михаила Саакашвили наладить дружественные отношения, конфликты в Абхазии и Южной Осетии остались нерешенными	Новый геополитический курс Украины после революции 2004 г. связан с переориентацией на внешнюю политику стран Восточной и Центральной Европы, стремление войти в состав НАТО	Изначально правительство страны отказало США в размещении баз НАТО с самолетами радиолокационного обнаружения, но после революции «тюльпанов» эти самолеты стали базироваться на военной базе «Манас». Но к 2009 г. правительство страны в лице Бакиева поняло неверность данного курса и закрыло военную базу США, за что впоследствии получило от России денежный транш в размере 450 млн долл. США

Из реформируемых государств можно назвать Грузию, где проводились реформы с поддержкой Запада. На Украине власть пошла по пути разграбления народа и поиска внешнего и внутреннего врага в лице России и русских. Результаты данной сравнительной таблицы показывают, что во всех революциях СМИ и НКО играли значительную роль (табл. 4), поскольку они дезинформировали население о реальном состоянии дел, разжигали национальную рознь и способствовали продвижению сфальсифицированных материалов. НКО в свою очередь открыто спонсировали революции.

Результаты проведенного исследования доказали, что финансовая поддержка так называемых новых демократических тенденций, веяний в странах Киргизии, Грузии, Украине была достаточно успешна. США достигли главной цели – им удалось изолировать эти государства от Российской Федерации. Многосекторный внешнеполитический курс в Грузии, Украине и Киргизии сменился одновекторным направлением в сторону США. США сознательно шли на провокации, связанные со снижением роли РФ во внешнеполитическом курсе на постсоветском пространстве. Правительство США успешно доказывало новым лидерам, оппозиции, что в них заинтересованы только Штаты, но никак не Россия.

Последствия такой геополитической переориентации Грузии, Украины и Киргизии еще будут долго откликаться на ее социально-экономическом внешнеполитическом положении в регионе.

Таблица 4. Привлечение СМИ и НКО в странах в процессе протекания «цветных революций» [17; 18; 19; 20; 21]

	Грузия	Украина	Киргизия
СМИ	Ключевым информационным ресурсом сторонников смены власти был телеканал «Рустави-2» (компания Degson Limited является держателем 70% «Рустави-2»)	«5 канал» — владелец Петр Порошенко	«МСН» («Моя столица – новости») – газета, существующая на гранты США (2004 г. – 70 тыс. долл.); «Радио Свобода» («Азаттык») финансировалось правительством США

	Грузия	Украина	Киргизия
НКО	Фонд Сореса и другие: к концу 2000 г. количество НПО в Грузии составляло около четырех тысяч	Центр Разумкова; Фонд поддержки демократии (США); Фонд К. Аденауэра; Фонд «Евразия»; Фонд Ф. Эберта; Фонд Г. Зайделя; Фонд «Возрождение»; RAND Corporation; SIPRI; Freedom House; Центра информации и документации НАТО на Украине «Дім Свободи Україна». Общая совокупная «финансовая помощь» революции на Украине составила 13 млн долл для поддержки свободных и честных выборов Institute for Sustainable Communities в помощь демократии предал Украине 11 млн долл. США	В 2004 г. на развитие демократии США передали 12 млн долл. National Endowment for Democracy. Американский университет с его программами обмена, по которым в США приезжали киргизские студенты и лидеры НКО

Выводы

Чередой революций, которая пронеслась по постсоветскому пространству, заставила изменить геополитический курс не только самих стран, охваченных волной протестных движений, но и Москвы. Поскольку в этот период времени в Российской Федерации было много сложных вопросов, связанных с нестабильной экономической ситуацией, ростом террористических атак, необходимо было сосредоточиться на решении важных внутривнутриполитических задач. Во внешнеполитическом курсе были выработаны новые стратегические направления, поэтому заниматься вопросами и проблемами стран постсоветского пространства у Москвы не было времени, тем более что формально руководство РФ поддерживало принцип суверенитета стран, оберегало право на «невмешательство» во внутренние вопросы других государств. Фактически каждая страна, вступившая на путь оппозиции, революции, сама, без вмешательства Москвы должна была сделать свой выбор. Насколько оправдан был

тот или иной выбор, в скором времени показала история.

Успешная реализация практики «цветных революций» позволила прийти к власти прозападным чиновникам, впоследствии отказавшимся от каких-либо реформ в политическом и экономическом формате. Смена внешнеполитического курса неблагоприятно сказалась на торгово-экономическом развитии стран, поскольку Россия всегда была основным торговым партнером Грузии, Киргизии, Украины. Теперь национальные интересы этих стран стали заложником прозападного курса их руководителей.

Руководители стран, пришедшие к власти после «цветных революций», на себе ощутили трудность принятия взвешенных внешнеполитических решений, поскольку им необходимо было перейти от демагогии к реальным реформам, что оказалось крайне сложно сделать, и можно с уверенностью сказать, что если бы не финансовая поддержка Запада, все эти революции были обречены на провал. Грузия и Украина сделали свой прозападный выбор. Киргизия вернулась к сотрудничеству с Россией путем вступления в ЕАЭС.

Список литературы

1. Newnham R. E. Georgia on my mind? Russian sanctions and the end of the 'Rose Revolution' // Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. 6, is. 2. P. 161–170.

2. Hesli V. L. The Orange Revolution: 2004 presidential election(s) in Ukraine // *Electoral Studies*. 2006. Vol. 25, is. 1. P. 168–177.
3. Kuzio T. Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions // *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51, is. 4. P. 337–347.
4. Kuzio T. Nationalism, identity and civil society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, is. 3. P. 285–296.
5. Hale H. E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39, is. 3. P. 305–329.
6. Matsiyevsk Y. Revolution without regime change: The evidence from the post-Euromaidan Ukraine // *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51, is. 4. P. 349–359.
7. Путин В. В. Необходимо провести анализ всех «цветных революций», в том числе на Украине // ИТАР ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/politika/1079136> (дата обращения: 01.06.2021).
8. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 210 с.
9. Кара-Мурза С. Г. На пороге «оранжевой» революции. URL: https://www.bookscafe.net/>...murza...poroge_oranzhevoy_revolycii... (дата обращения: 08.06.2021).
10. Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции Ющенко, Саакашвили. М.: Алгоритм, 2005. 254 с.
11. Василенко И. А. Конфликты низкой интенсивности и бархатные революции как технологии современной геополитики // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 6. С. 513.
12. Шульц Э. Э. Причины революций: «Голова или кошелек?» // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 102–119.
13. Mitchell L. A. The Color revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 2012. 243 p.
14. Путин В. В. Революция в Киргизии «не стала неожиданностью» для России // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20050325/39572233.html> (дата обращения: 12.06.2021).
15. Саакашвили М. Демократии в Грузии и на Украине «угрожает опасность» // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20060504/47226833.html> (дата обращения: 10.06.2021).
16. Карпович О. Г. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 112 с.
17. Кто финансирует цветные революции на постсоветском пространстве. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2016-01-15/1_revolutions.html (дата обращения: 13.06.2021).
18. Center for International Private Enterprise CIPE. URL: <http://www.cipe.org> (дата обращения: 06.06.2021).
19. Solidarity center. URL: <https://www.solidaritycenter.org> (дата обращения: 04.06.2021).
20. International Republican Institute. URL: <http://www.iri.org> (дата обращения: 05.06.2021).
21. National Democratic Institute for International Affairs. URL: <https://ndi.org> (дата обращения: 05.06.2021).

References

1. Newnham R. E. Georgia on my mind? Russian sanctions and the end of the ‘Rose Revolution’. *Journal of Eurasian Studies*, 2015, vol. 6, is. 2, pp. 161–170.
2. Hesli V. L. The Orange Revolution: 2004 presidential election(s) in Ukraine. *Electoral Studies*, 2006, vol. 25, is. 1, pp. 168–177.
3. Kuzio T. Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions. *Communist and Post-Communist Studies*, 2018, vol. 51, is. 4, pp. 337–347.
4. Kuzio T. Nationalism, identity and civil society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution. *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, vol. 43, is. 3, pp. 285–296.
5. Hale H. E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies*, 2006, vol. 39, is. 3, pp. 305–329.
6. Matsiyevsk Y. Revolution without regime change: The evidence from the post-Euromaidan Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*, 2018, vol. 51, is. 4, pp. 349–359.

7. Putin V. V. Neobkhodimo provesti analiz vseh "tsvetnykh revolyutsii", v tom chisle na Ukraine [It is necessary to analyze all the "color revolutions", including in Ukraine]. ITAR TASS [ITAR TASS]. Available at: <http://itar-tass.com/politika/1079136>. (accessed 04.06.2021)
8. Goldstone J. A. Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie [Revolutions. A very short introduction]. Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute, 2015. 210 p.
9. Kara-Murza S. G. Na poroge "oranzhevoi" revolyutsii [On the threshold of the "orange" revolution]. Available at: [https://www. bookscafe.net>...murza...poroge_oranzhevoy_revolycil...](https://www.bookscafe.net>...murza...poroge_oranzhevoy_revolycil...) (accessed 08.06.2021)
10. Kara-Murza S. G. Eksport revolyutsii Yushchenko, Saakashvili [Export of the revolution Yushchenko, Saakashvili]. Moscow, Algorithm Publ., 2005. 254 p.
11. Vasilenko I. A. Konflikty nizkoi intensivnosti i barkhatnye revolyutsii kak tekhnologii sovremennoi geopolitiki [Low-intensity conflicts and velvet revolutions as technologies of modern geopolitics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*, 2006, no. 6, p. 513.
12. Schultz E. E. Prichiny revolyutsii: "Golova ili koshelek?" [Causes of revolutions: "Head or wallet?"]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology and Sociology of History*, 2014, no. 1, pp. 102–119.
13. Mitchell L. A. The Color revolutions. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2012. 243 p.
14. Putin V. V. Revolyutsiya v Kirgizii "ne stala neozhidannost'yu" dlya Rossii [The revolution in Kyrgyzstan "did not come as a surprise" for Russia]. RIA-Novosti [RIA-Novosti]. Available at: <https://ria.ru/politics/20050325/39572233.html>. (accessed 12.06.2021)
15. Saakashvili M. Demokratii v Gruzii i na Ukraine "ugrozhaet opasnost'" [Democracy in Georgia and Ukraine is "in danger"]. RIA-Novosti [RIA-Novosti]. Available at: <https://ria.ru/politics/20060504/47226833.html>. (accessed 10.06.2021)
16. Karpovich O. G. Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov [Colored revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, UNITI-DANA Publ., 2015. 112 p.
17. Kto finansiruet tsvetnye revolyutsii na postsovetskom prostranstve [Who finances color revolutions in the post-Soviet space]. Available at: http://nvo.ng.ru/concepts/2016-01-15/1_revolutions.html. (accessed 13.06.2021)
18. Center for International Private Enterprise CIPE. Available at: <http://www.cipe.org>. (accessed 06.06.2021)
19. Solidarity center. Available at: <https://www.solidaritycenter.org>. (accessed 04.06.2021)
20. International Republican Institute. Available at: <http://www.iri.org>. (accessed 05.06.2021)
21. National Democratic Institute for International Affairs. Available at: <https://ndi.org>. (accessed 05.06.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Пархомчук Марина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

Violetta M. Kuzmina, Candidate of History Science, Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Marina A. Parkhomchuk, Doctor of Economic Science, Professor, Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-171-181>

Оценка устойчивости коммерческого банка и пути ее повышения

М. В. Илюхина¹, Р. Ю. Черкашнев¹✉, А. Ю. Федорова¹

¹ Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ул. Советская 6, г. Тамбов 392012, Российская Федерация

✉ e-mail: zakat05@mail.ru

Резюме

Актуальность. Финансовое состояние играет ключевую роль в функционировании банковского учреждения. Оно отражает способность организации финансировать свою текущую деятельность и поддерживать платежеспособность. В связи с чем оценка финансовой устойчивости организации и поиск путей ее укрепления являются важнейшей задачей любого коммерческого банка.

Целью представленного исследования является изучение финансовой устойчивости коммерческого банка, факторов, оказывающих непосредственное влияние на стабильность финансов банковского учреждения, а также разработка путей повышения финансового положения.

Задачи: рассмотреть понятие финансовой стабильности банка и ее составляющие; определить факторы, влияющие на формирование финансовой устойчивости; изучить подходы к анализу банка; разработать меры по повышению финансовой устойчивости.

Методология. В процессе исследования использовались такие общенаучные методы, как анализ и синтез, классификация, группировка, применялись комплексный, методологический и системный подходы к исследованию.

Результаты. Выделено понятие финансовой устойчивости и рассмотрены ее показатели, предварительно разбитые на четыре основные группы, были выявлены проблемы финансовой устойчивости, а также обоснована важность решения стержневой проблемы, которая в большей степени влияет на функционирование коммерческого банка. Анализ изученной литературы способствовал выделению основных факторов, оказывающих непосредственное влияние на стабильность финансов банка. В ходе работы были определены подходы к оценке финансовой устойчивости, классифицируемые в соответствии с различными признаками. Большое внимание уделяется типу финансовой устойчивости организации и поиску путей ее повышения, что также нашло отражение в данной статье.

Выводы. Впоследствии нами была составлена матрица действий по повышению финансовой устойчивости коммерческого банка, которая наиболее актуальна в настоящее время. В заключение обобщены исследуемые данные и сделаны соответствующие выводы относительно устойчивости банков, функционирующих на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: коммерческий банк; финансовая устойчивость; банковский сектор; методики оценки устойчивости; рыночная среда; стабильность финансов.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Илюхина М. В., Черкашнев Р. Ю., Федорова А. Ю., 2021

Для цитирования: Илюхина М. В., Черкашнев Р. Ю., Федорова А. Ю. Оценка устойчивости коммерческого банка и пути ее повышения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 171–181. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-171-181>.

Поступила в редакцию 11.08.2021

Принята к публикации 17.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Assessment of the Sustainability of a Commercial Bank and Ways to Increase it

Marina V. Ilyukhina¹, Roman Yu. Cherkashnev¹ ✉, Alena Yu. Fedorova¹

¹ Tambov State University named after G.R. Derzhavin
6 Soviet str., Tambov 392012, Russian Federation

✉ e-mail: zakat05@mail.ru

Abstract

Relevance. Financial condition plays a key role in the functioning of a banking institution. It reflects the organization's ability to finance its ongoing operations and maintain solvency. In this connection, the assessment of the financial stability of the organization and the search for ways to strengthen it are the most important task of any commercial bank.

The purpose of the presented study is to study the financial stability of a commercial bank, factors that have a direct impact on the stability of the finances of a banking institution, as well as to develop ways to improve the financial position.

Objectives: to consider the concept of financial stability of the bank and its components; determine the factors influencing the formation of financial stability; study approaches to bank analysis; develop measures to improve financial stability.

Methodology. In the course of the research, such general scientific methods as analysis and synthesis, classification, grouping were used, complex, methodological and systemic approaches to research were applied.

Results. The concept of financial stability is highlighted and its indicators are considered, preliminary divided into four main groups, the problems of financial stability were identified, and the importance of solving the core problem, which to a greater extent affects the functioning of a commercial bank, is substantiated. The analysis of the studied literature contributed to the identification of the main factors that have a direct impact on the stability of the bank's finances. In the course of the work, approaches to assessing financial stability were identified, classified in accordance with various criteria. Much attention is paid to the type of financial stability of the organization and the search for ways to improve it, which is also reflected in this article.

Conclusions. Subsequently, we compiled a matrix of actions to improve the financial stability of a commercial bank, which is most relevant at the present time. In conclusion, the investigated data are summarized and the corresponding conclusions are drawn regarding the stability of banks operating in the territory of the Russian Federation.

Keywords: commercial bank; financial stability; banking sector; methods for assessing stability; market environment; financial stability.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Ilyukhina M. V., Cherkashnev R. Yu., Fedorova A. Yu. Assessment of the Sustainability of a Commercial Bank and Ways to Increase it. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(5): 171–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-171-181>.

Received 11.08.2021

Accepted 17.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

В настоящее время большое внимание уделяется исследованию функциони-

рования банковских структур. Это связано с тем, что банковский сектор оказывает значительное влияние на экономиче-

скую сферу любой страны. По этой причине у коммерческих банков и у ЦБ РФ имеется заинтересованность в деятельности кредитных организаций. Большое количество банков создает специализированные подразделения, занимающиеся анализом и исследованием рисков, но некоторые моменты упускаются из виду. Именно поэтому для финансовой стабилизации коммерческого банка и повышения устойчивости необходимо брать во внимание все аспекты, разрабатывать эффективные тактики и использовать комплексный подход.

Современные экономисты очень внимательно подходят к изучению финансовой устойчивости и поиску путей ее укрепления, так как именно она служит залогом стабильности предприятия [1, с. 12]. Анализ финансовой устойчивости необходим для оценки организации в долгосрочной перспективе, поиска ошибок и определения ориентиров дальнейшего развития.

Цель данного исследования заключается в изучении финансовой устойчивости коммерческого банка, факторов, оказывающих на нее непосредственное влияние, а также разработке путей ее повышения.

Предметом исследования выступают отношения, складывающиеся в процессе использования финансовых ресурсов, положительно влияющих на функционирование банка и его финансовую стабильность.

Материалы и методы

В основе данной работы лежат следующие методы: теоретический (литературный обзор), системный анализ (изучение деятельности коммерческих банков, их финансовой устойчивости, группировка показателей и факторов), экономико-статистический (оценка устойчивости банковской деятельности), табличный (создание таблицы на основе исследуемой информации).

Результаты и их обсуждение

Не существует единственно верного понятия финансовой устойчивости. Каждый специалист трактует данный термин по-своему. С нашей же точки зрения, финансовая устойчивость – это состояние банка, при котором он остается платежеспособным, ликвидным, обладает достаточным капиталом после влияния на него факторов банковских рисков [2, с. 213].

Все сферы экономики зависят от финансовой стабильности коммерческих банков. Эффективное функционирование банковских институтов способствует снижению инфляции, преодолению экономического кризиса и стабильности государства, в связи с чем вопрос повышения финансовой устойчивости кредитных организаций является ключевым не только для самих банков, но и для всей страны в целом [3, с. 44].

Для оценивания финансовой устойчивости банка используются как качественные, так и количественные показатели (табл.). Их можно разделить на четыре группы, которые в свою очередь характеризуют ликвидность и платежеспособность банка, соотношение собственных и заемных средств кредитной организации, объем ресурсов [4, с. 37]. На основе анализа данных показателей можно сделать вывод о том, устойчиво или неустойчиво финансовое состояние банка.

В настоящее время выделяют большое число факторов, оказывающих влияние на устойчивость банковской деятельности (рис. 1). Они различаются по характеру и форме проявления, поэтому нуждаются в группировке [5, с. 17].

Любой кредитной организации необходимо учитывать данные факторы, так как в совокупности они оказывают значительное воздействие на деятельность банка. Несмотря на то, что отдельно взятые внутренние и внешние группы воз-

действуют на финансовую устойчивость в разной степени, каждый показатель играет большую роль в процессе управления организацией, оказывая влияние на цели ее функционирования, проводимую политику, принципы и структуру деятельности [6, с. 71]. Стоит отметить, что большое влияние на внутреннюю ста-

бильность кредитного учреждения оказывает его руководитель.

Анализ изученной литературы позволяет выделить несколько проблем, которые оказывают влияние на устойчивость коммерческих банков в области финансов (рис. 2).

Таблица. Показатели финансовой устойчивости коммерческого банка [4]

Основные группы	Качественные показатели	Количественные показатели
Показатели стабильности	Уровень риска, тип кредитной политики	Оценка управления активами и пассивами, их качество
Показатели гибкости	Качество управления, уровень конкурентоспособности	Рентабельность активов и собственного капитала, рыночная стоимость
Показатели надежности	Структурные подразделения банка, лицензии, развитие технологического процесса	Платежеспособность и ликвидность коммерческого банка
Показатели равновесия	Анализ и сегментация клиентской базы, спектр услуг и их рыночная доля	Норматив достаточности собственных средств, объем ресурсов банка, расширение клиентской базы

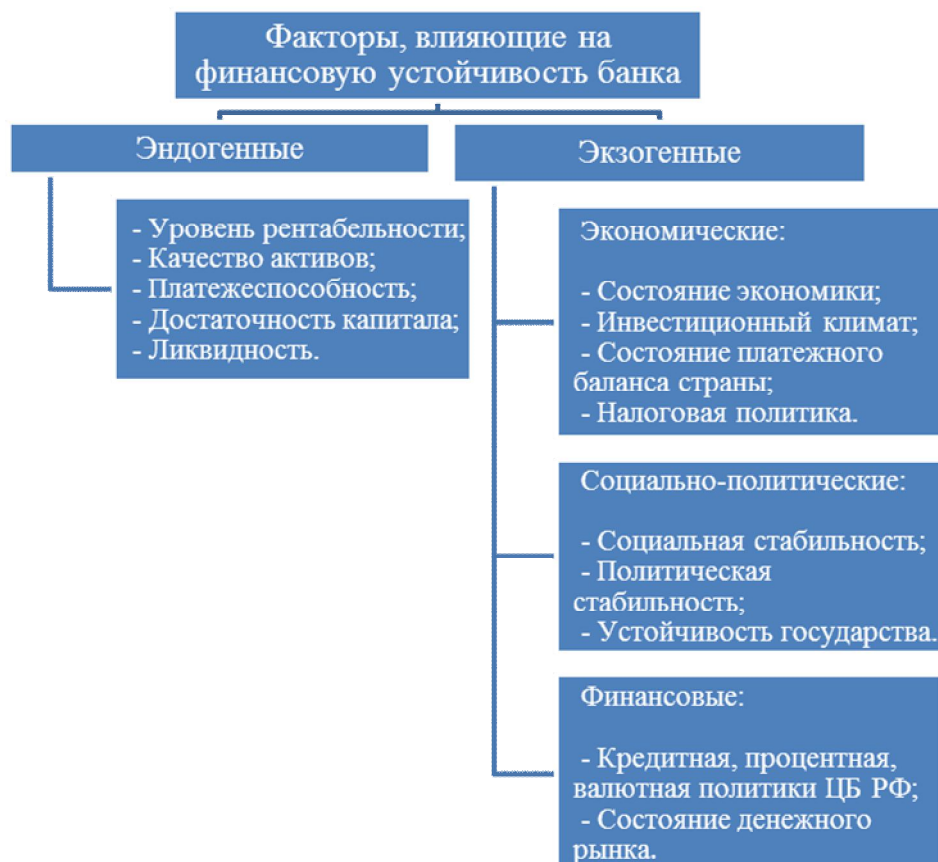

Рис. 1. Факторы, влияющие на финансовую устойчивость банка [5]

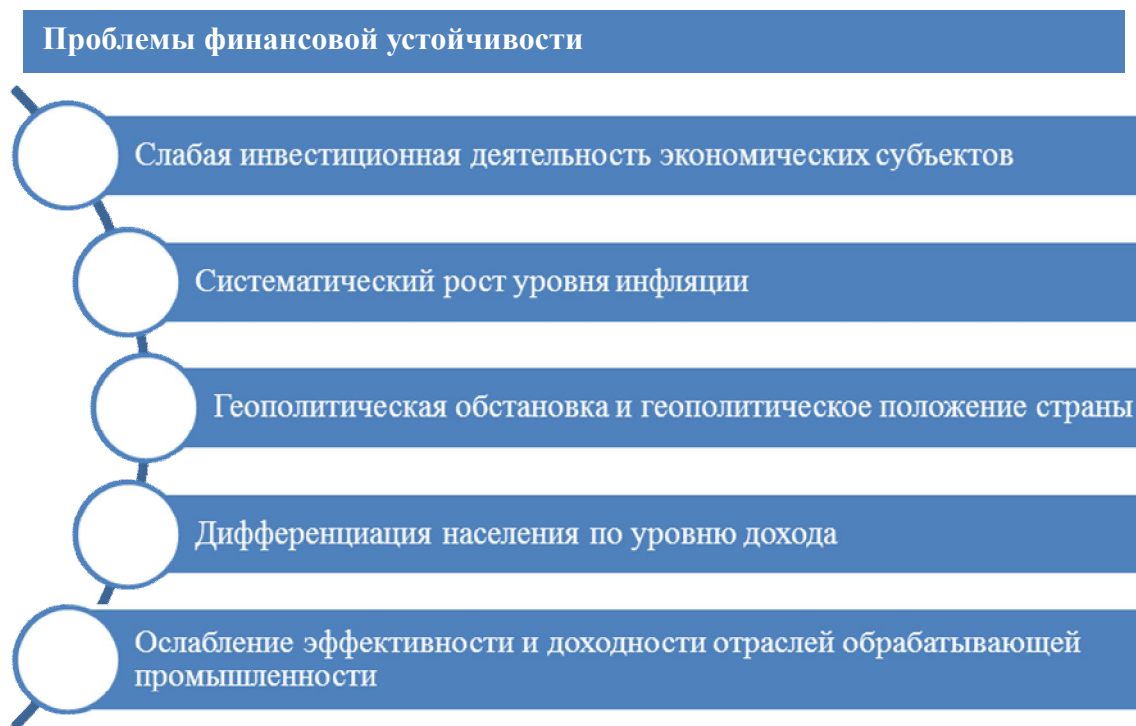

Рис. 2. Основные проблемы финансовой устойчивости коммерческих банков [7]

Стержневой проблемой функционирования кредитных организаций в настоящее время остается ликвидность баланса. Важность ликвидности заключается в том, что ее нехватка у отдельно взятого коммерческого банка оказывает влияние на всю банковскую систему в целом. Во избежание негативных последствий кредитным организациям следует осуществлять управление ликвидностью и рассчитывать по своим обязательствам постепенно, по мере необходимости [8, с. 40]. Стоит обратить внимание на то, что даже при наличии у банка проблем, не связанных с ликвидностью, именно она помогает определить время, которое имеется у организации для решения возникшей проблемы.

Однако деятельность любого коммерческого банка связана с огромным количеством рисков, среди которых кредитный, процентный, лизинговый, валютный, риск инфляции, диверсификации и другие [9, с. 314]. На финансовое состояние банка также оказывают значительное влияние темпы развития экономики. В связи с этим одной из первосте-

пенных задач кредитной организации является оценка стабильности ее ресурсов и систематический контроль банковского сектора [10, с. 326].

Мировая практика в области банковской системы выделяет разнообразное количество методов оценки финансовой устойчивости коммерческого банка, которые классифицируются следующим образом:

1. В зависимости от способа изучения финансовой устойчивости:

– статистическая модель. Данная модель предоставляет возможность оценить финансовую устойчивость с учетом большого числа показателей, так как базируется на основе специальных данных, позволяющих изучить динамику изменения показателей и их структуру;

– аналитическая модель. Представляет собой систему, которая исследует внешние и внутренние показатели деятельности банка, включая изучение документации и ее анализ. В основе модели лежат данные как статистического, так и аналитического учета [11, с. 68].

2. В зависимости от субъектов, производящих оценку финансовой устойчивости коммерческого банка:

- методы коммерческих банков;
- метод Центрального банка Российской Федерации;
- методы рейтинговых агентств.

3. В зависимости от назначения оценки финансовой устойчивости коммерческого банка:

– комплексная оценка банковской деятельности. Осуществляется изучение платежеспособности банка, его ликвидности, уровней рентабельности и доходности, качества активов и достаточности капитала;

– комплексная оценка рисков. Использование данного метода позволяет сделать вывод о финансовом состоянии коммерческого банка, ориентируясь на риски, которым подвержена кредитная организация.

4. По степени прозрачности методов оценки финансовой устойчивости коммерческого банка:

– открытая модель. Представляет собой публикацию печатных изданий методик оценки финансовой устойчивости;

– закрытая модель. Исключает возможность появления в печати методов оценивания стабильности банка в области финансов.

5. В зависимости от принципа формирования сводной оценки финансовой устойчивости коммерческого банка:

– рейтинговый метод. Обобщает оценку финансовой устойчивости, учитывая ее показатели, нормативные и фактические значения. Затем на основе результатов происходит выведение баллов каждого показателя, формируется рейтинг;

– экспертный метод. Сущность данного метода заключается в обязательном изучении специалистом факторов, оказывающих влияние на показатели финансовой устойчивости. После экспертной оценки аналитика происходит составление рейтинга;

– смешанный метод. Сочетает в себе два предшествующих метода: включает и формализацию результатов оценки путем присвоения определенного числового показателя, и выведение результатов, основанных на заключении специалистов.

Стоит отметить, что при необходимости определения финансового состояния кредитной организации в короткий срок используют те методики, которые имеют упрощенный характер. Однако экспресс-анализ снижает достоверность результата в связи с отсутствием точности полученных данных. Провести комплексную оценку финансовой устойчивости позволяет совокупность различных методов, так как в их составе содержится множество показателей и коэффициентов, способствующих всестороннему изучению деятельности коммерческого банка [12, с. 145]. Зачастую сочетанием методов пользуются сами кредитные организации, ведь в их распоряжении имеются все необходимые данные для проведения детализированного анализа финансовой устойчивости.

Так, на основании анализа выделяют четыре типа финансовой устойчивости [13]:

1. Абсолютная финансовая устойчивость, которая характеризуется полной платежеспособностью предприятия. В таком случае у финансово-кредитной организации отсутствует необходимость привлечения дополнительных денежных средств для осуществления своей деятельности.

2. Нормальное финансовое состояние. Данный тип характеризуется платежеспособностью предприятия и грамотным распределением заемных средств.

3. Финансовая неустойчивость. Наблюдается низкий уровень платежеспособности и необходимость в дополнительном финансировании.

4. Кризисное финансовое положение характеризуется отсутствием платежеспособности предприятия, оно имеет высокую вероятность наступления в скором времени банкротства.

В случае финансовой неустойчивости предприятия или финансового кризиса коммерческому банку необходимо осуществить ряд мероприятий, направленных на повышение финансовой устойчивости. Эффективные действия способствуют грамотному распределению соотношения собственных и заемных средств организации.

Существуют меры, применение которых способствует повышению финансовой устойчивости коммерческого банка. Они делятся на меры микроэкономического и макроэкономического характера.

К мерам микроэкономического характера относят следующие:

- осуществление доверительных операций. Доверительные банковские операции происходят на основе соглашения двух сторон о создании траста. При этом весь вырученный доход разделяется между учредителем траста и банковским учреждением, что положительно сказывается на капитале кредитной организации и ее финансовой устойчивости;

- активизация работы по привлечению мелких вкладчиков. Вклады способствуют привлечению банком средств для осуществления текущей деятельности и получению прибыли, поэтому данная мера обеспечивает достижение главной цели функционирования кредитной организации;

- резервирование. Коммерческому банку необходимо обеспечить формирование резервов с целью избежания незапланированных финансовых потерь. Обязательные резервы, включающие в себя активы с высокой ликвидностью, свидетельствуют о надежности финансово-кредитной организации;

- прирост капитала. Нарращивание собственного капитала за счет увеличения уставного капитала, нераспределенной прибыли и резервов, что благоприятно сказывается на финансовой устойчивости организации;

- применение новых технологий для осуществления банковской деятельности.

Развитие современных технологий и создание новых банковских продуктов являются технологическим фактором внутренней надежности коммерческого банка и приводят к росту его конкурентоспособности.

Меры макроэкономического характера включают в себя:

- снижение налога на прибыль до общей системы налогообложения юридических лиц. Благодаря снижению налоговой нагрузки в распоряжении банковского учреждения останется больше денежных средств, что эффективно скажется на объеме собственного капитала и на финансовой устойчивости в целом;

- применение мягкой денежно-кредитной политики. Данная мера способствует обеспечению покупательной способности лиц с невысоким доходом, снижению уровня инфляционного риска;

- изменение величины обязательных экономических нормативов до уровня, при котором банки смогли бы эффективно использовать их. Обязательные экономические нормативы оказывают непосредственное влияние на ликвидность и финансовую устойчивость коммерческого банка, в связи с чем обеспечение их должного уровня благоприятно скажется на функционировании кредитной организации;

- незначительное снижение ставки рефинансирования и доходности государственных ценных бумаг. Законодательное закрепление изменения ставки – не чаще одного раза в установленный период. Снижение ключевой процентной ставки позволяет коммерческим банкам использовать заемные средства для кредитования юридических и физических лиц по низким процентам. Это приводит к увеличению потребительского спроса на кредитные операции, а вследствие этого к доходу банковского учреждения [14, с. 36];

- изменение величины нормативов для структурных подразделений банка, что обеспечит им нормальное функционирование.

Прочная ресурсная база, не превышающая указанного норматива, способствует эффективной работе банковского учреждения.

Повышению финансовой устойчивости коммерческих банков способствует также поддержание качества активов и собственного капитала, контроль над привлеченными и размещенными средствами, оптимизация денежных потоков, управление рисками, привлечение стабильных клиентов [15, с. 100].

Внедрение мероприятий по финансовому оздоровлению способствует преодолению предприятием финансовых трудностей и стабилизации его функционирования. Так, особенно актуальной в настоящее время становится матрица действий по повышению финансовой устойчивости коммерческого банка (рис. 3). Она включает в себя основные моменты, реализация которых позволит наладить работу финансово-кредитной организации и обеспечить эффективную деятельность.

Рис. 3. Матрица действий по повышению финансовой устойчивости коммерческого банка [16]

В последние годы наблюдается интенсивный экономический рост всех сфер банковской деятельности, в связи с чем вопрос финансовой устойчивости и выявление направлений ее повышения играет большую роль для коммерческих банков [17, с. 77].

Выводы

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что под финансовой устойчивостью следует понимать способность банковских институтов опера-

тивно выполнять поставленные функции, повышать эффективность деятельности путем минимизации рисков и адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды [18, с. 52]. На сегодняшний день в условиях активно развивающейся экономики необходимо уделять больше внимания финансовой устойчивости коммерческого банка, так как от этого зависит функционирование всех сфер экономической деятельности. Роль банковской системы усиливается, а стремительное развитие рыночных отношений

обуславливает необходимость повышения конкурентоспособности банковских учреждений [19, с. 42]. В связи с этим оценка стабильности финансов банков имеет большое значение как для самих банков, так и для страны в целом.

В настоящее время финансовая устойчивость совокупности коммерческих банков, функционирующих на территории Российской Федерации, оценивается как стабильная. Этому способ-

ствуют действия со стороны органов власти и принятые непосредственно самими банками меры. Однако в связи с возможными рисками, возникающими в процессе деятельности кредитных учреждений, требуются активные усилия для поддержания и повышения финансового состояния банков, а также реализации их потенциала в ускорении процессов модернизации экономики [20, с. 199].

Список литературы

1. Банковская система в современной экономике: учебное пособие / под ред. проф. О. И. Лаврушина. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2016. 360 с.
2. Пыхов О. А., Исханова Л. Р. Финансовая устойчивость банковской системы: сущность значение // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы VIII Международной научно-практической конференции / под ред. О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 211–216.
3. Вотинцева Р. С. Современные теоретические подходы к определению понятия «финансовая устойчивость коммерческих банков» // Экономика и право. 2015. № 3. С. 44–48.
4. Афанасьева О. Н. Критерии и показатели устойчивости, стабильности, равновесия и надежности банковской системы // Банковское дело. 2015. № 8. С. 35–39.
5. Непомнящая Н. В., Дементьева А. В. Анализ финансовой устойчивости коммерческого банка с использованием рейтинговой системы CAMEL // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами: сборник статей IV Международной научно-практической конференции / под редакцией О. А. Лузгиной; Пензенский государственный аграрный университет. Пенза, 2019. С. 186–190.
6. Ровенский Ю. А., Наточеева Н. Н., Полетаева В. М. Социально-экономические проблемы, снижающие финансовую устойчивость российских кредитных организаций // Деньги и кредит. 2017. № 2. С. 69–74.
7. Мурысёв А. А. Проблемы обеспечения финансовой устойчивости коммерческих банков // Молодой ученый. 2016. № 11 (115). С. 864–867.
8. Можанова И. И., Антонюк О. А. Финансовая устойчивость коммерческих банков и нефинансовых организаций теоретический и практический аспекты // Финансы и кредит. 2014. № 4 (580). С. 36–42.
9. Мацкевич Е. Д., Кузьмичева И. А. Риски коммерческого банка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6-2. С. 313–317.
10. Кашин А. В., Юрченко А. В. Методика анализа финансовых результатов деятельности коммерческого банка // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике: материалы XIII межвузовской научно-практической конференции / под науч. ред. Н. Л. Будахиной; Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского. М., 2019. С. 325–327.
11. Татаринова Л. В. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости коммерческого банка / Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск, 2013. 132 с.
12. Егоркин Е. А. Зарубежные методические подходы, применяемые для оценки финансовой устойчивости региональной банковской системы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 11. С. 143–147.
13. Дорожкина Н. И., Шепелев О. М., Федорова А. Ю. Финансы предприятий. Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, 2014. 317 с.

14. Управление финансовой устойчивостью предприятий / В. П. Божко, С. Ю. Балычев, А. М. Батьковский, М. А. Батьковский // Статистика и экономика. 2013. № 4. С. 33–37.
15. Головина Е. Э., Прейс В. Ю. Оценка и основные направления повышения устойчивости банковской системы в России в условиях экономической нестабильности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 4. С. 92–101.
16. Мхитарян А. В., Литвин А. А. Финансовая устойчивость и пути ее улучшения // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 923–925.
17. Касютин А. Е. О понятиях надёжности и устойчивости коммерческого банка // Фундаментальные исследования. 2015. № 4. С. 76–77.
18. Бобрик М. М. Финансовая устойчивость коммерческого банка // Банковское дело. 2011. № 8. С. 50–52.
19. Пономарева М. А., Маклакова Т. Р. Финансовая устойчивость российских банков // Вестник Российской академии естественных наук. 2016. № 4. С. 40–45.
20. Лядова Ю. О. Пути повышения финансовой устойчивости предприятий // Молодой ученый. 2020. № 27 (317). С. 199–201.

References

1. Bankovskaya sistema v sovremennoi ekonomike [Banking system in modern economy]; ed. by O. I. Lavrushin. 2th ed. Moscow, KNORUS Publ., 2016. 360 p.
2. Pykhov O. A., Iskhanova L. R. [Financial stability of the banking system: the essence of the meaning]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual directions of scientific research: from theory to practice. Materials of the VIII International scientific and practical conference]; ed. by O. E. Shirokov, eds. Cheboksary, Central nervous system "Interactive plus", 2016, pp. 211–216. (In Russ.)
3. Votintseva R. S. Sovremennye teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya "finansovaya ustoichivost' kommercheskikh bankov" [Modern theoretical approaches to the definition of "financial stability of commercial banks"]. *Ekonomika i pravo = Economics and Law*, 2015, no. 3, pp. 44–48.
4. Afanasyeva O. N. Kriterii i pokazateli ustoichivosti, stabil'nosti, ravnovesiya i nadezhnosti bankovskoi sistemy [Criteria and indicators of stability, stability, balance and reliability of the banking system]. *Bankovskoe delo = Banking*, 2015, no. 8, pp. 35–39.
5. Nepomnyashchaya N. V., Demytyeva A. V. [Analysis of the financial stability of a commercial bank using the CAMEL rating system]. *Formirovanie konkurentnoi sredy, konkurento-sposobnost' i strategicheskoe upravlenie predpriyatiyami, organizatsiyami i regionami. Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Formation of a competitive environment, competitiveness and strategic management of enterprises, organizations and regions. Collection of articles of the IV International scientific-practical conference]; ed. by O. A. Luzgina. Penza, Penza St. Agrarian Univ. Publ., 2019, pp. 186–190. (In Russ.)
6. Rovensky Yu. A., Natocheeva N. N., Poletaeva V. M. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy, snizhayushchie finansovuyu ustoichivost' rossiiskikh kreditnykh organizatsii [Socio-economic problems that reduce the financial stability of Russian credit organizations]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2017, no. 2, pp. 69–74.
7. Murysev A. A. Problemy obespecheniya finansovoi ustoichivosti kommercheskikh bankov [Problems of ensuring the financial stability of commercial banks]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 11 (115), pp. 864–867.
8. Mozhanova I. I., Antonyuk O. A. Finansovaya ustoichivost' kommercheskikh bankov i nefinansovykh organizatsii teoreticheskii i prakticheskii aspekty [Financial stability of commercial banks and non-financial organizations theoretical and practical aspects]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2014, no. 4 (580), pp. 36–42.
9. Matskevich E. D., Kuzmicheva I. A. Riski kommercheskogo banka [Risks of a commercial bank]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2015, no. 6-2, pp. 313–317.
10. Kashin A. V., Yurchenko A. V. [Methodology for analyzing the financial results of a commercial bank]. *Ekonomicheskii potentsial studenchestva v regional'noi ekonomike. Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Methodology for analyzing the financial results of a commercial bank]. *Ekonomicheskii potentsial studenchestva v regional'noi ekonomike. Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*

zovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Economic potential of students in the regional economy. Materials of the XIII interuniversity scientific and practical conference]; ed. by N. L. Budakhina. Moscow, Yaroslavl St. Pedagogical Univ. named after K. D. Ushinsky Publ., 2019, pp. 325–327. (In Russ.)

11. Tatarinova L. V. Metodicheskie podkhody k otsenke finansovoi ustoichivosti kommercheskogo banka [Methodological approaches to assessing the financial stability of a commercial bank]. Irkutsk, Baikal St. Univ. of Economics and Law Publ., 2013. 132 p.

12. Egorkin E. A. Zarubezhnye metodicheskie podkhody, primenyaemye dlya otsenki finansovoi ustoichivosti regional'noi bankovskoi sistemy [Foreign methodological approaches used to assess the financial stability of the regional banking system]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*, 2014, no. 11, pp. 143–147.

13. Dorozhkina N. I., Shepelev O. M., Fedorov A. Yu. Finansy predpriyatii [Enterprise finance]. Tambov, Tambov St. Univ. im. G. R. Derzhavin Publ., 2014. 317 p.

14. Bozhko V. P., Balychev S. Yu., Batkovsky A. M., Batkovsky M. A. Upravlenie finansovoi ustoichivost'yu predpriyatii [Management of financial stability of enterprises]. *Statistika i Ekonomika = Statistics and Economics*, 2013, no. 4, pp. 33–37.

15. Golovina E. E., Preis V. Yu. Otsenka i osnovnye napravleniya povysheniya ustoichivosti bankovskoi sistemy v Rossii v usloviyakh ekonomicheskoi nestabil'nosti [Assessment and main directions of increasing the stability of the banking system in Russia in conditions of economic instability]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, 2012, no. 4, pp. 92–101.

16. Mkhitaryan A. V., Lytvyn A. A. Finansovaya ustoichivost' i puti ee uluchsheniya [Financial stability and ways to improve it]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2015, no. 11 (91), pp. 923–925.

17. Kasyutin A. E. O ponyat'yakh nadezhnosti i ustoichivosti kommercheskogo banka [About the concepts of reliability and stability of a commercial bank]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2015, no. 4, pp. 76–77.

18. Bobrik M. M. Finansovaya ustoichivost' kommercheskogo banka [Financial stability of a commercial bank]. *Bankovskoe delo = Banking*, 2011, no. 8, pp. 50–52.

19. Ponomareva M. A., Maklakova T. R. Finansovaya ustoichivost' rossiiskikh bankov [Financial stability of Russian banks]. *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk = Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2016, no. 4, pp. 40–45.

20. Lyadova Yu. O. Puti povysheniya finansovoi ustoichivosti predpriyat'iyai [Ways to improve the financial stability of the enterprise]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2020, no. 27 (317), pp. 199–201.

Информация об авторах / Information about the Authors

Илюхина Марина Викторовна, студент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: marina.ilyuhina.2001@yandex.ru

Marina V. Ilyukhina, Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: marina.ilyuhina.2001@yandex.ru

Черкашнев Роман Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и банковского дела, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: zakat05@mail.ru

Roman Yu. Cherkashnev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Banking, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: zakat05@mail.ru

Федорова Алена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и банковского дела, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: alena81_2004@mail.ru

Alena Yu. Fedorova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Banking, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: alena81_2004@mail.ru

Концепция образования 4.0 и современные вызовы системе профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики

И. В. Шацкая¹ ✉

¹ МИРЭА – Российский технологический университет
пр-т Вернадского 78, г. Москва 119454, Российская Федерация

✉ e-mail: shatskaya@mirea.ru

Резюме

Актуальность научного исследования Концепции образования 4.0, а также тенденций, сопровождающих процесс цифровой трансформации образования, обусловлена следующими причинами: потребностью к изменению структуры управления образованием в процессе цифрового развития экономики; поиском оптимальных методов решения проблемы соответствия содержания образования приоритетам и целям национальной экономики.

Целью исследования является изучение Концепции образования 4.0 в контексте ее влияния на подготовку кадров для цифровой экономики, а также рассмотрение возможностей и вызовов цифровой трансформации образования.

Задачи. В соответствии с целью были поставлены и решены следующие задачи: изучить содержание этапов развития системы образования в рамках наблюдаемых в экономике технологических изменений; выделить тенденции цифровой трансформации образования; сформулировать возможности и вызовы цифровой трансформации, определяющие приоритеты будущего развития системы профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики.

Методология. Теоретико-методологической основой исследования служат научные достижения отечественных и зарубежных ученых по вопросам цифровой трансформации системы образования. Для обоснования достигнутых результатов использовалась совокупность научных методов и подходов: анализа и синтеза, сравнения, обобщения, научной абстракции. В работе использован ретроспективный подход к категории «образование 4.0». Исследование базируется на публикациях зарубежных и отечественных авторов по изучаемым вопросам и проблемам.

Результаты. В результате исследования раскрыто содержание Концепции образования 4.0, сформулированы глобальные тенденции в образовании, дана характеристика цифровых технологий, используемых в образовательном процессе, сформулированы возможности и вызовы, определяющие направления будущего образования.

Выводы. Обосновано, что уже сейчас образовательные организации должны обращать внимание на структурные изменения, которые влечет за собой цифровизация, и использовать в образовательном контенте материал, формирующий у обучающихся необходимые для адаптации к ней знания и навыки.

Ключевые слова: цифровая экономика; профессиональная подготовка кадров для цифровой экономики; Концепция образования 4.0; четвертая промышленная революция; модель цифрового университета; приоритеты развития системы профессиональной подготовки.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шацкая И. В. Концепция образования 4.0 и современные вызовы системе профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 182–194. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-182-194>.

Поступила в редакцию 15.08.2021

Принята к публикации 11.09.2021

Опубликована 29.10.2021

The Concept of Education 4.0 and Contemporary Challenges to the System of Professional Training for the Digital Economy

Irina V. Shatskaya¹ ✉

¹ MIREA - Russian Technological University
78 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russian Federation

✉ e-mail: shatskaya@mirea.ru

Резюме

The relevance of the scientific research of the concept of education 4.0, as well as the trends accompanying the process of digital transformation of education, is due to the following reasons: the need to change the structure of education management in the process of digital economic development; search for optimal methods to solve the problem of matching the content of education with the priorities and goals of the national economy.

The purpose of the study is to study the concept of education 4.0 in the context of its impact on the training of personnel for the digital economy, as well as to consider the opportunities and challenges of digital transformation of education.

Objectives. In accordance with the goal, the following tasks were set and solved: to study the content of the stages of development of the education system within the framework of the technological changes observed in the economy; identify trends in the digital transformation of education; to formulate the opportunities and challenges of digital transformation that determine the priorities of the future development of the professional training system for the digital economy.

Methodology. The theoretical and methodological basis of the research is the scientific achievements of domestic and foreign scientists on the digital transformation of the education system. To substantiate the achieved results, a set of scientific methods and approaches was used: analysis and synthesis, comparison, generalization, scientific abstraction. The paper uses a retrospective approach to the category "education 4.0". The research is based on the publications of foreign and domestic authors on the studied issues and problems.

Results. As a result of the research, the content of the concept of education 4.0 is revealed, global trends in education are formulated, the characteristics of digital technologies used in the educational process are given, opportunities and challenges that determine the future of education are formulated.

Conclusions. It is proved that even now educational organizations should pay attention to the structural changes that digitalization entails, and use the material in the educational content that forms the knowledge and skills necessary for students to adapt to it.

Keywords: digital economy; professional training of personnel for the digital economy; the concept of education 4.0; the fourth industrial revolution; the digital university model; priorities for the development of the vocational training system.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shatskaya I. V. The Concept of Education 4.0 and Contemporary Challenges to the System of Professional Training for the Digital Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 182–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-182-194>.

Received 15.08.2021

Accepted 11.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

«Образование 4.0» – термин, ставший предметом общественного обсуждения на фоне перехода промышленности на полностью автоматизированное цифровое производство (Индустрия 4.0), – к этапу экономического развития, принципиально меняющему облик всех сфер деятельности, включая сферу образования.

Четвертая промышленная революция трансформировала структуру рабочих мест и содержание труда, преобразуя рабочую среду и выдвигая специфические требования к жестким и гибким навыкам у персонала. Закономерность данной трансформации вызвана внедрением в заводские процессы роботизированной техники и умных машин, принимающих участие в повседневном трудовом процессе, что повлекло постепенное слияние воедино физического и виртуального мира. Для развития у работников жестких и гибких навыков в контексте Индустрии 4.0, а также навыков цифровой грамотности требуется повсеместное формирование у них междисциплинарного мышления в социальных, управленческих, технико-технологических процессах. Поэтому Индустрия 4.0 в определенном смысле выдвинула специфические требования к системе профессиональной подготовки, ее составу и содержанию, а также к технологиям и методам преподавания [1; 2] с тем, чтобы обеспечить готовность выпускников образовательных организаций к новой производственной парадигме.

Целью настоящего исследования является изучение Концепции образования 4.0 в контексте ее влияния на подготовку кадров для цифровой экономики, а также рассмотрение возможностей и вызовов цифровой трансформации образования. В соответствии с целью были поставлены задачи, связанные с изучением содержания этапов развития системы образования, обзором тенденций ее цифровой трансформации, а также формулировкой вызовов цифровой трансформации, опре-

деляющих приоритеты будущего развития системы профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой исследования послужили научные достижения отечественных и зарубежных ученых по вопросам цифровой трансформации системы образования. Для обоснования достигнутых результатов использовалась совокупность научных методов и подходов: анализа и синтеза, сравнения, обобщения, научной абстракции. В работе использован ретроспективный подход к категории «образование 4.0». Исследование базируется на публикациях зарубежных и отечественных авторов по изучаемым вопросам и проблемам, в том числе:

– по вопросам, связанным с трансформацией системы профессиональной подготовки в результате активного распространения цифровых технологий (А. В. Маликов, И. И. Потапова, Е. С. Гаврилюк, А. М. Харкинс, С. А. Бонфилд, Д. Р. Гаррисон и др.);

– по вопросам формирования цифровой компетентности у обучающихся в целях их соответствия потребностям цифровой экономики (Т. Л. Клячко, А. И. Архипов, Д. Н. Берсенов, А. А. Воронов, В. И. Тинякова и др.).

Результаты и их обсуждение

Концепция образования 4.0 сформировалась почти десять лет назад. В своей статье А. М. Харкинс описал парадигму и практику так называемого образовательного «прыжка» [3]. «Прыжок» в интерпретации А. М. Харкинса означал опережение конкурентов, т. е. упрочение достигнутого состояния с помощью инновационных, сберегающих время и ресурсы средств. Поэтому в основе образовательного «прыжка», сопровождающегося трансформацией методов преподавания, состава и структуры учебного процесса,

лежит развитие технологий. Вместе с тем в современных научных трудах данная концепция рассматривается скорее как один из подходов к профессиональной подготовке кадров для Индустрии 4.0, а не обособленная структурированная концепция [4].

Революция в образовании (по аналогии с промышленными революциями) может быть классифицирована по этапам, в зависимости от особенностей образования на том или ином временном отрезке (табл.).

Таблица. Сравнительная характеристика этапов развития системы образования [3]

Революция в образовании	Методы	Технологии
Образование 1.0	Инструктивизм, диктовка, прямая трансляция информации	Не требовались в образовательном процессе
Образование 2.0	Прогрессивизм, постепенное открытие доступа к Интернету	Ограниченный доступ
Образование 3.0	Производство знаний, со-конструктивизм	Полный доступ к формированию и трансляции знаний
Образование 4.0	Производство инноваций, обучение вне классной комнаты	Обучающиеся как основной источник эволюции технологий

Этап Образования 1.0 характеризуется процессом обучения, осуществляемым в учебной аудитории, где преподаватель выступает в качестве источника знаний, в то время как обучающиеся – в качестве получателей знаний. Используемый на данном этапе метод образования называется инструктивизмом. Суть метода состоит в том, что обучающиеся получают знания пассивно, в учебном процессе не происходит существенного взаимодействия между инициатором и получателем знаний. Учебный процесс подчиняется индивидуальным решениям преподавателя по поводу того, что и как преподавать [5].

Этап Образования 2.0 стартовал вместе со стремительным распространением методики проектирования систем Веб 2.0, что явилось действительной революцией в системе образования. Концепция Веб 2.0, ставшая символом широкополосности и программного онлайн-обеспечения, обеспечила высокое взаимодействие интернет-пользователей и явилась начальной точкой роста популярности социальных сетей. Отсюда Образование 2.0 основано на прогрессивизме, когда знания передаются не только преподавателем обучающемуся, но и между обучающимися. Интернет становится одним из источников информации, используемых в образовательной деятельности. В то же время доступ к Интернету по-прежнему остается ограниченным.

Образование 3.0 – это третья революция в образовании, которая происходит в настоящее время. На данном этапе в обучении широко используются специализированные технологии, выступающие в качестве средств формирования и передачи знаний. В дополнение к дипломированным педагогам, осуществляющим образовательный процесс, добавляются всевозможные информационные носители, т. е. материальные объекты, обеспечивающие потребление знаний обучающимися.

Образование 4.0 удовлетворяет потребности общества в «эпоху инноваций» и призвано развить у обучающихся способности к применению новых технологий, которые помогут им адаптироваться к изменениям, происходящим в экономике и социуме [6]. Считается, что Образование 4.0 даст студентам возможность создавать инновации.

Первая революция в образовании началась в 1990-х годах, что было связа-

но с развитием концепции Веб 1.0. Веб 1.0 – в значительной степени односторонний процесс, который отличается представлением статической информации без каких-либо взаимодействий. Веб 1.0 изменил способ поиска информации в системе образования, особенно на уровне высшего образования. Книги как основной источник знаний постепенно переместились в интернет-пространство, и доступ к информации для студентов упростился.

Образование 2.0, базирующееся на концепции Веб 2.0, основано на взаимодействии между человеком и компьютером. Технологии, присущие данному этапу развития системы образования, в 2000-х годах положили начало использованию нового метода обучения и преподавания, так называемого смешанного обучения. Смешанное обучение сочетало личное взаимодействие в учебной аудитории с электронным обучением. Электронное обучение – это термин, под которым понимается процесс обучения с использованием электронных устройств через сеть Интернет. Ускорение обмена информацией в сети Интернет, а также рост социальных сетей вызвали третий «прыжок» в развитии системы образования, завершившийся переходом к образованию 3.0. Начало этапа пришлось на 2010 г., когда получили распространение социальные сети.

По прогнозам, отличительной особенностью Образования 4.0 станет то, что студенты научатся внедрять инновации и сами трансформируются в источники знаний, а процесс обучения будет осуществляться, где угодно и когда угодно [7]. Образовательный процесс будет во многом зависеть от использования Интернета в качестве основного ресурса, обеспечивающего обмен знаниями, мобильных устройств и ПК, а также виртуальной среды. Использование цифровых технологий получит решающее значение в эпоху Образования 4.0 с тем, чтобы предоставлять обучающимся персонализированные знания [8].

Существует три основных фактора использования технологий для получения от них максимальной отдачи [3]:

- использование сети Интернет;
- творческое мышление;
- взаимодействие с социумом.

При этом Интернет на этапе Образования 4.0 становится основным источником информации в процессе обучения, творческое мышление рассматривается в качестве нестандартного типа мышления для решения необычных, чаще всего многофакторных проблем, в то время как взаимодействие с социумом обеспечивает формирование у обучающихся навыков командной работы.

Как отмечалось выше, Концепция образования 4.0 задумывалась в качестве концепции будущего системы профессиональной подготовки кадров, отвечающих потребностям Индустрии 4.0, в которой человек и машина объединяются для совместной реализации трудовых усилий. Отсюда особенностью происходящей во всем мире трансформации образования являются технологии, повсеместно внедряемые в учебный процесс, а также в систему управления образовательными организациями. С учетом данных технологий глобальные тренды в образовании включают:

- трансформацию формата и содержания учебного процесса, ставших возможными в результате цифровизации. Речь идет о постепенном вытеснении классических способов трансляции знаний и профессионального опыта преподавателями в учебной аудитории с использованием пассивных и активных образовательных технологий новыми, предусматриваемыми, в том числе, возможности дистанционного и онлайн-обучения;
- кастомизацию образования, или, иными словами, индивидуализацию образовательной услуги с учетом потребностей конкретного потребителя, – достаточно новый тренд, набирающий стремительную популярность во всем мире.

Суть данного тренда состоит в том, что потребитель образовательной услуги заключает договор с образовательной организацией об индивидуальном освоении дисциплины (модуля, курса) с прохождением впоследствии обязательной аттестации;

– персонализацию образования и переход на индивидуальные образовательные траектории – тренд, продвигаемый на высшем уровне власти, предусматривающий вариативное обучение в целях гармоничного развития каждого обучающегося путем предоставления образования по дисциплинам, наиболее полно удовлетворяющим его потребности и учитывающим его способности к обучению и личные пожелания;

– практикоориентированность образовательной подготовки и адаптивное обучение в целях генерации прикладных компетенций, позволяющих быстро и эффективно адаптироваться к быстро меняющимся условиям;

– непрерывность образования, т. е. регулярное повышение квалификации или переподготовку по иным специальностям или направлениям подготовки [9], что вписывается в концепцию образования на протяжении всей жизни, формирование компетенций, отвечающих потребностям рынка труда и технико-технологическим особенностям трудового процесса;

– сетевую организацию обучения, т. е. организацию взаимодействия участников образования посредством массового сотрудничества, открытых образовательных ресурсов и др. [10];

– цифровую трансформацию и, как следствие, повышение доступности высшего образования.

Одним из ведущих трендов в системе образования является формирование и развитие образовательными организациями модели «Цифрового университета». Задачи реализации модели «Цифрового университета» сгруппированы ниже (рис.)

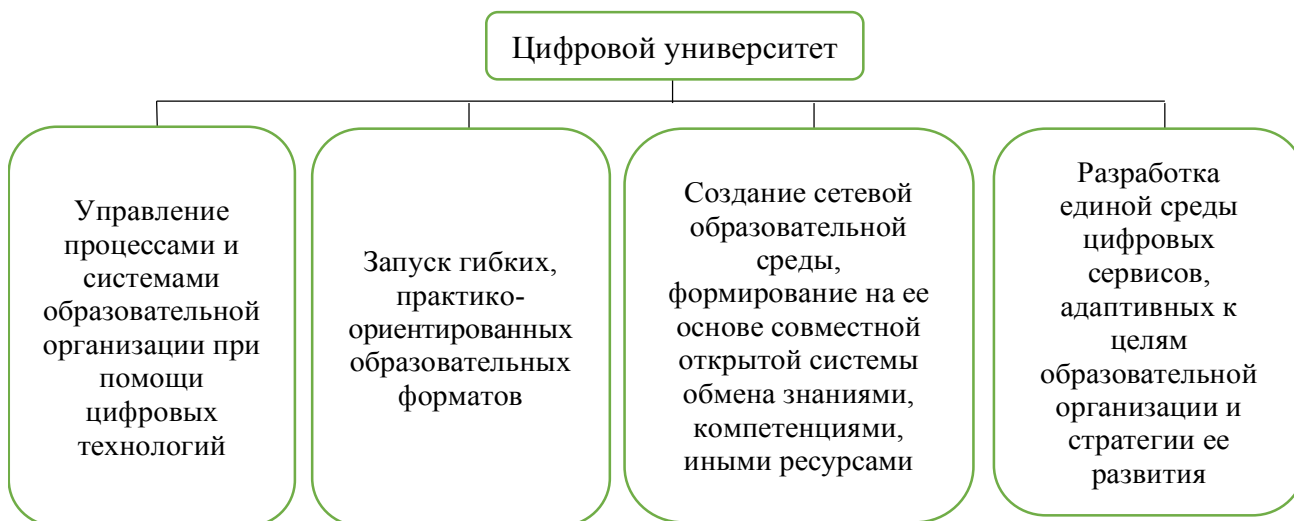

Рис. Приоритетные задачи реализации модели «Цифрового университета» [11]

Модель цифрового университета предусматривает «сквозную автоматизацию всех основных бизнес-процессов и служб университета и переориентацию деятельности всех ключевых структурных подразделений образовательной организации на совместную работу в еди-

ном автоматизированном (цифровом) пространстве» [12, с.21]. Основу единого цифрового пространства образовательной организации составляет цифровая платформа. Цифровые программные платформы изменили повседневную жизнь миллиардов людей по всему миру. Плат-

формы, разработанные для сегмента высшего образования, трансформируют структуру и содержание деятельности университетов. Университетские платформы синтезируют множество тенденций – требований к повышению эффективности измерения мониторинговых показателей эффективности деятельности образовательной организации, ее открытости, уровня интернационализации, конкуренции и инноваций, а также для разделения процессов в деятельности образовательной организации по отдельным секторам в целях последующего аутсорсинга поставщикам платформы для ее апгрейда. Современный университет трансформируется при помощи платформенных технологий. Хотя элементы программной платформы были составной частью университета в течение многих лет, сегодня именно университет функционирует внутри программной платформы. В силу данной тенденции все большее число процессов образовательной организации делегируется программному обеспечению при помощи алгоритмов и автоматизации.

Потребность в образовании у выпускников общеобразовательных организаций, равно как и у работающих граждан, огромна и только растет в связи с распространением концепции непрерывного образования, отстаивающей идею роста образовательного потенциала личности в течение всей жизни. Очевидно, что классические образовательные организации, имеющие в своем арсенале традиционные методы и формат преподавания, не могут приблизиться к удовлетворению растущего спроса, даже при условии расширения ассортимента образовательных услуг. Всего за десять прошедших лет качество, а также масштабы знаний, которые можно транслировать в онлайн-формате, увеличились благодаря развитию цифровых технологий. Иначе говоря, цифровые технологии обернулись технологиями обучения, привнеся в деятельность образовательных организаций

новые возможности, воплощение которых гарантирует расширение охвата рынка образовательных услуг, повышение качества образовательного контента и его усвояемости обучающимися. В дополнение к этому цифровые технологии в образовании становятся убедительным, иллюстративным средством обучения, привлекаемым к учебному процессу в качестве наглядных пособий, что органично вписывается в механизм реализации программы «Кадры для цифровой экономики», которая предусматривает необходимость формирования у выпускников образовательных организаций цифровой компетентности. Речь идет о задаче, которая была сформулирована в направлении «Кадры для цифровой экономики» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Так, в соответствии с Программой, к 2024 г. образовательным организациям предписывается обеспечивать выпуск 120 тыс. чел. по направлениям подготовки, которые связаны с ИКТ. Помимо этого, 800 тыс. выпускников в год должны обладать компетенциями в области информационных технологий на среднемировом уровне. К 2024 г. у 40% населения России должны быть сформированы цифровые навыки.

Наиболее перспективной цифровой технологией, используемой в образовании, является технология иммерсивного обучения, которая задействует в учебном процессе искусственную среду. Погружение в искусственную среду не только устраняет отвлекающие факторы, препятствующие полноценному усвоению обучающимися новых знаний, но и нейтрализует монотонность обучения за счет проектирования многомодальной виртуальной среды и создания сценариев погружения. К технологиям иммерсивного обучения относятся: виртуальная реальность (VR); дополненная реальность (AR); смешанная реальность (MR); трехмерное иммерсивное обучение (3D). Иммерсивное обучение – это технология, которая использует искусственную или

имитированную среду, при помощи которой обучающиеся могут полностью погрузиться в процесс обучения. Она обладает потенциалом для воплощения в жизнь абстрактных сценариев обучения, тем самым решая задачу искусственного воссоздания разных форм взаимодействия для обучающихся [13].

Рост спроса на экспериментальное обучение продвигает технологии VR и AR. Обучение становится гораздо более интерактивным, чем традиционное. В то время как VR обеспечивает сконструированную реальность, AR дает расширенное представление о реальном изображении. Таким образом, данные технологии помогают преподавателю объяснить сложные концепции, которые статичные изображения или даже практические лабораторные эксперименты не могли бы продемонстрировать студентам.

Иммерсивное обучение позволяет обучающимся контролировать результаты, связывая их с реальным опытом, но в более безопасной среде. В дополнение к повышению уровня вовлеченности технология способствует росту их мотивации, поскольку обучающиеся становятся ответственными за виртуальный мир, в котором они находятся. Еще одна интересная особенность заключается в том, что технология обеспечивает высокоинтерактивную среду для пользователей, как виртуально, так и физически. Благодаря этой особенности участник учебного процесса может виртуально воссоздать различные физические среды, к которым невозможно получить доступ в стенах учебной аудитории (операционная больница, производственный цех и др.).

К прочим технологиям, активно внедряемым в учебный процесс наряду с технологией иммерсивного обучения, можно отнести:

– технологию электронного обучения. Дистанционное обучение в одночасье стало главной тенденцией на рынке образовательных услуг в 2020 г. из-за быстрого распространения COVID-19 и последо-

вавшего за этим локдауна. Это привело к росту спроса на образовательные онлайн-платформы. Вместе с тем важно, чтобы экстренное онлайн-обучение как вынужденная мера во время борьбы с COVID-19 не подменило хорошо спланированное, продуманное и педагогически эффективное онлайн-обучение, которое будет отвечать потребностям обучающихся и будущих работодателей [14].

Электронное обучение — это образование или обучение, предоставляемое в электронном виде. При реализации технологии электронного обучения образовательный контент предоставляется обучающимся при помощи компьютеров, ноутбуков, планшетов или смартфонов. Это не только экономит время у обучающегося, но и открывает ему множество возможностей для интерактивного взаимодействия [15]. Вместо того, чтобы быть пассивными участниками учебного процесса, обучающиеся могут самостоятельно выбирать ту информацию, которая представляет для них наивысший интерес, невзирая на то, где они находятся. В процессе электронного обучения обучающиеся перенимают знания, читая или просматривая образовательный контент. Многие электронные образовательные курсы включают анимацию, подкасты и видео, которые формируют мультимодальный и практический опыт обучения. Широкое разнообразие — это отличительная особенность платформ онлайн-обучения [16]. Преподаватель может обучать своих студентов в режиме реального времени (синхронно) с помощью прямой трансляции или групповых встреч с использованием команд Zoom или Microsoft или использовать записанные (асинхронные) методики с широким спектром доступных мультимедийных и цифровых функций для обогащения образовательного контента. Имеющаяся в распоряжении образовательной организации платформа онлайн-обучения также может быть объединена с системой управления обучением (LMS), чтобы

преподаватель мог отслеживать результаты обучения своих студентов;

– технологию видеообучения. Видео, особенно анимированные видео, чрезвычайно полезны для обогащения лекций визуальным материалом и наглядности образовательного контента. Видеоматериалы не только улучшают усвояемость обучающимися новых знаний, но и снижают нагрузку на педагогов;

– технологию блокчейн. Данная технология, несомненно, обладает рядом преимуществ, в особенности, связанных с хранением данных. Каждый раз, когда появляются новые данные, в систему добавляется еще один «блок», поэтому хранилище технически безгранично. Одновременно данные будут зашифрованы и распределены по нескольким компьютерам системы. Это делает передачу данных децентрализованной и прозрачной. Технология блокчейн активно используется при реализации массовых открытых онлайн-курсов, а также в целях проверки навыков и знаний обучающихся;

– технологию геймификации. Геймификация – цифровая образовательная технология, позволяющая сделать учебный процесс увлекательным и захватывающим. У студентов нет причин не принимать активного участия в аудиторных играх. Студенты могут осваивать знания и практиковаться, участвуя в увлекательных игровых мероприятиях. Игровые элементы помогают создать веселую и позитивную образовательную среду. Внедрение геймификации наиболее популярно в секторе довузовского образования, поскольку дети наиболее быстро включаются в игровой процесс. Однако это не означает, что высшее образование или корпоративное обучение не нуждаются в веселых элементах для повышения уровня вовлеченности обучающихся;

– технологию социальных сетей. Согласно опросу, проведенному экспертной группой Финансового университета при Правительстве РФ, примерно 78% российской молодежи проводят свыше 4 ча-

сов в сутки в сети Интернет, из них 38% – свыше 8 часов в сутки, при этом Интернет рассматривается ими в качестве «средства получения информации и публичных коммуникаций», социальные сети расцениваются в качестве средства обучения и взаимодействия участников учебного процесса. Студенты могут обмениваться учебными материалами, обсуждать их с другими участниками группы или комментировать чей-либо пост. Молодежная образовательная программа TedEd – типичный пример цифрового решения в области использования социальных сетей в образовательных целях. Это огромная библиотека материалов для школьников и студентов, созданных в форме анимационных роликов на английском языке. Лекции TED-Ed посвящены всевозможным темам: новейшим технологиям, психологии, математике, лингвистике, физике, истории – и размещаются в YouTube.

Активное использование в профессиональной подготовке кадров для цифровой экономики цифровых технологий имеет очевидные плюсы, которые не ограничиваются преимуществами в усвоении образовательного контента, но связаны, к примеру, с коммуникативным эффектом от взаимодействия (например, на основе сетевой модели обучения) обучающихся и профессорско-преподавательского состава из разных образовательных организаций. Когда студенты со всей страны собираются в онлайн-пространстве и привносят свой собственный профессиональный и личный опыт в виртуальный учебный класс, может быть сформирована глобальная образовательная среда, которую невозможно воспроизвести в лекционных аудиториях университета.

Онлайн-обучение в небольших группах, с высоким уровнем активности и вклада студентов, с групповой работой и сессионным контролем знаний может быть очень полезным, эффективным, превосходящим традиционные формы занятий. Преподаватели в свою очередь

могут в режиме реального времени получить представление о том, что усвоили обучающиеся, основываясь на цифровом анализе их устных и письменных ответов. В традиционном обучении такого рода информация доступна, как правило, только на момент зачетов и экзаменов.

Таким образом, реализация Концепции образования 4.0 и модели «Цифрового университета» может способствовать развитию у обучающихся и преподавателей цифровой компетентности, а значит, поможет им адаптироваться к современным условиям, которые диктует Индустрия 4.0.

Вместе с тем цифровизация формирует перед системой образования определенные вызовы, осмысление которых позволяет разобраться в проблемах, препятствующих развитию профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики, и идентифицировать возможности, повышающие ее результативность. К ним можно отнести:

– во-первых, активное использование цифровых технологий в профессиональной подготовке формирует адаптационные механизмы обучающегося в современном информационном обществе и повышает уровень его цифровой компетентности на рынке труда. В связи с этим целесообразны более активное внедрение цифровых технологий в образовательную деятельность и разработка мотивационной политики, обеспечивающей ускорение данного процесса;

– во-вторых, бесспорным вызовом служит избыток информации, которая перестает быть ценным ресурсом для ограниченного круга получателей и становится доступной для абсолютного большинства населения. Отсюда не знания, а умение ориентироваться в глобальном информационном пространстве и быстро извлекать нужную информацию становится востребованным у обучающихся и выпускников образовательных организаций цифровым навыком. Этот и иные цифровые навыки должны форми-

роваться на всем протяжении обучения вне зависимости от направления образовательной подготовки обучающегося;

– в-третьих, в образовательной среде наблюдается тенденция, связанная с персонализацией образования, которая требует поиска способов формирования индивидуальных образовательных траекторий для обучающихся, а также практических моделей организации персонализированного обучения. По мнению Ю. А. Лях, характерными определяющими признаками персонализированного обучения являются: «мотивация, совместное созидание, социальное строительство и самопознание» [17], развитие которых на уровне каждой образовательной организации гарантирует вовлеченность обучающихся в учебный процесс, их нацеленность на результат, совместную с другими обучающимися генерацию идей и их практическое воплощение, а также умение идентифицировать себя, свои интересы и приоритеты в образовательной среде;

– в-четвертых, необходимо повышение цифровой и коммуникативной компетентности в цифровой среде у профессорско-преподавательского состава образовательных организаций (ППС), что предусматривает создание условий для повышения квалификации и переподготовки ППС с учетом требований, адекватных тенденциям цифровой экономики. В дополнение к этому, к примеру, А. В. Маликов и соавторы рекомендуют в целях адаптации ППС к цифровой реальности обеспечить в образовательных организациях формирование эффективной системы управления, которая будет «способствовать развитию академической свободы, повышению престижа преподавательской деятельности, учитывать интересы сотрудников и, благодаря проведенным мероприятиям, выходить на уровень авторитетных научно-исследовательских и образовательных центров» [18].

Эти и иные вызовы определяют облик системы профессиональной подго-

товки кадров для цифровой экономики на ближайшую перспективу. Добавим к этому, что стремительное распространение новых технологий, характерных для Индустрии 4.0, заставляет задумываться о необходимости формирования принципиально новых, включая научно-технические и управленческие, компетенций у работников, задействованных на современных предприятиях [19]. Ведь за процессом внедрения новых технологий, адаптации работников к их использованию, их обслуживанием стоят реальные люди, которые должны не просто разбираться в технико-технологических особенностях инноваций, но прогнозировать и оценивать их экономический эффект. Кроме того, Индустрия 4.0 принесла с собой ряд новых прорывных технологий, которые изменили подходы к предоставлению продуктов или услуг, тем самым повлияв на традиционные бизнес-модели и поощряя новые. Например, системная интеграция и многофакторность в Индустрии 4.0 приводят к появлению более сложных и оцифрованных моделей рынка, в которых барьеры между информацией и физической структурой снижаются.

Выводы

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты:

– дать ретроспективный обзор этапов развития системы образования с учетом достижений цифровой экономики и раскрыть содержание Концепции образования 4.0, призванной развить у обучающихся способности к применению новых технологий, которые помогут им адаптироваться к изменениям, происходящим в экономике и социуме;

– перечислить глобальные тенденции в образовании, важнейшими из которых являются кастомизация образования, его персонализация и непрерывность, а также трансформация формата и содержания учебного процесса, ставшие возможными в результате цифровизации;

– сформулировать возможности, которые открывает внедрение в практику образования цифровых технологий, и вызовы, осмысление которых позволяет разобраться в проблемах, препятствующих развитию профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики.

Бесспорно, уже сейчас образовательные организации должны обращать внимание на структурные изменения, которые влечет за собой четвертая промышленная революция, и использовать в образовательном контенте материал, формирующий у обучающихся необходимые знания и навыки.

Список литературы

1. Шацкая И. В., Архипов А. И. Цифровизация экономики и новейшие тенденции в системе образования // Горизонты экономики. 2019. № 2 (48). С. 53–57.
2. Industry 4.0 / H. Lasi, P. Fettke, H.-G. Kemper, T. Feld, M. Hoffmann // Business & Information Systems Engineering. 2014. N 6(4). P. 239–242. <https://doi.org/10.1007/s12599-014-0334-4>.
3. Meylinda M., Faaizah Sh., Naim Ch. Malaysian Higher Education System Towards Industry 4.0 – Current Trends Overview // Conference Paper in AIP Conference Proceedings, 2018. URL: <file:///C:/Users/532B~1/AppData/Local/Temp/MalaysianHigherEducationSystemTowardsIndustry4.0-CurrentTrendsOverview.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).
4. Transformation or evolution?: Education 4.0, teaching and learning in the digital age / C. A. Bonfield, M. Salter, A. Longmuir, M. Benson, C. Adachi // Higher Education Pedagogies. 2020. Vol. 5, N 1. P. 223–246. <https://doi.org/10.1080/23752696.2020.1816847>.
5. Garrison D. R. Online community of inquiry review: Social, cognitive, and teaching presence issues // Journal of Asynchronous Learning Networks. 2007. N 11(1). P. 61–72.
6. Salmon G. May the fourth be with you: Creating Education 4.0 // Journal of Learning for Development - JL4D. 2019. N 6(2). P. 95–115.

7. Hussin A. A. Education 4.0 made simple: Ideas for teaching // *International Journal of Education and Literacy Studies*. 2018. N 6(3). P. 92–98. <https://doi.org/10.7575/aiac.ijels.v.6n.3p.92>.
8. Educating for the future: A conceptual framework of responsive pedagogy / K. Smith, S. M. Gamlem, A. K. Sandal, K. S. Engelsen // *Cogent Education*. 2016. No. 3(1). P. 1227021. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2016.1227021>.
9. Клячко Т. Л. Образование в России и мире: основные тенденции // *Образовательная политика*. 2020. № 1. С. 26–42. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2020-1-26-40>.
10. Ryberg T., Buus L., Georgsen M. Differences in understandings of networked learning theory – connectivity or collaboration? // *Exploring the theory, Pedagogy and practice of networked learning* / ed. by L. Dirckinck-Holmfeld. Springer Science+Business Media, LLC, 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/267411795_Differences_in_Understandings_of_Networked_Learning_Theory_-_Connectivity_or_Collaboration (дата обращения: 28.06.2021).
11. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 28.06.2021).
12. Берсенев Д. Н., Воронов А. А., Тинякова В. И. Перспективы и возможности роста экспорта образовательных услуг в современном российском образовании // *Экономика: теория и практика*. 2019. № 3(55). С. 20–26.
13. Application of Immersive Technologies for Education: State Of The Art / P. T. Kovács, N. Murray, G. Rozinaj, Y. Sulema, R. Rybárová // *International Conference on Interactive Mobile Communication Technologies and Learning (IMCL)*. Thessaloniki, 2015. P. 283–288.
14. Golden C. Remote teaching: The glass half-full. URL: <https://er.educause.edu/blogs/2020/3/remote-teaching-the-glass-half-full> (дата обращения: 04.06.2021).
15. Carvalho L., Goodyear P. Design, learning networks and service innovation // *Design Studies*. 2018. N 55. P. 27–53. <https://doi.org/10.1016/j.destud.2017.09.003>.
16. Goodyear P. Teaching as design // *HERDSA Review of Higher Education*. 2015. N 2. P. 27–50.
17. Лях Ю. А. Модель организации персонализированного обучения школьников // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 3(108). С. 16–21. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10410>.
18. Маликов А. В., Потапова И. И., Гаврилюк Е. С. Адаптация профессорско-преподавательского состава вузов к вызовам цифровой экономики // *Креативная экономика*. 2020. Т. 14, № 6. С. 1011–1020. <https://doi.org/10.18334/ce.14.6.110504>.
19. Шацкая И. В., Сиганьков А. А. Цифровая трансформация бизнеса: монография. М.: РТУ МИРЭА, 2021. 130 с.

References

1. Shatskaya I. V., Arhipov A. I. Tsifrovizatsiya ekonomiki i noveishie tendentsii v sisteme obrazovaniya [Digitalization of the economy and the latest trends in the education system]. *Gorizonty ekonomiki = Horizons of Economics*, 2019, no. 2 (48), pp. 53–57.
2. Lasi H., Fettke P., Kemper H.-G., Feld T., Hoffmann M. Industry 4.0. *Business & Information Systems Engineering*, 2014, no. 6(4), pp. 239–242. <https://doi.org/10.1007/s12599-014-0334-4>
3. Meylinda M., Faaizah Sh., Naim Ch. Malaysian Higher Education System Towards Industry 4.0 – Current Trends Overview. Conference Paper in AIP Conference Proceedings, 2018. Available at: <file:///C:/Users/532B~1/AppData/Local/Temp/MalaysianHigherEducationSystemTowardsIndustry4.0-CurrentTrendsOverview.pdf>. (accessed 19.06.2021)
4. Bonfield C. A., Salter M., Longmuir A., Benson M., Adachi C. Transformation or evolution?: Education 4.0, teaching and learning in the digital age. *Higher Education Pedagogies*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 223–246. <https://doi.org/10.1080/23752696.2020.1816847>
5. Garrison D. R. Online community of inquiry review: Social, cognitive, and teaching presence issues. *Journal of Asynchronous Learning Networks*, 2007, no. 11(1), pp. 61–72.
6. Salmon G. May the fourth be with you: Creating Education 4.0. *Journal of Learning for Development - JL4D*, 2019, no. 6(2), pp. 95–115.

7. Hussin A. A. Education 4.0 made simple: Ideas for teaching. *International Journal of Education and Literacy Studies*, 2018, no. 6(3), pp. 92–98. <https://doi.org/10.7575/aiac.ijels.v.6n.3p.92>
8. Smith K., Gamlem S. M., Sandal A. K., Engelsen K. S. Educating for the future: A conceptual framework of responsive pedagogy. *Cogent Education*, 2016, no. 3(1), p. 1227021. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2016.1227021>
9. Klyachko T. L. Obrazovanie v Rossii i mire: osnovnye tendentsii [Education in Russia and the world: the main trends]. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*, 2020, no. 1, pp. 26–42. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2020-1-26-40>
10. Ryberg T., Buus L., Georgsen M. Differences in understandings of networked learning theory – connectivity or collaboration? Exploring the theory, Pedagogy and practice of networked learning; ed. by L. Dirckinck-Holmfeld. Springer Science+Business Media, LLC, 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/267411795_Differences_in_Understandings_of_Networked_Learning_Theory_-_Connectivity_or_Collaboration. (accessed 28.06.2021)
11. Programma "Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii" [The program "Digital Economy of the Russian Federation"]. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-R. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>. (accessed: 28.06.2021)
12. Bersenev D. N., Voronov A. A., Tinyakova V. I. Perspektivy i vozmozhnosti rosta eksporta obrazovatel'nykh uslug v sovremennom rossiiskom obrazovanii [Prospects and opportunities for the growth of the export of educational services in modern Russian education]. *Ekonomika: teoriya i praktika = Economics: Theory and Practice*, 2019, no. 3(55), pp. 20–26.
13. Kovács P. T., Murray N., Rozinaj G., Sulema Y., Rybárová R. Application of Immersive Technologies for Education: State Of The Art. International Conference on Interactive Mobile Communication Technologies and Learning (IMCL). Thessaloniki, 2015, pp. 283–288.
14. Golden C. Remote teaching: The glass half-full. Available at: <https://er.educause.edu/blogs/2020/3/remote-teaching-the-glass-half-full>. (accessed 04.06.2021)
15. Carvalho L., Goodyear P. Design, learning networks and service innovation. *Design Studies*, 2018, no. 55, pp. 27–53. <https://doi.org/10.1016/j.destud.2017.09.003>
16. Goodyear P. Teaching as design. *HERDSA Review of Higher Education*, 2015, no. 2, pp. 27–50.
17. Lyah Yu. A. Model' organizatsii personalizirovannogo obucheniya shkol'nikov [Model of the organization of personalized training of schoolchildren]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 3(108), pp. 16–21. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10410>
18. Malikov A. V., Potapova I. I., Gavrilyuk E. S. Adaptatsiya professorsko-prepodavatel'skogo sostava vuzov k vyzovam tsifrovoi ekonomiki [Adaptation of the teaching staff of universities to the challenges of the digital economy]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economics*, 2020, vol. 14, no. 6, pp. 1011–1020. <https://doi.org/10.18334/ce.14.6.110504>
19. Shatskaya I. V., Sigankov A. A. Tsifrovaya transformatsiya biznesa [Digital transformation of business]. Moscow, RTU MIREA Publ., 2021. 130 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Шацкая Ирина Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: shatskaya@mirea.ru, ORCID: 0000-0001-5292-3382

Irina V. Shatskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation, e-mail: shatskaya@mirea.ru, ORCID: 0000-0001-5292-3382

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-195-207>

Трансформация процессов занятости населения

С. В. Мамонтова¹ ✉, М. К. Мальсагов¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: efv05@mail.ru

Резюме

Актуальность. Активное внедрение цифровых технологий увеличивает конкуренцию на рынке труда, повышаются требования к наёмным работникам и работодателям, их профессиональным компетенциям. Использование интернет-ресурсов и цифровых технологий предоставляет широкие возможности в процессе деятельности, однако при всех плюсах есть и минусы, касающиеся рисков социально-трудовых отношений, требующие исследования удалённой занятости.

Цель – на основе проведённого исследования выявить проблемы, точнее сказать преимущества и недостатки, связанные с новыми формами занятости, обусловленные трансформацией экономической системы.

Задачи: провести анализ модернизации занятости в условиях современной экономической ситуации; исследовать факторы развития дистанционной формы занятости рынка труда; рассмотреть политику в области нестандартной занятости, а также механизмы её регулирования.

Методология: контент-анализ ведущих специалистов и законодательной базы в области занятости населения, системный и логический анализ, обработка и описание результатов исследования.

Результаты. В статье проведено исследование развития нестандартных форм, занятости, рассмотрены изменения трудового законодательства, проблемы, характеризующие социально-трудовые отношения, методы организации дистанционного труда.

Дан сравнительный анализ трансформации занятости населения, включая социально-трудовые отношения.

Выводы. В процессе глобализации экономической системы, находящейся на трансформационном этапе развития, когда мы наблюдаем переход к постиндустриализму, информатизации и глобализации, формирования единой мировой информационно-коммуникативной системы с использованием интернет-ресурсов коренным образом меняется содержание труда, требующее глубокого анализа и проработки.

Ключевые слова: дистанционная занятость; работа онлайн; рынок труда; социально-трудовые отношения; дистанционное обучение; информационная безопасность; организация труда.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Мамонтова С. В., Мальсагов М. К. Трансформация процессов занятости населения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 195–207. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-197-207>.

Поступила в редакцию 18.08.2021

Принята к публикации 15.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Мамонтова С. В., Мальсагов М. К., 2021

Transformation of Employment Processes

Svetlana V. Mamontova¹ ✉, Magomed K. Malsagov¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: efv05@mail.ru

Abstract

Relevance. The active introduction of digital technologies increases competition in the labor market, increasing the requirements for employees and employers, their professional competencies. The use of Internet resources and digital technologies provides ample opportunities in the process of activity, but with all the advantages, there are also disadvantages concerning the risks of social and labor relations that require research on remote employment.

The purpose is to identify the problems, more precisely, advantages and disadvantages associated with new forms of employment caused by the transformation of the economic system on the basis of the conducted research.

Objectives: To analyze the modernization of employment in the conditions of the current economic situation, to study the factors of the development of the remote form of employment of the labor market, to consider the policy in the field of non-standard employment, as well as the mechanisms of its regulation.

Methodology: content analysis of leading specialists and the legislative framework in the field of employment, systematic and logical analysis, processing and description of the research results.

Results. The article studies the development of non-standard forms of employment, considers changes in labor legislation, problems that characterize social and labor relations, methods of organizing remote labor.

A comparative analysis of the transformation of employment of the population, including the problems of social and labor relations, is given.

Conclusions. In the process of globalization of the economic system that is at a transformational stage of development, when we are witnessing the transition to post-industrialism, informatization and globalization, the formation of a unified world information and communication system using Internet resources, the content of work that requires in – depth analysis and study is radically changing.

Keywords: distance employment; online work; labor market; social and labor relations; distance learning; information security; labor organization.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Mamontova S. V., Malsagov M. K. Transformation of Employment Processes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 195–207. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-195-207>.

Received 18.08.2021

Accepted 15.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Происходящие трансформации на рынке труда затрагивают проблемы социально-трудовых отношений как со стороны наёмного работника, так и со стороны работодателя. Сравнивая недавнее прошлое, когда главное для ведения деятельности организации было иметь конкретное место с закреплённым на ней трудовым коллективом, в настоящее время в приоритете высока гибкость в использовании рабочей силы, ведущей к увеличению мобильности кадров. Формированию гибкого рынка труда способствуют инновации в области

информационных и компьютерных технологий, меняющиеся потребности работников в организации труда, увеличение профессионального профиля и необходимости периодического обновления знаний, желание работника выбора оптимального рабочего времени. Научная новизна исследования заключается в систематизации факторов развития и распространения нестандартных форм занятости их преимуществ и недостатков, рисков, связанных с организацией дистанционного труда, выявлены проблемы регулирования социально-трудовых отношений.

Материалы и методы

Проведённое исследование включает:

- 1) анализ и состояние развития дистанционной занятости населения;
- 2) анализ факторов, влияющих на трансформацию рынка труда;
- 3) анализ законодательной базы, регулирующей социально-трудовые отношения;
- 4) выявлены проблемы, связанные с системой регулирования социально-трудовых отношений.

Результаты и их обсуждение

На протяжении всей истории человечества труд является основополагающим процессом для формирования единого общества. С тех пор процесс организации труда претерпел большие изменения, особенно после промышленной революции и начала внедрения машинного труда в трудовой процесс.

Конец XIX в. стал отправной точкой для возникновения действующей экономической системы. Разделение труда, организация трудовых процессов отдельных групп, организация иерархической системы трудовых отношений – всё это стало основой трудовых отношений в обществе, называемых «занятостью населения».

Своё нормативно-правовое регулирование стандартная занятость получила посредством деятельности Международной организации труда и профессиональных союзов, ведущих коллективные переговоры с государством и нанимателем, следствием чего стало появление трудового законодательства, а также концепции социальной защиты сотрудников [1, с. 128].

Отступление от стандартных форм занятости связывают со случившейся в конце XX в. производственно-финансовой трансформацией, увязав её с нефтяным кризисом 80-х годов XX в., принесших за собой рост безработицы и снижение темпа экономического роста. Именно в этот период возникает нестандартная занятость народонаселения, отказ

от коллективно-договорной общегосударственной регламентации трудовых отношений [2, с. 343].

В очередной раз общество находится на трансформационном этапе развития, характеризующемся переходом к постиндустриализму, информатизации и глобализации. Происходящая трансформация обусловлена развитием инновационной экономики, формируя единую мировую информационно-коммуникативную систему. Внедрение информационных технологий, глобальное использование интернет-ресурсов коренным образом меняет содержание труда. В некоторых сферах производства произошел переход от труда, направленного на объект, к труду, направленному на систему, состоящую из экономического и управленческого компонента. Меняется парадигма менеджмента, базирующаяся на системно-ситуационном подходе к управлению кадрами, акцентируется внимание на личности человека, его потребностях. Данные изменения в очередной раз вынуждают общество пересмотреть современную роль человека [3, с. 19].

Тенденции развития экономики ставят в приоритет создание и использование информации как основного фактора производства.

Виртуализация работы стала одним из важнейших изменений в сфере труда, повлекших за собой спрос на гибкость в организации труда. Появление удаленной занятости, а также развитие ИТК (информационно-коммуникационные технологии) меняют способы взаимодействия людей и размывают границы между работой и личной жизнью человека, делая сотрудников одновременно более мобильными и эффективными, но в свою очередь подвергая новым психологическим нагрузкам и рискам для личной жизни (информации). Размывая временные границы между рабочим и свободным временем, у человека возникает чувство постоянного давления и ответственности, что приводит к когнитивной

нагрузке. По данным опроса МОТ, 41% дистанционных работников подвержены рискам возникновения стрессовых ситуаций. В свою очередь, у офисных сотрудников этот риск гораздо ниже (21%). Это проявляется особенно заметно, когда работники вынуждены работать на дому сверх нормы рабочего времени. К тому же отсутствие общения в коллективе, отстранённость от основных производственных процессов, невозможность сосредоточиться на работе из-за отвлекающих факторов вне офиса – все это может привести к потере трудоспособности работника.

Однако именно развитие ИКТ и роботизация меняют рынок труда и сферу занятости кардинальным образом [4, с. 18]. С одной стороны, появляются новые возможности для устройства на работу представителей незащищённых слоев население.

Кроме того, к плюсам нестандартных форм занятости можно отнести:

- решение транспортных проблем в городах с высоким потоком машин за счет отсутствия необходимости постоянного присутствия работника в офисе;

- экономия на производственных затратах, например снижение арендной платы занимаемых помещений, оплаты электроэнергии или других организационных расходах;

- возможное снижение расходов на персонал, т. е. оплата труда не по отработанному времени в определенный период, а по качеству выполненной работы (как при сдельной оплате труда). В частности, это касается фрилансеров, которые обычно получают задание организации/работодателя с заранее определённой оплатой;

- сохранение работоспособности большей части штатного персонала независимо от кризисной ситуации, связанной с погодными условиями, политической или экологической обстановкой в регионе;

- организация получает возможность нанимать высококвалифицированных со-

трудников независимо от места их нахождения и удалённости. Появляется шанс сократить расходы на оплату труда в зависимости от уровня оплаты труда в разных регионах.

Все это является основными факторами, влияющими на широкое распространение и развитие дистанционной формы занятости.

Другим, не менее значимым фактором является то, что в настоящее время происходит массовый выход на рынок труда так называемого поколения Y (те, кто родились в конце прошлого века в эпоху информационных технологий и огромных потоков информации) и так называемого поколения Z (родившееся в этом XXI в. и не знавшие мир без Интернета). Для этих поколений жизнь в условиях постоянных изменений, потоков информации, коммуникаций – обычное дело, а высокомобильная работа устраивает новое поколение профессионалов, формируя тем самым новые, максимально гибкие формы занятости [5].

Изменение качества рабочей силы. Данный фактор имеет многие составляющие, например высокий уровень образования, положительно влияет на ряд нестандартных форм занятости с применением ИКТ, в частности краудсорсинга [6].

Факторы государственной политики в сфере труда и занятости населения:

- во-первых, проблема в трудовой политике государства в гарантированной, но слишком низкой оплате труда является сквозным фактором для низкой популярности стандартных форм занятости и заставляет население переходить на нестандартные формы занятости (самозанятость, фриланс) для получения высоких доходов и достойного уровня жизни;

- во-вторых, слишком большие расходы организации на налоговые отчисления также имеют большое влияние на распространение и мысовое применение нестандартных форм занятости. Желание компании снизить свои расходы застав-

ляет руководство организации разрабатывать новые методы организации труда. Желание организаций «уйти от налогов» становится стимулом для распространения теневой занятости в её нестандартных формах;

– в-третьих, правовое регулирование и новые законодательные акты, вносимые правительством в ТК, могут как положительно, так и отрицательно сказаться на развитии нестандартных форм занятости.

Ну и, конечно же, происходящая глобализация, представляющая всемирную научно-техническую, экономическую, культурную и политическую интеграцию, в результате которой происходит развитие стандартизации технологических и экономических процессов, миграция, сближение культур, а также усиление глобальной конкуренции [4, с. 18].

Глобализация и технический прогресс последних десятилетий позволили работодателям привлекать ценные кадры в компанию независимо от их проживания. Эти тенденции также уменьшают негативные факторы, связанные с отсутствием рабочих мест в определённых регионах/странах, снижают уровень безработицы, позволяют увеличить доходы населения.

Совокупность представленных факторов создают условия для развития и распространения нестандартных форм занятости. Отсутствие четкого правового регулирования данных форм занятости хоть и влияет негативно на участников таких трудовых отношений, но не препятствует их развитию.

Все представленные факторы развития дистанционной занятости требуют детального исследования удалённой работы.

Итак, впервые понятие неформальности было введено при исследовании рынка труда развивающихся стран; иногда оно маскировалось такими понятиями, как «вторичный рынок труда» при его сегментации. Инструментальные подходы к определению и измерению за-

нятости в неформальном секторе для национальных статистических органов были определены в рекомендациях XV Международной конференции статистиков труда в 1993 г. Конференция определила неформальный сектор как совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основной целью обеспечить работу и доход для тех, кто связан с этими единицами. Эти единицы характеризуются низким уровнем организации, низкой капиталоемкостью и небольшими размерами. Трудовые отношения базируются на привлечении в основном случайных работников, родственных и личных связях, а не на договорных началах, характерных для формальной занятости. Статистика национальных счетов рассматривает неформальный сектор как часть сектора домашних хозяйств, он может включать как самозанятых, так и занятых по найму на предприятиях неформального сектора или физических лиц [7, с. 265].

В 2001 г. Госкомстат РФ утвердил Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики. Критерием отнесения хозяйствующих единиц к неформальному сектору стало отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица, порог численности занятых на предприятии при этом не используется. Деление экономики на формальный и неформальный сектор сильно упрощает реальную ситуацию, так как формальный сектор может быть как средой, где процветают неформальные трудовые отношения, так и источником значительных неформальных доходов. Взаимопроникновение формального и неформального секторов составляет одну из ключевых особенностей российской экономики и занятости. Доля неформальной занятости в России выше, чем в большинстве развитых стран. В последних на начало 2019 г. неформальный сектор составляет 5–10% ВВП, в развивающихся – до 35%; в России эта цифра составляет более 40%. В

неформальном секторе среди тех, кто занят основной или единственной работой, предприниматели без образования юридического лица (владельцы микробизнесов и некооперированных предприятий) составляют 18%; по найму у физических лиц занято 38%. Самозанятые (занятые на индивидуальной основе) в структуре неформальной занятости – самая многочисленная группа (42%). Наиболее пеструю и во многом маргинальную группу самозанятых на индивидуальной основе (с наименьшими доходами в неформальном секторе) составляют лица, занятые домашним производством на рынок (30%). Неформальный сектор является основным генератором вторичной занятости. Здесь группа занятых на индивидуальной основе абсолютно доминирует; почти половина этой группы приходится на занятых домашним производством на продажу; каждый десятый в этой группе работает у частных лиц; доля предпринимателей «по совместительству» почти незаметна [8, с.159].

Значительная по масштабам занятость в неформальном секторе порождает ряд социальных и экономических проблем. Доходы от деятельности не облагаются налогами, поэтому бюджеты и социальные фонды лишаются значительных средств. Трудовые права работающих в

этом секторе не защищены законом. Однако неформальный сектор, если он не чрезмерен, имеет и позитивные стороны для экономики. Он позволяет потерявшим работу иметь заработок, а государству экономить на пособиях по безработице. Неформальный сектор также является средой для развития самозанятости и предпринимательства, обеспечивая вход в него без административных барьеров и первичное обучение с минимальными издержками. Тем самым данный сектор является важным средством трудовой, профессиональной и социальной мобильности [8, с.279].

Удаленная работа развивается ускоренными темпами в следующих сферах деятельности: маркетинговой, научно-исследовательской, аналитической, консалтинговой, IT-специалистов, в инжиниринге, в журналистике, копирайтинге, фандрайзинге, надомная работа. К дистанционным работникам относят репетиторов, психологов, переводчиков, бизнес-тренеров, юристов, риэлторов. Свободную занятость (фриланс) организуют менеджеры по продажам, торговые представители, региональные работники различных фирм. Рассмотрим динамику роста дистанционной занятости в России (рис. 1).

Рис. 1. Динамика роста числа работников на условиях неполной занятости в России, тыс. чел. [9]

В России начиная с 2015 до 2020 гг. прирост трудоспособного населения, занятого на условиях неполной занятости, составил 26%.

Самый высокий прирост занятых на дистанционных условиях занятости вы-

явлен в Южном и Дальневосточном федеральных округах – практически в 2,2 раза (182,0 % соответственно), затем в Центральном федеральном округе (134,0 %). В остальных округах прирост составил от 15,0 до 34,0 % (рис. 2).

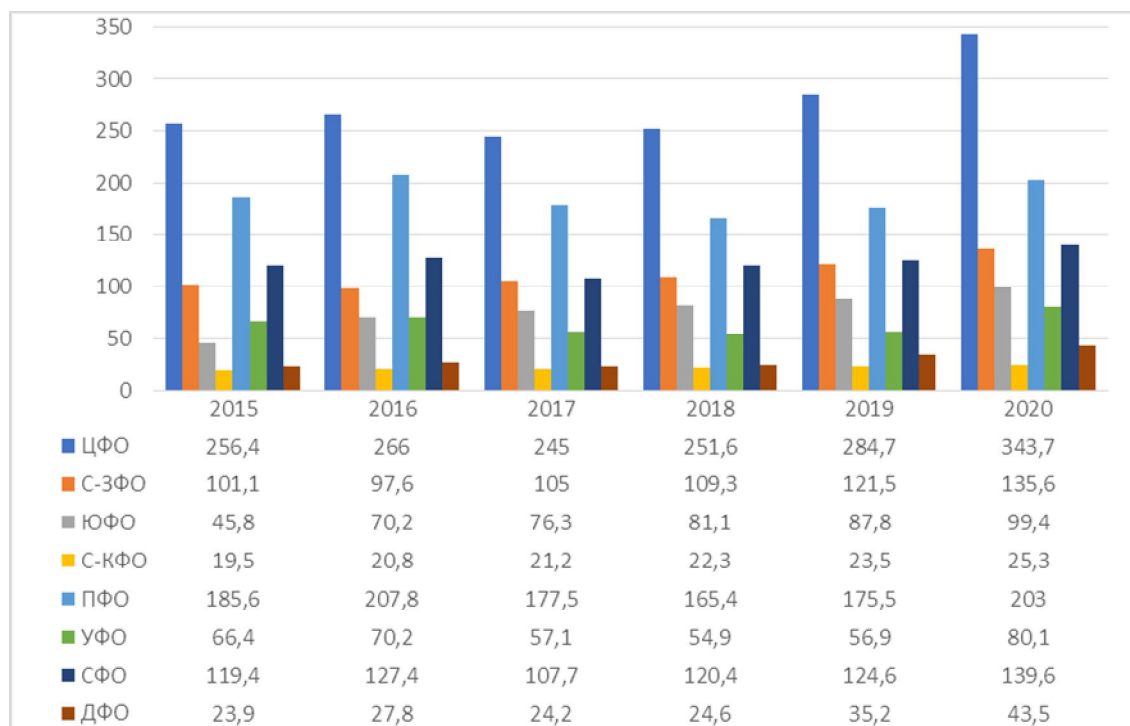

Рис. 2. Динамика неполной занятости с 2015 по 2020 гг. по округам РФ, тыс. чел. [9]

Юридические отношения в сфере дистанционной занятости оформляются трудовыми договорами и гражданско-правовыми соглашениями с работодателем в формальном секторе экономики, либо эти отношения носят неформальный характер (виртуальное соглашение, однократное выполнение работы) без оформления юридических отношений.

Дистанционная занятость меняет менталитет работников и работодателей, их социально-ролевые функции и трудовое поведение. Появляются новые взаимные требования, новые способы и формы согласования интересов, предмет социально-трудовых отношений, уровень их согласования [10, с.19].

С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Тру-

довой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях».

В данном законе пересмотрены многие аспекты дистанционной занятости, прописанные в более ранних законодательных актах, ранее не имевшие четкую структуру или законные гарантии.

Дистанционной (удаленной) работой (далее – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно) является выполнение определенной трудовой функцией трудовой функцией вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой мест-

ности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, и сетей связи общего пользования [11].

На отечественном рынке труда до недавнего времени были распространены две основные формы организации дистанционной работы: дистанционная занятость штатных работников, с которыми заключены трудовые договоры, и фриланс физических лиц, с которыми заключены гражданско-правовые договоры на оказание услуг.

В настоящее время получили развитие новые виды дистанционной (удаленной) работы: временная дистанционная (удаленная) работа (вне офиса); комбинированная дистанционная (удаленная) работа (сочетание работы в офисе и вне его) [12].

Комбинированный формат (сочетание работы в офисе и вне его) предполагает наличие у работника гибкого (свободного) графика посещения офиса. Например, он может работать ежедневно 2 часа в офисе, а остальное время дистанционно или же один день (или несколько) в неделю в офисе, остальные – дистанционно. При данном формате занятости график для работников составляется индивидуально [13].

Временный формат – это формат, при котором сотрудники переводятся на дистанционное трудоустройство на определенный срок (до 6 месяцев) из-за чрезвычайных ситуации (например, распространение вируса COVID-19) или иных неблагоприятных условий, которые могут навредить здоровью сотрудника.

Полностью удаленный формат работы, при котором сотрудник не появляется в офисе организации, даже договор о

найме или прочие документы могут быть высланы по электронной почте. Этот способ подходит в случае найма дистанционных работников из других регионов или даже стран.

Говоря о материально-техническом обеспечении персонала при дистанционной форме занятости, следует отметить, что это процесс сложный и многогранный. При такой организации труда следует проработать все аспекты трудовых отношений не только материальное обеспечение, но также подход к организации работы и нормативно-правовой стороне.

При согласии обеих сторон трудовых отношений на переход сотрудника на дистанционную форму занятости в первую очередь составляется договор о найме (переводе) сотрудника на работу на условиях дистанционной занятости, где вносятся условия приема на работу и организации труда, обязательные по законодательству Российской Федерации [14].

В трудовом договоре о дистанционной работе помимо действующих трудовых норм и условий труда (рабочее время, оценка результата работы и др.) могут быть прописаны и иные требования, связанные с условиями работы или необходимостью использования программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств, предоставленных или рекомендованных работодателем.

Работодатель должен обеспечить сотрудника необходимым оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами для организации рабочего процесса.

Дистанционный работник вправе с согласия работодателя использовать принадлежащие работнику или арендованные им оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства. При этом работодатель выплачивает дистанционному работнику компенсацию за использование принадлежащих ему МТС, ого-

воренных в трудовом договоре или дополнительных соглашениях к трудовому договору [15].

Несмотря на все плюсы перехода на дистанционную форму организации труда, возникает целый ряд проблем, которые необходимо решить для успешной работы на удаленке. В частности, для сотрудников возникает ряд следующих проблем.

Первой проблемой можно выделить сложности с организацией рабочего процесса и регулированием рабочего времени. Так как руководство не может контролировать деятельность сотрудника в течение рабочего времени, возникают риски несвоевременного или некачественного выполнения последним поставленной задачи. Если работника только перевели на удаленный режим работы, он не сможет правильно распределять своё рабочее время, а поставленные руководителем задачи не могут быть выполнены из-за плохо сформулированного задания.

Вторая проблема заключается в отсутствии четко регламентированных временных рамок рабочего процесса, выхода на связь с руководством, выдачи заданий или сроков его выполнения и сдачи. Низкая информированность сотрудника о выполняемой им работе или процессах, происходящих в организации, могут значительно снизить показатели результативности труда.

Третьей проблемой является отсутствие возмещения за использование сотрудником своего оборудования для выполнения работы. Расходы на Интернет, сотовую связь, износ компьютера или другого оборудования или расходы на необходимое программное обеспечение, если возмещение данных расходов не обозначено в договоре, ложатся бременем на бюджет сотрудника.

При низком уровне организации дистанционной занятости у работодателя также возникает целый ряд проблем:

1. Риск кражи корпоративной информации организации. При удаленной форме организации труда снижается защита информации: использование собственной почты сотрудника или незащищенной точки выхода в Интернет, случайная передача документов с вредоносными программами и вирусами, а также взлом и кибератаки злоумышленников становятся серьезной проблемой для компании.

2. Отсутствие возможности полной оценки квалификации и компетентности сотрудника при дистанционном найме.

3. Низкий уровень вовлеченности сотрудника в корпоративную культуру организации.

4. Необходимость в повышенном контроле над деятельностью сотрудника. Многие организации вносят в условия договора найма дополнительные правила для мониторинга деятельности сотрудника через специальное программное обеспечение и оборудования. Это в свою очередь негативно влияет на отношении сотрудника к компании из-за постоянной «слежки» со стороны руководства.

5. Отсутствие опыта у сотрудника в организации труда на дистанционке. При переводе сотрудника на дистанционку у него возникают сложности с организацией своего времени на трудовую деятельность.

Традиционный формат работы дает людям возможность обмениваться опытом, координировать действия, формировать общий стандарт профессионального поведения, советоваться друг с другом. Дистанционная же работа представляет собой целый спектр различных форм деятельности вне традиционного офиса: от возможности иногда оставаться дома до работы в офисе, где оборудованы места для периодически заходящих сотрудников, от постоянной работы дома до «мобильной» схемы организации труда, позволяющей работать из любой точки мира, включая дорогу [16, с. 121–122].

6. Асинхронность. Из-за разности часовых поясов сотрудники, работающие из других регионов или стран, сталкиваются с проблемой разницы во времени рабочего процесса с основным коллективом организации.

Все эти проблемы напрямую влияют на конечный результат деятельности компании. Снижаются ключевые показатели эффективности работы персонала, вовлеченность сотрудников в корпоративную культуру.

При всех плюсах и минусах дистанционной занятости ведущие аналитики предупреждают глобальную безработицу, обусловленную повсеместной информатизацией и роботизацией. Так, по прогнозам ведущих экспертных агентств, в ближайшие годы более 47% легальных рабочих мест будут «оцифрованы», т. е. компьютерные программы или роботы заменят работника [17]. По оценкам McKinsey Global Institute, ИКТ могут заменить примерно 140 миллионов штатных работников умственного труда во всем мире [18].

Выводы

Сегодня рынок труда сильно изменился во всех странах, включая и Россию. Происходит сдвиг в сторону все большего использования информации, интеллектуальных факторов, создания электрон-

ной биржи труда. Важно вовремя оценить перспективы, а главное – последствия, которые повлекут за собой эти процессы. Дистанционные формы занятости будут способствовать расширению российского рынка труда, позволят российской экономике активно участвовать в международном технологическом разделении труда, в самых передовых его секторах. Для широкого внедрения дистанционной занятости в России требуется не только совершенствовать законодательную базу, но и пересмотреть стандарты статистического учета новых видов и типов занятости, создавать национальные программы развития рынка дистанционной занятости, образовательные программы по организации предпринимательской деятельности и ее правовому регулированию.

Однако в России дистанционный труд как форма занятости, в отличие от зарубежных стран, находится в процессе становления. Законодательная база дистанционной занятости окончательно не сформирована, теоретические основы недостаточно проработаны, а практика оформления трудовых договоров с дистанционными работниками мало распространена. Возникает объективная необходимость пристального изучения дистанционной занятости как одного из важнейших звеньев рынка труда в России [19, с 2].

Список литературы

1. Ясинская-Казаченко А. В., Шоломицкая И. В. Дистанционная занятость как институт рабочего времени и основной эволюционный вид занятости в условиях пандемии // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 1(25). С. 126–146.
2. Kalleberg A. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 341–365.
3. Дашкова Е. С., Дорохова Н. В. Нестандартная занятость в России // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 2. С. 19–21.
4. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой; Высшая школа экономики. М., 2006. 400 с.
5. Локтюхина Н. В. Проблемные аспекты профессионального развития с учетом перспектив развития рынка труда / под ред. Е. И. Холостовой; Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы. М., 2017. С. 181–184.

6. Полякова Ю. М. Краудсорсинг в сфере нестандартных форм занятости на российском рынке труда: дис. ... канд. экон. наук / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 2019. 190 с.
7. Орловский Ю. П. Трудовое законодательство: актуальные вопросы, комментарии, разъяснения. М.: Юрайт, 2014. С. 436.
8. Common ground for independent workers. Principles for delivering a stable and flexible safety net for all types of work. URL: <https://wtfecconomy.com/common-ground-for-independent-workers-83f3fbcf548f#.y41yneao2> (дата обращения: 07.06.2021).
9. Число перешедших на «удаленку» россиян выросло почти в пять раз. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/04/2020/5e94bb939a7947d83b0436cd> (дата обращения: 10.06.2021).
10. Анненко П. Н. Дистанционная занятость как перспективная форма организации труда в России // Human Progress. 2017. № 3. С. 1–8.
11. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федеральный закон от 08.12.2020 г. № 407-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 10.06.2021).
12. Архипова Н. И. Современное состояние и перспективы развития дистанционной занятости // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 4. С. 8–21.
13. Сысоева В. И. Особенности адаптации персонала в условиях дистанционной занятости // Экономическая безопасность: современные вызовы и поиск эффективных решений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. Л. Седовой; Московский университет имени С. Ю. Витте. М., 2020. С. 434–442.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=351274&fld=134&dst=1855,0&rnd=0.8989942761636804#042044585420393954> (дата обращения: 09.06.2021).
15. Притворова Т. П., Пестунова Г. Б., Бектлеева Д. Е. Специфика неформальной занятости как одна из форм нестандартной занятости в условиях постиндустриальной экономики // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 2. С. 154–161.
16. Юдин А. В. Стратегия управления дистанционной формой занятости // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2012. № 4. С. 121–125.
17. Guide to private employment agencies. Regulation, monitoring and enforcement Geneva. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---... (дата обращения: 25.06.2021).
18. Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy. URL: [http://www.mckinsey.com/Disruptive technologies/MGI...report...](http://www.mckinsey.com/Disruptive%20technologies/MGI...report...) (дата обращения: 11.06.2021).
19. Киселева Е. В. Развитие дистанционного труда в России: преимущества и недостатки // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 162–165.

References

1. Yasinskaya-Kazachenko A. V., Sholomitskaya I. V. Distantcionnaya zanyatost' kak institut rabocheho vremeni i osnovnoi evolyutsionnyi vid zanyatosti v usloviyakh pandemii [Distance employment as an institution of working time and the main evolutionary type of employment in a pandemic]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Studies*, 2021, vol. 7, no. 1(25), pp. 126–146.

2. Kalleberg A. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26, pp. 341–365.
3. Dashkova E. S., Dorokhova N. V. Nestandartnaya zanyatost' v Rossii [Non-standard employment in Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State University*, 2014, no. 2, pp. 19–21.
4. Nestandartnaya zanyatost' v rossiiskoi ekonomike [Non-standard employment in the Russian economy]; ed. by V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2006. 400 p.
5. Loktyukhina N. V. Problemnye aspekty professional'nogo razvitiya s uchetom perspektiv razvitiya rynka truda [Problematic aspects of professional development taking into account the prospects for the development of the labor market]; ed. by E. I. Kholostova. Moscow, Institute of Additional Professional Education of Social Workers Publ., 2017, pp. 181–184.
6. Polyakova Yu. M. Kraudsorsing v sfere nestandartnykh form zanyatosti na rossiiskom rynke truda. Diss. kand. ekon. nauk [Crowdsourcing in the field of non-standard forms of employment in the Russian labor market. Cand. ekon. sci. diss.]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2019. 190 p.
7. Orlovsky Yu. P. Trudovoe zakonodatel'stvo: aktual'nye voprosy, kommentarii, raz'yasneniya [Labor legislation: topical issues, comments, explanations]. Moscow, Yurayt Publ., 2014, p. 436.
8. Common ground for independent workers. Principles for delivering a stable and flexible safety net for all types of work. Available at: <https://wtfecconomy.com/common-ground-for-independent-workers-83f3fbcf548f#.y41yneao2>. (accessed 07.06.2021)
9. Chislo pereshedshikh na "udalenu" rossiyan vyroslo pochti v pyat' raz [The number of Russians who switched to "remote" has increased almost five times]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/14/04/2020/5e94bb939a7947d83b0436cd>. (accessed 10.06.2021)
10. Annenko P. N. Distantcionnaya zanyatost' kak perspektivnaya forma organizatsii truda v Rossii [Remote employment as a promising form of labor organization in Russia]. *Human Progress*, 2017, no. 3, pp. 1–8.
11. O vnesenii izmenenii v Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti regulirovaniya distantcionnoi (udalennoi) raboty i vremennogo perevoda rabotnika na distantcionnyu (udalennuyu) rabotu po initsiative rabotodatelia v isklyuchitel'nykh sluchayakh [On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the regulation of remote (remote) work and temporary transfer of an employee to remote (remote) work on the initiative of the employer in exceptional cases]. Federal Law of December 08, 2020 № 407-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/. (accessed 10.06.2021)
12. Arkhipova N. I. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya distantcionnoi zanyatosti [The current state and prospects of remote employment development]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Bulletin of the RGGU. Series: Economics. Management. Right*, 2020, no. 4, pp. 8–21.
13. Sysoeva V. I., Sedova O. L. [Features of personnel adaptation in the conditions of remote employment]. *Ekonomicheskaya bezopasnost': sovremennye vyzovy i poisk effektivnykh reshenii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Economic security: Modern challenges and the search for effective solutions. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]*; ed. by O. L. Sedova. Moscow, Witte Moscow University Publ., 2020, pp. 434–442. (In Russ.)
14. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii [The Labor Code of the Russian Federation]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=351274&fld=134&dst=1855,0&rnd=0.8989942761636804#042044585420393954>. (accessed 09.06.2021)
15. Pritvorova T. P., Pestunova G. B., Bektaeva D. E. Spetsifika neformal'noi zanyatosti kak odnoi iz form nestandartnoi zanyatosti v usloviyakh postindustrial'noi ekonomiki [Specificity of informal employment as one of the forms of non-standard employment in post-industrial economy]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and Business Administration*, 2016, no. 2, pp. 154–161.

16. Yudin A. V. Strategiya upravleniya distantsionnoi formoi zanyatosti [Management Strategy for remote work]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Omsk University. Series: Economics*, 2012, no. 4, pp. 121–125.

17. Guide to private employment agencies. Regulation, monitoring and enforcement Geneva. Available at: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---... (accessed 25.06.2021)

18. Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy. Available at: [http://www.mckinsey.com/Disruptive technologies/MGI...report...](http://www.mckinsey.com/Disruptive%20technologies/MGI...report...) (accessed 11.06.2021)

19. Kiseleva E. V. Razvitie distantsionnogo truda v Rossii: preimushchestva i nedostatki [Development of remote labor in Russia.: advantages and disadvantages]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings Altai State University*, 2018, no. 6 (104), pp. 162–165.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мамонтова Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: efv05@mail.ru

Svetlana V. Mamontova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: efv05@mail.ru

Мальсагов Магомед Курейшевич, магистрант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: malsagov_1998@bk.ru

Magomed K. Malsagov, Undergraduate, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: malsagov_1998@bk.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-208-219>

Отношение малого бизнеса Курского региона к цифровой экономике: социологический анализ

Б. Б. Подгорный¹ ✉, М. В. Обозная¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: b.podgorny46@gmail.com

Резюме

Актуальность исследования заключается в необходимости уточнения отношения малого бизнеса к цифровой экономике и определении наиболее значимых характеристик, формирующих сложившееся отношение. Результаты проведенных ранее экспертных интервью показали, что часть экспертов – представителей малого бизнеса – не поддерживают развитие цифровой экономики.

Цель – уточнение отношения малого бизнеса Курской области к цифровой экономике.

Задачи: определение отношения малого бизнеса к развитию цифровой экономики; определение общих, цифровых и габитуальных характеристик малого бизнеса региона и исследование их влияния на отношение к цифровой экономике.

Методология. Для выполнения поставленных задач применялись следующие методы: анализ статистической информации; анкетный опрос малого бизнеса. Определены габитуальная структура малого бизнеса произведено методом сопоставления направленности основной диспозиции респондентов и их эффективного капитала.

Результаты. 26 процентов предпринимателей относятся к процессу цифровизации положительно, 50 процентов выбрали ответ «скорее положительно, чем отрицательно», у 16 процентов отношение скорее отрицательное, чем положительное, 4 процента относятся к цифровой экономике отрицательно. Эталонная габитуальная структура малого бизнеса Курского региона показывает, что около 90 процентов малого бизнеса могут поддерживать развитие цифровой экономики и относиться к процессу цифровизации положительно.

Выводы. Результаты выполненного исследования позволяют утверждать, что общие и цифровые характеристики могут оказывать лишь незначительное влияние на отношение малого бизнеса к цифровой экономике; основное влияние на отношение малого бизнеса к цифровой экономике оказывают габитуальные характеристики. При этом большинство респондентов, высказавших отрицательное отношение к процессу цифровизации, являются обладателями габитусов направленности диспозиции «сохранение», и их мнение практически изменить невозможно. Однако также существует ряд респондентов, чье высказанное мнение может измениться при создании для этого необходимых условий, направленных на реализацию габитуальных практик, что может выразиться в реальных мероприятиях, касающихся повышения цифровых показателей и информированности о возможностях и поддержке, предоставляемых государством для развития цифровой экономики.

Ключевые слова: малый бизнес; цифровая экономика; цифровая грамотность; направленность диспозиций; габитусы.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Подгорный Б. Б., Обозная М. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 208–219

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-011-00228 «Российская цифровая экономика как социальное поле».

Для цитирования: Подгорный Б. Б., Обозная М. В. Отношение малого бизнеса Курского региона к цифровой экономике: социологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 208–219. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-208-219>.

Поступила в редакцию 06.08.2021

Принята к публикации 02.09.2021

Опубликована 29.10.2021

The Attitude of Small Business in the Kursk Region to the Digital Economy: a Sociological Analysis

Boris B. Podgorny¹ ✉, Mariya V. Oboznaya¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: b.podgorny46@gmail.com

Abstract

The relevance of the study lies in the need to clarify the attitude of small businesses to the digital economy and to determine the most significant characteristics that this attitude. The results of expert interviews showed that some experts - representatives of small businesses - do not support the development of the digital economy.

The purpose is clarification of the attitude of small business in the Kursk region to the digital economy.

Objectives: determination of the attitude of small business to the development of the digital economy; determination of general, digital and habitual characteristics of small business in the region and study of their impact on attitudes towards the digital economy.

Methodology. To accomplish the assigned tasks, the following methods were used: analysis of statistical information; small business questionnaire. The definition of the habitual structure of small business was made by comparing the orientation of the main disposition of the respondents and their effective capital.

Results. 26 percent of entrepreneurs have a positive attitude towards the digitalization process, 50 percent chose the answer "rather positively than negatively", 16 percent have a more negative than positive attitude, 4 percent have a negative attitude to the digital economy. The reference habitual structure of small business in the Kursk region shows that about 90 percent of small businesses can support the development of the digital economy and have a positive attitude towards the digitalization process.

Conclusions. The results of the study allow us to assert that general and digital characteristics can have only a slight effect on the attitude of small businesses to the digital economy, the main influence on the attitude of small businesses to the digital economy is exerted by habitual characteristics. At the same time, the majority of respondents who expressed a negative attitude to the digitalization process have a "preservation" disposition orientation, and it is practically impossible to change their opinion. However, there are also a number of respondents whose expressed opinion may change when creating the necessary conditions for this, aimed at implementing habitual practices, which can be expressed in real events related to increasing digital indicators and awareness of the opportunities and support provided by the state for the development of the digital economy.

Keywords: small business; digital economy; digital literacy; orientation of dispositions; habitus.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The research was carried out with the support of the RFBR grant No. 20-011-00228 "The Russian digital economy as a social field".

For citation: Podgorny B. B., Oboznaya M. V. The Attitude of Small Business in the Kursk Region to the Digital Economy: a Sociological Analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 208–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-208-219>.

Received 06.08.2021

Accepted 02.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

В Указе Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» дано определение цифровой экономики как хозяйственной деятельности, в которой «ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1]. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2] от 28 июля 2017 г. предполагает развитие взаимодействия поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг.

Следовало бы ожидать, что бизнес-сообщество, в т. ч. малый бизнес Курского региона, окажет с учетом открывающихся перспектив активную поддержку цифровой экономике. Однако в процессе проведения экспертных интервью с основными акторами поля цифровой экономики нами определены важные противоречия, касающиеся мнения и поддержки цифровизации представителями малого бизнеса. Так, половина этой категории экспертов высказала отрицательное отношение к процессу цифровизации [3]. С учетом того что, согласно Единому реестру субъектов малого и среднего предпринимательства, в Курской области ведет деятельность около 9 тысяч юридических лиц и более 23 тысяч индивидуальных предпринимателей [4], отнесенных к микропредприятиям, проблема положительного отношения и поддержки процесса цифровизации со стороны малого бизнеса является сверхактуальной.

Научное сообщество акцентирует исследовательский интерес на роли малого бизнеса как участника цифровой экономики, представляя теоретические

обобщения и результаты прикладных исследований.

Зарубежные ученые обращают внимание на то, что устойчивое развитие любой страны вряд ли возможно без жизнеспособного малого бизнеса. Ведь малый бизнес способствует насыщению рынка услугами и товарами, преодолению отраслевых и территориальных монополий, повышению уровня конкуренции [5]. Более того, малый бизнес, являясь важным сектором экономики, все больше использует информационные технологии для увеличения производительности и достижения конкурентных преимуществ [6].

Ученые отмечают, что цифровые технологии существенно снижают многие виды затрат [7], а эмпирическое исследование, проведенное в 10 странах ОЭСР в четырех отраслях, в которых МСП составляют большинство (отели, рестораны, такси и розничная торговля), показало, что цифровизация способствует повышению производительности фирмы [8]. Другое недавнее исследование показало, что цифровизация оказывает положительное влияние на рост производительности труда для МСП [9].

Также среди прикладных исследований зарубежных авторов мы выделили результаты исследования микробизнеса на предмет взаимосвязи между личностными качествами и предпринимательским успехом [10].

В последнее время ученые также исследуют необходимость использования цифровых технологий малым бизнесом в связи с пандемией COVID-19, отмечая, что на фоне пандемии малые предприятия активнее внедряют цифровые технологии (платформы, услуги и инструменты) и извлекают из них выгоду [11].

В докладе 2021 г. Международного центра конкурентного права и политики БРИКС [12] упоминается, что Казахстан, Армения, Россия и Беларусь являются государствами-членами СНГ с наиболее высоким уровнем цифровизации эконо-

мики, при этом Беларусь – лидер среди стран по темпам цифрового развития с примерами активно развивающихся малых и средних цифровых компаний.

Российское научное сообщество также уделяет внимание участию малого бизнеса в процессе цифровизации. Так, Н. В. Молоткова затрагивает проблемы формирования и перспективы функционирования малого бизнеса в сложившейся ситуации развития цифровой экономики, а также основные тенденции цифровой трансформации, которые играют важную роль для малого бизнеса [13].

Е. А. Боркова в своей работе подчеркивает основные проблемные зоны, с которыми сталкиваются средний и малый бизнес, несмотря на положительную динамику в национальной экономике [14].

Е. А. Панфилова анализирует различные модели финансово-правовой и нефинансовой поддержки субъектов МСП по цифровизации в рамках «регуляторных песочниц» с учетом оперативной готовности малого бизнеса к цифровой трансформации на основе индекса Business Digitalization Index и его структурных характеристик [15].

И. А. Бондаренко указывает на роль и место малого бизнеса в развитии цифровой экономики, влияние цифровизации на ключевые аспекты малого бизнеса и реакцию бизнес-сообщества на объективные процессы усиления цифровой конкуренции в глобальном масштабе [16].

А. В. Лукьянова в своей статье рассматривает тенденции и возможности цифровизации малого и среднего бизнеса, обозначает роль предпринимателей в обеспечении экономического роста и поддержании стабильности в стране [17].

Г. Ф. Варнакова подчеркивает проблемы малого бизнеса при внедрении цифровых технологий и пути их преодоления, что позволит ему предопределить выход на новый уровень развития [18].

Также фиксируется внимание на исследовании различных аспектов участия

малого бизнеса Курского региона в реализации программы «Цифровая экономика». Так, Н. В. Кубикова и А. В. Хорошлова пришли к выводу, что у малого бизнеса Курского региона существует потенциал для участия в модернизации страны [19]. В. М. Кузьмина рефлексировала над проблемой развития малого и среднего бизнеса и усиление их роли в модернизации экономики и социальной сферы, что является приоритетом в деятельности региональной власти [20].

С. А. Евсеева, О. А. Евсеева и О. А. Кальченко в качестве основных направлений для стимулирования развития применения цифровых технологий в малом и среднем бизнесе выдвигают идею о повышении цифровой грамотности, совершенствование инфраструктуры поддержки стартапов, развитие единой информационно-коммуникационной среды через цифровые платформы [21].

М. Г. Клевцова, Ю. С. Положенцева и И. О. Логвинова выдвигают меры для формирования благоприятных условий для развития и поддержания малого и среднего предпринимательства [22].

П. В. Сергеев, Т. С. Колмыкова и В. П. Сергеев пришли к выводу, что развитие цифровых технологий позволяет оперативно взаимодействовать науке, бизнесу и власти [23].

Также статистические сведения, касающиеся в первую очередь экономических показателей деятельности, представлены Курскстатом [24].

Таким образом, существует достаточно количество исследований малого бизнеса как участника цифровой экономики, однако отношению малого бизнеса к цифровой экономике уделено пока недостаточно внимания.

Цель исследования – уточнить отношение малого бизнеса Курской области к цифровой экономике.

Задачи исследования:

1. Определение отношения малого бизнеса к развитию цифровой экономики.

2. Определение общих, цифровых и габитуальных характеристик малого бизнеса региона и исследование их влияния на отношение к цифровой экономике.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели и задач в ходе написания научной работы применялись следующие методы: анализ российского законодательства и официальной статистической информации; количественное социологическое исследование малого бизнеса в виде анкетного опроса. Целесообразность исследования именно в виде анкетного опроса вызвана тем, что в процессе проведения экспертных интервью представители малого бизнеса высказывали обеспокоенность о сохранности результатов интервью и недопущении раскрытия их персональных данных в возможных научных публикациях. Применение анкетного опроса позволило обезличить респондентов, а также охватить большее их число.

Общие характеристики – возраст, пол, образование, среднемесячный доход – определены через анализ частотности ответов на вопросы анкеты.

Определение цифровых характеристик – индекса цифровой грамотности, уровня самозащиты информации, индекса самооценки своей цифровой грамотности – выполнено с использованием разработанной и апробированной авторской методологии [25]. Для наглядности произведено сравнение цифровых характеристик малого бизнеса и населения региона.

Для определения структуры габитусов малого бизнеса мы применили подход и классификацию, разработанную на основе теории социального пространства П. Бурдьё [26]. Суть разработанного подхода заключается в установлении характеристик габитусов с помощью сочетания направленности основной диспозиции актора и его эффективного капитала [27].

Обработка результатов, их анализ и сравнение выполнялись с использовани-

ем программы SPSS (статистические таблицы и таблицы сопряженности).

Информационная и эмпирическая база исследования:

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2].

2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [4].

3. Материалы экспертных интервью (2020 год) с представителями экономики по теме цифровизации и развития цифровой экономики – 6 интервью [3].

4. Материалы социологического исследования представителей малого бизнеса Курского региона. Выборочная совокупность – 50 респондентов. Метод выборки – квотный, по видам деятельности.

Результаты и их обсуждение

Отношение к цифровой экономике

Для определения отношения к внедрению и развитию цифровой экономики респондентам было предложено выбрать ответ из предложенных четырех вариантов. Результаты представлены ниже (рис.).

Характеристики малого бизнеса региона и их влияние на отношение к цифровой экономике

Общие характеристики малого бизнеса:

1. *Возраст.* В дополнение к уже представленным коллегами и органами региональной статистики сведениям о количестве и экономических показателях деятельности мы проанализировали структуру возраста представителей малого бизнеса Курской области в рамках пяти возрастных когорт. Как показал выполненный анализ, наибольшее количество предпринимателей (34 процента) относятся к возрастной когорте 25-34 года. На втором месте (26 процентов) – представители возрастной когорты от 35 до 44 лет, несколько меньшее количество (22 процента) входят в возрастную когорту от 45 до 60 лет. На четвертом месте (12 процентов) – пред-

ставители молодого поколения – возраст от 18 до 24 лет. И завершает структуру группа представителей в возрасте

старше 60 лет, составляющая 6 процентов от общего количества предпринимателей.

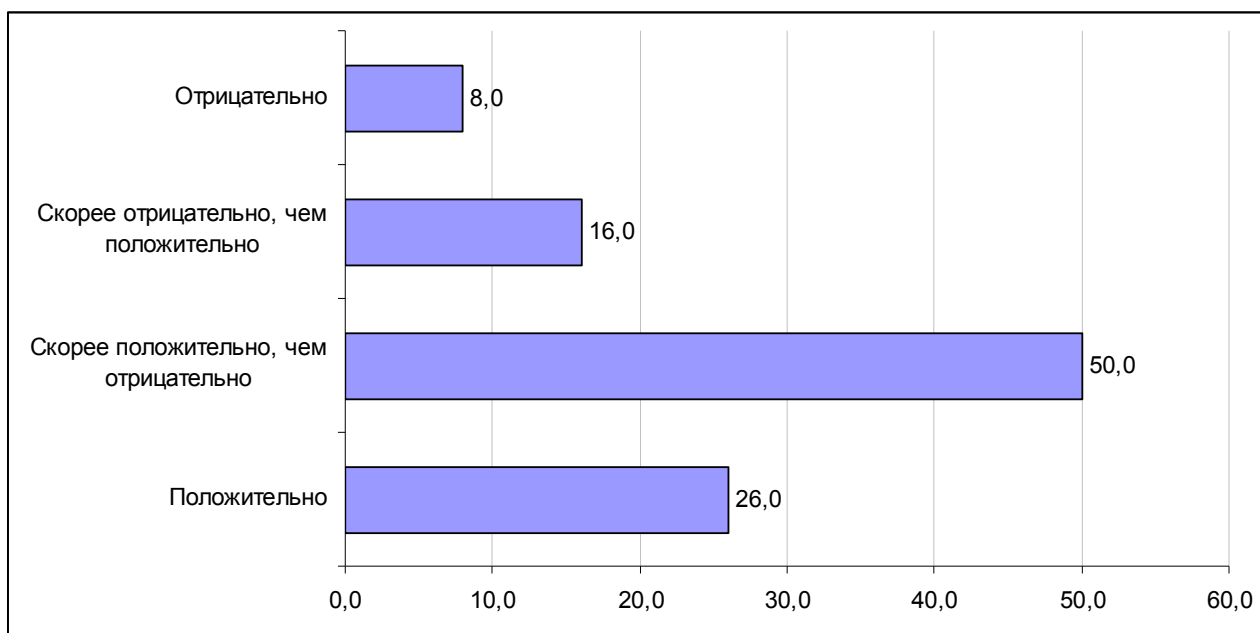

Рис. Отношение малого бизнеса к цифровой экономике

2. *Пол.* При этом среди предпринимателей женщин 58 процентов, а мужчин – 42 процента. С учетом погрешностей это соответствует половой структуре населения области [28].

3. *Образование.* Среди представителей малого бизнеса наибольшее количество (64 процента) составляют лица с высшим образованием, 24 процента имеют среднее специальное образование, 10 процентов – незаконченное высшее, 2 процента – ученую степень. Этот показатель также соответствует уровню образования населения Курской области [29, с. 162].

Показатель *среднемесячного дохода* от предпринимательской деятельности показал, что средний доход составляет 60-70 тыс. руб. При этом наибольшее количество предпринимателей – 30% с доходом 30-50 тыс., на втором месте (28 процентов) – с доходом 50-70 тыс., на третьем месте (22 процента) – с доходом до 30 тыс. Доход от 70 до 100 тыс. получают около 12 процентов предпринимателей, а доход более 100 тыс. по-

лучают лишь 8 процентов предпринимателей.

Анализ таблиц сопряженности показал, что представленные выше общие характеристики не оказывают влияния на отношение к цифровой экономике: несмотря на то, что хи-квадраты по всем характеристикам превышают расчетные хи-квадраты по степеням свободы, асимптотическая значимость по всем характеристикам значительно выше 0,05.

Цифровые характеристики малого бизнеса Курской области представлены в таблице 1, там же для сравнения представлены показатели по совершеннолетнему населению Курской области:

1. *Уровень цифровой грамотности.* Как видно из таблицы 1, индекс цифровой грамотности МБ превышает средний уровень совершеннолетнего населения Курской области. При этом очень высокому уровню соответствует только 2 процента респондентов, высокому – 6 процентов; удовлетворительный уровень имеет 34 процента, низкий – 38 процентов, очень низкий – 20 процентов.

Таблица 1. Цифровые характеристики малого бизнеса Курской области

Показатели	МБ	Население
Индекс цифровой грамотности (100-балльная шкала)	36	27,56
Индекс цифровой грамотности (5-балльная шкала)	2,32	1,87
Уровень самозащиты информации (100-балльная шкала)	19,10	19,10
Уровень самозащиты информации (5-балльная шкала)	1,65	1,65
Индекс самооценки цифровой грамотности (100-балльная шкала)	59,3	39,04
Индекс самооценки цифровой грамотности (5-балльная шкала)	3,44	2,53

2. *Уровень самозащиты информации* малого бизнеса соответствует уровню самозащиты информации совершеннолетнего населения. При этом 74 процента имеют очень низкий и низкий уровень, 12 процентов – удовлетворительный, только 14 процентов соответствуют высокому и очень высокому уровню самозащиты личной информации.

3. *Индекс самооценки своей цифровой грамотности* у малого бизнеса Курской области значительно превышает этот же показатель по населению, а также значительно превышает реальный индекс цифровой грамотности. Так, 50 процентов считают, что у них высокий и очень высокий уровень ЦГ, 22 процента причисляют себя к категории с удовлетворительным уровнем ЦГ, и только 28 процентов указали, что они соответствуют низкому (18%) и очень низкому (10%) уровню ЦГ. При этом только у 14 процентов ИЦГ и ИСЦГ соответствуют, у 72 процентов ИЦГ выше, чем ИСЦГ. Респондентов с индексом самооценки ниже, чем реальный индекс ЦГ, нет.

Анализ таблиц сопряженности показал, что представленные выше цифровые характеристики не оказывают влияния на выраженное отношение к цифровой экономике, что подтверждается значительным превышением асимптотической значимости над ее допустимым значением для всех представленных показателей.

Габитуальная структура малого бизнеса Курского региона

Структура направленности диспозиций, формирующих габитусы малого бизнеса, представлена в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что структура направленности диспозиций малого бизнеса значительно отличается от структуры направленности диспозиций всего населения области.

Анализ сочетания направленности основной диспозиции актора и его эффективного капитала позволил определить структуру габитусов малого бизнеса Курской области. Структура состоит из 24 (из 48 имеющихся) видов габитусов, которым соответствуют от 12 до 2 процентов представителей малого бизнеса. Подробные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. Структура направленности диспозиций малого бизнеса Курского региона, %

Направленность диспозиций	Малый бизнес	Население региона
Сохранение	12,0	20,3
Исполнение	14,0	19,5
Развитие	44,0	18,2
Влияние	2,0	14,1
Управление	18,0	21,1
Дистанцирование	10,0	6,8

Таблица 3. Габитуальная структура малого бизнеса Курского региона

Габитусы	Проценты	Габитусы	Проценты
Коммерсант	12,0	Лидер	4,0
Общественник	10,0	Традиционалист	2,0
Реформатор	10,0	Архивариус	2,0
Наемник	6,0	Обыватель	2,0
Исследователь	6,0	Службист	2,0
Минималист	6,0	Реорганизатор	2,0
Хранитель	4,0	Режиссер	2,0
Модератор	4,0	Импресарио	2,0
Чиновник	4,0	Координатор	2,0
Новатор	4,0	Управленец	2,0
Менеджер	4,0	Отшельник	2,0
Руководитель	4,0	Скептик	2,0

Расчет эталонного варианта отношения малого бизнеса к цифровой экономике позволил установить, что согласно габитуальной структуре около 86 процентов малого бизнеса Курской области с большой вероятностью должны поддерживать развитие цифровой экономики и относиться к процессу цифровизации положительно, около 6 процентов могут относиться к процессу цифровизации как положительно, так и отрицательно, около 8 процентов могут относиться к цифровизации и всему, что с ней связано, отрицательно.

Важно отметить, что структура габитусов малого бизнеса кардинально отличается от структуры габитусов населения Курской области, где первые три места занимают обладатели габитусов «наемник», «менеджер», «зожник» [30]. Детальное описание всех габитусов представлено в базе проекта «Российская цифровая экономика как социальное поле» [31].

Анализ таблиц сопряженности показал, что габитуальная структура малого бизнеса с большой вероятностью оказывает влияние на выраженное отношение к цифровой экономике, что подтверждается как превышением хи-квадрата над его расчетным значением по степеням свободы, так и значением асимптотической значимости, которое для показателей габитуальной структуры меньше 0,05.

Выводы

Полученные результаты анкетирования зафиксировали данные, что только четверть респондентов высказала твердое положительное отношение к цифровизации, у 65 процентов респондентов пока не сложилось в той или иной степени твердого мнения о цифровой экономике, 4 процента высказали отрицательное отношение к цифровой экономике. При этом, согласно эталонному варианту габитуальной структуры, около 90 процентов малого бизнеса могут поддержать развитие цифровой экономики и относиться к процессу цифровизации положительно.

Результаты выполненного исследования позволяют утверждать, что общие и цифровые характеристики могут оказывать лишь незначительное влияние на отношение малого бизнеса к цифровой экономике, основное влияние на отношение малого бизнеса к цифровой экономике оказывают габитуальные характеристики.

Большинство респондентов, высказавших отрицательно отношение к процессу цифровизации, являются обладателями габитусов направленности диспозиции «сохранение», и их мнение практически изменить невозможно.

Необходимо обратить внимание на вторую группу, мнение которой будет стремиться к эталонному варианту при создании для этого необходимых условий, направленных на реализацию габитусов.

туальных практик, что может выражаться в реальных мероприятиях, касающихся повышения цифровых показателей и ин-

формированности о возможностях и поддержке, предоставляемых государством для развития цифровой экономики.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 11.06.2021).

2. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N 1632-р. URL: <https://base.garant.ru/71734878/> (дата обращения: 11.06.2021).

3. Подгорный Б. Б., Обозная М. В. Исследование основных акторов социального поля российской цифровой экономики: тематический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 199–209.

4. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. Курская область // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=1&ssf=46> (дата обращения: 08.06.2021).

5. Towards sustainable development via enhancing viability of small businesses through lending: a case study / A. Seisenbayeva, N. Kumar, M. Imramziyeva, S. Lapbayeva, N. Shmanova // Journal of Security and Sustainability Issues. 2020. N 10(2). P. 943–950.

6. Ellitan L. The Importance of Entrepreneurship and Information Technology for SMEs Strategic Planning // International Journal of Trend in Scientific Research and Development. 2021. Vol. 5. P. 1004–1009.

7. Goldfarb A., Tucker C. Digital Economics // Journal of Economic Literature. 2019. Vol. 57, N 1. P. 3–43.

8. Rivares B. "Like it or not? The impact of online platforms on the productivity of incumbent service providers" // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org>...publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO...2019...> (дата обращения: 18.06.2021).

9. Costa H. Are online platforms killing the offline star? Platform diffusion and the productivity of traditional firms // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org>...publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO...2019...> (дата обращения: 18.06.2021).

10. Diputra I., Arismunandar A., Jufri M. Entrepreneurial Self-Efficacy Compromising The Pros And Cons Of The Relationship Between Personality Traits And Entrepreneurial Success // Lticalural Education. 2021. Vol. 7, is. 7. P. 176–187.

11. Geibel R. The DMA and Small Business. Startup ecosystems in the US and in Germany. URL: https://www.researchgate.net/publication/353123124_The_DMA_and_Small_Business (дата обращения: 05.06.2021).

12. МСП и цифровизация: антимонопольное регулирование и перспективы для региона СНГ. Доклад для Регионального диалога ЮНКТАД-ЕЭК ООН. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/457165575.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).

13. Molotkova N. V., Khazanova D. L., Ivanova E. V. Small Business in Digital Economy // Problems of Enterprise Development: Theory and Practice. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/331785040_Small_Business_in_Digital_Economy (дата обращения: 17.06.2021).

14. Боркова Е. А., Подкатилина В. А., Завьялова П. Е. Динамика развития малого и среднего бизнеса: проблемы и перспективы // Государственный советник. 2019. № 2. С. 83–89.

15. Панфилова Е. А., Комарова С. Н. Формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровой трансформации // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29(3). С. 282–289.

16. Бондаренко И. А. Институт предпринимательства в условиях цифровизации экономической системы // Вестник Академии знаний. 2020. № 39(4). С. 104–110.

17. Лукьянова А. В. Тенденции и возможности цифровизации малого и среднего бизнеса // Евразийское научное объединение. 2019. № 6-4 (52). С. 246–251.

18. Варнакова Г. Ф. Малый бизнес на пути цифровизации экономики // *Аллея науки*. 2019. № 1(28). С. 825–828.

19. Кубикова Н. В., Хорошилова А. В. Модернизационный потенциал развития региона и механизмы управления малым предпринимательством (на примере Центрального Черноземья) // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 2. С. 28–30.

20. Варинова А. С., Павлова А. И., Кузьмина В. М. Роль малого предпринимательства в региональном развитии Курска и Курской области // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2015. № 2 (7). С. 66–68.

21. Евсеева С. А., Евсеева О. А., Кальченко О. А. Возможности цифровизации российского малого и среднего бизнеса на региональном уровне // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2019. № 1(39). С. 28–32.

22. Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Логвинова И. О. Анализ перспективных инструментов поддержки малого и среднего бизнеса в Российской Федерации // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2019. Т. 9, № 5. С. 87–102.

23. Сергеев П. В., Колмыкова Т. С., Сергеев В. П. Взаимодействие науки, бизнеса и власти в условиях цифровой трансформации экономики // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2020. Т. 10, № 4. С. 77–86.

24. Малое и среднее предпринимательство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. URL: https://kurskstat.gks.ru/changes_economy (дата обращения: 11.06.2021).

25. Podgorny B., Volokhova N. Digital Literacy Of The Population: Regional Features // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. 2020. Vol. 105. P. 696–707. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.74>.

26. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Les Editions de Minuit, 1980. 479 p.

27. Подгорный Б. Б. Социальные габитусы населения: методология и классификация: монография. Курск: Университетская книга, 2021. 226 с.

28. Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. URL: <https://kurskstat.gks.ru/population> (дата обращения: 11.06.2021)

29. Подгорный Б. Б. Российский фондовый рынок как социальное поле: монография. Курск: Университетская книга, 2018. 313 с.

30. Подгорный Б. Б. Социальные габитусы населения Курской области: структура и региональные особенности // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021. Т. 11, № 4. С. 215–225.

31. Russian digital economy as a social field. Data for the Kursk region of Russia. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/2fcff7jj82/5> (дата обращения: 08.07.2021).

References

1. O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017-2030 gody [On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030]. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203. Available at: <https://base.garant.ru/71670570/>. (accessed 11.06.2021)

2. Ob utverzhdenii programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii" [On the approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation"]. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-r. Available at: <https://base.garant.ru/71734878/>. (accessed 11.06.2021)

3. Podgorny B. B., Oboznaya M. V. Issledovanie osnovny`x aktorov social'nogo polya rossijskoj cifrovoj e`konomiki: tematicheskij analiz [Research of the main actors of the social field of the Russian digital economy: a thematic analysis]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E`konomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 199–209.

4. Kolichestvo yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimatelei, svedeniya o kotorykh sodержatsya v Edinom reestre sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva. Kurskaya oblast' [The number of legal entities and individual entrepreneurs, information about which is contained in the Unified

Register of Small and Medium-sized Businesses. Kursk region]. Edinyi reestr sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Unified Register of small and medium-sized businesses]. Available at: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=1&ssrf=46>. (accessed 08.06.2021)

5. Seisenbayeva A., Kumar N., Imramziyeva M., Lapbayeva S., Shmanova N. Towards sustainable development via enhancing viability of small businesses through lending: a case study. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2020, no. 10(2), pp. 943–950.

6. Ellitan L. The Importance of Entrepreneurship and Information Technology for SMEs Strategic Planning. *International Journal of Trend in Scientific Research and Development*, 2021, vol. 5, pp. 1004–1009.

7. Goldfarb A., Tucker C. Digital Economics. *Journal of Economic Literature*, 2019, vol. 57, no. 1, pp. 3–43.

8. Rivares B. "Like it or not? The impact of online platforms on the productivity of incumbent service providers". Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <http://www.oecd.org>...publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO...2019...> (accessed 18.06.2021)

9. Costa H. Are online platforms killing the offline star? Platform diffusion and the productivity of traditional firms. Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <http://www.oecd.org>...publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO...2019...> (accessed 18.06.2021)

10. Diputra I., Arismunandar A., Jufri M. Entrepreneurial Self-Efficacy Compromising The Pros And Cons Of The Relationship Between Personality Traits And Entrepreneurial Success. *Lticultural Education*, 2021, vol. 7, is. 7, pp. 176–187.

11. Geibel R. The DMA and Small Business. Startup ecosystems in the US and in Germany. Available at: https://www.researchgate.net/publication/353123124_The_DMA_and_Small_Business. (accessed 05.06.2021)

12. MSP i cifrovizaciya: antimonopol'noe regulirovanie i perspektivy` dlya regiona SNG. Doklad dlya Regional'nogo dialoga YuNKTAD-EE`K OON [SMEs and digitalization: antimonopoly regulation and prospects for the CIS region. Report for the UNCTAD-UNECE Regional Dialogue]. Available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/457165575.pdf>. (accessed 05.06.2021)

13. Molotkova N. V., Khazanova D. L., Ivanova E. V. Small Business in Digital Economy. Problems of Enterprise Development: Theory and Practice. 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331785040_Small_Business_in_Digital_Economy. (accessed 17.06.2021)

14. Borkova E. A., Podkatilina V. A., Zavyalova P. E. Dinamika razvitiya malogo i srednego biznesa: problemy` i perspektivy [Dynamics of development of small and medium-sized businesses: problems and prospects]. *Gosudarstvenny`j sovetnik = State Adviser*, 2019, no. 2, pp. 83–89.

15. Panfilova E. A., Komarova S. N. Formy` podderzhki sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva v usloviyax cifrovoy transformacii [Forms of support for small and medium-sized businesses in the conditions of digital transformation]. *Estestvenno-gumanitarny`e issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*, 2020, no. 29(3), pp. 282–289.

16. Bondarenko I. A. Institut predprinimatel'stva v usloviyax cifrovizacii e`konomicheskoy sistemy` [Institute of Entrepreneurship in the conditions of digitalization of the economic system]. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2020, no. 39(4), pp. 104–110.

17. Lukyanova A.V. Tendencii i vozmozhnosti cifrovizacii malogo i srednego biznesa [Trends and opportunities of digitalization of small and medium-sized businesses]. *Evrazijskoe nauchnoe ob`edinenie = Eurasian Scientific Association*, 2019, no. 6-4 (52), pp. 246–251.

18. Varnakova G. F. Maly`j biznes na puti cifrovizacii e`konomiki [Small business on the way of digitalization of the economy]. *Nauchno-prakticheskij e`lektronny`j zhurnal Alleya Nauki = Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science*, 2019, no. 1(28), pp. 825–828.

19. Kubikova N. V., Khoroshilova A.V. Modernizacionny`j potencial razvitiya regiona i mexanizmy` upravleniya maly`m predprinimatel'stvom (na primere Central'nogo Chernozem`ya) [Modernization potential of the region's development and mechanisms of small business management (on the example of the Central Chernozem region)]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2017, no. 2, pp. 28–30.

20. Varinova A. S., Pavlova A. I., Kuzmina V. M. Rol' malogo predprinimatel'stva v regional`nom razvitii Kurska i Kurskoj oblasti [The role of small entrepreneurship in the regional development of Kursk and the Kursk region]. *Innovacionnaya e`konomika: perspektivy` razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, 2015, no. 2 (7), pp. 66–68.

21. Evseeva S. A., Evseeva O. A., Kalchenko O. A. Vozmozhnosti cifrovizacii rossijskogo malogo i srednego biznesa na regional`nom urovne [Possibilities of digitalization of Russian small and medium-

sized businesses at the regional level]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: E'konomika, finansy i upravlenie proizvodstvom = Proceedings of Higher Educational Institutions. The Series: Economics, Finance and Production Management*, 2019, no. 1(39), pp. 28–32.

22. Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S., Logvinova I. O. Analiz perspektivny`x instrumentov podderzhki malogo i srednego biznesa v Rossijskoj Federacii [Analysis of promising tools for supporting small and medium-sized businesses in the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 87–102.

23. Sergeev P. V., Kolmykova T. S., Sergeev V. P. Vzaimodejstvie nauki, biznesa i vlasti v usloviyax cifrovoj transformacii e'konomiki [Interaction of science, business and government in the conditions of digital transformation of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 77–86.

24. Maloe i srednee predprinimatel'stvo [Small and medium-sized enterprises]. Territorial'ny`j organ Federal'noj sluzhby` gosudarstvennoj statistiki po Kurskoj oblasti [Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kursk region]. Available at: https://kurskstat.gks.ru/changes_economy. (accessed 11.06.2021)

25. Podgorny B., Volokhova N. Digital Literacy Of The Population: Regional Features. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*, 2020, vol. 105, pp. 696–707. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.74>

26. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris, Les Editions de Minuit, 1980. 479 p.

27. Podgorny B. B. Social'ny'e gabitusy` naseleniya: metodologiya i klassifikaciya [Social habits of the population: methodology and classification]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2021. 226 p.

28. Naselenie [Population]. Territorial'ny`j organ Federal'noj sluzhby` gosudarstvennoj statistiki po Kurskoj oblasti [Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kursk region]. Available at: <https://kurskstat.gks.ru/population>. (accessed 11.06.2021)

29. Podgorny B. B. Rossijskij fondovyj rynek kak social'noe pole [The Russian stock market as a social field]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2018. 328 p.

30. Podgorny B. B. Social'ny'e gabitusy` naseleniya Kurskoj oblasti: struktura i regional'ny'e osobennosti [Social habits of the population of the Kursk region: structure and regional features]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 215–225.

31. Russian digital economy as a social field. Data for the Kursk region of Russia. Available at: <https://data.mendeley.com/datasets/2fcff7jj82/5>. (accessed 08.07.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Подгорный Борис Борисович, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: b.podgorny46@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2972-3603,
Scopus Author ID: 56179962200,
Researcher ID: G-5862-2016

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: b.podgorny46@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2972-3603,
Scopus Author ID: 56179962200,
Researcher ID: G-5862-2016

Обозная Мария Владимировна, социолог научно-образовательного межвузовский центра социальной теории и инновационных технологий, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: manayoboz@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1122-0397

Mariya V. Oboznaya, Sociologist of the Scientific and Educational Interuniversity Center for Social Theory and Innovative Technologies, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: manayoboz@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1122-0397

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-220-229>**Модель удовлетворения потребностей в экономике,
ориентированной на человека****С. И. Насырова^{1,2}** ✉

¹ Институт развития образования Республики Башкортостан
ул. Мингажева 120, г. Уфа 450005, Российская Федерация

² Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди 32, г. Уфа 450076, Российская Федерация

✉ e-mail: svitland1@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Потребности человека на протяжении длительного периода времени находятся в фокусе пристального внимания ученых. При этом в настоящее время приходит осознание того, что потребление навязанных товаров и услуг ведет к перепотреблению, что никак не связано с объективно необходимыми потребностями человека. В рамках данного исследования потребности и возможность их полноценного удовлетворения лежат в «плоскости» экономики, в центре внимания которой должен находиться человек. Соответственно, актуализируется задача исследования процесса удовлетворения объективно необходимых потребностей в экономике, ориентированной на человека.

Цель – определить процесс взаимодействия компонентов экономики, ориентированной на человека, в процессе удовлетворения объективно необходимых потребностей человека.

Задачи: сформировать базовую цепочку взаимодействующих элементов в человеко-ориентированной экономике в процессе удовлетворения потребностей человека; определить уровни удовлетворения человеческих потребностей; выявить направления оценки результата функционирования человеко-ориентированной экономики.

Методология. Для исследования использовались следующие методы научного познания: контент-анализ, универсальная схема взаимодействия.

Результаты. Разработана модель удовлетворения потребностей в человеко-ориентированной экономике; сформирована универсальная схема взаимодействия элементов в человеко-ориентированной экономике через процесс удовлетворения потребностей человека в результате взаимодействия человеческих, материальных, информационных ресурсов в рамках производства благ; идентифицированы три уровня удовлетворения потребностей: базовый, минимальный, максимальный; обозначена необходимость применения в рамках модели удовлетворения потребностей в человеко-ориентированной экономике обратной связи (через субъективную и объективную оценку).

Выводы. Полученные результаты исследования раскрывают направления работы в перспективе: субъективная оценка степени удовлетворения потребностей населения посредством опроса; объективная оценка развития ключевых сфер человеко-ориентированной экономики посредством обработки статистической информации. Практическая ценность работы – результаты исследования могут служить основанием для разработки комплекса мер, управленческих механизмов, направленных на формирование и развитие базовых сфер человеко-ориентированной экономики и экономики в целом.

Ключевые слова: человеко-ориентированная экономика; удовлетворение потребностей; универсальная схема взаимодействия; обратная связь; субъективная оценка; объективная оценка.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Насырова С. И. Модель удовлетворения потребностей в экономике, ориентированной на человека // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 220–229. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-220-229>.

Поступила в редакцию 07.08.2021

Принята к публикации 02.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Насырова С. И., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 220–229

Model of Satisfaction of Needs in a Human-Oriented Economy

Svetlana I. Nasyrova^{1,2} ✉

¹ Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan
120 Mingazheva str., Ufa 450005, Russian Federation

² Bashkir State University
32 Zaki Validi str., Ufa 450076, Russian Federation

✉ e-mail: svitland1@rambler.ru

Abstract

Relevance. Human needs have been the focus of attention of scientists for a long period of time. At the same time, the realization is now coming that the consumption of goods and services leads to overconsumption, which is in no way connected with the objectively necessary human needs. Within the framework of this study, the needs and the possibility of their full satisfaction lie in the «plane» of the economy, the focus of which should be on the person. Accordingly, the task of studying the process of satisfying objectively necessary needs in a human-oriented economy is being actualized.

The purpose is to determine the process of interaction between the components of a human-oriented economy in the process of satisfying objectively necessary human needs.

Objectives: to form a basic chain of interacting elements in a human-oriented economy in the process of meeting human needs; to determine the levels of satisfaction of human needs; to identify directions for assessing the result of the functioning of a human-oriented economy.

Methodology. For the study, the following methods of scientific knowledge were used: content analysis, a universal scheme of interaction.

Results. A model has been developed to meet the needs in a human-oriented economy; a universal scheme of interaction of elements in a human-oriented economy has been formed through the process of satisfying human needs as a result of the interaction of human, material, information resources within the framework of the production of goods; three levels of satisfaction of needs are identified: basic, minimum, maximum; the necessity of applying feedback (through subjective and objective assessment) within the framework of the model of satisfying needs in a human-oriented economy is indicated.

Conclusions. The obtained results of the study reveal the directions of work in the future: subjective assessment of the degree of satisfaction of the needs of the population through a survey; an objective assessment of the development of key areas of a human-centered economy through the processing of statistical information. The practical value of the work is the results of the study can serve as a basis for the development of a set of measures, management mechanisms aimed at the formation and development of the basic spheres of a human-oriented economy and the economy as a whole.

Keywords: human-oriented economy; satisfaction of needs; universal scheme of interaction; feedback; subjective assessment; objective assessment.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Nasyrova S. I. Model of Satisfaction of Needs in a Human-Oriented Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 220–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-220-229>.

Received 07.08.2021

Accepted 02.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Потребности человека на протяжении длительного периода времени были и остаются в фокусе пристального внимания многочисленных исследователей (К. Обуховский [1], Г. Мюррей [2], К. Маркс, Ф. Энгельс [3], К. Альдерфер [4] и др.). Актуальность и злободневность

данной тематики предопределили ее междисциплинарный характер, в результате чего исследованием потребностей занимались психологи, экономисты, педагоги, маркетологи, социологи и др. Несомненно, большой вклад в развитие данного направления внес американский психолог А. Маслоу [5], выстроив иерархию потребностей человека.

Представители научного сообщества пытались понять истоки потребностей человека и выстроить универсальную их типологию, в результате чего применительно к каждому виду потребностей имеются исследования относительно их сущности, направлений удовлетворения и т. п. При этом ценность удовлетворения потребностей в зависимости от их вида находит отражение в работах многих ученых. Несколькими яркими примерами продемонстрируем данное утверждение.

Так, например, ряд авторов предполагают, что ценность благ, удовлетворяющих физиологические потребности, с течением времени меняется; это определяется, прежде всего, возможностью быстрого удовлетворения этих потребностей; как только потребность удовлетворена, достигнута, она больше не воспринимается как положительный фактор для достижения общего уровня удовлетворения, счастья [6], при этом их недостаток стремительно с отрицательным уклоном сказывается на последнем.

Также актуальной в настоящее время становится потребность в безопасности [7; 8]. Данный аспект сегодня выходит на первые позиции, и необходимость ее полноценного удовлетворения только растет, особенно злободневным данный вопрос становится в условиях пандемии коронавирусной инфекции [9].

Подобных примеров можно привести множество, но стоит отметить, что не только видовое многообразие вызывает дискуссию. Источник потребностей также интересует исследователей. Наиболее известная полемика касается того, что ряд авторов придерживается мнения о врожденности потребностей человека [10], в то время как другие утверждают, что потребности приобретаются с течением времени [11]. С нашей же точки зрения, в человеке происходит совмещение врожденных и приобретенных потребностей, при этом суть их проистекает из тройственной природы человека, включающей в себя биологический, со-

циальный и мыслительный аспекты. Автором отстаивается мнение о том, что потребности исходят из сущности, природы человека, формируются внутри него.

В настоящее время приходит осознание того, что человечество настроено на бессмысленное потребление товаров и услуг, постоянно навязываемых маркетологами. Данную ситуацию нужно менять кардинально. Так, министр обороны России Сергей Шойгу в интервью журналу «Вокруг света» высказался о необходимости прекращения безудержного потребления и сдерживания гонки потребительства. Соответственно, с нашей точки зрения, должно преобладать рациональное потребление тех благ, которые становятся объективно необходимы человеку, исходя из его природы, при этом в соответствии с современной реальностью.

В свете вышесказанного становится актуальным непосредственная оценка степени удовлетворения потребностей человека, ее измерения, чему уделено меньше внимания в работах ученых. В основном в исследованиях [12; 13; 14; 15] данное направление реализуется посредством субъективной оценки людей через их тестирование, анкетирование, опрос и т. п.; реже встречаются исследования с помощью оценки статистических данных [16; 17; 18], что и оправданно, поскольку не все потребности можно оценить подобным образом.

В целом отметим, что в рамках данного исследования потребности и возможность их полноценного удовлетворения лежат в «плоскости» экономики, в центре внимания которой должен находиться человек. Соответственно, актуализируется задача исследования процесса удовлетворения потребностей в экономике, ориентированной на человека¹.

¹ В контексте работы «экономика, ориентированная на человека», «человеко-ориентированная экономика», «человеко-центричная экономика» будут приниматься как синонимы.

Таким образом, гипотеза исследования предполагает, что построение модели процесса удовлетворения человеческих потребностей в рамках человекоцентричной экономики даст понимание направлений развития данной экономической системы в целом и каждого человека в отдельности.

Материалы и методы

Целью данного исследования является определение процесса взаимодействия компонентов экономики, ориентированной на человека, в процессе удовлетворения объективно необходимых потребностей человека.

Исходя из поставленной цели задачами исследования являются:

- формирование базовой цепочки взаимодействующих элементов в человеко-ориентированной экономике в процессе удовлетворения потребностей человека;
- определение уровней удовлетворения человеческих потребностей;
- выявление направлений оценки результата функционирования человеко-ориентированной экономики.

Объект исследования (челоцентричная экономика) можно представить в виде процесса, обусловленного взаимодействием его составных компонентов. Данный процесс можно отобразить с помощью универсальной схемы взаимодействия [19, с. 77], изначально предложенной для представления экологических систем Ю. Одумом [20].

Универсальная схема взаимодействия базируется на следующих базовых категориях: процесс, источник энергии, элементы, взаимодействие, результат и эффект.

Применение указанного метода категориально-системной методологии в рамках познания объекта исследования будет происходить с помощью простой универсальной схемы взаимодействия.

Результаты и их обсуждение

Разберем базовые категории универсальной схемы взаимодействия применительно к экономике, ориентированной на человека, представленной в виде механизма взаимодействия элементов в рассматриваемой экономической системе (рис.):

1. *Процесс*. В качестве процесса в данной модели рассматривается механизм взаимодействия элементов системы, в ходе которого человекоцентричная экономика преобразуется, наделяется новым качеством. В данном случае в качестве процесса в «Универсальной схеме взаимодействия» будет рассматриваться процесс удовлетворения потребностей человека.

2. *Источник энергии*. Под источником энергии подразумеваем потенциал, который необходим для начала процесса преобразования рассматриваемой экономической системы. В рамках данной модели в качестве источника энергии выступают разнообразные потребности человека, удовлетворение которых является основой для формирования человекоцентричной экономики.

Источником энергии, первопричиной формирования и развития человекоцентричной экономики являются разнообразные потребности человека. Широта потребностей индивида в рамках его жизнедеятельности констатирует факт переплетения многочисленных сфер экономики, отвечающих за непосредственное удовлетворение потребностей. При этом потребности человека постоянно подвергаются трансформационным процессам, актуальность объективно необходимых потребностей человека меняется со временем. В результате вышесказанного отметим, что элемент «потребность» является побудительным мотивом, первопричиной формирования объекта исследования, который предполагает синтез междисциплинарных аспектов в рамках экономической системы и ориентирует на полноценное функционирование человека и его развитие.

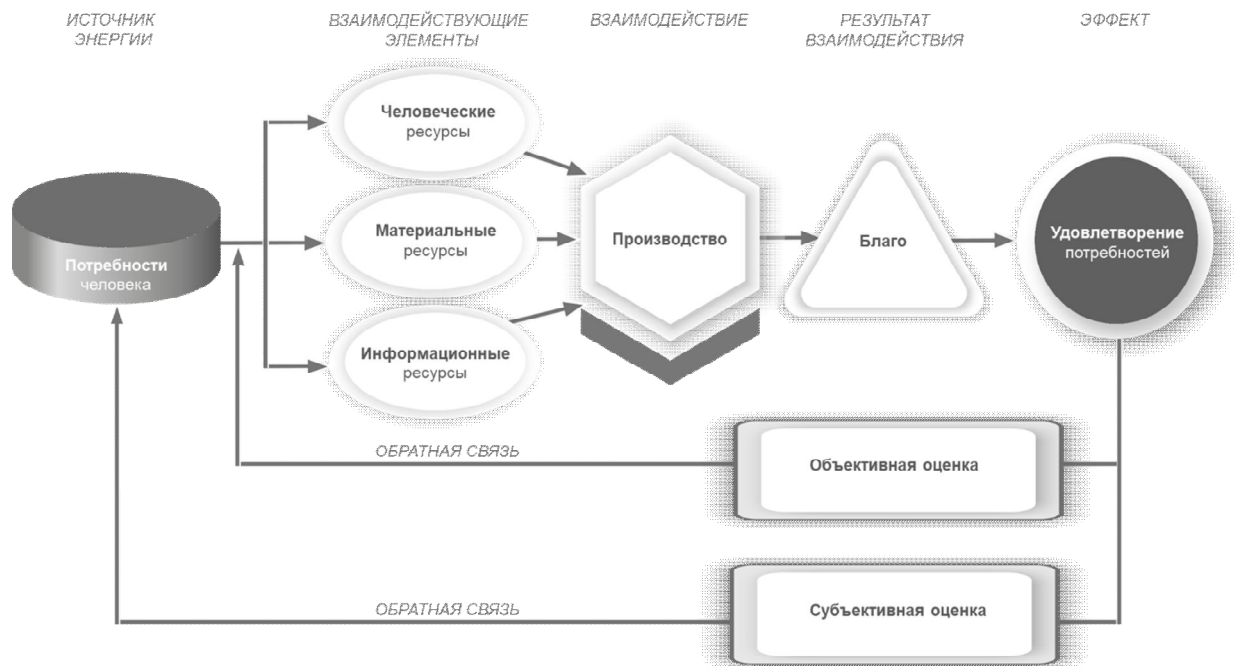

Рис. Модель удовлетворения потребностей в экономике, ориентированной на человека

3. *Элементы.* В качестве элементов рассматриваются структурные части системы, которые взаимодействуют друг с другом. Применительно к экономике, ориентированной на человека, в качестве таких элементов выступают три вида ресурсов, необходимых для обеспечения производственного процесса: человеческие, материальные, информационные. В роли взаимодействующих элементов выступают ресурсы экономической системы, которые преобразуются в процессе производства в блага, удовлетворяющие потребности человека. Выделение ресурсов и их непосредственное взаимодействие предполагают получение определенного результата на выходе в виде различных благ. При этом акцентирование внимания на взаимодействующих элементах дает базу для программирования необходимого результата для более полноценного удовлетворения потребностей человека (получения положительного эффекта).

4. *Взаимодействие.* Следующей базовой категорией «Универсальной схемы

взаимодействия» является понятие «взаимодействие», которое характеризуется специфической реакцией между соответствующими элементами системы. В отношении объекта исследования под взаимодействием будем понимать сам процесс производства определенных благ, с помощью которых могут удовлетворяться потребности человека, производство как процесс преобразования взаимодействующих элементов, ресурсов.

5. *Результат.* Результат является следующей базовой категорией данного метода, который представляет собой продукт взаимодействия элементов, в качестве которого выступают разнообразные блага.

6. *Эффект.* Завершающей категорией является эффект, который отражает последствие от результата взаимодействия. В данном случае эффектом становится удовлетворение потребностей с помощью определенных благ.

Простая универсальная схема взаимодействия позволяет понять сущность, природу человеко-ориентированной экономи-

ки, построенной на основе потребностей человека, указывая на первичность последних в экономической системе.

Универсальная схема взаимодействия экономики, ориентированной на человека, позволяет определить, проанализировать и спрогнозировать вероятность получения положительного эффекта (наиболее полного удовлетворения по-

требностей) в результате взаимодействия элементов экономической системы.

Отметим, что удовлетворение потребностей человека не является завершающим звеном в жизнедеятельности человека. Как правило, индивид оценивает уровень удовлетворения через определение соотношения желаемого и реального удовлетворения потребностей (табл.).

Таблица. Уровни удовлетворения потребностей человека

Соотношение желаемого и реального удовлетворения потребностей	Уровни удовлетворения
Желаемое = Реальное	Базовый уровень удовлетворения
Желаемое > Реальное (значительный разрыв)	Минимальный уровень удовлетворения
Желаемое > Реальное (незначительный разрыв)	Базовый уровень удовлетворения
Желаемое < Реальное (значительный разрыв)	Максимальный уровень удовлетворения
Желаемое < Реальное (незначительный разрыв)	Базовый уровень удовлетворения

Именно уровень удовлетворения потребностей формирует актуальную обратную связь.

Достижение базового уровня удовлетворения потребностей способствует сохранению траектории развития экономики, ориентированной на человека, тогда как максимальный и минимальный уровни требуют ее корректировки, видоизменения или формирования новых потребностей человека, отказа от ряда потребностей.

Наличие обратной связи в представленной модели, разработанной с помощью метода «Универсальная схема взаимодействия», дает возможность корректировки потребностей человека с точки зрения актуализации «заказа» для человеко-центричной экономики. Данная необходимость обуславливается эффектом, получаемым от потребления определенных благ.

Простая универсальная схема взаимодействия элементов в экономике, ориентированной на человека, дает возможность идентификации процессов, протекающих в рассматриваемой экономической системе, с возможностью оценки получаемых эффектов, их регулирования в результате добавления обратной связи и

выстраивания развернутой универсальной схемы взаимодействия.

Отметим, что дальнейший круг формирования и удовлетворения потребностей должен быть обеспечен после получения актуальной обратной связи (оценки уровня удовлетворенности человека).

При этом в рамках данного исследования нами предлагается соединение двух подходов – субъективной и объективной оценки.

Субъективный подход направлен на оценку степени удовлетворенности человека в результате потребления определенного блага. Предполагается, что данная оценка будет проведена с помощью метода парных сравнений в результате социологического опроса по аналогии с методикой В. В. Скворцова в модификации И. А. Акиндиновой. Указанная методика ориентирована на диагностику степени удовлетворения основных потребностей: материальных потребностей, потребностей в безопасности, социальных межличностных потребностей, потребностей в признании и самовыражении. Модификация методики будет произведена с точки зрения потребностей, актуальных

для человеко-ориентированной экономики: потребности организма как биологического существа, потребности в материальных товарах, потребности в услугах, потребности в социальном взаимодействии, потребности в информации, потребности в цифровых продуктах, потребности в идеях, потребности в новых знаниях. Данная итерация позволит выявить приоритетность в направлениях удовлетворения потребностей людей и необходимости развития соответствующих сфер человеко-ориентированной экономики.

Объективный подход направлен на оценку развития ключевых сфер экономики, ориентированной на человека, посредством статистических данных. Ориентация на подобный подход дает понимание формирования и развития данной экономической системы, избегая ее перекосов для достижения ее гармоничного развития с учетом того, что на предыдущих этапах исследования автором разработаны сценарии оптимального развития с ориентацией на основные сферы человеко-центричной экономики (природной сферы, материальной сферы, сферы услуг, социальной сферы, инфосферы, цифровой сферы, креатосферы и когнитивной сферы).

Объективная оценка существующей ситуации в человеко-ориентированной экономике с корректировкой на субъективную точку зрения потребителей в сумме дает возможность определить состояние данной экономической системы с точки зрения ее составляющих элементов (сфер) и сформировать направления их развития.

Таким образом, простая универсальная схема взаимодействия демонстрирует базовые установки формирования экономических отношений в рамках экономики, ориентированной на человека, которые выстраиваются на базе удовлетворения объективно необходимых потребностей человека.

Исходя из вышесказанного перспективными исследовательскими направлениями в краткосрочном плане являются: проведение опроса с целью выявления субъективной оценки степени удовлетворения потребностей населения; статистическая оценка развития ключевых сфер человеко-ориентированной экономики.

Выводы

В процессе данного исследования применение метода «Универсальная схема взаимодействия» категориально-системной методологии позволило получить следующие результаты:

– во-первых, разработана модель удовлетворения потребностей в экономике, ориентированной на человека, посредством универсальной схемы взаимодействия;

– во-вторых, обоснована простая универсальная схема взаимодействия элементов в экономике, ориентированной на человека, базирующаяся на выстраивании процесса удовлетворения потребностей индивида через взаимодействие ресурсов (человеческих, материальных, информационных) в рамках производства благ;

– в-третьих, разработаны уровни удовлетворения потребностей (базовый, минимальный, максимальный);

– в-четвертых, аргументирована необходимость применения в рамках универсальной схемы взаимодействия элементов обратной связи (через субъективную и объективную оценку), которая информирует об уровне удовлетворения потребностей человека.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в процессе выстраивания комплекса мер по стимулированию формирования и развития как отдельных сфер человеко-ориентированной экономики, так и в целом экономики как системного объекта.

Список литературы

1. Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1971. 132 с.
2. Murray H. A. Explorations in Personality. New York: Oxford University Press, 1938. 790 p.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955-1981.
4. Alderfer C. P. An empirical test of a new theory of human needs // *Organizational behavior and human performance*. 1969. Vol. 4, is. 2. P. 142-175.
5. Maslow A. H. A theory of human motivation // *Psychological Review*. 1943. Vol. 50, no. 4. P. 370-396. <https://doi.org/10.1037/h0054346>.
6. Коо К. J., Им J. Y., Чои S. G. Determinants of happiness: Reevaluating the role of income and capability // *Korean Public Administration Review*. 2014. Vol. 48, no. 2. P. 317-339.
7. Карпунина Е. К., Бакалова Т. В., Астахин А. С. Новый формат потребительской ценности в цифровой экономике: от предотвращения угроз безопасности к реализации новых возможностей // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2019. Т. 9, № 6. С. 67-77.
8. Seo J. H. An Exploratory Study on the Safety Needs as a Motivation of Citizen's Safe Behavior: Based on Maslow's Hierarchy Theory of 5 Basic Needs // *Korean review of crisis and emergency management*. 2015. Vol.11, N 6. P. 207-225.
9. Matias T., Dominski F. H., Marks D. F. Human needs in COVID-19 isolation // *Journal of Health Psychology*. 2020. Vol. 25, is. 7. P. 871-882. <https://doi.org/10.1177/1359105320925149>.
10. Deci E. L., Ryan R. M. The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // *Psychological Inquiry*. 2000. Vol. 11, N 4. P. 227-268. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1104_01.
11. McClelland D. C. Toward a theory of motive acquisition // *American Psychologist*. 1965. Vol. 20, N 5. P. 321-333. <https://doi.org/10.1037/h0022225>.
12. Perspectives on Community Well-Being / Y. Kee, S. J. Lee, R. Phillips [et. al.] // *Community Quality-of-Life and Well-Being*, 2019. 224 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15115-7>.
13. Taormina R. J., Gao J. H. Maslow and the Motivation Hierarchy: Measuring Satisfaction of the Needs // *The American Journal of Psychology*. 2013. Vol. 126, N 2. P. 155-177. <https://doi.org/10.5406/amerjpsyc.126.2.0155>.
14. Малофеев И. В. Оценка удовлетворения потребностей пожилых людей и инвалидов в предоставлении социальных услуг // *Социальная политика и социология*. 2012. № 1. С. 48-55.
15. Johnston M. M., Finney S. J. Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale // *Contemporary Educational Psychology*. 2010. Vol. 35, N 4. P. 280-296. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2010.04.003>.
16. Березнев С. В., Кудреватых Н. В. Оценка уровня удовлетворения физиологических потребностей населения в продуктах питания // *Региональная экономика: теория и практика*. 2011. № 36. С. 54-62.
17. Чернова Т. В. Статистическая оценка степени удовлетворения потребности населения регионов РФ в приобретении нового жилья // *Актуальные проблемы современной экономики. Математические методы, модели и информационные технологии: сборник докладов XVIII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых / Таганрогский институт управления и экономики. Таганрог, 2017. С. 9-14.*
18. Кремлев Н. Д. Инструмент измерения степени удовлетворения потребностей населения региона // *Оценка социально-экономического развития: опыт и перспективы: сборник тезисов докладов и выступлений III Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых / Донецкий национальный университет. Донецк, 2019. С. 24-29.*
19. Боуш Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). М.: ИНФРА-М, 2020. 227 с.
20. Одум Ю. Экология: в 2 т. М.: Мир, 1986. 656 с.

References

1. Obukhovskiy K. *Psikhologiya vlechenii cheloveka* [Psychology of human drives]. Moscow, Progress Publ., 1971. 132 p.
2. Murray H. A. *Explorations in Personality*. New York, Oxford University Press, 1938. 790 p.
3. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Complete Works]. 2nd ed. Moscow, State-Publishing House of Political Literature, 1955-1981.
4. Alderfer C. P. An empirical test of a new theory of human needs. *Organizational behavior and human performance*, 1969, vol. 4, is. 2, pp. 142-175.
5. Maslow A. H. A theory of human motivation. *Psychological Review*, 1943, vol. 50, no. 4, pp. 370-396. <https://doi.org/10.1037/h0054346>
6. Koo K. J., Im J. Y., Choi S. G. Determinants of happiness: Reevaluating the role of income and capability. *Korean Public Administration Review*, 2014, vol. 48, no. 2, pp. 317-339.
7. Karpunina E. K., Bakalova T. V., Astakhin A. S. Novyi format potrebitel'skoi tsennosti v tsifrovoi ekonomike: ot predotvrashcheniya ugroz bezopasnosti k realizatsii novykh vozmozhnostei [A new format of consumer value in the digital economy: from the prevention of security threats to the implementation of new features]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 6, pp. 67-77.
8. Seo J. H. An Exploratory Study on the Safety Needs as a Motivation of Citizen's Safe Behavior: Based on Maslow's Hierarchy Theory of 5 Basic Needs. *Korean review of crisis and emergency management*, 2015, vol. 11, no. 6, pp. 207-225.
9. Matias T., Dominski F. H., Marks D. F. Human needs in COVID-19 isolation. *Journal of Health Psychology*, 2020, vol. 25, is. 7, pp. 871-882. <https://doi.org/10.1177/1359105320925149>.
10. Deci E. L., Ryan R. M. The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, vol. 11, no. 4, pp. 227-268. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1104_01
11. McClelland D. C. Toward a theory of motive acquisition. *American Psychologist*, 1965, vol. 20, no. 5, pp. 321-333. <https://doi.org/10.1037/h0022225>
12. Kee Y., Lee S. J., Phillips R., eds. *Perspectives on Community Well-Being. Community Quality-of-Life and Well-Being*, 2019. 224 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15115-7>
13. Taormina R. J., Gao J. H. Maslow and the Motivation Hierarchy: Measuring Satisfaction of the Needs. *The American Journal of Psychology*, 2013, vol. 126, no. 2, pp. 155-177. <https://doi.org/10.5406/amerjpsyc.126.2.0155>
14. Malofeev I. V. Otsenka udovletvoreniya potrebnosti pozhilykh lyudei i invalidov v pre-dostavlenii sotsial'nykh uslug [Assessment of meeting the needs of older people and people with disabilities in the provision of social services]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social Policy and Sociology*, 2012, no. 1, pp. 48-55.
15. Johnston M. M., Finney S. J. Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale. *Contemporary Educational Psychology*, 2010, vol. 35, no. 4, pp. 280-296. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2010.04.003>
16. Bereznev S. V., Kudrevatykh N. V. Otsenka urovnya udovletvoreniya fiziologicheskikh potrebnosti naseleniya v produktakh pitaniya [Assessment of the level of satisfaction of the physiological needs of the population in food]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2011, no. 36, pp. 54-62.
17. Chernova T. V. [Statistical assessment of the degree of satisfaction of the needs of the population of the regions of the Russian Federation in the acquisition of new housing]. Aktual'nye problemy sovremennoi ekonomiki. Matematicheskie metody, modeli i informatsionnye tekhnologii. Sbornik dokladov XVIII nauchno-prakticheskoi konferentsii преподаvatelei, studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Actual problems of the modern economy. Mathematical methods, models and information technologies. Collection of reports of the XVIII scientific-practical conference of teachers, students, graduate students and young scientists]. Taganrog, Taganrog Management and Economics Institute Publ., 2017, pp. 9-14. (In Russ.)

18. Kremlin N.D. [A tool for measuring the degree of satisfaction of the needs of the population of the region]. Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: opyt i perspektivy. Sbornik tezisov dokladov i vystuplenii III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh [Assessment of socio-economic development: experience and prospects. Collection of abstracts of reports and speeches of the III International scientific-practical conference of students and young scientists]. Donetsk, Donetsk National University Publ., 2019, pp. 24-29. (In Russ.)

19. Boush G. D. Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidatskikh i doktorskikh dissertatsiyakh) [Methodology of scientific research (in Phd and doctoral dissertations)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 227 p.

20. Odum Y. Ekologiya [Ecology]. Moscow, Peace Publ., 1986. 656 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Насырова Светлана Ирековна, кандидат экономических наук, проректор по научной и инновационной работе, Институт развития образования Республики Башкортостан, доцент кафедры управления проектами и маркетинга, Башкирский государственного университета, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: svitland1@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-4101-755x

Svetlana I. Nasyrova, Candidate of Economic Sciences, Vice-Rector for Research and Innovation of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan, Associate Professor of the Department of Project Management and Marketing, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: svitland1@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-4101-755x

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-230-242>**Индивидуальное предприятие «Праздничное агентство»
и механизм его продвижения на рынке региональных
социокультурных услуг****Е. В. Матвеева¹ ✉, Л. С. Хабибулина¹**

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры
ул. Терешковой 1, г. Улан-Удэ 670031, Российская Федерация

✉ e-mail: moniket@yandex.ru

Резюме

Актуальность предпринятого исследования состоит в анализе экономических и педагогических факторов в деятельности коммерческого предприятия, функционирующего на рынке социально-культурных услуг муниципального образования. В наше время воспитанием и просвещением населения могут заниматься различные агенты, их профессиональная деятельность закрепляется законодательно. В результате на рынке социокультурных услуг возникает конкуренция муниципальных и коммерческих досуговых предложений для населения.

Целью исследования является анализ условий реализации услуги детского и семейного праздника и его продвижение на рынок коммерческим агентством, осуществляющим свою профессиональную деятельность в муниципальном образовании сибирского города.

Задачи. Среди исследуемых задач можно отметить такие, как исследование механизма продвижения праздничного агентства на рынок социокультурных услуг малого города, включающего такие компоненты маркетинга, как изучение рынка услуг и имеющихся конкурентов, анализ сегмента потребителей услуг, изучение спроса и предложения на услугу и разработки услуги «под ключ».

Методология. Ведущим эмпирическим методом исследования стало анкетирование жителей г. Тулуна Иркутской области и специалистов сферы культуры, занятых в профессиональной сфере eventing.

Результаты. Практическая значимость предпринятого исследования состоит в том, что полученные в его ходе результаты позволят другим субъектам рынка социокультурных услуг обеспечить устойчивый механизм функционирования, тем самым способствовать расширению ассортимента услуги праздника и улучшению ее качества.

Выводы исследования строятся на необходимости внедрения на рынок социально-культурных услуг города Тулуна Иркутской области широкой тематики праздничных мероприятий для детей всех возрастных групп, а также праздников инклюзивного характера для детей с особыми потребностями.

Предполагается, что за счет внимания к детям с особыми потребностями и реализации праздников в партнерстве с муниципальными учреждениями агентство детского праздника как объект данного исследования получит неоспоримые преимущества в продвижении своей услуги на рынке праздничных услуг города.

Ключевые слова: услуга; маркетинг; агентство праздника; региональный рынок; детский досуг.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Матвеева Е. В., Хабибулина Л. С. Индивидуальное предприятие «Праздничное агентство» и механизм его продвижения на рынке региональных социокультурных услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 230–242. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-230-242>.

Поступила в редакцию 07.08.2021

Принята к публикации 03.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Матвеева Е. В., Хабибулина Л. С., 2021

Individual Enterprise "Holiday Agency" and the Mechanism of its Promotion in the Market of Regional Socio-Cultural Services

Elena V. Matveeva¹ ✉, Larisa S. Khabibulina¹

¹ East Siberian State Institute of Culture
1 Tereshkova str., Ulan-Ude 670031, Russian Federation

✉ e-mail: moniket@yandex.ru

Abstract

The relevance of the undertaken research consists in the analysis of economic and pedagogical factors in the activities of a commercial enterprise operating in the market of socio-cultural services of a municipal formation. Nowadays, various agents can engage in the education and enlightenment of the population, their professional activities are fixed by law. As a result, the competition of municipal and commercial leisure offers for the population arises in the market of socio-cultural services.

The purpose of the study is to analyze the conditions for the implementation of the service of a children's and family holiday and its promotion to the market by a commercial agency that carries out its professional activities in the municipality of a Siberian city.

Objectives. Among the studied tasks, we can note such as the study of the mechanism of promotion of a holiday agency to the market of socio-cultural services of a small city, including such marketing components as the study of the service market and existing competitors, the analysis of the segment of service consumers, the study of supply and demand for the service and the development of a turnkey service.

Methodology. The leading empirical method of the study was a survey of residents of Tulun, Irkutsk region, and specialists in the field of culture engaged in the professional field of eventing.

Results. The practical significance of the undertaken research is that the results obtained during it will allow other subjects of the market of socio-cultural services to provide a stable mechanism of functioning, thereby contributing to the expansion of the range of holiday services and improving its quality.

The conclusions of the study are based on the need to introduce a wide range of festive events for children of all age groups, as well as inclusive holidays for children with special needs to the market of social and cultural services in the city of Tulun, Irkutsk region.

It is assumed that due to the attention to children with special needs and the implementation of holidays in partnership with municipal institutions, the children's holiday agency, as the object of this study, will receive undeniable advantages in promoting its services in the city's holiday services market.

Keywords: service; marketing; holiday agency; regional market; children's leisure.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Matveeva E. V., Khabibulina L. S. Individual Enterprise "Holiday Agency" and the Mechanism of its Promotion in the Market of Regional Socio-Cultural Services. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 230–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-230-242>.

Received 07.08.2021

Accepted 03.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Для сферы культуры характерными особенностями являются производство, продвижение и продажа услуги. Услуга имеет нематериальный характер, поэтому требуется особый подход к ее реализации. Одним из приоритетных направлений поиска для данного исследования стало обращение к специфике продвижения услуги детского праздника.

Досуг представляет собой свободный нерегламентированный выбор занятий по душе в свободное от основных занятий время. Досуг выполняет социализирующую функцию, обеспечивает бесконфликтное вхождение поколений в новые социально-экономические и историко-культурные эпохи. Мнение, что современный досуг не должен стать носителем так называемых «асоциальных эрзац-

ценностей» [1, с. 5], является основополагающим в вопросе организации досуговой деятельности подрастающего поколения.

Детский досуг вписывается в систему досугового предложения любого поселения (сельского или городского) и является неотъемлемым признаком качества жизни.

Праздник как форма досуговой деятельности, по мнению классика теории массовых представлений, «являясь органической составной частью социальной жизни общества, в то же время соизмеряет с нею жизнь и деятельность каждого человека, выступает как средоточие свободной жизнедеятельности масс, обеспечивающее по отношению к отдельно взятой личности функцию разрядки, снятия эмоциональной напряженности» [2].

Детский праздник имеет значение в развитии всех качеств ребенка. Праздник развивает эмоции, формирует эмпатию, предоставляет ребенку возможности социального взаимодействия, создает условия включения в социальный, культурный и исторический контекст. Через праздник взрослые оказывают воспитательное воздействие на формирующуюся детскую личность.

Высокое социальное значение и терапевтический эффект детский праздник оказывает на детей с особыми потребностями, с врожденными или приобретенными заболеваниями, вынужденными в силу проблем физического и интеллектуального развития оставаться вне социума [3].

Материалы и методы

В середине и конце 50-х гг. XX в. французский социолог Жофр Роже Дюмазедье опубликовал свои ставшие широко известными работы в области организации досуга населения. Основополагающими принципами досуговой деятельности он считал не только отдых, но также и развитие личности. Он заявлял, что через правильно организованный досуг можно и даже необходимо формиро-

вать сознание и поведение населения, детей и молодежи в том числе. Его взгляды на специфику досуговой деятельности обрели своих последователей во всем мире. В своих работах Ж. Дюмазедье провозгласил новую эпоху и назвал ее «цивилизацией досуга» [4].

В Советском Союзе его идеи были очень популярны; отчасти это позволило подвести научно-методический базис ко всей идеологической работе с подрастающим поколением и сформировать четко функционирующую систему досуговой деятельности, которая и сегодня представлена широкой сетью муниципальных и федеральных учреждений культуры, досуга, искусства, творчества для детей и юношества [5].

Первое детальное изложение методики организации праздника как формы культурной самоорганизации населения принадлежит А. В. Сасыхову и Ю. А. Стрельцову. Они подготовили и опубликовали в 1969 г. свой совместный труд «Основы клубоведения. Теория и методика клубной работы» в г. Улан-Удэ на базе государственного института культуры, куда они приехали по специальному приглашению, чтобы организовать методическую и научную поддержку новому образовательному учреждению отрасли культуры [6].

Впоследствии вопросам изучения праздничной культуры свои труды посвятили известные в отрасли деятели искусства, режиссеры массовых праздников, такие как А. Д. Жарков, Д. М. Генкин, А. И. Чечетин, И. М. Туманов, И. Г. Шароев и др.

Придерживаясь мнения ряда авторов о том, что праздник, являясь одной из форм социального события, может выступать как «специфическая практика и даже дисциплина «менеджмента событий», а точнее «менеджмента специальных событий (special events)», для которых существует специальный рынок услуг, где действуют профессиональные ивент-агентства, обслуживающие бизнес,

политику, некоммерческую сферу, культурные индустрии, спорт» [7, с. 5], мы можем вслед за ними заключить, что индустрия специальных событий в России сегодня продолжает активно развиваться как в социокультурной, так и в социально-экономической сфере.

Ведущей гипотезой исследования является предположение о наличии прямой связи между потребностью в празднике и экономической стабильностью общества и благосостоянием его членов: чем стабильнее экономика общества, тем выше спрос на развлечения у населения.

В государствах Древнего мира праздники пользовались большим спросом, в особенности в социумах с развитой экономической системой – Греции и Риме [8; 9].

Петр I внедрил в российский праздничный календарь новые праздники и принципиально изменил контекст религиозного праздничного календаря, ввел светские празднества для высших сословий и придворных. Дворцовые потехи эпохи правления Петра I послужили основой для привнесения в праздничный досуг россиян европейских фестивалей, маскарадов, «викторианских празднеств» и других заимствованных форм праздничной деятельности [10].

В России дооктябрьского периода праздничная деятельность имела свои особенности, в частности, каждым (из российских) сословием придавалось огромное значение так называемым светским развлечениям. Дворяне, мещане, купцы и разночинцы имели свои досуговые предпочтения, которые реализовывали как в званых вечерах, балах, так и в гуляниях, в сословных клубах и других формах развлечений. В частности, многое о быте и досуге жителей столицы мы можем почерпнуть из публицистики В. А. Гиляровского [11].

Советский период ознаменовался не только сменой общественно-исторической формации, но и изменениями в образе жизни и мировоззрении людей. Госу-

дарство видело большую консолидирующую силу в массовых праздниках – митингах, демонстрациях и др. формах праздничной деятельности [12].

Современная социально-культурная ситуация в России мозаично представлена большим числом праздников общероссийского и регионального календарного цикла. Праздники проживающих на территории страны этносов и народностей имеют свое выражение в региональном праздничном календаре в виде национального праздника. На территории Восточной Сибири тесно проживают крупные народности, для которых Иркутская область и Бурятия стали исторической родиной. Такие праздники, как татарский Сабантуй, якутский Ысыах, бурятский Сагаалган, эвенкийский Бакалдын и другие этнические праздники, являются не только данью народной традиции, но и этническим маркером, при помощи которого новые поколения идентифицируют себя со своим народом и его живой культурой. В частности, о значении праздников в контексте традиционных культурных практик уже было сказано в предыдущих публикациях авторов [13]. Несомненно, также стоит пристальнее взглянуть на современные исследования в сфере праздничной культуры отдельных народов, проживающих на обширной территории России сегодня, в т. ч. на территории Восточной Сибири [14; 15; 16; 17; 18].

Праздничное агентство выполняет в обществе роль катализатора положительных впечатлений, предоставляя людям возможность ощутить радость и получить удовольствие в процессе праздника.

Праздник как объект исследования имеет место в современных научных изысканиях философов, этнографов, культурологов, педагогов, досуговедов и представителей других наук [19; 20; 21].

Огромное значение в процессе позиционирования агентства на рынке социокультурных услуг имеет выбор правильной маркетинговой концепции, и в этом

смысле для контекста данной публикации велика значимость трудов Г. Л. Тульчинского, А. П. Маркова, А. Д. Жаркова, И. В. Алешинной и других ученых, исследующих закономерности развития социокультурной сферы.

Менеджмент праздника как «ивент-технологии» имеет свое непреходящее значение в реализации процесса позиционирования субъекта на региональном рынке социокультурных услуг [22].

На особый характер технологии проектирования события, праздника неоднократно указывает А. П. Марков, причем проектирование в контексте его исследований необходимо сочетать с новейшими маркетинговыми технологиями продвижения услуги к потребителю посредством рекламы, спонсоринга и PR [23].

Маркетинг праздника разрабатывается с учетом потребностей населения и во взаимодействии с социальными партнерами в лице региональных общественных организаций, муниципальных органов власти и других заинтересованных сторон. При условии тесного соприкосновения контекста драматургической основы праздника с современными приемами его продвижения к потребителю, например с помощью рекламы в социальных сетях, размещения информации на сайте организации, посредством работы со СМИ и использования иных технологий маркетинга, празднику будет сопутствовать успех [24; 25].

Таким образом, целью исследования является изучение праздника как ведущей формы маркетингового предложения на рынке социокультурных услуг муниципального городского поселения. Исследуемая проблема, как можно было убедиться из представленного выше обзора литературы, имеет свою научную и историко-культурную значимость. Актуальность исследования механизма маркетингового продвижения праздника является высокой как в научном, так и в практическом смысле. Предполагается, что

опубликование результатов исследования будет интересно самому широкому кругу общественности, практикам и теоретикам массовых праздничных мероприятий.

Для изучения возможностей рынка праздничной индустрии регионального города были использованы как социологические, так и маркетинговые методы исследования. Для более четкого представления о запросах населения в сфере организации праздничной деятельности детей и анализу рынка праздничной услуги было подготовлено и реализовано социологическое исследование среди жителей города Тулуна. В опросе, который осуществлен посредством социальных сетей, приняли участие более 500 человек – родители, имеющие на попечении детей до 14 лет. Все они являются активными пользователями социальной сети «ВКонтакте» и подписаны на группу «Агентство детских праздников #Конопущки». Помимо этого были опрошены 64 специалиста из eventing сферы – все они имеют прямое отношение к организации досуга населения.

Маркетинговый анализ рынка предполагает выявление текущей ситуации в исследуемом сегменте рынка, его объем, условия спроса и предложения на услугу детского семейного праздника.

Другим важным исследовательским приемом стал анализ конкурентной среды, в частности выявление субъектов рынка, которые в своей деятельности могут оказать влияние на спрос-предложение услуги детского праздника.

Анализ целевой аудитории – еще одно направление исследования. Целевая аудитория детских праздников многоаспектна, поскольку включает не только самих детей с их запросами и интересами, но и родителей, которые являются заказчиками мероприятий и оплачивают услуги агентства, поэтому их уровень платежеспособности влияет на формирование потребительской корзины и задает систему ценообразования на праздничные услуги.

Таким образом, спектр используемых методов достаточно обширен и позволяет с достаточно высокой долей вероятности судить о тенденциях, присущих рынку праздничных услуг регионального города.

Результаты и их обсуждение

Социально-культурная среда муниципального образования «Город Тулун» Иркутской области представлена учреждениями дополнительного образования, и одно из них – это Центр развития творчества детей и юношества «Кристалл». Социальная инфраструктура города довольно развита. Жители города могут заниматься физкультурой и спортом, для этого в городе есть 60 сооружений физкультурно-спортивного назначения: плавательные бассейны, стадионы, физкультурно-оздоровительные центры, функционирует детско-юношеская школа олимпийского резерва.

В городе сохранилась сеть библиотек, в т. ч. детских; работает детская школа искусств и музыкальные школы. Историко-краеведческий музей имени П. Ф. Гущина, кинотеатры, Дворец культуры «Прометей» – все эти учреждения социально-культурного назначения ведут постоянную работу со всеми категориями населения. Активными участниками социально-культурных мероприятий являются дети.

Всего в городе проживают 41 279 человек, уровень народонаселения в городе регрессирует. Так за десять лет естественная и миграционная убыль составила более 8 тыс. человек, тем не менее в городе функционирует 13 учреждений дошкольного воспитания и десять общеобразовательных школ.

Сеть учреждений дополнительного образования и школы города работают в тесном взаимодействии с населением и оказывают услуги по целому ряду направлений развивающей творческой деятельности с детьми и юношеством. В этом ряду досуговых предложений необ-

ходимо сказать о целях и задачах деятельности Агентства детского праздника «Конопушки».

Агентство детского праздника имеет своей целью организацию и проведение детских программ любой сложности. Агентство детского праздника «Конопушки» – это частное агентство, коммерческое предприятие, работающее по заказу населения. Работниками агентства являются социокультурные аниматоры, игротехники, практики, имеющие опыт работы с детской аудиторией. Агентство устраивает семейные праздники, среди которых первое место по количеству заказов занимает день рождения. Коммерческое предложение Агентства детского праздника не имеет на территории городского муниципального образования конкурентов, т. к. деятельность домов детского творчества, детских библиотек, общеобразовательных школ, городского дворца культуры и других социокультурных учреждений, ориентирующихся на детскую аудиторию, традиционно охватывает сферу предпрофессионального образования, клубные формы самостоятельного творчества и детские массовые праздники.

Агентство детского праздника в качестве приоритета выбирает семейный досуг и организацию детских развлекательных программ. Анимационные развлекательные программы для детей проходят в тематическом формате. Используя широкий спектр развлекательных средств – музыкальный и литературный контекст, узнаваемые образы героев кино- и видеофильмов, аниматоры разрабатывают и воплощают в жизнь яркое и незабываемое мероприятие, находят подход к каждому ребенку, позволяют детям шуметь, вести себя эксцентрично, окунают их в фееричное шоу с использованием новейших игровых технологий (мыльное и песочное шоу, ростовые куклы, робототехника и др.).

Важнейшими элементами детских развлекательных программ являются

коммуникация в реальном времени и получение тактильных ощущений: игры и тренинги на командообразование, квесты, соревновательные элементы, – все это создает необыкновенную динамичную атмосферу праздника. За то время, пока продолжается шоу, дети получают огромное, ни с чем несравнимое удовольствие от общей игры и соревнования.

Потребителями услуг в данном сегменте являются дети, юношество и их родители. Самые распространенные праздники для детей в г. Тулуне – День знаний (1 сентября), Новый год (муниципальные елочные представления), День защиты детей (1 июня). Семейный праздник не входит в спектр предпочтений ни одного из вышеперечисленных учреждений, но является преимуществом для Агентства детского праздника «Конопушки».

Жители города Тулуна – родители детей дошкольного и младшего школьного возраста – заинтересованы в работе Агентства детского праздника «Конопушки». Его услуги в организации семейных праздников наиболее востребованы в данном территориальном образовании. Сегмент потребителей этого рынка услуг в целом представлен средним классом. Цена на услугу включает не только организацию игровой программы для участников праздника, но и подготовку сценария театрализованной программы, разработку и пошив костюмов, изготовление реквизита, организацию выездного питания и другие услуги, которые готовы оплатить родители.

Агентство заинтересовано в расширении своей аудитории и готово предоставить населению новый формат общения. В настоящее время у агентства есть масштабный проект по организации праздника для всех детей муниципального образования города Тулуна и сельских поселений, расположенных в пригороде.

Результаты анкетирования населения города Тулуна показали, что практически единогласно (95%) родители оценили

необходимость проведения праздников для детей, лишь 2 % опрошенных в своей семье не уделяют детским праздникам серьезного внимания. Довольно много респондентов (87%) отметили неудовлетворительное состояние организации детских праздников в своем микрорайоне, при этом 95% респондентов знают об услугах по организации детского праздника агентством и высказали свое положительное мнение о качестве праздников, которые агентство реализует для детей города.

Практически все участники анкетирования с удовольствием заказали бы праздник для своих детей у агентства, но не могут это сделать по причине удаленности места жительства (40%), дороговизны услуг (50%) или из-за своей апатии в вопросе разнообразия детских праздников (10%). При этом из предложенного перечня спецпакетов на организацию детских праздников 30% высказались за пакет «Эконом», 45% – за пакет «Стандарт», 24% – за пакет «Премиум» и 1% – за «Эксклюзив». При сравнении этих данных с ответами о среднемесячном семейном доходе, где большинство доходов находится в пределах 20 – 25 тыс. руб. (40%), можно сделать вывод о том, что в действительности мотивация семьи на получение праздничной услуги высокая. На вопрос о том, какие тематические программы из перечисленных были бы интересны потребителям, большинство выбрали шоу, затем следуют квесты, дискотеки, интеллектуальные игры и детский тимбилдинг.

Идея о создании игровой интерактивной комнаты для дневного пребывания детей всеми родителями – участниками опроса – была воспринята с воодушевлением. Для 78% из них было бы удобно посещать такой интерактив в выходные дни, для 22% – в вечернее время в течение рабочей недели. Из предлагаемого перечня скидок на оплату услуг интерактивной игровой комнаты, которые агентство предлагает своим посетителям,

большинство выбрали скидку постоянным клиентам (35%). Среди других ответов значатся: скидки для многодетной семьи (21%), скидки в будний день (10%), скидки на коллективное посещение (9%) и скидки для детей с особенностями здоровья (2%).

Некоторые результаты исследования специалистов досуговой сферы и eventing приводятся ниже. Так, их стаж работы в отрасли до 3-х лет 18,4%, 3-5 лет – 28,6%, до 10 лет – 18,4%, более 10 лет – 34,7%.

На вопрос: «Считаете ли вы, что рынок социокультурных услуг города достаточен?» – 14,1% ответили «Да, вполне»; 29,7% – «Не хватает детских учреждений по организации досуга»; 53,1% ответили, что хотелось бы новых форм организации праздничной деятельности; были также ответы «Однозначно нет», «Хромает» качество», «Больше бы современного».

Участники анкетирования внесли и свои предложения. Например, 58,6% указали на необходимость обратить внимание на повышение качества детских программ; 31,0 % отметили, что требуется внести инновации в детский досуг. Были также ответы «Сформировать концепцию развития рынка услуг на уровне муниципальных органов власти», а также «Построить центр праздников» в городе.

На вопрос о том, насколько качественно и в достаточном объеме предоставляются в городе праздничные услуги для детей с особенностями здоровья, 52,4% респондентов ответили, что мероприятия для детей с ОВЗ есть, но организуются они крайне редко.

Ответы на вопрос: «Как, по-вашему, муниципалитет города Тулун сотрудничает с частными поставщиками праздничной услуги?» – в основном сводились к тому, что муниципальные органы власти так или иначе считаются с таким предложением, но на сотрудничество идут неохотно, однако более половины

респондентов от ответа уклонились (55%).

Таким образом, по результатам изучения рынка социокультурных услуг в муниципальном образовании стало понятно, что Агентство детского праздника «Конопушки» является единственным предложением коммерческой услуги в этой сфере. Основным потребителем услуги агентства являются семьи с детьми от 1 до 14 лет, чей семейный доход находится в пределах 20-25 и более тысяч рублей в месяц. Спрос на услугу агентства является устойчивым и постоянным, поскольку агентство заботится о ее качестве и разнообразии. Ведущей сферой для организации мероприятий для детей становится семейный праздник, чаще всего – детский день рождения. Потребитель готов взаимодействовать с агентством не только в городской зоне, но и в пригороде. Одной из форм взаимодействия может быть интерактивная игровая комната для детей, режим работы которой варьируется в зависимости от потребностей семьи – вечернее время в будни и развлечения в выходные и праздничные дни. Для «услуги под ключ» и услуги «интерактивная комната» агентство готово разработать гибкую систему скидок для многодетных семей, для семей, имеющих на попечении детей с особенностями здоровья и других потребителей. Такой маркетинговый подход к оказанию услуги по организации детского развлечения и детского праздника позволит успешно взаимодействовать как с потребителями, в числе которых выступают семьи с детьми, так и с муниципальными учреждениями, которые также способствуют развитию детского сектора социокультурной услуги в муниципальном образовании города Тулуна Иркутской области.

Выводы

Как показывает практика, востребованность услуги по организации праздников для детей в муниципальном обра-

зовании г. Тулуна Иркутской области высокая, что подтверждается постоянным спросом на услуги базового для исследования учреждения – Агентства детского праздника «Конопушки».

Маркетинговый анализ рынка сбыта обещает повышение спроса на услуги агентства по организации детского праздника в сегменте семейных праздников, в первую очередь по организации тематического дня рождения для детей. В перспективе Агентство детского праздника планирует создать беспрецедентный по масштабам праздник для детей муниципального образования г. Тулуна. Эта акция позволит в дальнейшем с опорой на положительное общественное мнение расширить спектр своего влияния и на пригородные территории, где услуга детского праздника пока никак не развита, но количество детей, проживающих в этих территориальных образованиях, позволяет предположить, что спрос на услугу обещает быть высоким и в этом сегменте рынка.

Еще одним из потребителей услуги детского праздника могут стать родители, чьи дети ограничены в получении такой услуги в силу физических или интеллектуальных проблем в развитии. Эти дети с ограничениями возможностей по здоровью зачастую остаются наиболее

ущемленной категорией населения, поскольку вынуждены оставаться аутсайдерами в получении услуги праздника, в т. ч. дня рождения. Для семей, имеющих на попечении детей с особенностями здоровья, предусмотрена гибкая система скидок, что позволит малообеспеченным семьям воспользоваться услугой агентства.

Качество предоставляемой услуги – гарант экономического успеха предприятия и его маркетингового продвижения. В этом смысле Агентство детского праздника «Конопушки» делает многое по реализации драматургии праздника, что, несомненно, усиливает интерес к процессу деятельности агентства, поскольку грамотно и со вкусом подготовленная визуализация праздника, представленная на сайте и в социальных сетях, обеспечивает интерес населения и «подогревает» спрос на услугу.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно заключить, что маркетинговые шаги, предпринятые сегодня Агентством детского праздника, определяют его собственную финансовую стабильность и обеспечивают населению г. Тулуна Иркутской области высокое качество праздничной услуги в сегменте семейных праздников.

Список литературы

1. Ярошенко Н. Н. Современные тенденции досуга // Современный досуг в целенаправленном формировании гражданской инициативы и социальной ответственности новых поколений россиян: материалы круглого стола с международным участием (22 января 2016 года) / Смоленский государственный институт искусств. Смоленск, 2016. С. 5-9.
2. Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 138 с.
3. Хабибулина Л. С. Праздникотерапия // Создание специальных условий образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве: результаты и перспективы: сборник научно-практических материалов межрегиональной конференции / Иркутский государственный университет. Иркутск, 2018. С. 254-256.
4. Дюмазедье Ж. Р. На пути к цивилизации досуга // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83–88.
5. Ярошенко Н. Н. Понятие «цивилизация досуга» в контексте зарубежных социокультурных исследований // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 92–101.

6. Сасыхов А. В., Стрельцов Ю. А. Основы клубоведения: Теория и методика клубной работы. Улан-Удэ: Буряткнигоиздат, 1969. 530 с.

7. Тульчинский Г. Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // СЛОВО.РУ: Балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–24.

8. Рябков В. М. Античные идеалы досуга в контексте современных социально-культурных практик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 133–138.

9. Рябков В. М. Бои гладиаторов как зрелище и развлечение Древнего Рима в период античности (историографический аспект) // Россия – Узбекистан. Международные образовательные и социально-культурные технологии: векторы развития: сборник материалов Международной научной конференции / Челябинский государственный институт культуры. Челябинск, 2019. С. 80–83.

10. Виватенко С. В., Сиволап Т. Е. Петербургское гостеприимство Петровского времени: историко-экономический аспект событийного туризма // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 162–168.

11. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М.: АСТ, 2017. 382 с.

12. Герасимов С. В. Массовые праздники и социальное партнерство. СПб.: Алетейя, 2016. 138 с.

13. Матвеева Е. В. Традиционный праздник как метод культурной референциации: анализ культурных практик // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 5 (70). С. 31–36.

14. Самбуев Д. Б. Этническая идентичность бурят в праздничной культуре // Байкальские встречи – X: Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации: материалы Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2018. С. 326–332.

15. Захарова А. И., Николаева А. Ю. Национальный праздник Ысыях как этнокультурная основа духовно-нравственного воспитания молодежи // Концепт. 2017. Т. 41. С. 86–88.

16. Ешонова Н. С., Старкова И. И. Этнокультурный туризм (этнотуризм) в Республике Бурятия (на примере коренных малочисленных народов Севера: эвенков и сойотов) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – XIII: сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 2020. С. 311–314.

17. Уразаев Ф. Я. Джиен и сабантуй как этнокультурные маркеры современной татарской нации // Историко-культурное наследие татар и сибирских татар Тюменской области: сборник материалов научно-практической конференции / Тюменский государственный университет. Тюмень, 2017. С. 98–109.

18. Решиков Н. И. К проблеме изучения современного состояния традиционной праздничной культуры семейских // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: региональные особенности и международное сотрудничество: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции / Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Улан-Удэ, 2017. С. 143–151.

19. Опарина Н. А., Левина И. Д., Кайтанджян М. Г. Воспитательное значение семейных праздников // Проблемы современного образования. 2018. № 4. С. 172–180.

20. Паренчук Т. Н. Современная праздничная культура в контексте культурной политики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5(85). С. 44–52.

21. Малыгина И. В., Артюшкина В. В. Идентификационный потенциал праздничной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 31–38.

22. Тульчинский Г. Л. Региональный брендинг и культурно-историческая память // Диалоги о культуре и искусстве: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с междунар. участием, 20–23 октября 2014 г. / Пермский государственный институт культуры. Пермь, 2014. С. 11–18.

23. Марков А. П. Маркетинг на пороге перемен // Реклама и PR в России: современное состояние и перспективы развития: сборник трудов XV Всероссийской научно-практической конференции / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. СПб., 2018. С. 13–16.
24. Жарков А. Д. Творческие аспекты функционирования социально-культурной деятельности в условиях рыночных отношений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 6 (44). С. 60–65.
25. Алешина И. В. Искусственно-интеллектуальный маркетинг эпохи цифровой глобализации // Актуальные проблемы управления – 2018: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции / Государственный университет управления. М., 2019. С. 206-209.

References

1. Yaroshenko N. N. [Modern trends of leisure]. *Sovremenniy dosug v tselenapravlennoy formirovaniy grazhdanskoy initsiativy i sotsial'noi otvetstvennosti novykh pokoleniy rossiyan. Materialy kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem (22 yanvarya 2016 goda)* [Modern leisure in the purposeful formation of civil initiative and social responsibility of new generations of Russians. Materials of the round table with international participation (January 22, 2016)]. Smolensk, Smolensk State Institute of Arts Publ., 2016, pp. 5–9. (In Russ.)
2. Genkin D. M. *Massovye prazdniki* [Mass holidays]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 138 p.
3. Khabibulina L. S. [Holiday therapy]. *Sozdanie spetsial'nykh uslovii obrazovaniya dlya obuchayushchikhsya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v obrazovatel'nom prostranstve: rezul'taty i perspektivy. Sbornik nauchno-prakticheskikh materialov mezhdunarodnoi konferentsii 2 noyabrya 2018* [Creating special conditions of education for students with disabilities in the educational space: results and prospects. Collection of scientific and practical materials of the interregional conference on November 2, 2018]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2018, pp. 254-256. (In Russ.)
4. Dyumazed'e Zh. R. *Na puti k tsivilizatsii dosuga* [On the way to the leisure civilization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Social'no-politicheskie issledovaniya = Bulletin of the Moscow University. Series 12: Socio-Political Studies*, 1993, no. 1, pp. 83–88.
5. Yaroshenko N. N. *Ponyatie "tsivilizatsiya dosuga" v kontekste zarubezhnykh sotsio-kul'turnykh issledovaniy* [The concept of "Leisure civilization" in the context of foreign socio-cultural studies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2019, no. 5 (91), pp. 92–101.
6. Sasyhov A. V., Strel'cov Yu. A. *Osnovy klubovedeniya: Teoriya i metodika klubnoi raboty* [Fundamentals of club studies: Theory and methodology of club work]. Ulan-Ude, Buryatknigoizdat, 1969. 530 p.
7. Tul'chinskii G. L. *Sobytiya kak semanticheskaya osnova konstruirovaniya real'nosti: perspektivy perekhoda k dinamicheskoi ontologii* [Events as a semantic basis for constructing reality: prospects for transition to dynamic ontology]. *SLOVO.RU: Baltiiskii aktsent = WORD.RU: Baltic Accent*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 5-24.
8. Ryabkov V. M. *Antichnye idealy dosuga v kontekste sovremennykh sotsial'no-kul'turnykh praktik* [Antique ideals of leisure in the context of modern socio-cultural practices]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2019, no. 1 (87), pp. 133–138.
9. Ryabkov V. M. [Gladiator fights as a spectacle and entertainment of Ancient Rome in the period of antiquity (historiographical aspect)]. *Rossiya – Uzbekistan. Mezhdunarodnye obrazovatel'nye i sotsial'no-kul'turnye tekhnologii: vektory razvitiya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia-Uzbekistan. International educational and socio-cultural technologies: vectors of development. Collection of materials of the international scientific conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture Publ., 2019, pp. 80–83. (In Russ.)
10. Vivatenko S. V., Sivolap T. E. *Peterburgskoe gostepriimstvo Petrovskogo vremeni: istoriko-ekonomicheskii aspekt sobytiinogo turizma* [Petersburg hospitality of the Peter's time: historical and economic aspect of event tourism]. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*, 2019, no. 4, pp. 162–168.

11. Gilyarovskii V. A. Moskva i moskvichi [Moscow and Moskvichi]. Moscow, AST Publishing House, 2017. 382 p.
12. Gerasimov S. V. Massovye prazdniki i sotsial'noe partnerstvo [Mass holidays and social partnership]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2016. 138 p.
13. Matveeva E. V. Traditsionnyi prazdnik kak metod kul'turnoi referentatsii: analiz kul'turnykh praktik [Traditional holiday as a method of cultural reference: analysis of cultural practices]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura = Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture*, 2018, no. 5 (70), pp. 31–36.
14. Sambuev D. B. [Ethnic identity of Buryats in festive culture]. Baikal'skie vstrechi - X: Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Baikal Meetings-X: Cultural memory and cultural identity in the context of globalization. Materials of the international scientific and practical conference.]. Ulan-Ude, Publishing and Printing Complex FGBOU VO SHIK, 2018, pp. 326–332.
15. Zakharova A. I., Nikolaeva A. Yu. Natsional'nyi prazdnik Ysyakh kak etnokul'turnaya osnova dukhovno-nravstvennogo vospitaniya molodezhi [National holiday Ysyakh as an ethno-cultural basis of spiritual and moral education of youth]. *Kontsept = Concept*, 2017, vol. 41, pp. 86–88.
16. Eshonova N. S., Starkova I. I. [Ethno-cultural tourism (ethno-tourism) in the Republic of Buryatia (on the example of the indigenous small-numbered peoples of the North: Evenks and Soyots)]. Aziatsko-Tikhookeanskii region: istoriya i sovremennost' – XIII. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. [Asia-Pacific Region: History and Modernity-XIII Collection of materials of the International Scientific and Practical. Conference of Young Scientists dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. Ulan-Ude, Dorzhi Banzarov Buryat State University Publ., 2020, pp. 311–314. (In Russ.)
17. Urazaev F. Ya. [Jien and Sabantuy as ethnocultural markers of the modern Tatar nation]. Istoriko-kul'turnoe nasledie tatar i sibirskikh tatar Tyumenskoi oblasti. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii [Historical and cultural heritage of the Tatars and Siberian Tatars of the Tyumen region. Collection of materials of the scientific and practical conference]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2017, pp. 98–109. (In Russ.)
18. Reshchikov N. I. [On the problem of studying the current state of the traditional festive culture of the Semeyskys]. Kul'turnoe prostranstvo Vostochnoi Sibiri i Mongolii: regional'nye osobennosti i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Cultural Space of Eastern Siberia and Mongolia: regional features and International cooperation. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, East Siberian State Institute of Culture Publ., 2017, pp. 143–151. (In Russ.)
19. Oparina N. A., Levina I. D., Kaitandzhyan M. G. Vospitatel'noe znachenie semeinykh prazdnikov [Educational significance of family holidays]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*, 2018, no. 4, pp. 172–180.
20. Parenchuk T. N. Sovremennaya prazdnichnaya kul'tura v kontekste kul'turnoi politiki Rossii [Modern festive culture in the context of cultural policy of Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2018, no. 5(85), pp. 44–52.
21. Malygina I. V., Artyushkina V. V. Identifikatsionnyi potentsial prazdnichnoi kul'tury [Identification potential of the festive culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2016, no. 6 (74), pp. 31–38.
22. Tul'chinskii G. L. [Regional branding and cultural memory]. Dialogi o kul'ture i iskusstve. Sbornik materialov IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 20-23 oktyabrya 2014 g. Perm', 2014. [Dialogues about culture and art. Collection of materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation October 20-23, 2014]. Perm, Perm State Institute of Culture Publ., pp. 11-18. (In Russ.)
23. Markov A. P. [Marketing on the threshold of change]. Reklama i PR v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Sbornik trudov XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Advertising and PR in Russia: current state and prospects of development. Proceedings of the XV All-

Russian Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2018. pp. 13–16. (In Russ.)

24. Zharkov A. D. Tvorcheskie aspekty funktsionirovaniya sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti v usloviyakh rynochnykh otnoshenii [Creative aspects of the functioning of socio-cultural activities in the conditions of market relations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2011, no. 6 (44), pp. 60–65.

25. Aleshina I. V. [Artificially intelligent marketing of the digital globalization era]. Aktual'nye problemy upravleniya-2018. Sbornik materialov XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Actual problems of management-2018. Collection of materials of the XXIII-th International scientific and practical Conference]. Moscow, State University of Management Publ., 2019, pp. 206-209. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Матвеева Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: moniket@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0961-1708

Elena V. Matveeva, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities, East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation,
e-mail: moniket@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0961-1708

Хабibuлина Лариса Сабиржановна, магистр, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: superhabiba@yandex.ru

Larisa S. Khabibulina, Master, East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation,
e-mail: superhabiba@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-243-250>

Телевизионный сериал как феномен экранной культуры

Н. В. Волохова¹✉, А. В. Постников¹

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Современная экранная культура как составляющая массовой коммуникации занимает лидирующую позицию в плане влияния на общественное сознание. Телевизионный сериал как часть массовой культуры закрепляет за собой важные содержательные, временные и функциональные позиции. На наш взгляд, при возрастающей значимости телевизионного сериала как аспекта массовой культуры в частности и современной социокультурной жизни в целом следует активное внимание уделить формированию данного феномена как посмодернистского аспекта и отражения «неклассической» модели реальности.

Цель заключается в выявлении специфики телевизионного сериала как культурного текста и определении его места в поле современной экранной культуры.

Задачи: установить роль и значимость телесериала в контексте нынешней действительности экранной культуры и дать оценку его коммуникативной эффективности; найти взаимосвязь серийности телесериала посредством его отражения как феномена массового сознания и важного аспекта постмодернистской реальности; проследить специфику языка телесериала и комплекс представленных в нем семиотических кодов; проанализировать феномен телесериала и оценить его влияние на зрителя посредством психолого-эмоциональных механизмов.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались преимущественно структурно-диахронный, историко-биографический, герменевтический методы, метод системного анализа.

Результаты исследования могут использоваться в ходе осуществления учебного процесса при рассмотрении вопросов в рамках различных курсов по антропологии, философии истории, философии культуры и пр.

Выводы. Как показывает проведенный нами анализ источниковой базы, как правило, объектом исследования телевизионный сериал становился с точки зрения классической эстетики или его восприятия с точки зрения реципиента, т. е. зрительской аудитории. Для нас же интерес представляет телевизионный сериал, прежде всего, как семиотический носитель культурного текста, где находят отражение многоаспектные и многоуровневые включения различных дискурсов и кодов.

Ключевые слова: массовая культура; телевизионный сериал; «мыльная опера»; экранная культура; персонаж; сериализация; семиозис, жанр.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Волохова Н. В., Постников А. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 243–250

Для цитирования: Волохова Н. В., Постников А. В. Телевизионный сериал как феномен экранной культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 243–250. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-243-250>.

Поступила в редакцию 11.08.2021

Принята к публикации 07.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Television Series as a Phenomenon of Screen Culture

Natalia V. Volokhova¹ ✉, Alex V. Postnikov¹

¹ Kursk State University
33 Radishcheva str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Abstract

Relevance. Modern screen culture as a component of mass communication occupies a leading position in terms of influence on public consciousness. A television series as a part of mass culture secures important content, time and functional positions. In our opinion, with the increasing importance of the television series as an aspect of mass culture in particular and modern socio-cultural life in general, active attention should be paid to the formation of this phenomenon as a postmodern aspect and reflection of the "non-classical" model of reality.

The purpose is to identify the specifics of a television series as a cultural text and determine its place in the field of modern screen culture.

Objectives: to establish the role and significance of the TV series in the context of the current reality of screen culture and to assess its communicative effectiveness; to find the relationship between the seriality of a television series through its reflection as a phenomenon of mass consciousness and an important aspect of postmodern reality; to trace the specifics of the language of the TV series and the complex of semiotic codes presented in it; analyze the phenomenon of the TV series and evaluate its impact on the viewer through psychological and emotional mechanisms.

Methodology. In the process of working on the study, mainly structural-diachronic, historical-biographical, hermeneutic methods, the method of system analysis were used.

The results of the study can be used in the course of the educational process when considering issues in various courses on anthropology, philosophy of history, philosophy of culture, etc.

Conclusions. As our analysis of the source base shows, as a rule, the television series became the object of research from the point of view of classical aesthetics or from the point of view of its perception from the point of view of the recipient, that is, the audience. For us, the television series is of interest primarily as a semiotic carrier of a cultural text, where multidimensional and multilevel inclusions of various discourses and codes are reflected.

Keywords: mass culture; television series; "soap opera"; screen culture; character; serialization; semiosis; genre.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Volokhova N. V., Postnikov A. V. Television Series as a Phenomenon of Screen Culture. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 243–250. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-243-250>.

Received 11.08.2021

Accepted 07.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

В нашей жизни огромное место занимают процессы цифровизации и компьютеризации, которые распространи-

лись на все виды деятельности, включая досуг и межличностную коммуникацию. Экранное искусство (кино, видео, телевидение, компьютерная анимация)

занимает лидирующее место и высокие позиции зрительской востребованности. Телевизионный сериал со времен превращения «движущейся фотографии» в «великого немого» стал одним из самых популярных явлений экранной культуры, что отражает наше исследование.

Если придерживаться самого простого определения сериала, то это разновидность телевизионных программ, которая состоит из отдельных и последовательных сюжетов, где главной целью «является привлечение к экранам на длительный период зрителя и удержание его интереса к продукту эпизод за эпизодом» [1].

История сериала начинается в Америке, где с радио 1930-х гг. он переместился на телевидение в 1950-х гг. и где в 1970-х гг. начался так называемый «мыльный бум». К слову выражение «мыльная опера» сериалы получили из-за того, что спонсорами первых сериалов были рекламные кампании мыла [3]. Сезонный формат с показом одной серии в неделю появился в 1980-х годах, и к тому времени хронометраж серии уже увеличился до часа и более. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появилась сеть Интернет, и просмотр сериалов стал осуществляться посредством него, что повлекло за собой не только становление его как социокультурного феномена, но и рост популярности сериалов во всем мире.

Культуру современной реальности уже нельзя представить без массовой культуры, которая является ее неотъемлемой частью.

Сериал как отдельная составляющая массовой экранной культуры способна влиять «на формирование мировоззрения отдельной личности и общества в целом» [3].

Можно выделить несколько причин высокой популярности сериала и проанализировать различные аспекты его значимости в контексте экранной культуры. Первая – в связи с тем, что сериал – это многосерийный комплекс, растянутый во

времени – он заполняет много эфира. Второе – это доступное средство отвлечения, где до зрителя доносятся «квазикommunikационные ценности, когда отраженные в сериале модели поведения, визуальные образы фразеологически переносятся в обыденную жизнь» [4]. Третье – с опорой на вышесказанное можно констатировать, что сериал формирует определенные мировоззренческие установки, особенно если зритель «подсажен» на него и это увеличивает его социокультурную значимость. В качестве вывода можно заявлять о полифункциональности телевизионного сериала.

Таким образом, «телесериал – это феномен массовой культуры, с одной стороны, и с другой – является инструментом воздействия на реальную жизнь. С точки зрения аксиологии культуры ценности, транслирующиеся в телесериалах, плавно перетекают в нашу обыденность» [5]. Телевизионный сериал многое взял от кинематографа и стал неким «младшим братом кино». Под сериалом следует понимать разновидность телевизионных передач, состоящих из последовательно взятых отдельных эпизодов. Еще одной отличительной чертой телесериала является его многосерийность. Это кинопроизведение, предназначенное для показа по телевидению, и «чтобы понять происходящие, нужно внимательно следить за каждой серией» [6].

Большинство исследователей телесериала полагают, что основной причиной их является то, что просмотр так называемых «мыльных опер» со временем оказывается для людей инструментом приобретения жизненного опыта. Еще одним фактором влияния считается то, что естественной особенностью психологии человека является желание «подглядывать» за другими, производить оценку их жизни, наблюдать за действиями и эмоциями. Телевизионный сериал дарит такую возможность и помогает реализовать подобное желание [7].

Зрителя привлекает своеобразный мир, который создается с помощью сериала, где герои проживают жизненный сюжет по своим законам, и позволяет эмоционально подключаться к этому процессу с помощью определенного набора символов, кодов, знаков и даже языка. Особенно четко это отслеживается на примере исторических или фантастических сериалов. При этом есть четкий признак, объединяющий жанровую особенность сериала, некий «определяющий каркас», являющийся основой и обеспечивающий успех сериала как жанра. В частности, это эмоциональная окраска сюжета, эффект присутствия, производимый театральностью, так как в телевизионных сериалах присутствуют свои специфические манеры съемки и театральные приемы актерской игры.

При классификации сериалов следует определить три основные группы. Первая группа – это сериал, где движущей силой выступает интрига. В качестве примера рассмотрим бразильский сериал «Вавилонская башня». Он выходил на экран с 1998 по 1999 гг. за рубежом, в России – в 2000 г. Сюжет был основан на библейской притче о Вавилонской башне, в которой наказывали людей за излишнюю гордыню и непонимание друг друга [8].

Вторая группа – это сериал, где в центре сюжета находится неразрешенная проблема в совокупности с действием, это характерно для детективных и героических сериалов. Рассмотрим на примере американского сериала «Босх». Сюжет телесериала длился на протяжении семи сезонов с февраля 2014 г. по июнь 2021 г. Главный герой – детектив Гарри Босх – горит идеей раскрыть дело об убийстве подростка. Все действия семи сезонов выдержаны в спокойном ритме. Такая подача позволяет телезрителю не только проникнуться атмосферой Лос-Анджелеса, но и сдружиться с главным персонажем [9].

Третья группа – это философский сериал, здесь будут преобладать диалоги и монологи (в основном внутренние), как правило, это прерогатива российских сериалов. В качестве примера можно вспомнить российский сериал «Восьмидесятые», вышедший с января 2011 г. по июнь 2016 г. В сериале главный герой, погруженный в контекст событий, рассказывает как бы изнутри об историческом периоде страны накануне распада СССР [10].

Материалы и методы

Цель состоит в раскрытии особенностей телесериала как культурного текста и определении его места в области современной экранной культуры.

Задачи:

- установить роль и значимость телесериала в контексте нынешней действительности экранной культуры и дать оценку его коммуникативной эффективности;
- найти взаимосвязь серийности телесериала посредством его отражения как феномена массового сознания и важного аспекта постмодернистской реальности;
- проследить специфику языка телесериала и комплекс представленных в нем семиотических кодов;
- проанализировать феномен телесериала и оценить его влияние на зрителя посредством психолого-эмоциональных механизмов.

В процессе работы над статьей использовались преимущественно следующие **методы:**

- структурно-диахронический метод применялся с целью исследования сущностно-временных изменений исторической действительности;
- исторический метод ориентирован на представление истории формирования телевизионного сериала;
- метод системного анализа помог обнаружить характерные черты развития системы представлений на формирование телевизионного сериала.

Анализ публикаций разных ученых по исследуемой проблеме показал, что степень ее разработанности в рамках теории и истории культуры пока недостаточна. Были рассмотрены труды А. С. Ахиезера, Д. Белла, Н. Беряева [11], Ф. Броделя, П. С. Гуревича [12], Л. Г. Ионина, М. С. Кагана, М. Кастельса, Р. Мертона, Э. С. Маркаряна, М. Г. Маклюэна, Э. Тоффлера, Ю. Хабермаса [13] и др., где авторов интересуют вопросы медиакультуры и составляющих ее элементов.

Ряд философов периода постмодернизма обращались к осмыслению феномена экранной культуры, и среди ведущих западных персоналий следует упомянуть следующих: Дж. Батлер, Р. Барт [14], Ж. Бодрийяр Ф. Гваттари, М. Гресс, Т. Дан, Ж. Делез [15], Ж. Деррида [16], Ф. Джеймисон, Ю. Кристева, А. Крокер, Д. Кук, Ж.-Ф. Лиотар, Д. Лодж, К. Мерло-Понти, В. Фоккема, А. Уайлда, М. Фуко, Р. Харриса [17], У. Эко и др. В отечественной мы должны отметить публикации З. Баумана, Б. Грушина [18], А. Гулыги, А. Денисовой [19], Т. Заславской, Л. Зыбайлова, И. Ильина, С. Кары-Мурзы [20], В. Кутырева, Е. Поберезниковой [21], И. Цурина, В. Шапинского и др., где анализируется телевидение в качестве массового средства коммуникации и важнейшего аспекта современной культуры.

Результаты и их обсуждение

Безусловно, при всей важности осознания влияния телевизионного сериала на «искушенную публику» мы понимаем, что есть масса проходных работ, не имеющих высокой ценностной нагрузки, но есть и своего рода шедевры, наложившие отпечаток на сознание зрителя. «Телевизионный сериал как феномен современной культуры подчиняется принципам возведения формульных жанров, нацелен на обыденное, легко распознаваемое, не смотря на то, что интрига, внезапное раз-

витие действия и драматичность сценария сохраняют свою аудиторию около экрана, однако, такой фильм должен потребляться с большим комфортом. Телезритель имеет право полагаться на собственное заблаговременно сформированное понимание, проявляемое в любой степени единичной ситуации» [22].

В результате нашего исследования поля телевизионного сериала как популярной части экранной культуры мы можем перечислить положительные моменты, которые позволяют характеризовать его с точки зрения определенной полезности для зрителя, и объясняющие в определенной степени его распространенность.

Телесериалы помогают телезрителю уйти от нелегкой реальности и неоднозначной обыденности. Самыми распространенными сериальными приемами является «опора на устойчивые сюжетные ходы, зрительные и словесные шаблоны, текст сериала составлен из типичных обстановок и стандартов» [1]. В целом это способствует снижению уровню тревожности, так как реципиент находится в роли наблюдателя и проблемы героев его «как бы не касаются», тем самым упрощая и облегчая проблемы собственной жизни. При этом зритель сопереживает коллизиям, испытывает спектр разных чувств к героям, проявляет эмпатию, представляет их рядом с собой, даже иногда синкретизируя и включаясь в процесс, что тоже положительно отражается на эмоциональном состоянии и способствует росту популярности сериала как жанра.

Выводы

Фигура главного персонажа телесериала, выражаемый им образ, стиль, тип как сумма характеристик – все это оказывается одним из методов влияния на зрительскую аудиторию. Телесериал как культурный текст обладает такими свой-

ствами, как открытость и клишированность, что отражается через его функцию означивания, переозначивания и смешивания разных смыслов путем их кодирования, декодирования, перекодирования. Телевизионный сериал многофункционален и предполагает пролонгированность

во времени. Он одновременно выступает средством коммуникации, информационным полем создания смыслов и образов, инструментом психологического воздействия на зрительскую аудиторию через приемы компенсаторности, идентичности, адаптации и контрадаптации.

Список литературы

1. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 415 с.
2. Абраменкова В. Т. Дети и телевизионный экран // Воспитание школьников. 2006. № 6. С. 28-31.
3. Волохова Н. В. Л. Н. Толстой о роли искусства в формировании общества и человека // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-3 (43). С. 181-187.
4. Бацына Я. В. Влияние средств массовой информации на общество. Проецирование моделей телевидения на поведение тинейджеров // Перспективы: сборник научных статей аспирантов. Н. Новгород, 2005. Вып. 4. С. 96-106.
5. Кушнарева И. Как нас приучили к сериалам // ЛОГОС. 2013. № 3 (93). С. 67-78.
6. Акопов А. З. Сериал как национальная идея // Искусство кино. 2000. № 2. С. 12-28.
7. Арсеньев В. В. Эпоха сериалов в России только начинается // Искусство кино. 2000. № 2. С. 10-14.
8. Бразильский сериал «Вавилонская башня». URL: https://www.vokrug.tv/product/show/vavilonskaya_bashnya/ (дата обращения: 15.06.2021).
9. Детективный сериал «Босх». URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/serial/3859/> (дата обращения: 05.07.2021).
10. Российский комедийный сериал с элементами мелодрамы «Восьмидесятые». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Восьмидесятые/> (дата обращения: 25.06.2021).
11. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, Астрель, 2010. 358 с.
12. Гуревич П. С. Культурология: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2017. 448 с.
13. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (Фрагменты) // Личность. Культура. Общество. 2004. № 1 (21). С. 303-312.
14. Барт Р. Мифология. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
15. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 670 с.
16. Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. 376 с.
17. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Нева, 2001. 354 с.
18. Грушин Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
19. Денисова А. И. Сериал как культурное и субкультурное явление // Аналитика культурологии: сборник статей / Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Тамбов, 2012. С. 12-23.
20. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2000. 864 с.
21. Поберезникова Е. В. Телевидение взаимодействия. Интерактивное поле общения. М.: Аспект Пресс, 2004. 224 с.
22. Ковалев П. А. Молодежная аудитория телевидения // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 34-39.

References

1. Zemlyanova L. M. *Kommunikativistika i sredstva informatsii* [Communication studies and mass media]. Moscow, Publishing House of Moscow University, 2004. 415 p.
2. Abramenkova V. T. *Deti i televizionnyi ekran* [Children and the television screen]. *Vospitanie shkol'nikov = Education of Schoolchildren*, 2006, no. 6, pp. 28–31.
3. Volokhova N. V. L. N. Tolstoi o roli iskusstva v formirovanii obshchestva i cheloveka [L. N. Tolstoy on the role of art in the formation of society and man]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2012, no. 4-3 (43), pp. 181–187.
4. Batsyna Ya. V. [The influence of mass media on society. Projecting television models on the behavior of teenagers]. *Perspektivy. Sbornik nauchnykh statei aspirantov* [Prospects. Collection of Scientific Postgraduates]. N. Novgorod, 2005, is. 4, pp. 96–106. (In Russ.)
5. Kushnareva I. *Kak nas priuchili k serialam* [How we were accustomed to TV series]. *LOGOS = LOGOS*, 2013, no. 3 (93), pp. 67–78.
6. Akopov A. Z. *Serial kak natsional'naya ideya* [TV series as a national idea]. *Iskusstvo kino = The Art of Cinema*, 2000, no. 2, pp. 12–28.
7. Arsenyev V. V. *Epokha serialov v Rossii tol'ko nachinaetsya* [The era of serials in Russia is just beginning]. *Iskusstvo kino = The Art of Cinema*, 2000, no. 2, pp. 10–14.
8. *Brazil'skii serial "Vavilonskaya bashnya"* [The Brazilian TV series "The Tower of Babel"]. Available at: https://www.vokrug.tv/product/show/vavilonskaya_bashnya. (accessed 15.06.2021)
9. *Detektivnyi serial "Boskh"* [Detective series "Bosch"]. Available at: <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/serial/3859/>. (accessed 05.07.2021)
10. *Rossiiskii komediinyi serial s elementami melodramy "Vos'midesyatye"* [Russian comedy series with elements of the melodrama "The Eighties"]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_Eighties/. (accessed 25.06.2021)
11. Berdyaev H. A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2010. 358 p.
12. Gurevich P. S. *Kul'turologiya* [Culturology]. 5th ed. Moscow, KNORUS Publ., 2017. 448 p.
13. Habermas Yu. *Teoriya kommunikativnogo deistviya (Fragmenty)* [Theory of communicative action (fragments)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo = Personality. Culture. Society*, 2004, no. 1 (21), pp. 303–312.
14. Bart R. *Mifologiya* [Mythology]. Moscow, Academic Project Publ., 2008. 351 p.
15. Deleuze J., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya: Anti-Edip* [Capitalism and schizophrenia: Anti-Oedipus]. Yekaterinburg, U-Factoriya Publ., 2007. 670 p.
16. Derrida J. *Polya filosofii* [Fields of Philosophy]. Moscow, Academic project Publ., 2012. 376 p.
17. Harris R. *Psikhologiya massovykh kommunikatsii* [Psychology of mass communications]. St. Petersburg, 2001. 354 p.
18. Grushin B. A. *Massovoe soznanie: opyt opredeleniya i problemy issledovaniya* [Mass consciousness: experience of definition and problems of research]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 368 p.
19. Denisova A. I. [The series as a cultural and subcultural phenomenon]. *Analitika kul'turologii. Sbornik statei* [Analysis of cultural studies. Collection of Art]. Tambov, Tambov St. Univ. named after G. R. Derzhavin Publ., 2012, pp. 12-23. (In Russ.)
20. Kara-Murza S. G. *Manipulyatsiya soznaniem. Vek KhKhI* [Manipulation of consciousness. Century XXI]. Moscow, Algorithm Publ., 2000. 864 p.
21. Pobereznikova E. V. *Televidenie vzaimodeistviya. Interaktivnoe pole obshcheniya* [Interaction Television. Interactive field of communication]. Moscow, Aspect Press Publ., 2004. 224 p.
22. Kovalev P. A. *Molodezhnaya auditoriya televideniya* [The youth audience of television]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2006, no. 4, pp. 34–39.

Информация об авторах / Information about the Authors

Волохова Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: volna-sha@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-7048-3509,
Scopus Author ID: 57189517020,
Researcher ID: T-7441-2018

Постников Алексей Викторович, аспирант кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lesha.postnikov.97@mail.ru

Natalia V. Volokhova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: volna-sha@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-7048-3509,
Scopus Author ID: 57189517020,
Researcher ID: T-7441-2018

Alex V. Postnikov, Post-Graduate Student Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lesha.postnikov.97@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-251-260>

Двойственное значение доверия в теории социального капитала

Р. А. Заякина¹ ✉

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления
ул. Каменская 56, г. Новосибирск 630099, Российская Федерация

✉ e-mail: r.a.zayakina@edu.nsuem.ru

Резюме

Актуальность. Учитывая центральное место доверия как в самой теории социального капитала, так и в ее сетевом преломлении, важно определить функциональное наполнение исследуемой категории. От того, как именно (в качестве элемента содержания или источника социального капитала) трактуется доверие, зависят дальнейшая теоретическая детализация и способы применения теории к исследованию социальных объектов.

Целью исследования является выявление причин двойственного понимания доверия применительно к социальному капиталу и установление границы смысловой демаркации обсуждаемого понятия.

Задачи: выявить особенности, позволяющие рассматривать доверие как элемент содержания социального капитала в контексте сетевой социальной организации; раскрыть основания, по которым в сетевом подходе доверие причисляется к источникам социального капитала; определить роль доверия в установлении повседневного социального порядка; актуализировать вопрос о значении исследователя в организации смысловых границ изучаемого феномена.

Методология. Помимо теории социального капитала, исследование опирается на некоторые достижения сетевого и информационного подходов. Теоретико-методологические подходы коррелируют друг с другом и определяют выбор методов исследования. Ключевыми являются метод социально-философского анализа, необходимый для получения знания о роли доверия для социального капитала в контексте сетевого взаимодействия, и метод выделения детерминирующих факторов (метод каузальности), оказывающих определяющее воздействие на сетевую активность и формирующих социальный капитал.

Результаты исследования позволили раскрыть основания сложившихся в теории социального капитала трактовок доверия. Выявлены характеристики доверия, позволяющие причислить его к составляющим социального капитала. Определены особенности доверия, относящие его к условиям, способствующим возникновению и развитию социального капитала.

Вывод. Концентрируя внимание на определенных сторонах доверия, исследователь выявляет либо первый, либо второй его функционал, следовательно, погружается в определенную смысловую коннотацию изучаемого феномена.

Ключевые слова: социальный капитал; доверие; социальные сети; социальные ресурсы; согласованные отношения.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Заякина Р. А. Двойственное значение доверия в теории социального капитала // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 251–260. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-251-260>.

Поступила в редакцию 17.08.2021

Принята к публикации 11.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Заякина Р. А., 2021

Dual Meaning of Trust in Social Capital Theory

Raisa A. Zayakina¹ ✉

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management
56 Kamenskaya str., Novosibirsk 630099, Russian Federation

✉ e-mail: r.a.zayakina@edu.nsuem.ru

Abstract

Relevance. Considering the integral part that trust plays in the theory of social capital itself as well as in its network refraction, it is important to determine the functional content of the studied category. Further theoretical detailing and ways of applying theory to the study of social objects depend on the interpretation of trust. It can be either an element of content or a source of social capital.

The purpose of the study is to identify the reasons for the duality of understanding of trust in relation to social capital and to establish the boundaries of the semantic demarcation of the concept under discussion.

Objectives: identify the features that allow us to consider trust as an element of social capital in a network social organization; to reveal the grounds on which trust is ranked as a source of social capital in the network approach; define a role in establishing everyday order; to make the question of the importance of the researcher in the organization of the semantic boundaries of the studied phenomenon relevant.

Methodology. In addition to the theory of social capital, the research is based on the achievements of the network and informational approaches. Theoretical and methodological approaches correlate with each other and determine the choice of research methods. Key words: methods of socio-philosophical analysis necessary to achieve an assessment of the role of social capital in the context of interaction and the method of identifying determinant factors (the method of causality), which affects network activity and forms social capital.

The research results made it possible to reveal the foundations of the trust interpretations that have developed in the theory of social capital. The characteristics of trust are revealed, which make it possible to classify it as a component of social capital. The features that relate it to conditions contributing to the origins and development of social capital have been determined.

Conclusion. By focusing on certain aspects of trust, the researcher identifies its functions, hence diving into a certain semantic connotation of the phenomenon under study.

Keywords: social capital; trust; social networks; social resources; coordinated relationships.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Zayakina R. A. Dual Meaning of Trust in Social Capital Theory. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(5): 251–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-251-260>.

Received 17.08.2021

Accepted 11.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Не будет преувеличением сказать, что доверие, на котором сосредоточено наше внимание, выступает ключевым понятием теории социального капитала. Сам же социальный капитал оброс сегодня таким количеством контекстов, что, по мнению некоторых исследователей, просто утрачивает отчетливый смысл, используя по большей части как метафора [1, с. 1764]. Во многом это обусловлено его междисциплинарной природой, диктующей полифоническое толкование,

во многом – результат применения к столь широкому кругу объектов, что создается иллюзия его вездесущности. Так или иначе, но и сами исследователи, вовлеченные в процесс изучения социального капитала, склонны признавать, что до сих пор он определен недостаточно [2, с. 163]. Требуется проработки и сопровождающий теоретический каркас, выросший вокруг центрального концепта.

Бесспорно одно: если задаваться вопросом, где именно содержится социальный капитал, то обнаружится, что он не

принадлежит акторам, а является особым свойством структуры связей между ними [3, с. 124]. Следовательно, никакое индивидуальное накопление подобного капитала просто невозможно [4, с. 13]. Иными словами, социальный капитал – это некий значимый актив, «захватываемый» из ресурсов, порождаемых социальными отношениями [5, с. 30]. Таким образом, в самом широком смысле социальный капитал может быть понят как совокупность преимуществ и выгод, прямых и опосредованных эффектов, резервных и задействованных ресурсов, деятельно приобретаемых благодаря социальным связям и неотчуждаемых от них.

Теория социального капитала активно разрабатывается различными дисциплинами (антропологией, социологией, политологией, психологией, экономикой и менеджментом) более сорока лет. Однако теоретическая диффузия между ними все еще низка, а научное сотрудничество «на стыке» остается редким явлением. Это приводит к тому, что в рамках каждой дисциплины акцентируется какой-то отдельный аспект социального капитала.

Так, социологи демонстрируют устойчивую тенденцию к рассмотрению сущности капитализированных ресурсов и разделяемых ценностей, их различных проявлений и способов использования. Экономистов в контексте социального капитала интересует его утилитарная сторона. Крайне редко, как правило, при исследовании специфических отраслей, например общественного здравоохранения, в фокус попадают эмоционально окрашенные характеристики социального капитала (сочувствие, забота, внимание и пр.). При этом естественно, что даже в указанных случаях экономисты подходят к социальному капиталу наиболее расчетливо, пытаясь исчислять выгоды, тогда как для политологов, психологов и упомянутых социологов более интересны не расчеты пользы, а механизмы усвоения социального капитала в процессе социализации [6].

Но в чем единодушны исследователи социального капитала, так это в том, что он не может обойтись без доверия. При этом, помимо хотя и крайне редко, но еще встречающегося употребления доверия в качестве прямого синонима социального капитала¹, оно регулярно используется и как его необходимая составляющая (элемент структуры, наполнение), и как ключевой фактор (причина, источник), требуемый для его возникновения. Такая интерпретационная множественность отнюдь не способствует прояснению положений и установок теории, а следовательно, и ее методологических оснований. Из изложенного очевидно, что необходимо выявить причины двойственного понимания доверия применительно к социальному капиталу, установив тем самым границы смысловой демаркации обсуждаемого понятия. Это и составляет цель данной работы.

Материалы и методы

Так как в работе исследуются различные аспекты социального капитала, помимо собственно теоретических оснований его изучения задействуется сетевой взгляд на устройство социальной реальности в самом широком его понимании. Это обусловлено неразрывной связью сетевой организации социальных взаимодействий с генерированием, использованием и приращением социального капитала.

Так, поставленная цель достигается путем анализа некоторых результатов, полученных исследователями при: построении моделей сложноустроенных сетевых объектов; осмыслении аксиологических и телеологических аспектов межакторной жизни; выявлении процессов информационного взаимодействия, характерных для сетевой активности и определяющих эффективность функционирования социальной сети.

¹ Такая трактовка встречалась у истоков разработки теории социального капитала и никогда не была устоявшейся.

Как отмечалось, особенностью изучаемой проблематики является междисциплинарность. Следовательно, оставаясь в русле сетевого подхода, работа вынужденно опирается на критическое осмысление социального капитала в социально-философских, социологических, социально-экономических, социально-психологических и социально-политических изысканиях.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего, доверие выходит на авансцену, когда исследователь отвечает на вопрос о том, какие именно ресурсы могут составлять социальный капитал и как они способствуют приращению благ участников сетевых отношений. Иными словами, когда речь заходит о наполнении социального капитала. Подчеркнем, что здесь теоретики единодушия не проявляют. Видимо потому, что социальный капитал не монолитен, он – некая совокупность различных «запасов» и предшествующих инвестиционных шагов всех, вовлеченных в отношения акторов, сумма «социальных накоплений», непосредственных и опосредованных выгод. Следовательно, исследователь волен акцентировать внимание на том или ином аспекте социального капитала, что, собственно, и происходит. Однако ключевые позиции во многом не противопоставлены, они скорее дополняют, расширяют и уточняют друг друга. А в случае с доверием теория и вовсе демонстрирует изначальное единство.

Так, например, у Джеймса Коулмана, когда речь идет об обязательствах, на первый план выходят отношения, основанные на взаимности [3, с. 127-128]. Оказывая человеку услугу, помогая делом, знакомством, участием, эмоциональной поддержкой или простым советом, люди часто имплицитно, на непроговариваемом уровне предполагают некий символический или вполне материальный возврат блага в будущем. Однако это возможно только в сообществах с вы-

соким уровнем доверия. Часто основой социального взаимодействия в таких сообществах выступает естественная солидарность. Если включенный в подобные отношения актор является держателем большого числа непогашенных другими обязательств, его социальный капитал богат.

Основываясь на работах Коулмана, Роберт Патнэм выделяет в качестве компонентов социального капитала доверие и нормы общей взаимности. Однако, помимо этого, Патнэм объявляет важнейшей формой социального капитала ячейки гражданской вовлеченности. Как и нормы, они поддерживают общее социальное доверие и сотрудничество в обществе. Это происходит не только посредством санкций, но и через потребность следовать взаимоприемлемым правилам, циркулирующие потоки репутационной информации, предложение шаблонов эффективного социального взаимодействия [7, с. 207-220]. Отметим, что Патнэм объединяет социальный капитал отдельно взятых людей в социальный капитал сообщества, населения и в конечном счете государства, тем самым выводя проблему на макроуровень коллективно-го социального капитала.

Жанин Нахапет и Сумантра Гошал выделяют три измерения социального капитала: структурное, реляционное и когнитивное [8]. Подобное вычленение – это своего рода спекулятивная рациональная операция, призванная облегчить выполнение исследовательских задач. В реальности же социальный капитал демонстрирует нераздельность и полную взаимозависимость обсуждаемых измерений.

Итак, структурное измерение социального капитала обусловлено свойствами, вытекающими из устройства социальной сети. Оно определяется ресурсами, напрямую зависящими от конфигурации сетевых связей, «высвечивает» сетевую конструкцию и «затеняет», обезличивает акторов – участников сетевых отношений. Ожидаемо, что на первый

план при таком анализе выходят характеристики сети, описывающие ее структуру: плотность связей и их прочность, внутрисетевая организация, например акторное положение (центрированность или периферийность, зависимость от сетевых узлов, количество связей и т. п.).

Важнейшей аналитической процедурой становится изучение сегментации сети, например, выделение первичных групп, кликов, кластеров [9]. Вообще здесь главенствует модульный принцип мышления в его широком смысле [10]. Однако и в структурном измерении социального капитала есть место доверию. Оно играет значимую роль при установлении количественно-качественных характеристик связанности сети, информационной наполненности совершаемых обменов.

Второе, реляционное измерение составляют ресурсы, которые опираются на близкие отношения, конкретные личные и эмоциональные привязанности, такие как симпатия, надежность, дружба, обязательства, ожидания и прочее. Это то, что некоторые исследователи назвали «доброй волей», это именно «сочувствие, доверие и прощение, предлагаемые нам друзьями и знакомыми» [11, с. 18], т. е. здесь важна история взаимодействий конкретных людей, влияющая на их поведение. Потому ожидаемо, что доверие становится центральной категорией анализа. Ведь реляционный угол зрения переносит смысловой акцент на вкладываемые в человеческие отношения душевные усилия, которые в конечном счете и главенствуют при выборе моделей поведения, характеризующихся взаимоотдачей. Таких, например, как эмоциональная и материальная поддержка, сопереживание, взаимопомощь, добрососедство и пр. И значимость этого измерения социального капитала не ниже, чем структурного. Так, исследователи отмечают, что «два актора могут занимать эквивалентные позиции в схожих сетевых конфигурациях, но если их личные эмоциональ-

ные привязанности с другими членами сети различны, их действия также могут существенно отличаться» [8, с. 244].

В процессе развития социально-философской мысли доверие концептуализировалось либо как индивидуальное качество, либо как характеристика социальных отношений, либо как свойство социальных систем [12, с. 14]. Но даже выступая маркером стабильности социального порядка в изменчивом глобализирующемся мире и продуктом сложившегося в обществе культурного контекста [13], доверие всегда остается социально-психологической чертой. И прочно взаимосвязано с такими понятиями, как репутация, надежность и социальная благополучность, исходящие от доверяющего по отношению к объекту доверия, с одной стороны. С другой же – сострадателность, добросовестность, честность, ответственность, ожидаемые от объекта по отношению к доверяющему.

В любом случае сегодня доверие чаще всего толкуется как некая уверенность в положительных характеристиках контрагента социального контакта. Важно, что в любом, даже самом широком его смысле доверие определяется через взаимоотношение – будь то люди или другие социальные единицы, например организации или социальные системы, т. е. чтобы что-либо утверждать о доверии, недостаточно изучить доверяющего, нужны сведения и о другой стороне. Необходим объект, на который доверие направлено, кроме того, он должен быть наделен реляционными характеристиками. И хотя существует мнение, что предпочтительным должно быть доверие без жесткой привязки к ожиданию взаимности [14], направленное на культивирование конструктивной, эмоционально-комфортной социальной среды¹, все же исключить активность

¹ Иногда такое мнение связано с философскими основаниями некоторых духовных традиций, например, как в приведенной ссылке, буддизма.

объекта доверия невозможно. Просто потому, что доверие, кроме прочего, формируется доброжелательным, открытым контекстом отношений.

При этом объект может обладать разной степенью абстрактности. Так, осмысляя значимость доверия, исследователи все чаще подчеркивают его надындивидуальную природу. Более того, теоретической проработке подвергается так называемый радиус доверия, подразумевающий широту круга людей, поддерживающих между собой определенный доверительный уровень постоянно [15]. Не удивительно, что, обладая существенной объяснительной силой, радиус доверия обретает все более весомое значение, например, в поведенческой экономике. Важно также, что доверие может генерироваться и на расстоянии, поддерживая эффект соприсутствия, что особенно актуально в контексте современных режимов мобильности [16, с. 367]. Но даже в совершенно обезличенном варианте (на мезо- или макроуровнях анализа), если, например, речь идет о доверии к социальному институту, оно остается направленным оценочно-реляционным актом, предполагающим какую-то обратную связь, транслирующую взаимную надежность или ее подобие/иллюзию.

В фокус третьего, когнитивного измерения социального капитала попадают ресурсы, обусловленные общими ожиданиями, представлениями и коммуникативными кодами. Это правила общения и словарь, актуальные дискурсы, нравственные позиции и разделяемые ценности, единые представления, общие взгляды, схожая интерпретация и критерии оценки окружающего мира. Этот набор активов социального капитала наименее организован, его систематизация еще впереди. Однако именно он позволяет пользоваться преимуществами, исходящими из быстрых, контекстуально-насыщенных информационных обменов и способности объединяться вокруг новых социальных контекстов.

Размышляя о доверии в когнитивном ключе, можно выявить его предикторную функцию. Пусть в обобщенном, недетализированном виде, однако именно наличие фонового доверия способно выступать прогностическим параметром развития когнитивного измерения социального капитала. Кроме того, оно есть необходимое условие такого развития. И в этой точке наших рассуждений доверие перестает быть составляющей социального капитала, трансформируясь в один из факторов, требуемых для его возникновения.

Отметим, что в широком смысле источники социального капитала встроены в сами условия человеческого существования и часто глубоко взаимосвязаны. Пожалуй, правильно будет сказать, что их исчерпывающий список составить просто невозможно. Чаше других упоминаются социальная иерархия и экономическое неравенство, социальные организации и мобильность, различные формализованные и неформальные структуры, гражданское общество, образование, семья, религия и убеждения. Также с позиций сетевого подхода всегда является источником социального капитала социальная сеть. Иными словами, если есть сеть, то в том или ином количественно-качественном состоянии есть и капитал. При этом само понимание социального капитала, хотя в превалирующем ряде случаев и подразумевает, не диктует императивного наличия социальной сети. В любом случае начала социального капитала следует искать в структурных и содержательных характеристиках отношений между акторами. Сфокусируемся на доверии как условии, способствующем развитию социального капитала.

Пол Адлер и Сок-Ву Квон предложили искать источники социального капитала через выявление, во-первых, возможностей, во-вторых, мотивации и, в-третьих, способностей, т. е. отношения непременно должны предоставлять возможность передачи и использования со-

циального капитала. При этом социальные обмены должны быть мотивированы посредством ряда социальных механизмов, например, норм, усвоенных в процессе социализации или обязательств, которые должны исполняться. Кроме того, акторы должны обладать способностями – компетенциями, востребованными участниками общения [11, с. 23–27]. Возьмем на основу этот подход для того, чтобы раскрыть доверие как непреходящий атрибут сетевой жизни, выступающий предпосылкой зарождения социального капитала в сети. Оставив способности на откуп конкретного случая и акторного своеобразия, будем опираться на маркеры возможностей и мотивации.

Прежде всего, необходимо рассмотреть возможность обеспечения транзакций социального капитала, которая является следствием способности доверия организовывать социально-сетевую жизнь. Доверие выступает здесь в качестве той переменной, которая удерживает участников сети вместе. Механизм такого удержания довольно прост: доверие влияет на потенциальные социальные действия, подталкивая к установлению, сохранению и укреплению надежных связей. Кроме того, не последнюю роль играет и лимит доверия, устанавливающийся самим участием в сети. Особенно в случаях, когда уровень сетевой идентичности высок и подчеркнут выраженными гомогенными характеристиками вовлеченных в отношения акторов, а встроенность в сеть определяется эндогенными факторами [17]. Тогда лимит доверия существенно упрощает установление социальных контактов, тем самым несколько повышая информационную открытость и доступность ресурсных потоков для всех сетевых участников.

Немаловажно и то, как через доверие опосредуется социальная динамика сетевой жизни. Довольно часто вовлеченность того или иного актора в социальные сети объясняется предыдущими доверительными отношениями с кем-то из сетевых

участников. Уровень доверия сети к актору определяет также его место в общесетевой структуре и способствует удержанию структурной позиции, диктуя количество и качество связей, круг актуальных «запросов», содержание «прокачиваемого» информационного контента и другие характеристики, с одной стороны; с другой же – влиятельный сетевой узел, обладающий высоким уровнем доверия, способен воздействовать на сетевую структуру и даже настраивать общие функции социальной сети. Отметим, что сегодня разрабатываются механизмы определения доверия узлов, например в рамках коммуникативных интернет-площадок для поиска сетевых зон влияния. Это дает возможность не только понимать, но и в некоторых пределах контролировать сеть [18]. Так доверие «работает» на генерацию социального капитала в сети.

Как источник социального капитала доверие может рассматриваться также мотиватором, побуждающим к установлению отношений с перспективой получения больших возможностей, т. е. это тот «прибор», с помощью которого сетевой актор «измеряет», «взвешивает» успешность, выгодность возможной связи. Конечно, сообразуясь с минимизацией затрат на информационный мониторинг, темпоральные издержки, контроль результата действий контрагента и прочее. Иными словами, сквозь «линзу» доверия актор способен «рассмотреть» готовый к развитию и потенциально доступный благодаря устойчивым сетевым отношениям социальный капитал. Он готов поверить в надежность новых контактов и ресурсов, в успешную и своевременную отдачу социальных вложений, заручившись поддержкой контрагента доверия. В конечном счете предвкушение выгоды, удовлетворения потребностей, реализации интересов и прочих бонусов сетевой организации, сконцентрированных в обладании доступом к возможному социальному капиталу, транслирует необходимость «быть вместе».

В целом, выступая в качестве «нормального» порядка повседневной жизни, доверие становится регулятором базовых ожиданий субъектов. Имея способность «упрощать» сложные социальные системы, оно позволяет рационализировать повседневность и преодолевать риски, что в условиях человеческой неуверенности и информационной размытости не оценимо. Именно «доверие всегда подразумевает надежность вопреки случайности полученных результатов, независимо от того, относятся ли они к действиям индивидов или к работе систем» [19, с. 150]. При этом не стоит забывать, что важнейшую роль в установлении социального доверия играют как социально-экономические, так и культурно-религиозные факторы, сообщающие ему особые характеристики разделяемой реальности. Все это косвенно способствует порождению норм обобщенной взаимности.

Наконец, следует вспомнить, что доверие как социально-психологический феномен выступает основой просоциального поведения вообще. Разворачивая перспективу группового взаимодействия, оно является способом познания и освоения мира человеческого общежития и поощряет желание вообще что-либо делать друг для друга. Исходя из этого доверие способно продвигать и другие социальные блага [12, с. 96], в частности те, которые составляют социальный капитал. Это происходит, прежде всего, за счет формирования более открытых, согласованных отношений между людьми, дающих возможность перешагнуть эмоциональные барьеры, предубеждение, предвзятости и отчужденность.

Роль доверия для социального устройства чрезвычайно важна. В конечном счете доверие выступает как крайне желательное свойство коммуникативного пространства, формирующее ключевые характеристики и общий климат общения. Достаточно вспомнить феномен социального доверия, предполагающий

ожидание надежности от незнакомых людей и изначально мотивированность доверять другим. Его дефицит, наряду с отсутствием политического доверия, порождает конфликты и бессилие общества в деле удержания морального мира [20].

Выводы

Итак, ценность доверия в его широком значении раскрывается через способность быть эффективным ресурсом действия в человеческом сообществе. По отношению же к социальному капиталу доверие выступает и его составляющей, и причиной, тем необходимым фундаментом, на котором строится вся конструкция связей, дающих преимущества. Реализуясь двумя ипостасями: во-первых, как содержание социального капитала, во-вторых, как условие (источник) его возникновения, доверие включено во все механизмы генезиса, устройства и передачи социального капитала.

Важность доверия как компонента социального капитала определяется его способностью устанавливать сетевую связанность и информационную наполненность, взаимность, открытые, доброжелательные взаимоотношения и общий коммуникативный контекст. Доверие дополняет череду условий, формирующих разделяемые смыслы социальных ситуаций и в конечном счете производящих общие социальные миры.

Доверие как источник социального капитала направляет исследовательскую линзу на его способность поддерживать устойчивость и открытость социальных контактов. Это определяет саму сетевую организацию и все ее основные характеристики, благоприятствующие воспроизведению социального капитала. Кроме того, доверие стимулирует приобретение новых отношений, раскрывая все доступные и потенциально возможные преимущества, связанные с допуском к капитализированным сетью социальным резервам.

Таким образом, фокусируясь на тех или иных гранях доверия, исследователь

актуализирует либо первый, либо второй его функционал и, как следствие, погружается в определенную смысловую коннотацию изучаемого феномена. Из этого очевидно, что значимость обретает осознанность, мотивированность такого выбора и его адекватность поставленным исследова-

тельским задачам. А отчетливая, ясная функционально-смысловая демаркация служит дальнейшей проработке, детализации и углублению теории социального капитала, стройности теоретико-методологической базы и определению путей ее применения к объектам сетевой природы.

Список литературы

1. Leenders R. Chapter: Social Capital // *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining* / R. Alhajj, J. Rokne [et al.]. 2nd ed. New York: Springer Publ., 2018. P. 1759–1770. <https://doi.org/10.1007/978-1-4939-7131-2>.
2. Kadushin Ch. *Understanding social networks: theories, concepts and findings*. New York: Oxford University Press, 2012. 264 p.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
4. Tzanakis M. Social Capital in Bourdieu's, Coleman's and Putnam's Theory: Empirical Evidence and Emergent Measurement Issues // *Educate*. 2013. Vol. 13, N 2. P. 2–23.
5. Lin N. Building a Network Theory of Social Capital // *Connection*. 1999. Vol. 22, is. 1. P. 28–51.
6. Akçomak I. S. Social Capital of Social Capital Researchers // *Review of Economics and Institutions*. 2011. Vol. 2, N 2. <https://doi.org/10.5202/rei.v2i2.32>.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
8. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23, N 2. P. 242–266. <https://doi.org/10.2307/259373>.
9. Subash S. P. *Social network analysis // Quantitative methods for social sciences*. New Delhi: ICAR-National Institute of Agricultural Economics and Policy Research, 2019. P. 335–350.
10. Stadtfeld Ch., Takács K., Vörös A. The Emergence and Stability of Groups in Social Networks // *Social Networks*. 2020. Vol. 60. P. 129–145. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2019.10.008>.
11. Adler P. S., Kwon S-W. Social capital: prospects for a new concept // *Academy of Management Review*. 2002. Vol. 27, N 1. P. 17–40. <https://doi.org/10.5465/AMR.2002.5922314>.
12. Misztal B. A. *Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order*. Cambridge: Polity Press, 1996. 296 p.
13. Штомпка П. *Доверие – основа общества*. М.: Логос, 2016. 440 с.
14. Burton N., Vu M. Ch. The Light and the Dark of Mindful Social Capital: Right Mindfulness and Social Capital Development // *European Management Review*. 2021. Vol. 18, is. 1. P. 137–150. <https://doi.org/10.1111/emre.12427>.
15. Hoorn A. Trust radius versus trust level: radius of trust as a distinct trust construct // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79, is. 6. P. 1256–1259. <https://doi.org/10.1177/0003122414555398>.
16. Урри Дж. *Мобильности*. М.: Праксис, 2012. 576 с.
17. Frey V., Buskens V., Corten R. Investments in and returns on network embeddedness: An experiment with trust games // *Social Networks*. 2019. Vol. 56. P. 81–92. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2018.07.006>.
18. A trust model for analysis of trust, influence and their relationship in social network communities / Y. Asim, A. K. Malik, B. Raza, A. R. Shahid // *Telematics and Informatics*. 2019. Vol. 36. P. 94–116. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.11.008>.
19. Гидденс Э. *Последствия современности*. М.: Праксис, 2011. 352 с.
20. Vallier K. *Must Politics Be War? Restoring Our Trust in the Open Society*. New York: Oxford University Press, 2019. 248 p.

References

1. Leenders R. Chapter: Social Capital. Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining; R. Alhajj, J. Rokne, eds. 2nd ed. New York, Springer Publ., 2018, pp. 1759–1770. <https://doi.org/10.1007/978-1-4939-7131-2>
2. Kadushin Ch. Understanding social networks: theories, concepts and findings. New York, Oxford University Press, 2012. 264 p.
3. Koleman J. Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social Capital in the Creation of Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = *Social Sciences and Contemporary World*, 2001, no. 3, pp. 122–139.
4. Tzanakis M. Social Capital in Bourdieu's, Coleman's and Putnam's Theory: Empirical Evidence and Emergent Measurement Issues. *Educate*, 2013, vol. 13, no. 2, pp. 2–23.
5. Lin N. Building a Network Theory of Social Capital. *Connection*, 1999, vol. 22, is. 1, pp. 28–51.
6. Akçomak I. S. Social Capital of Social Capital Researchers. *Review of Economics and Institutions*, 2011, vol. 2, no. 2. <https://doi.org/10.5202/rei.v2i2.32>
7. Putnam R. Chtoby demokratiya srabotala: grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1996. 287 p.
8. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242–266. <https://doi.org/10.2307/259373>
9. Subash S. P. Social network analysis. Quantitative methods for social sciences. New Delhi, ICAR-National Institute of Agricultural Economics and Policy Research, 2019, pp. 335–350.
10. Stadtfeld Ch., Takács K., Vörös A. The Emergence and Stability of Groups in Social Networks. *Social Networks*, 2020, vol. 60, pp. 129–145. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2019.10.008>
11. Adler P. S., Kwon S-W. Social capital: prospects for a new concept. *Academy of Management Review*, 2002, vol. 27, no. 1, pp. 17–40. <https://doi.org/10.5465/AMR.2002.5922314>
12. Misztal B. A. Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order. Cambridge, Polity Press, 1996. 296 p.
13. Sztompka P. Doverie – osnova obshchestva [Trust is the foundation of society]. Moscow, Logos Publ., 2014. 440 p.
14. Burton N., Vu M. Ch. The Light and the Dark of Mindful Social Capital: Right Mindfulness and Social Capital Development. *European Management Review*, 2021, vol. 18, is. 1, pp. 137–150. <https://doi.org/10.1111/emre.12427>
15. Hoorn A. Trust radius versus trust level: radius of trust as a distinct trust construct. *American Sociological Review*, 2014, vol. 79, is. 6, pp. 1256–1259. <https://doi.org/10.1177/0003122414555398>
16. Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. Moscow, Praksis Publ., 2012. 576 p.
17. Frey V., Buskens V., Corten R. Investments in and returns on network embeddedness: An experiment with trust games. *Social Networks*, 2019, vol. 56, pp. 81–92. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2018.07.006>
18. Asim Y., Malik A. K., Raza B., Shahid A. R. A trust model for analysis of trust, influence and their relationship in social network communities. *Telematics and Informatics*, 2019, vol. 36, pp. 94–116. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.11.008>
19. Giddens A. Posledstviya sovremennosti [The consequences of modernity]. Moscow, Praksis Publ., 2011. 352 p.
20. Vallier K. Must Politics Be War? Restoring Our Trust in the Open Society. New York, Oxford University Press, 2019. 248 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Заякина Раиса Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: r.a.zayakina@edu.nsuem.ru, ORCID: 0000-0002-2400-9136, Researcher ID: ABB-5066-2020

Raisa A. Zayakina, Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy and Humanities, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: r.a.zayakina@edu.nsuem.ru, ORCID: 0000-0002-2400-9136, Researcher ID: ABB-5066-2020

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-261-270>

Доверие как фактор, способствующий преодолению кросс-культурных барьеров в международном бизнесе

Ю. П. Тен¹ ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
пр. Ленинградский 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: YPTen@fa.ru

Резюме

Актуальность. В современных деловых коммуникациях доверие приобретает все большее значение для участников международных экономических отношений в связи с необходимостью минимизации кросс-культурных барьеров на пути к согласованию и в итоге достижению общих целей.

Цель – анализ доверия как социокультурного фактора, способствующего более эффективному преодолению кросс-культурных барьеров в международном бизнесе.

Задачи: изучить понятие доверия в контексте системного подхода; проанализировать трактовку доверия в универсальном конкретно-историческом контекстах.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались анализ научной литературы по проблеме исследования, диалектический метод, сравнительный метод, а также приемы обобщения и интерпретации.

Результаты. Обосновано положение о том, что в связи с процессами глобализации и интернационализации мировых экономических связей и отношений возрастает потребность в выработке общезначимых механизмов по преодолению этнолокальных характеристик доверия и к переходу к разработке общезначимой модели доверия. Подобная модель доверия имеет динамическую природу и исходит из предпосылок о необходимости развития кросс-культурной гибкости, кросс-культурной чувствительности в процессе формирования межкультурной компетентности.

Выводы. Вовлечение субъектов международных бизнес-коммуникаций в общий процесс формирования модели доверия в социоэкономической сфере за счет учета этнокультурных, социально-религиозных и иных факторов позволит ее участникам достигать более высокой степени взаимопонимания при принятии управленческих решений. Дальнейшие исследования феномена доверия должны углубить и расширить предложенные рекомендации по формированию модели доверия в бизнес-коммуникациях.

Ключевые слова: доверие; межкультурные бизнес-коммуникации; кросс-культурные барьеры бизнес-коммуникации; модель доверия; межкультурная управленческая компетенция.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Для цитирования: Тен Ю. П. Доверие как фактор, способствующий преодолению кросс-культурных барьеров в международном бизнесе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 261–270. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-261-270>.

Поступила в редакцию 05.08.2021

Принята к публикации 03.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Тен Ю. П., 2021

Trust as a Factor Contributing to Overcoming Cross-Cultural Barriers in International Business

Yulia P. Ten¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: YPTen@fa.ru

Abstract

Relevance. In current business communications, trust is becoming increasingly important for participants in international economic relations due to the need to minimize cross-cultural barriers to coordination and, as a result, to achieve common goals.

The purpose is to analyze trust as a socio-cultural factor that contributes to more effective overcoming of cross-cultural barriers in international business.

Objectives: to study the concept of trust in the context of a systematic approach; to analyze the interpretation of trust in a universal concrete historical context.

Methodology. In the process of working on the study, the analysis of scientific literature on the research problem, the dialectical method, the comparative method, as well as generalization and interpretation techniques were used.

Results. The article substantiates the position that in connection with the processes of globalization and internationalization of world economic relations and relations, there is an increasing need to develop generally significant mechanisms to overcome the ethno-local characteristics of trust and to move to the development of a generally significant model of trust. Such a model of trust has a dynamic nature and proceeds from the prerequisites of the need to develop cross-cultural flexibility, cross-cultural sensitivity in the process of forming intercultural competence.

Conclusions. the involvement of subjects of international business communications in the overall process of forming a model of trust in the socio-economic sphere by taking into account ethno-cultural, socio-religious and other factors will allow its participants to achieve a higher degree of mutual understanding when making managerial decisions. Further research on the phenomenon of trust should deepen and expand the proposed recommendations on the formation of a model of trust in business communications.

Keywords: trust; cross-cultural business communication; cross-cultural barriers of business communication; trust model; cross-cultural management competence.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

For citation: Ten Yu. P. Trust as a Factor Contributing to Overcoming Cross-Cultural Barriers in International Business. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 261–270. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-261-270>.

Received 05.08.2021

Accepted 03.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

В современных международных бизнес-коммуникациях доверие получает все более важное звучание для предпринимателей, политических и общественных деятелей, менеджеров, сотрудников компаний. Дело в том, что именно на основе ценности доверия возможно наиболее эффективное сотрудничество между

субъектами экономической деятельности. Еще Ф. Фукуяма указывал на то, что благополучие общества, как и его способность к конкуренции и развитию, обусловлено уровнем доверия [1]. Доверие следует рассматривать как значимый элемент стабильности социальной системы, фактор экономического роста и способности общества к институциональным

инновациям. В условиях глобализации рынков доверие становится «заметным фактором формирования долгосрочных взаимовыгодных отношений, позволяющих каждому из партнеров более эффективно достигать стратегических целей» [2, с.122]. Доверие между организациями – важная независимая переменная совместной работы по расширению сотрудничества, экономии транзакционных издержек, улучшения возможностей и повышения стратегической гибкости [3]. Низкая степень доверия или ее отсутствие фактически ведет к издержкам в бизнесе. Компания облагается своеобразным «налогом» за отсутствие к ней доверия со стороны партнеров по бизнесу. В свою очередь, доверие к компании расценивается как своеобразная «прибыль» [4]. Таким образом, доверие может выступать источником устойчивого конкурентного преимущества и фактором повышения эффективности бизнеса за счет сокращения транзакционных издержек. В большинстве случаев подобные затраты связаны с дополнительными механизмами контроля, которые необходимо создавать для обеспечения стабильности хозяйственных отношений в условиях неопределенности [2, с.122].

Как в ответ на запрос бизнеса в науке с 90-х гг. XX в. наблюдается активный всплеск интереса к феномену доверия. Эта проблема вызывает интерес у ученых из различных областей – от социальной психологии, экономической социологии, организационного поведения до стратегического управления, сравнительного менеджмента. Обращение к изучению этого понятия свидетельствует о наличии определенных проблемных областей в сфере бизнес-взаимодействий, для интерпретации и разрешения которых используется эта категория. Отсюда целью исследования выступает анализ доверия, анализ феномена доверия как фактор, способствующий минимизации барьеров в межкультурных бизнес-коммуникациях.

Авторская гипотеза состоит в предположении, что доверие является категорией, изучение которой должно иметь системный междисциплинарный характер. Предполагается, что доверие как социокультурный феномен имеет два основных измерения – универсальное и национально-специфическое. Интерпретация доверия носит как вербальный, так и невербальный характер акторами межкультурной коммуникации. При этом для каждого из участников коммуникации доверие воспринимается как многоликий феномен, который воплощает в себе как универсальные (рационально-понятийные, обусловленные институциональным характером этого феномена), так и эмоционально-аффективные характеристики, которые предопределены особенностями «ментальных программ» (термин Г. Хофстеде) [5].

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды зарубежных ученых в области исследования феномена доверия. Автором используются такие методы, как логический анализ и синтез научной литературы по проблеме исследования, сравнительный метод, а также приемы обобщения и интерпретации.

Автор исходит из положения о том, что доверие – категория междисциплинарная: без учета идей, представлений и знаний из разных научных направлений – социальной психологии, организационного поведения, менеджмента, социологии, философии, деловой этики, культурологии и др., – фактически невозможно построить модель доверия как механизма преодоления кросс-культурных барьеров в международных бизнес-коммуникациях.

Результаты и их обсуждение

Современные тренды, которые несет мощным потоком глобализация бизнесу, – инновационные технологии в раз-

ных сферах и отраслях производства, внедрение цифровых бизнес-моделей, сокращение бизнес-циклов, развитие цифрового партнерства и проч., приводят к интенсификации деловых взаимодействий. Развитие названных трендов происходит на фоне резко возрастающей степени усложнения социально-демографической, политико-экономической, этнокультурной среды международного бизнеса, что делает координацию человеческих отношений и взаимодействий все более сложной. Координация как согласование действий элементов между социально-экономическими субъектами как представителями разных культур для достижения общих целей может быть достигнута с помощью двух ключевых механизмов – контроля и доверия [6]. Безусловно, сами по себе механизмы контроля (выраженные в форме национальных и международных правовых норм, международных контрактов и т. д.) не могут справиться с сложнейшей задачей координации и преодоления различного рода кросс-культурных барьеров. Отсюда современные исследователи предлагают сконцентрироваться на изучении форм развития и поддержании доверия как ценности, которую следует больше учитывать при разработке механизмов координации. Если еще в конце XX в. это ученые воспринимали контроль и доверие как альтернативные механизмы координации, то в начале XXI столетия фиксируется тенденция восприятия обеих концепций скорее как взаимодополняющих, нежели альтернативных.

Следует заметить, что доверие – это не механизм контроля, а замена контроля. Доверие – это не эквивалент сотрудничества, а ключевое условие, которое может быть причиной или результатом сотрудничества. Расчетное (или когнитивное) доверие основано на рациональном выборе (то есть на вере в то, что другая сторона совершит действие, которое принесет пользу). Напротив, реляционное (или аффективное) доверие возни-

кает в результате повторяющихся взаимодействий с течением времени между двумя сторонами. Длительное взаимодействие приводит к формированию эмоционально-чувственных проявлений, в частности привязанностей, основанных на взаимной межличностной заботе и заботе [7].

Исследователи выявили три основные формы доверия в деловых отношениях в организациях.

Первая форма доверия в профессиональном контексте – это доверие, основанное на расчетах экономической отдачи и, следовательно, на рассмотрении выгод и затрат на поддержание отношений с руководителем.

Вторая форма доверия – это доверие, основанное на знаниях, которое определяется надежностью доверительного управляющего. В отличие от доверия, основанного на расчетах, надежность, основанная на знаниях, основана на информации, а не на сдерживании.

Третья и самая высокая форма доверия – это доверие, основанное на идентификации, которая основана на общих намерениях и целях доверительного управляющего и доверительного управляющего, вытекающих из их взаимопонимания [8].

С глобализацией деловой активности укрепление доверия все чаще включает в себя межкультурное взаимодействие. Как показывают результаты исследований зарубежных ученых, культурная дистанция между сторонами не препятствует вкладу установившегося доверия в производительность, а вместо этого препятствует процессу укреплению доверия. Культурная дистанция не является модератором ассоциации «доверие – эффективность», а, скорее, предиктором уровня укрепления доверия [9, p. 691]. Так, Ю. Луо выдвинул гипотезу о связи между доверием и эффективностью сдерживается культурной дистанцией между партнерами [9, p. 264]. Однако среди ученых есть пред-

положение о том, что культурные барьеры препятствуют первоначальному укреплению доверия, но как только доверие будет достигнуто, две стороны смогут успешно сотрудничать независимо от культурной дистанции [10].

Результатом анализа научной литературы по проблеме изыскания были выделены универсалистские и партикуляристские (культурно-специфические) направления изучения феномена доверия. Универсалистские точки зрения предполагают, что доверие является универсальной категорией, общей концепцией культуры (например, [3; 11]. Исследователи, «придерживающиеся этой точки зрения, часто принимают западное, а точнее, североамериканское восприятие доверия и предполагают, что их концептуальное представление о доверии и его основные характеристики свойственны всем культурам» [12].

С конца 90-х гг. прошлого века этот универсальный исследовательский поток подвергается критике со стороны других исследователей [13; 14], которые полагают, что доверие является контекстно-зависимым понятием и поэтому системно варьируется от культуры к культуре: «...смысловое поле концепта “доверие” коррелирует со специфическими чертами актуального социокультурного пространства, аккумулирующего присущую данному обществу систему ценностей» [15]. Таким образом, это направление исследований подчеркивает важность изучения влияния культуры в международных доверительных отношениях [13; 16].

Как правило, большинство зарубежных сравнительных исследований доверия проводились в двух или более отдельных странах с акцентом на том, как различия между культурами этих стран приводят к различным путям построения доверия в этих странах [17]. Интегрируя универсалистские аспекты в общую, более частную перспективу, ученые предположили, что одни черты доверия являются общекультурными, тогда как другие

более чувствительны к культурному контексту [18].

С авторской точки зрения, доверие – это культурная универсалия, важная составляющая социального взаимодействия в любой культуре. Вместе с тем доверие и недоверие (формы социальных практик) выступают как «репертуары социальных действий и взаимодействий», которые обусловлены как экзогенными (институциональной средой), так и эндогенными (ментальными установками индивидов и социальных групп) факторами [19, с. 20]. Отсюда трактовка доверия как универсальной категории человеческого общества может варьироваться от культуры к культуре, поскольку в каждой культуре складываются вербальные и невербальные коды для выражения понимания доверия и его выражения в коммуникациях.

Кросс-культурные барьеры в межкультурных бизнес-коммуникациях – это своего рода элементы, блокирующие в той или иной степени взаимопонимание между субъектами социально-экономических отношений. Данные барьеры могут быть внешними и внутренними. Внешние барьеры чаще всего могут быть преодолимы (например, шумы, искажения в интернет-соединении во время онлайн-встречи). Внутренние же барьеры нелегко преодолеть, особенно, если коммуниканты принадлежат к культурам с высокой степенью культурной дистанции. Внутренний характер барьеров обусловлен тем, что участники общения имеют определенные стереотипы и предрассудки относительно партнеров по коммуникации, им может быть свойственен в той или иной степени этноцентризм, который обусловлен длительностью и мерой влияния социокультурной среды, где они прошли основные этапы инкультурации.

Помимо различий в стилях и формах общения, знание языка является еще одним из труднопреодолимых препятствий для межкультурного общения, с которым

сталкиваются члены многонациональной команды. Так, Х. Тенцер, М. Пуделко и А.-В. Харцинг [20] обосновали положение о том, что языковые барьеры препятствуют укреплению доверия в многонациональных командах, в частности, когда разница в уровне владения общим языком среди членов многонациональной команды высока. Члены команды с низким уровнем владения языком воспринимаются высококвалифицированными ораторами как некомпетентные (низкая надежность на основе способностей), в то время как языковая тревога низкоквалифицированных носителей снижает их аффективное намерение доверять высококвалифицированным носителям.

Здесь важно отметить следующее. Хотя культурное разнообразие может повысить творческий потенциал команды, оно часто оказывает негативное влияние на развитие доверия в мультикультурных командах, особенно если члены команды не работают на одной территории, а географически рассредоточены и таким образом полагаются только на дистанционное, включая виртуальное, общение. Негативное влияние, вызванное культурными различиями на развитие доверия в многокультурных командах, можно смягчить за счет эффективного межкультурного общения, которое, однако, легче установить лицом к лицу, чем виртуально.

Сравнительные исследования доверия учитывают культурные эффекты, но они ограничены их акцентом на (статических) культурных различиях. Они часто не принимают во внимание (динамические) процессы развития доверия, которые происходят между представителями разных культур. Межкультурные исследования исследуют интерактивные и, следовательно, динамические аспекты развития доверия между актерами из разных культур [7; 21]. Исследования показывают, что построение доверия между участниками различных культур значительно отличается от построения доверия внутри одной и той же культуры

[12]. Когда люди из одной и той же культуры взаимодействуют друг с другом, сигналы доверия как надежности легче понять, поскольку они знакомы обеим сторонам. Напротив, в межкультурном контексте вовлеченные стороны имеют менее общее понимание ценностей и норм, поэтому процессы кодирования и декодирования могут быть более сложными [16]. В модели межкультурной коммуникации одна сторона – коммуникатор – посылает сигналы о своей надежности второй стороне – реципиенту. Доверенные лица получают и интерпретируют эти сигналы и впоследствии решают, насколько они доверяют отношениям. С точки зрения автора, не стоит недооценивать роль невербальных аспектов коммуникации, которые влияют на интерпретацию выражения доверия субъектами межкультурного взаимодействия.

Выводы

Недостаток работ в сфере исследований доверия в межкультурном контексте может быть результатом чрезмерного акцента на общих культурных различиях и недооценки эффектов, которые возникают в результате реальных взаимодействий между участниками из разных культур. Ряд исследований, посвященных влиянию культуры, предполагают, что степень культурного разнообразия достаточна для объяснения проблем, возникающих в межкультурных взаимодействиях. В частности, утверждается, что чем больше различий между двумя культурами, тем труднее установить между ними доверие [22]. Однако ряд исследователей предполагают, что культурные различия лишь косвенно влияют на развитие межкультурного доверия [12; 14]. На участников межкультурного взаимодействия влияют не только общие культурные различия, но и более специфические эффекты, возникающие в результате взаимодействия конкретных культур. Следовательно, исследование доверия на основе межкультурного взаимодействия вызывает

ет особый интерес к динамическим процессам, таким как процессы взаимного обучения, адаптации и переговоров [12].

Хотя различия между культурами субъектов бизнес-коммуникаций может вести к снижению уровня доверия, но они также могут предоставить участникам ценную возможность учиться друг у друга, что может облегчить их процесс построения взаимного доверия [14]. Два фактора, которые имеют решающее значение для качества культурного взаимодействия, – это адаптивное обучение и способность и желание вкладывать время и усилия. Когда акторы из разных культур обладают высокой способностью к адаптивному обучению и высокой готовностью вкладывать время и усилия в межкультурные переговоры и сотрудничество, эти аспекты могут фактически способствовать процессам, посредством которых они развивают доверие [14; 16].

Для формирования доверия в плане минимизации кросс-культурных барьеров в бизнес-коммуникациях необходимо развивать межкультурную управленческую компетенцию. Дело в том, что в основе доверия лежит сочетание характера человека с его компетентностью [4]. Межкультурная управленческая компетенция – это концепция и практический инструмент в менеджменте и международном бизнесе; предстает как «знания, навыки, способности и другие характеристики, которые позволяют учиться и адаптироваться к незнакомым культурам» [23, с. 276].

Для того чтобы стать по сути многонациональным в своих управленческих способностях, менеджеры нуждаются в глобальном лидерстве и обучении [24]. А. Фиш и Дж. Вуд считают, что «лица, принимающие решения, должны вместо этого развивать более гибкое понимание широкой компетенции, которая обеспечивает фокус для международной управленческой деятельности» [24, р. 40]. Чем чаще и глубже менеджеры взаимодействуют с людьми из разных культур, тем

больше будет происходить социальное обучение и межкультурное развитие навыков и умений. Действительно, межкультурные взаимодействия теперь остаются в пределах международных границ, поскольку многокультурные и разнообразные организации все больше становятся нормой. Отсюда формируется «глобальная модель лидерских управленческих компетенций» [25], в которой менеджерам надо играть «глобальные лидерские роли [26; 27]. Отсюда развитие межкультурной управленческой компетентности становится важным фактором для более успешного преодоления кросс-культурных барьеров для общения в мультикультурной бизнес-среде [28].

Доверие как социокультурный феномен следует больше учитывать при разработке механизмов координации в межкультурном деловом общении в социально-экономической сфере. Наиболее значимые индикаторы, позволяющие прогнозировать успешность бизнес-отношений, – это доверие и получаемая выгода. Именно они формируют новую схему исследования, моделирующего «деловые партнерские отношения на ранних этапах формирования и позволяющего прогнозировать качество партнерских отношений с учетом долгосрочных перспектив, что позволит преодолеть искусственно выстраиваемые ограничения в мировой экономике и стать мощным стимулом глобального экономического роста» [2, с. 122].

В заключение следует отметить, что в связи с процессами глобализации и интернационализации мировых экономических связей и отношений возрастает потребность в выработке общезначимых механизмов по преодолению этнолокальных характеристик доверия и к переходу к разработке общезначимой модели доверия. Подобная модель доверия имеет динамическую природу и исходит из предпосылок о необходимости развития кросс-культурной гибкости, кросс-культурной чувствительности в процессе

формирования межкультурной компетентности. Главным выводом является положение о том, что именно вовлечение субъектов международных бизнес-коммуникаций в общий процесс формирования модели доверия в социально-экономической сфере за счет учета этнокультурных, социально-религиозных и иных факторов позволит ее участникам достигать более высокой степени взаимопонимания при принятии управленческих решений. Дальнейшие исследования

феномена доверия должны углубить и расширить предложенные рекомендации по формировании модели доверия в бизнес-коммуникациях.

Будущие исследования должны в большей степени охватывать перспективу доверия в бизнес-коммуникациях на основе учета факта кросс-культурных барьеров. С ростом межкультурного взаимодействия тема доверия в исследованиях кросс-культурного менеджмента, безусловно, заслуживает повышенного внимания.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.
2. Кухарчук Д. В. Доверие как фактор эффективности делового партнерства // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 6. С. 118-122.
3. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust // *Academy of Management Review*. 1995. N 20. P. 709–734.
4. Кови С., Меррилл Р. Скорость доверия. То, что меняет всё. М.: Альпина Паблишер, 2016. 426 с.
5. Hofstede G. *Culture's consequences. International differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage Publication, 1980. 475 p.
6. Weibel A., Six F. Trust and control: The role of intrinsic motivation. *Handbook of advances in trust*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. P. 57–81.
7. McAllister D. J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations // *Academy of Management Journal*. 1995. N 38. P. 24–59.
8. Affective trust in Chinese leaders: Linking paternalistic leadership to employee performance / X.-P. Chen, M. B. Eberly, T.-J. Chiang, J.-L. Farh, B. S. Cheng // *Journal of Management*. 2014. N 40. P. 796–819.
9. Luo Y. Building Trust in Cross-Cultural Collaborations: Toward a Contingency Perspective // *Journal of Management*. 2002. N 28(5). P. 669–694.
10. Doney P. M., Cannon J. P., Mullen M. R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // *Academy of Management Review*. 1998. N 23. P. 601–620.
11. Schoorman F. D., Mayer R. C., Davis J. H. An integrative model of organizational trust: Past, present, and future // *Academy of Management Review*. 2007. N 32. P. 344–354.
12. Pudelko M., Li J. The Role of Trust in Cross-Cultural Management // *Handbook of Contemporary Cross-Cultural Management* / ed. by B. Szkudlarek, L. Romani, D. V. Caprar, J. Osland. London: SAGE, 2020. <https://doi.org/10.4135/9781529714340.n25>.
13. Doney P. M., Cannon J. P., Mullen M. R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // *Academy of Management Review*. 1998. N 23. P. 601–620.
14. Li J. Intercultural trust and trust-building: The contexts and strategies of adaptive learning in acculturation // *Handbook of advances in trust research*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. P. 146–173.
15. Синявина Н. В. Доверие как концепт в контексте культурологического подхода // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2020. № 1 (93). С. 26–31. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2020-10103>
16. Johnson J. L., Cullen J. B. Trust in cross-cultural relationships // *The Blackwell handbook of cross-cultural management*. Oxford: Blackwell, 2002. P. 335–360.
17. Zaheer S., Zaheer A. Trust across borders // *Journal of International Business Studies*. 2006. N 37. P. 21–29.

18. Leader-member exchange and safety citizenship behavior: The mediating role of coworker trust / J. Li, L. Feng, L. Yong Juan, L. Rui // *Work*. 2017. N 56. P. 387–395.
19. Глушко И. В. Доверие и недоверие как социальные практики российского общества: методология трансдисциплинарного исследования и социальная реальность: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2016. 53 с.
20. Tenzer H., Pudelko M., Harzing A.-W. The impact of language barriers on trust formation in multinational teams // *Journal of International Business Studies*. 2014. N 45. P. 508–535.
21. Boersma M. F., Buckley P. J., Ghauri P. N. Trust in international joint venture relationships // *Journal of Business Research*. 2003. N 56. P. 1031–1042.
22. Bond M. H. Cross-cultural social psychology and the real world of culturally diverse teams and dyads // *Cross-cultural management: Foundations and future*. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 43–59.
23. Cross-cultural competence: The role of emotion regulation ability and optimism / B. C. Trejo, E. M. Richard, M. van Driel, D. P. McDonald // *Military Psychology*. 2015. N 27(5). P. 276–286. <https://doi.org/10.1037/mil0000081>.
24. Fish A., Wood J. Cross cultural management competence in Australian business enterprises' // *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 1997. Vol. 35, N 1. P. 37–52.
25. Developing global leadership competencies: a process model / M. E. Mendenhall, T. J. Weber, A. A. Arnadottir, G. R. Oddou // *Advances in Global Leadership*. 2017. N 10. P. 117–146.
26. Contextualizing leadership: a typology of global leadership roles / B. S. Reiche, A. Bird, M. E. Mendenhall, J. S. Osland // *Journal of International Business Studies*. 2017. Vol. 48. P. 552–572.
27. Bird A., Mendenhall M. E. From cross-cultural management to global leadership: Evolution and adaptation // *Journal of World Business*. 2016. N 51(1). P.115–126.
28. Michailova S., Holden N., Paul S. Conceptualizing cross-cultural Management competence // *Handbook of Contemporary Cross-Cultural Management* / ed. by B. Szkudlarek, L. Romani, D. V. Caprar, J. Osland. London: SAGE, 2020. <https://doi.org/10.4135/9781529714340.n35>.

References

1. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Moscow, ACT Publ., 2006. 230 p.
2. Kukharchuk D. V. *Doverie kak faktor ehffektivnosti delovogo partnerstva* [Trust as a factor of efficiency of business partnership]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2019, no. 6, pp. 118-122.
3. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*, 1995, no. 20, pp. 709–734.
4. Kovi S., Merrill R. *Skorost' doveriya. To, chto menyaet vse* [The speed of trust. What changes everything]. Moscow, Al'pina Publisher, 2016. 426 p.
5. Hofstede G. *Culture's consequences. International differences in work-related values*. Beverly Hills, Sage Publication, 1980. 475 p.
6. Weibel A., Six F. *Trust and control: The role of intrinsic motivation*. Handbook of advances in trust. Cheltenham, Edward Elgar, 2013, pp. 57–81.
7. McAllister D. J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. *Academy of Management Journal*, 1995, no. 38, pp. 24–59.
8. Chen X.-P., Eberly M. B., Chiang T.-J., Farh J.-L., Cheng B. S. Affective trust in Chinese leaders: Linking paternalistic leadership to employee performance. *Journal of Management*, 2014, no. 40, pp. 796–819.
9. Luo Y. Building Trust in Cross-Cultural Collaborations: Toward a Contingency Perspective. *Journal of Management*, 2002, no. 28(5), pp. 669–694.
10. Doney P. M., Cannon J. P., Mullen M. R. Understanding the influence of national culture on the development of trust. *Academy of Management Review*, 1998, no. 23, pp. 601–620.
11. Schoorman F. D., Mayer R. C., Davis J. H. An integrative model of organizational trust: Past, present, and future. *Academy of Management Review*, 2007, no. 32, pp. 344–354.

12. Pudelko M., Li J. The Role of Trust in Cross-Cultural Management. Handbook of Contemporary Cross-Cultural Management; ed. by B. Szkudlarek, L. Romani, D. V. Caprar, J. Osland. London, SAGE, 2020. <https://doi.org/10.4135/9781529714340.n25>
13. Doney P. M., Cannon J. P., Mullen M. R. Understanding the influence of national culture on the development of trust. *Academy of Management Review*, 1998, no. 23, pp. 601–620.
14. Li J. Intercultural trust and trust-building: The contexts and strategies of adaptive learning in acculturation. Handbook of advances in trust research. Cheltenham, Edward Elgar, 2013, pp. 146–173.
15. Sinyavina N. V. Doverie kak kontsept v kontekste kul'turologicheskogo podkhoda [Trust as a concept in the context of a culturological approach]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvaennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2020, no. 1 (93), pp. 26–31. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2020-10103>
16. Johnson J. L., Cullen J. B. Trust in cross-cultural relationships. The Blackwell handbook of cross-cultural management. Oxford, Blackwell, 2002, pp. 335–360.
17. Zaheer S., Zaheer A. Trust across borders. *Journal of International Business Studies*, 2006, no. 37, pp. 21–29.
18. Li J., Feng L., Yong Juan L., Rui L. Leader-member exchange and safety citizenship behavior: The mediating role of coworker trust. *Work*, 2017, no. 56, pp. 387–395.
19. Glushko I. V. Doverie i nedoverie kak sotsial'nye praktiki rossiiskogo obshchestva: metodologiya transdistsiplinarnogo issledovaniya i sotsial'naya real'nost'. Avtoref. diss. dokt. filos. nauk [Trust and distrust as social practices of Russian society: methodology of transdisciplinary research and social reality. Dr. philos. sci. abstract diss.]. Rostov-on-Don, 2016. 53 p.
20. Tenzer H., Pudelko M., Harzing A.-W. The impact of language barriers on trust formation in multinational teams. *Journal of International Business Studies*, 2014, no. 45, pp. 508–535.
21. Boersma M. F., Buckley P. J., Ghauri P. N. Trust in international joint venture relationships. *Journal of Business Research*, 2003, no. 56, pp. 1031–1042.
22. Bond M. H. Cross-cultural social psychology and the real world of culturally diverse teams and dyads. Cross-cultural management: Foundations and future. Aldershot, Ashgate, 2003, pp. 43–59.
23. Trejo B. C., Richard E. M., van Driel M., McDonald D. P. Cross-cultural competence: The role of emotion regulation ability and optimism. *Military Psychology*, 2015, no. 27(5), pp. 276–286. <https://doi.org/10.1037/mil0000081>
24. Fish A., Wood J. Cross cultural management competence in Australian business enterprises'. *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 1997, vol. 35, no. 1, pp. 37–52.
25. Mendenhall M. E., Weber, T. J., Arnadottir A. A., Oddou G. R. Developing global leadership competencies: a process model. *Advances in Global Leadership*, 2017, no. 10, pp. 117–146.
26. Reiche B. S., Bird A., Mendenhall M. E., Osland J. S. Contextualizing leadership: a typology of global leadership roles. *Journal of international business studies*, 2017, vol. 48, pp. 552–572.
27. Bird A., Mendenhall M. E. From cross-cultural management to global leadership: Evolution and adaptation. *Journal of World Business*, 2016, no. 51(1), pp. 115–126.
28. Michailova S., Holden N., Paul S. Conceptualizing cross-cultural Management competence. *Handbook of Contemporary Cross-Cultural Management*; ed. by B. Szkudlarek, L. Romani, D. V. Caprar, J. Osland. London, SAGE, 2020. <https://doi.org/10.4135/9781529714340.n35>

Информация об авторе / Information about the Author

Тен Юлия Павловна, доктор философских наук, профессор Департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: YPTen@fa.ru, ORCID: 0000-0003-2387-6243

Yulia P. Ten, Doctor of Philosophical Science, Professor of the Department of Management and Innovations of the Faculty "Higher School of Management", Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: YPTen@fa.ru, ORCID: 0000-0003-2387-6243

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-271-278>

Вызовы современности в ретроспекции долгосрочного тренда развития колониализма

А. И. Сироткина¹ ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т 49, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: sir_n@bk.ru

Резюме

Актуальность. Глобальный структурный кризис либеральной социально-экономической системы свидетельствует о необходимости разрешения накопившихся противоречий, что возможно исключительно при условии их комплексного анализа с поиском причин их порождения. В частности, в данных условиях реактуализируется политэкономический подход к анализу глобальной социально-экономической системы, ранее выявивший присущую ей иерархичность. Таким образом, исследование социально-экономической системы неокOLONИализма вновь приобретает актуальность.

Целью проведённого исследования является выявление черт социально-экономической системы неокOLONИализма как одной из главнейших причин возникшего глобального структурного кризиса.

Задачи. Указанная цель достигается путём решения следующих задач: выявление реально существующей в глобальном масштабе социально-экономической системы неокOLONИализма, продолжающей существовать и развиваться после номинального распада империй в 60-х годах XX века, а также репрезентации её деструктивного влияния на развитие глобальной социально-экономической системы.

Методология. Решение указанных задач осуществляется путём применения общенаучных методов исследования в рамках логического, статистического и сравнительного анализа.

Результатом проведённого исследования является подтверждение существования социально-экономической системы неокOLONИализма, оказывающей решающее влияние на глобальную социально-экономическую систему.

Выводы. Проведённое исследование применимо для структурного анализа глобальных социально-экономических процессов, а также формирования междисциплинарных теоретических моделей, раскрывающих деструктивные процессы, происходящие в современной рыночной мир-системе, и позволяющих в поиске способов выхода из сложившегося глобального всестороннего кризиса, что является в особенности актуальным для России, находящейся в колониальном положении и обладающей всей гаммой свойств, характерных для стран периферии мировой капиталистической системы, что влечёт за собой все свойственные данному положению вызовы.

Ключевые слова: колониализм; неокOLONИализм; глобальная империя.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сироткина А. И. Вызовы современности в ретроспекции долгосрочного тренда развития колониализма // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 271–278. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-271-278>.

Поступила в редакцию 07.08.2021

Принята к публикации 02.09.2021

Опубликована 29.10.2021

© Сироткина А. И., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(5): 271–278

The Modern Challenges in Retrospect of the Long-Term Trend in the Development of Colonialism

Anastasia I. Sirotkina¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Prospect, Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: sir_n@bk.ru

Abstract

Relevance. The global structural crisis of the liberal socio-economic system indicates the need to resolve the accumulated contradictions, which is possible only if they are comprehensively analyzed, and the reasons for their generation are found. In particular, under these conditions, the political economic approach to the analysis of the global socio-economic system, which previously revealed its inherent hierarchy, is being reactualized. Thus, the study of the socio-economic system of neocolonialism is becoming relevant again.

The purpose of the study is to identify the features of the socio-economic system of neocolonialism as one of the main causes of the global structural crisis that has arisen.

Objectives. This goal is achieved by solving the following objectives: identifying the socio-economic system of neocolonialism that really exists on a global scale, which continues to exist and develop after the nominal collapse of empires in the 60's of the 20th century, as well as representing its destructive impact on the development of the global socio-economic system.

Methodology. The solution of these tasks is carried out by applying general scientific research methods within the framework of logical, statistical and comparative analysis.

The result of the conducted research is the confirmation of the existence of the socio-economic system of neocolonialism, which has a decisive influence on the global socio-economic system.

Conclusions. The conducted research is applicable for the structural analysis of global socio-economic processes, as well as the formation of interdisciplinary theoretical models that reveal the destructive processes taking place in the modern market world system and allow in the search for ways out of the current global comprehensive crisis, which is especially relevant for Russia, which is in a colonial situation, and has the whole range of properties characteristic of the countries of the periphery of the world capitalist system, which entails all the challenges inherent in this situation.

Keywords: neo-colonialism; neo-imperialism; global empire.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Sirotkina A. I. The Modern Challenges in Retrospect of the Long-Term Trend in the Development of Colonialism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 271–278. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-271-278>.

Received 07.08.2021

Accepted 02.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

Колониализм, продолжающий существовать после номинального освобождения стран-колоний, развивается и трансформируется в противостоянии разнонаправленных тенденций – разрешения возникающих противоречий в условиях открытого конфликта и их сглаживания [1, с. 214–216]. В связи с тем, что колониализм является неотъемлемой частью современной (постсоветской, посткризис-

ной и постпандемической) рыночной мир-системы [2, с. 87–100], исследование структуры социально-экономической системы неоколониализма вызывает особый интерес, что, в частности, обусловлено глобальным структурным кризисом, требующим принятия незамедлительных мер по его разрешению.

Процесс расширенного воспроизводства социально-экономической системы неоколониализма, развивающийся в глобализационных условиях, привёл к

трансформации структуры указанной системы, а также форм социально-экономических отношений, присущих ей.

Деградация института государства, сопровождающаяся упразднением всех демократических достижений рыночной цивилизации, вызванная возрастанием экономической мощи транснациональных коммерческих структур, а также наднациональных структур при помощи интернационализации производства, свидетельствует о ликвидации базовых институтов капиталистического общества, а также формировании классового общества в рамках глобальной Империи [3, с. 137–146], где богатства концентрируются на верхнем уровне социально-экономической пирамиды, что означает сокращение благосостояния на нижних уровнях [4].

Эрозия социальной защиты и гражданских свобод населения в глобальном масштабе, вызванная реализацией экономических интересов крупнейших субъектов социально-экономической деятельности, роль которых в международных экономических отношениях возрастает, выводит на первый план вопрос о поиске способов накопившихся противоречий, которые привели к глобальному структурному кризису.

Таким образом, проявляющиеся черты глобальной Империи реактуализируют необходимость исследования современной формы социально-экономической системы неокOLONиализма в сложившихся условиях.

Материалы и методы

Исследование современной формы неокOLONиализма невозможно без комплексного ретроспективного анализа как форм и сущностей противоречий колониализма, так и методов их разрешения.

Всю совокупность противоречий колониальной системы классическая политическая экономия разделяет на 2 крупные категории:

1) межимпериалистические противоречия;

2) внутриимпериалистические противоречия, возникающие между империалистическими державами и колониями (зависимыми странами).

Противоречия, возникающие между развитыми странами (группами стран) за стабильное и рентабельное присутствие в колониях, являются межимпериалистическими противоречиями. Указанные противоречия по своей сути являются конкурентным противостоянием за ресурсы и рынки сбыта, которое сводится к конкурентной борьбе великих держав за политический и экономический раздел мира [5, с. 136–137].

В свою очередь, внутриимпериалистические противоречия в общем виде представляют собой воплощение противоречий между колонизаторами и колонизируемыми. В подробном исследовании К. Аке «Политическая экономия Африки» [6] выделяет следующие виды противоречий колониализма: «между колониальным капиталом и зарождающейся мелкой буржуазией, между колониальным капиталом и наемным трудом, между колониальным капиталом и крестьянством» [6, с. 130].

Результатами разрешения межимпериалистических противоречий являлись две мировые войны: Первая мировая война (1914–1918 гг.) [7, с. 340–352], Вторая мировая война (1939–1945 гг.) [8, с. 480–491].

Внутриимпериалистические противоречия были разрешены борьбой за независимость, драйвером которой являлась мелкая буржуазия, являвшаяся порождением колониализма [6, с. 131]. Проникнутое культурой и ценностями колонизаторов местное население питало надежды по приобщению к привилегиям и образу жизни европейской буржуазии. Вместе с тем равноправные отношения между колонизаторами и колонизируемыми противостоят базовым законам колониальной идеологии. Таким образом, надеждам на

«справедливое» отношение не суждено было сбыться. В связи с этим монополизация колонизаторами власти привела к их «диалектическому отрицанию» [6, с. 141].

Результаты и их обсуждение

Историческое развитие глобальной рыночной системы, а также повышение её неустойчивости, сопровождающееся структурными изменениями мирового капиталистического хозяйства, способствует эскалации конфликтов в области сырьевых ресурсов, контроля рынков и геополитических регионов и, как следствие, обострению межимпериалистических противоречий [9].

Тектонические сдвиги мирового капиталистического хозяйства проявляют контуры межимпериалистических противоречий старого образца, которые дважды привели к войне за передел территории, рынков сбыта и сфер приложения капитала. Вместе с тем подобному разрешению межимпериалистических противоречий в настоящее время препятствует изменившаяся структура мира [10, с. 30], в которой широкое распространение приобретают гибридные войны, а также тенденция к объективизации субъектов глобальных социально-экономических отношений, из чего следует, что на смену открытому военному вмешательству пришла «мягкая сила» и инспирирование каскада так называемых революций («цветные революции» [11, с. 16–26], «арабская весна»), которые не привели к коренным изменениям в социально-экономической структуре государств, в которых они происходили.

Также не произошло и революционных изменений в структуре экономики формально деколонизированных стран, темпы экономического роста которых остались на низком уровне, что связано с заинтересованностью националистической верхушки в наследовании власти колонизаторов, а не в коренном изменении всей структуры хозяйствования и реализации прогрессивных требований масс

по достижению равенства, свободы, самоопределения, а также избавления от нищеты и угнетения.

Для нивелирования эффектов возникшего кризиса легитимности, подпитываемого революционным давлением снизу, правящий класс прибегнул к насильственному отстранению общества от политической жизни [12] и деградации публичной политики (что, в частности, характерно и для нынешней России [13]).

Отстранение подавляющего большинства населения от политической жизни также присуще гражданам стран ядра капиталистической системы [14, с. 427–434; 15, с. 152–164; 16, с. 162].

Данную тенденцию подтверждает общая абстрагируемость протестных манифестаций, не имеющих под собой подлинного содержания потребности в преобразованиях, необходимых для решения насущных человеческих нужд, что было присуще реальным политико-экономическим схваткам 1960-х и 1970-х годов. Иными словами, происходит замена истинных причин поводами для выплеска массами накопившегося в них негодования [17, с. 176–177].

Существующая закономерность между нарастающими кризисными явлениями и возникновением новых агентов влияния, а также проведением грандиозных массовых представлений, отмеченная в таких документальных фильмах, как «На прицеле ваш мозг» (1985 г.) Ф. М. Соболева и В. П. Олендера и «Пропаганда» (2012) С. Мартинова (по некоторым источникам фильм создан северокорейскими диссидентами), способствовала подмене подлинных протестов 60-х и 70-х годов XX века их иллюзиями.

Таким образом, политическая деятельность, являющая собой, в классическом определении В. И. Ленина, «концентрированным выражением экономики», теряет способность к трансформации не только экономической структуры общества, но и её надстроечной структуры – политической системы. Превращает-

мая в способ эмоциональной разрядки перестаёт быть областью осознанной и целенаправленной человеческой деятельности [18, с. 15–26], направленной на конструктивное разрешение возникший противоречий. Театрализация политических реалий свидетельствует об общей медиатизации социальной жизни вообще и гражданского сопротивления в частности. Возникают медиатизированные спекулятивные формы протеста, представляющие собой медиасобытия (с чертами игры, карнавала, спектакля), нежели социальный протест [19, с. 55–70], которому свойственно наличие оппозиционной программы (концепции) и определённых целей.

Виртуализация социальной жизни приводит к размытию границ между реальным событием и его репрезентацией в медиа. Приоритетное отношение к «реальному» как более важному, значительному и «истинному» в ущерб репрезентации уходит в небытие. Медиасобытие приобретает «собственную реальность, вбирающую внутрь себя реальность события, которое может ему предшествовать или не предшествовать» [20]. Подробное исследование феномена виртуализации приводится в работе М. Г. Делягина «Конец эпохи: осторожно двери открываются!» [21].

В свою очередь, подобные акции протеста потенциально теряют свою способность к изменению основ социально-экономических систем, порождающих возникающие в них кризисы. В качестве репрезентации можно привести «цветные революции», которые произвели замену экономических и политических персоналий власти, сохраняющих иллюзию перемен в обществе, но по сути реализую-

щих возврат к прежнему состоянию, попутно пытаясь поддержать рейтинг власти [22, с. 46–54].

Выводы

Достигнутая номинальная политическая независимость отнюдь не свидетельствует о том, что экономики деколонизированы. Развитие анклавного типа, заключающееся в том, что развитие и предоставление социальных благ сосредоточиваются в немногих городских центрах, усиление эксплуатации и зависимости, ведущие к консервации этих стран в условиях экономической отсталости, а также проявление грубейших форм сущности либеральной экономической системы – все это свидетельствует о сохранении колониальной системы в XXI в. В свою очередь, институциональное отчуждение индивидов в глобальном масштабе является индикатором контролируемого бессилия в решении глобального структурного кризиса.

Резюмируя, следует отметить, что неоколониализм в XXI в. продолжает своё существование и развитие в новых формах. В частности, в условиях снижения статуса института национального государства и общей объективацией классических субъектов геополитической и геоэкономической деятельности империалистическая власть осуществляется новыми субъектами социально-экономических отношений, которые формируют сетевую иерархическую структуру глобальной империи (единый хозяйствующий субъект [23, с. 6–18]), объектами воздействия которой становятся и национальные государства ядра капиталистической системы.

Список литературы

1. Сироткина А. И. Природа и устройство неоколониализма как экономической системы // Междисциплинарные исследования в экономике: сборник материалов IV Российского экономического конгресса «РЭК-2020» / составители: В. Н. Бобков, М. Ю. Урнов, Д. В. Ушаков. М.: Новая экономическая ассоциация, 2020. С. 214–216.

2. Сироткина А. И., Альпидовская М. Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность // Теоретическая экономика. 2020. № 12(72). С. 87–100.
3. Сироткина А. И. Новые субъекты геоэкономической конкуренции и сетевые (виртуальные) империи как идентифицирующий фактор сохранения колониальных отношений в новой экономической реальности // Новая экономическая реальность: концептуальные контуры бытия и обновления: материалы конференции / под ред. Н. В. Цхададзе, Д. П. Соколова. Краснодар: Изд-во НИИ экономики ЮФО, 2021. С. 137–146.
4. Альпидовская М. Л. От интеллектообщества к обществу колониальной демократии (накануне более важных перемен). URL: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/235-m-l-alpidovskaya-ot-intellektoobschestva-k-obschestvu-kolonialnoj-demokratii-nakanune-eshche-bolee-vazhnykh-peremen> (дата обращения: 17.06.2021).
5. Ацюковский В. А., Ермилов Б. Л. Краткий политэкономический толковый словарь. М.: УРСС, 1998. С. 136–137.
6. Аке К. Политическая экономия Африки. М.: Прогресс, 1985. 359 с.
7. Ростунов И. И. Первая мировая война 1914–1918 // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1975. Т. 19. С. 340–352.
8. Проэктор Д. М. Вторая мировая война 1939–1945 // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1971. Т. 19. С. 480–491.
9. Межимпериалистические противоречия и война. 1914–2014: 100 лет империалистической войны. URL: [https://www.iccr.gr/ru/news/--00113/#:~:text=1\)%20Рост%20внутриимпериалистических%20противоречий.%20В,важную%20роль%20в%20мировом%20господстве](https://www.iccr.gr/ru/news/--00113/#:~:text=1)%20Рост%20внутриимпериалистических%20противоречий.%20В,важную%20роль%20в%20мировом%20господстве) (дата обращения: 13.06.2021).
10. Политическая экономия современного монополистического капитализма: в 2 т. / под ред. Н. Н. Иноземцева. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 30.
11. Тертеров Г. «Цветные революции» // 21-й век. 2016. № 3 (40). С. 16–26.
12. Авакьян С. А., Гуценко К. Ф., Ковлер А. И. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Норма, 2000. 688 с.
13. Замятин А. А. Деполитизация: как нас отучали от политики. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/18498-depolitizatsiya-kak-nas-otluchali-ot-politiki> (дата обращения: 13.06.2021).
14. Alpidovskaya M., Stompeleva E. Digitalization of the Russian Economy: Institutional Strategies, Factors and Problems // Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow, 2020. P. 427–434.
15. Альпидовская М. Л. Цифровой Левиафан // Вопросы политической экономии. 2021. № 1(25). С. 152–164.
16. Лашевская А. Д. Социальный протест и социальная критичность: новые времена // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 2 (14). С. 176–177.
17. Жижек С. Неприятности в раю: от конца истории к концу капитализма. Екатеринбург: Гонзо, 2021. С. 162.
18. Авцинова Г. И., Воронина Е. Ю. Инновационные формы протестной активности молодежи // PolitBook. 2014. № 3. С. 15–26.
19. Ним Е. Г. «Игрушко митингуэ»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 1. С. 55–70.
20. Fiske J. Media matters: Everyday Culture and Political Change. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. 282 p.
21. Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Изд. 12-е. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. Т. 1. 832 с.
22. Шульц Э. Э. Технологии бунта: «цветные» революции и «арабская весна» // Угрозы и опасность. 2014. № 19 (256). С. 46–54.
23. Альпидовская М. Л., Соколов Д. П. Современные противоречия современной системы «хозяйствования» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. Т. 21, № 2. С. 6–18.

References

1. Sirotkina A. I. [The nature and structure of neocolonialism as an economic system]. *Mezhdisciplinarnye issledovaniya v ekonomike: sbornik materialov IV Rossiiskogo ekonomicheskogo kongressa "REK-2020"* [Interdisciplinary studies in Economics. Proceedings of the IV Russian economic Congress "RACK-2020"]. Moscow, New Economic Association, 2020, pp. 214–216. (In Russ.)
2. Sirotkina A. I., Alpidovskaya M. L. Neokolonializm XXI veka: globalizm i mir-sistemnost' [Neocolonialism of the XXI century: globalism and the world-system]. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*, 2020, no. 12(72.), pp. 87–100.
3. Sirotkina A. I. [New subjects of geo-economic competition and network (virtual) empires as an identifying factor for the preservation of colonial relations in the new economic reality]. *Novaya ekonomicheskaya real'nost': kontseptual'nye kontury bytiya i obnoveniya. Materialy konferentsii* [New economic reality: conceptual contours of being and renewal. Conference materials]. Krasnodar, Izdatelstvo NII ekonomiki YUFO, 2021, pp. 137–146. (In Russ.)
4. Alpidovskaya M. L. Ot intellektoobshchestva k obshchestvu kolonial'noi demokratii (nakanune bolee vaznykh peremen) [From the intellectual community to the society of colonial democracy (on the eve of more important changes)]. Available at: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/235-m-l-alpidovskaya-ot-intellektoobshchestva-k-obshchestvu-kolonialnoj-demokratii-nakanune-eshche-bolee-vaznykh-peremen>. (accessed 17.06.2021)
5. Atsyukhovskii V. A., Ermilov B. L. *Kratkii politekonomicheskii tolkovyi slovar'* [A short political economic explanatory dictionary]. Moscow, URSS Publ., 1998, pp. 136–137.
6. Ake K. *Politicheskaya ekonomiya Afriki* [The political economy of Africa]. Moscow, Progress Publ., 1985. 359 p.
7. Rostunov I. I. *Pervaya mirovaya voina 1914–1918* [World War I 1914-1918]. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia]; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1975, vol. 19, pp. 340–352.
8. Proektor D. M. *Vtoraya mirovaya Voina 1939–1945* [World War II 1939-1945]. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia]; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1971, vol. 19, pp. 480–491.
9. *Mezhimperialisticheskie protivorechiya i voina. 1914–2014: 100 let imperialisticheskoi voiny* [Inter-imperialist contradictions and war. 1914-2014: 100 years of the imperialist war]. Available at: [https://www.iccr.gr/ru/news/--00113/#:~:text=1\)%20Рост%20внутриимпериалистических%20противоречий.%20В,важную%20роль%20в%20мировом%20господстве](https://www.iccr.gr/ru/news/--00113/#:~:text=1)%20Рост%20внутриимпериалистических%20противоречий.%20В,важную%20роль%20в%20мировом%20господстве). (accessed 13.06.2021)
10. *Politicheskaya ekonomiya sovremennogo monopolisticheskogo kapitalizma* [The political economy of modern monopolistic capitalism]; ed. by N. N. Inozemtsev. Moscow, Mysl Publ., 1970, vol. 1, p. 30.
11. Terterov G. "Tsvetnye revolyutsii" ["Color revolutions"]. *21-i vek = 21st century*, 2016, no. 3 (40), pp. 16–26.
12. Avakyan S. A., Gutsenko K. F., Kovler A. I. *Konstitutsionnoe pravo. Entsiklopedicheskii slovar'* [Constitutional law. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Norma Publ., 2000. 688 p.
13. Zamyatin A. A. *Depolitizatsiya: kak nas otuchali ot politiki* [Depolitization: how we were weaned from politics]. Available at: <https://www.colta.ru/articles/society/18498-depolitizatsiya-kak-nas-otluchali-ot-politiki>. (accessed 13.06.2021)
14. Alpidovskaya M., Stompeleva E. *Digitalization of the Russian Economy: Institutional Strategies, Factors and Problems. Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2020, pp. 427–434.
15. Alpidovskaya M. L. *Tsifrovoi Leviafan* [Digital Levianfan]. *Voprosy politicheskoi ekonomii = Questions of Political Economy*, 2021, no. 1(25), pp. 152–164.
16. Lashevskaya A. D. *Sotsial'nyi protest i sotsial'naya kritichnost': novye vremena* [Social protest and social criticism: new times]. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University*, 2013, vol. 2 (14), pp. 176–177.
17. Zhizhek S. *Nepriyatnosti v rayu: ot kontsa istorii k kontsu kapitalizma* [Trouble in Paradise: from the End of History to the end of capitalism]. Ekaterinburg, Gonzo Publ., 2021, p. 162.

18. Avtsinova G. I., Voronina E. Yu. Innovatsionnye formy protestnoi aktivnosti molodezhi [Information forms of protest activity of young people]. *PolitBook*, 2014, no. 3, pp. 15–26.
19. Nim E. G. "Igrushko mitingue": v poiskakh teorii mediatizatsii grazhdanskogo protesta ["Igrushko mitingue": in search of a theory of mediatization of civil protest]. *Zhurnal issledovaniy socialnoi politiki = Journal of Social Policy Research*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 55–70.
20. Fiske J. *Media matters: Everyday Culture and Political Change*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1994. 282 p.
21. Delyagin M. G. *Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya!* [End of an era: watch out, the doors are opening!]. 12th ed. Moscow, IPRG, Knizhnyi mir Publ., 2019, vol. 1. 832 p.
22. Shults E. E. Tekhnologii bunta: "tsvetnye" revolyutsii i "arabskaya vesna" [Technologies of revolt: "color" revolutions and the "arab spring"]. *Ugrozy i bezopasnost = Threats and Security*, 2014, no. 19 (256), pp. 46–54.
23. Alpidovskaya M. L., Sokolov D. P. *Sovremennye protivorechiya sovremennoi sistemy "khozyaistvovaniya"* [The modern contradictions of the modern "tejnomy" system]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*, 2019, vol. 21, no. 2. pp. 6–18.

Информация об авторе / Information about the Author

Анастасия Ильинична Сироткина, соискатель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: sir_n@bk.ru

Anastasia I. Sirotkina, Applicant, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: sir_n@bk.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-279-290>**Жизнедеятельность нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в условиях пандемии**Т. И. Пак¹ ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект 49, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: tatianapak@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье с социологических позиций рассматривается влияние коронавирусной пандемии на жизнедеятельность нетрудоспособного населения. Предмет исследования – пандемия как фактор жизнедеятельности. Объект исследования – жизнедеятельность нетрудоспособного населения столичного мегаполиса. Социальный объект – носитель – нетрудоспособное население столичного мегаполиса. Дается анализ структуры «нетрудоспособного населения»; масштабы смертности среди этой группы по сравнению с другими возрастными группами, зависимость качества и продолжительности жизни нетрудоспособного по возрасту населения от условий городской среды столичного мегаполиса и реализации городских и социальных программ.

Цель исследования – изучить особенности восприятия городской среды нетрудоспособным населением в кризисных эпидемиологических условиях, ее влияние и степень их адаптации к данной среде.

Задачи: дать теоретическую и эмпирическую интерпретацию категории «нетрудоспособное население», которая у автора отличается от привычного определения данной категории; проанализировать масштабы смертности нетрудоспособного населения в условиях коронавирусной эпидемии; определить взаимозависимость смертности и адаптационного поведения нетрудоспособных; дать характеристику социально-демографического портрета витостраты «нетрудоспособное население».

Методология. Исследование проведено на базе социологического подхода с использованием частных социологических теорий: социология города, социология труда, теория социальных изменений (П. Штомпка), а также принципы социальной демографии [1].

Результаты. В ходе решения поставленных исследовательских задач автором были изучены негативные и позитивные факторы, влияющие на жизнедеятельность нетрудоспособного населения в допандемический период.

Выводы. Автором представлена новая интерпретация категории «нетрудоспособное население», дан ее социально-демографический портрет; проанализированы масштабы смертности нетрудоспособного населения в условиях пандемии; определены взаимозависимость смертности и адаптационного поведения нетрудоспособного населения.

Ключевые слова: жизнедеятельность; нетрудоспособное население; продолжительность жизни; факторы социальные; витострата; качество жизни; пандемия.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Благодарности: Автор выражает благодарность Департаменту труда и социальной защиты населения Москвы, оказавшему содействие в проведении авторского исследования, и своему научному руководителю, профессору Г. Г. Силласте.

Для цитирования: Пак Т. И. Жизнедеятельность нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в условиях пандемии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 279–290. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-279-290>.

Поступила в редакцию 18.08.2021

Принята к публикации 15.09.2021

Опубликована 29.10.2021

Vital Activity of the People with Disabilities and Pensioners of the Metropolitan City under Pandemic Conditions

Tatiana I. Pak¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Prospect, Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: tatianapak@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article considers the influence of the COVID-19 pandemic on the livelihoods of people with disabilities and pensioners from a sociological point of view. The subject of the research is a pandemic as a factor of vital activity. The object of the research is the vital activity of the people with disabilities and pensioners in pandemic situation. Social object is the people with disabilities and pensioners of the metropolitan city. The analysis of the structure of the "people with disabilities and pensioners" is given; the scale of mortality among this group in comparison with other age groups, the dependence of the quality and life expectancy of the age-disabled population on the conditions of the urban environment of the metropolitan and the implementation of urban and social programs.

The purpose of the study is to study the peculiarities of the perception of the urban environment by the people with disabilities and pensioners under the crisis epidemiological conditions, its influence and the degree of their adaptation to this environment.

Objectives: to give theoretical and empirical interpretation of the category of "the people with disabilities and pensioners", which differs from usual definition of this category by other authors; to analyze the scale of mortality of "the people with disabilities and pensioners" under coronavirus epidemic conditions; to determine the interdependence of mortality and adaptive behavior of this category of people; to characterize the socio-demographic portrait of Vitostrata of "the people with disabilities and pensioners".

Methodology. The study was carried out on the basis of a sociological approach using private sociological theories: sociology of the city, sociology of labor, the theory of social change (P. Štompka), as well as the principles of social demography [1].

Results. To solve the set of research tasks, the author studied the negative and positive factors affecting the life of "the people with disabilities and pensioners" in the pre-pandemic period.

Conclusions. The author presents a new interpretation of the category of "the people with disabilities and pensioners" and gives its socio-demographic portrait; analyzed the scale of mortality of this category of people in a pandemic; determined the interdependence of mortality and adaptive behavior of "the people with disabilities and pensioners".

Keywords: vital activity; people with disabilities and pensioners; life expectancy; quality of life; vitostrata; social factor; pandemic.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Acknowledgements: The author expresses gratitude to the Department of Labor and Social Protection of the Population of Moscow, which provided assistance in conducting the author's research, and to his supervisor, Professor G. G. Sillasta.

For citation: Pak T. I. Vital Activity of the People with Disabilities and Pensioners of the Metropolitan City under Pandemic Conditions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(5): 279–290. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-279-290>.

Received 18.08.2021

Accepted 15.09.2021

Published 29.10.2021

Введение

В 2019 г. мир вступил в ситуацию коронавирусной пандемии, из которой медленно выходит на протяжении 2021 г. За два года экстремальная ситуация внесла глобальные (в полном смысле этого

слова) изменения во все социальные процессы развития общества и все сферы жизнедеятельности москвичей: производственную, трудовую, духовную, жизненный уклад и продолжительность жизни населения. К сентябрю 2021 г., согласно

ежедневной мировой статистике, от коронавируса пострадали почти 230 млн человек, из которых выздоровели около 206 млн, умерли свыше 4,7 млн человек [2].

Вирусная инфекция стала объективным негативным фактором глобального воздействия, которое повлияло на трудовую, семейную, личную жизнь людей, распространяя чувство страха и отчуждения в обществе. Возникшая ситуация поставила общество и государство перед задачей поиска форм адаптации населения к изменившимся условиям с учетом жизнеспособности его разных социальных групп, что резко актуализировало исследовательский интерес социологов. Если проблемы выживания и адаптации трудоспособного взрослого населения к новым условиям широко исследуются и обсуждаются в обществе, то этого нельзя сказать относительно нетрудоспособного населения, чья адаптация почти не исследуется.

Сложилось социальное *противоречие* между резкой актуализацией демографической политики государства ввиду резкого снижения численности населения, с одной стороны, и слабой исследовательской доступностью жизнедеятельности нетрудоспособного населения – с другой. Сформировалось противоречие и между усилиями государства по ограничению распространения возможного заражения населения, с одной стороны, и преимущественной гибелью пожилого населения – с другой. В таких условиях добиваться улучшения качества жизни больных, страдающих хроническими заболеваниями, инвалидов и в целом нетрудоспособных стало крайне сложно.

В связи с этим постановка вопроса о влиянии коронавирусной пандемии на нетрудоспособное население столичного мегаполиса, его адаптацию к резко ухудшившимся социальным условиям приобрела злободневный характер.

Материалы и методы

Социальная группа «нетрудоспособное население», ее специфика и структура

В настоящее время понятие «нетрудоспособное население» используется довольно широко в повседневной и профессиональной лексике социально ориентированных специалистов. Но интерпретация понятия «нетрудоспособное население» зависит от применяемого научного подхода. Его можно рассматривать в разном профессионально-практическом ракурсе, свойственном юристам, экономистам, социологам и медикам при решении проблем здоровья, пенсионных выплат по возрасту и по инвалидности. При этом категория «нетрудоспособное население» чаще всего понимается как «население нетрудоспособного возраста (дети, пенсионеры) и инвалиды» [3].

В научном контексте проблемы нетрудоспособного населения рассматриваются с позиций медицинского, психологического, экономического и социологического подходов. Правовой подход состоит в разработке и применении в общественной практике законодательных документов и социально-правовых норм, регулирующих правовое поведение и гражданскую ответственность социальных институтов и организаций, связанных с оказанием помощи населению в защите прав человека на государственную помощь по охране здоровья, безопасности и неприкосновенности личности – качеств, сильно влияющих на продолжительность жизни человека, тем более в мегаполисе. Медицинский подход к проблемам нетрудоспособного населения – это исследования совершенствования медицинской помощи в ситуациях заболеваний, травм и охраны здоровья человека, расширения человеческого ресурса жизни (И. И. Мечников, В. Н. Анисимов, М. В. Соловьев, В. В. Фролькис) [4; 5; 6]. Медицинские исследования направлены в область профилактики нездорового образа жизни, внедрения технологий сокращения смертности, совер-

шенствования мер государства и медицины по усилению охраны здоровья человека и продления форм его жизнедеятельности. С позиций психологического подхода исследователи выявляют особенности и изменения психических функций и личностных качеств индивида, находящегося в ситуации либо возрастной нетрудоспособности, либо инвалидности (Л. А. Головей, В. В. Чавычалова) [7; 8]. Особое внимание психологи уделяют механизмам индивидуальной адаптации к инвалидности и старению, к болезням и убыванию ресурсов организма.

Социологический подход к изучению нетрудоспособного населения заключается в анализе функций и закономерностей воздействия социальных институтов и процессов, объективных и субъективных факторов на активную социальную деятельность, качество и продолжительность жизни данной социальной группы (В. Н. Бобков, А. В. Попов, М. Н. Руткевич, Силласте Г. Г., Ядов В. В.) [9; 10; 11; 12; 13]. В рамках социологического подхода понятие «нетрудоспособное население» имеет свою специфику. Автор поддерживает точку зрения профессора Г. Г. Силласте, рассматривая под категорией «нетрудоспособное население» совокупность групп нетрудоспособного населения, в которую входят как пенсионеры, которые считаются по закону нетрудоспособной частью населения, так и люди с ограниченными возможностями, инвалиды, потому что они также по закону считаются потерявшими трудоспособность. Это совокупная группа, к которой относятся уже неактивные трудоспособные люди на конкретных основаниях: инвалиды по закону считаются нетрудоспособными, пенсионеры считаются нетрудоспособными, так как по выходе на пенсию они имеют выбор и самостоятельно принимают решение – могут они дальше продолжать трудовую деятельность, сохраняя «остаточную трудоспособность», или нет. Но к этому возрасту у них заканчивается активный трудоспособный пе-

риод, и они уходят на заслуженный отдых. Данная авторская позиция развивается в диссертации.

Автор является сторонником позиции профессора Г. Г. Силласте, которая предлагает категорию «нетрудоспособное население» стратифицировать не через показатель возраста, а через приспособляемость к возможностям жизни, основываясь на значении латинского слова *vita* – жизнь. Нетрудоспособное население в этом контексте выступает в качестве витостраты, в основе которой индикатор жизне- и трудоспособности [14]. К этой витострате относятся люди с инвалидностью (установленной заключением комиссии учреждения медико-социальной экспертизы) и нетрудоспособные по возрасту, т. е. пенсионеры [14].

В своем анализе автор применяет термин «нетрудоспособное население» как витострату, рассматривая влияние коронавирусной пандемии на продолжительность жизни и здоровья нетрудоспособных по возрасту москвичей.

Результаты и их обсуждение

Масштабы смертности нетрудоспособного населения от коронавируса: сравнительный анализ

По информации Всемирной организации здравоохранения (who.int) и других информационных платформ (например, pronedra.ru), летальный исход от коронавируса имеет прямую зависимость от возраста (рис. 1).

Диаграмма показывает, что нетрудоспособное население испытывает наибольший удар от коронавируса в сравнении с другими возрастными группами. Данные свидетельствуют о том, что наибольший риск смертности COVID-19 представляет для престарелого населения (старше 84 по хронобиологической периодизации [15; 16]), для населения старческого возраста (от 77 до 84 лет), в 2 раза меньше для людей пожилого возраста (от 63 до 77 лет).

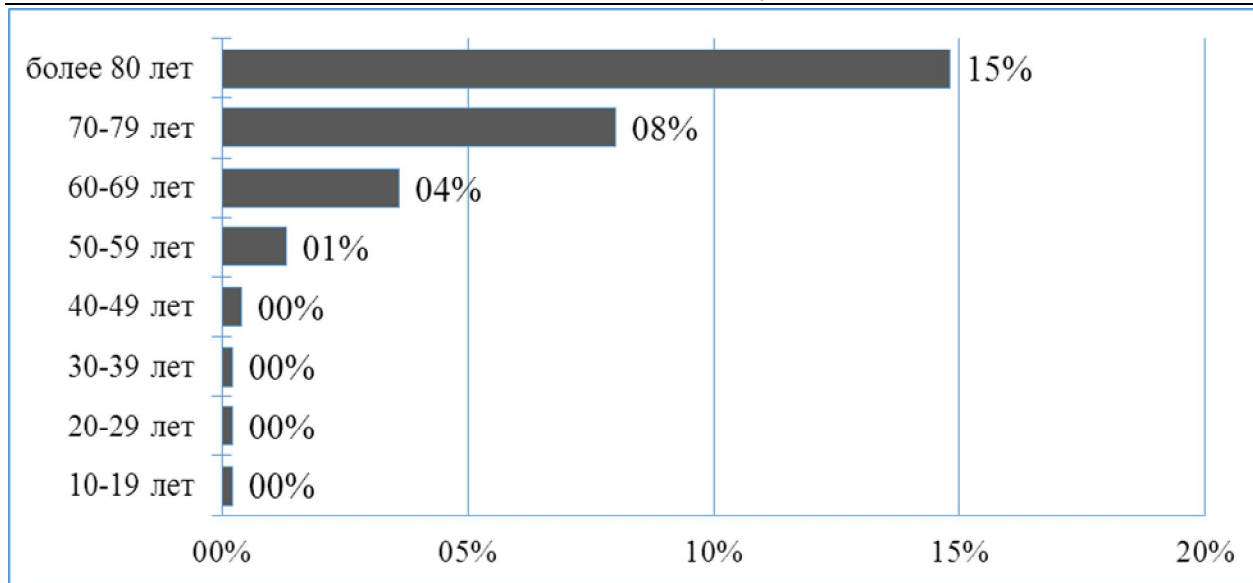

Рис. 1. Смертность среди заболевших COVID-19, в % от числа заболевших людей данной возрастной группы

Отягчающим фактором для нетрудоспособных, заболевших коронавирусом, являются хронические болезни [17]. По данным сайта rponedra.ru, у пожилых людей с заболеваниями сосудов и сердца смертность составила 10,5%, у больных с сахарным диабетом – 7,3%, с хроническими простудными болезнями – 6,3%, с гипертонией – 6%, с онкологическими заболеваниями – 5,6% [18]. Эти данные лишь подтверждают наличие хронических заболеваний – это фактор продолжительности жизни населения, независимо от возраста и пола. Пожилые же люди – группа наибольшего риска при заболевании COVID-19, учитывая распространенность среди них хронических болезней.

Отмечена связь смертности нетрудоспособного по возрасту населения от коронавируса с гендерным фактором. По имеющимся данным [18], смертность от COVID-19 среди заболевших мужчин выше, чем среди женщин (2,8 % против 1,7%).

Одним из сложных социально-психологических последствий COVID-19 является социальная изоляция в новых социальных условиях, которые сформировались в результате длительного периода отстранения от активной жизнедея-

тельности людей и нетрудоспособных, и трудоспособных ввиду специфики влияния эпидемии. Как подтверждает анализ, городская среда, которая в столичном мегаполисе является очень разнообразной, очень богатой, практически в этот период времени осталась нефункциональной, так как в силу эпидемиологического режима и ограничений, которые были наложены на население, ею в полной мере пользоваться было невозможно. Автор делает сравнение, прежде всего, на уровне перехода от прошлого состояния активного использования городской среды к этому периоду, резко ограничивающему контакт людей в городской среде, что сказалось и на психологическом самочувствии населения. Для улучшения ситуации в 2021 г. Министерство здравоохранения Российской Федерации включило людей старше 60 лет в приоритетную группу вакцинации от COVID-19.

Для пожилых людей фактор психологический играет очень важную роль, так как его воздействие усилено ограниченностью и самообслуживания, и подвижности, и общения. Для блокирования распространения коронавирусной инфекции Правительством РФ были внедрены ограничения по передвижению

населения, касающиеся в первую очередь пожилых граждан в возрасте 65 лет. С одной стороны, данная мера отражала проявление заботы государства об обеспечении безопасности для этой когорты людей, с другой – для многих представителей нетрудоспособных самоизоляция стала обрывом всех социальных контактов.

В период с 5 до 15 сентября 2020 г. было проведено общенациональное репрезентативное социологическое исследование рабочей группы ФНИСЦ РАН под руководством академика РАН М. К. Горшкова. Массовый опрос населения РФ осуществлен в 112 поселениях 22 субъектов РФ по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке (2000 респондентов). По результатам исследования 53% населения свели все контакты к нулю [19]. Это способствовало росту чувства изолированности, отчужденности «от мира», покинутости и тревожности среди значительной части пожилых. Длительное пребывание в замкнутом пространстве, ограничение перемещений, физических нагрузок, ежедневных прогулок на свежем воздухе, столь необходимых для пожилых, отрицательно сказались на состоянии их здоровья. Жители мегаполисов ощутили наибольшее падение уверенности и оптимизма в связи с тем, что в условиях густонаселенности риск заражения вирусом оказался наиболее высоким. Пандемия создала у значительной части населения настроение страха и отчаяния в отношении будущего страны (у 16% граждан России) и беспокойства (33%). В связи с пандемией именно жители густонаселенных мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург), по оценкам опроса, оказались среди россиян самыми тревожными социумами [19].

Еще одним отрицательным фактором пандемии является ухудшение социального положения пенсионеров Москвы ввиду существенного сокращения рабочих мест в сферах прямого контакта людей: в образовании, торговле, бытовом обслуживании. Именно в этих сферах за-

нята значительная доля работающих пожилых. Об этом свидетельствовали данные социологического исследования автора «Детерминантные факторы продолжительности жизни нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в условиях рыночной экономики», проведенного Департаментом социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации совместно с московским правительством, Департаментом труда и социальной защиты населения, в форме анкетирования нетрудоспособного по возрасту населения (2018-2019 гг.). Это исследование до-пандемического периода охватило пенсионеров и людей пенсионного возраста с ограниченными возможностями столичного мегаполиса и проводилось в Центрах социальной защиты населения г. Москвы. Объектами социологического исследования являлись работающие и неработающие пенсионеры, без инвалидности и с инвалидностью I, II, III групп из 11 округов г. Москвы: Центрального, Северного, Северо-Восточного, Восточного, Юго-Восточного, Южного, Юго-Западного, Западного, Северо-Западного, Зеленоградского, Троицкого и Новомосковского округов (объем выборки – 633 респондента).

По социально-демографической структуре витострата нетрудоспособного населения Москвы в своей преобладающей основе – это женская гендерная общность (65,3% против 34,7% мужчин), по возрасту – пенсионного возраста (группа с 55 лет до 70 и выше). Доминирует возрастная группа 65-70 лет и старше (53%): пенсионная группа 60-65 лет (данные до вступления в силу новой пенсионной реформы) составили 22,3%, предпенсионная мужская группа (55-60 лет) – 24,7%.

По образованию нетрудоспособные г. Москвы в каждом втором случае – люди с высшим образованием (51,2%), из которых 2,3% имеют ученые степени кандидатов (1,6%) и докторов наук (0,7%). По социально-профессиональ-

ному статусу 1,8% составили профессора и 0,5% доценты. Лишь 5,1% респондентов – с незаконченным высшим образованием. Почти каждый третий – со средним техническим образованием (30,7%); с общим средним образованием – 13%.

Как показало проведенное исследование, до пенсионной реформы (2018 г.) и начала пандемии (2019 г.) каждый третий нетрудоспособный по возрасту москвич продолжал работать (36,6%). Рассмотрим сферы их занятости (рис. 2).

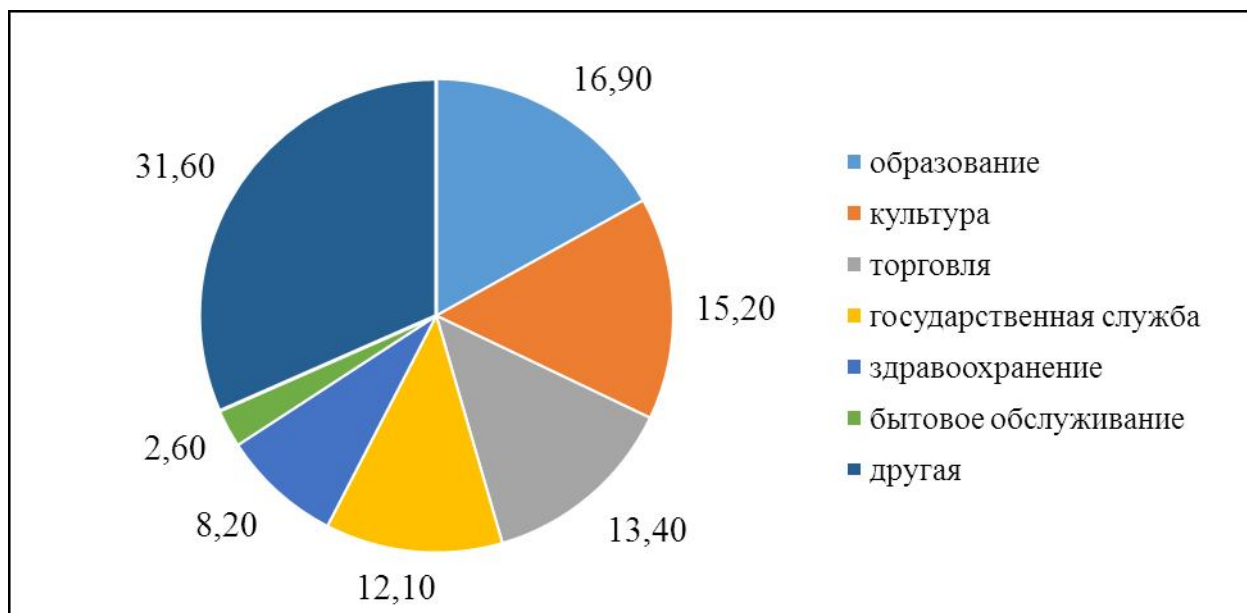

Рис. 2. Сферы трудовой деятельности пенсионеров Москвы до пенсионной реформы и пандемии (данные проекта «Детерминантные факторы продолжительности жизни нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в условиях рыночной экономики»)

Более половины работающих пенсионеров в трудовом отношении были связаны со сферами социально-экономической деятельности, где в 2019-2020 гг. произошло значительное сокращение предприятий и изменение технологий деятельности (сферы бытового обслуживания (2,6%), здравоохранения (8,2%), государственной службы (12,1%), торговли (13,4%), культуры (15,2%), образования (16,9%) и других (31,6%)).

Как влияние пандемии сказалось на качестве и продолжительности жизни нетрудоспособного по возрасту населения мегаполиса, еще предстоит изучить. Но по данным социологического исследования, нетрудоспособные по возрасту считают, что для них важны экономические условия; мероприятия государства по охране здоровья населения; жилищные условия

семьи; качество медицинского обслуживания; стоимость медицинских услуг и доступность лекарств; открытие новых спортивных и оздоровительных клубов, парковых и культурно-оздоровительных зон отдыха. Далее следуют: контроль за качеством продуктов и поддержка фермерских хозяйств, выпускающих экологически чистые продукты; ограничение курения и борьба с наркоманией; забота о собственном здоровье и активный образ жизни. Первая десятка позитивно влияющих факторов представлена ниже (рис. 3).

Самыми значимыми, по оценке респондентов, в столице являются: создание в столице новых парковых и культурно-оздоровительных зон отдыха (84,6%), собственная забота о здоровье (84,3%) и активный образ жизни (81,9%) (рис. 4).

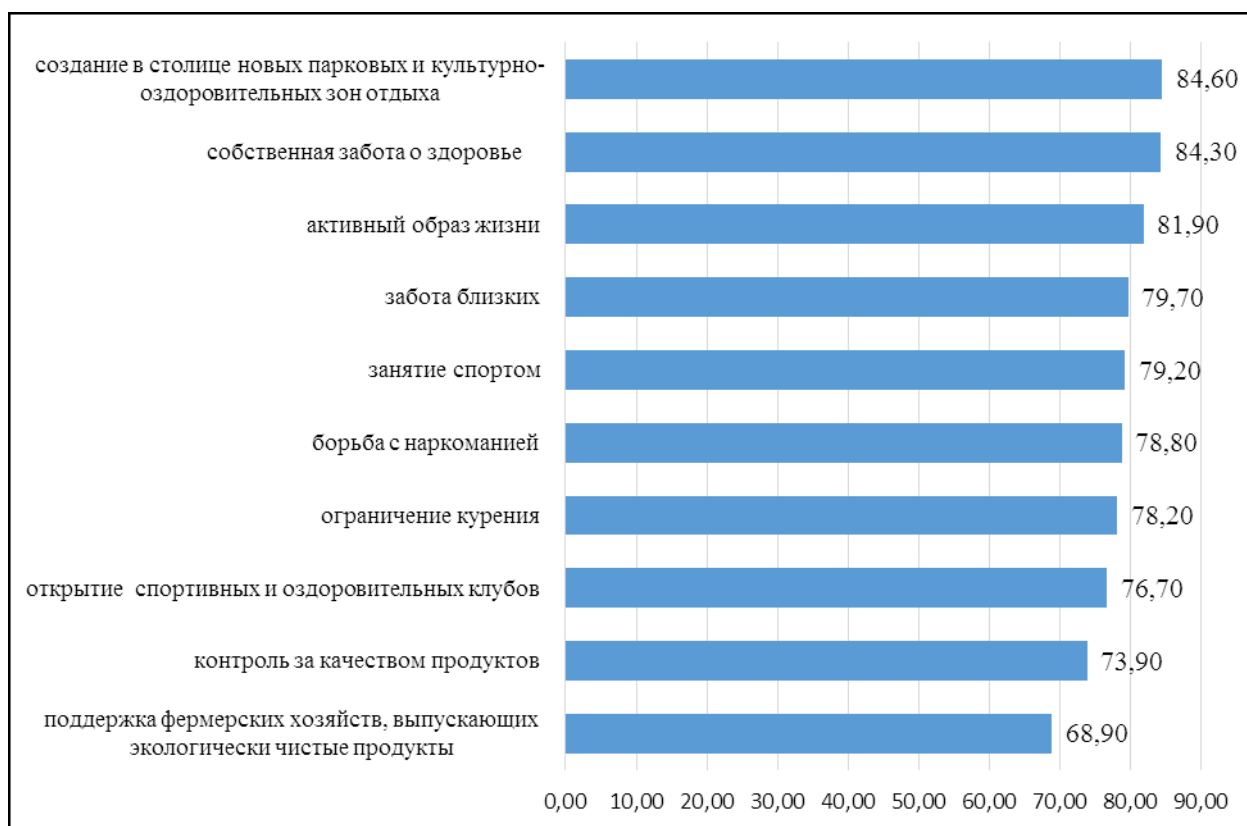

Рис. 3. Наиболее значимые для нетрудоспособного населения факторы, позитивно влияющие на продолжительность жизни в мегаполисе, % от числа опрошенных

Рис. 4. Наиболее значимые для нетрудоспособного населения факторы, негативно влияющие на продолжительность жизни в мегаполисе, в % от числа опрошенных

Среди негативно влияющих факторов, по мнению респондентов (64-51%), – дорогое медицинское обслуживание, тяжелые материальные условия жизни, неблагоприятная экологическая ситуация.

Пандемия лишила 79,2% респондентов возможности регулярно заниматься спортом, проходить профилактическое медицинское обследование (69,9%), улучшать качество питания (53%), посещать театры и концертные залы (важно для 34,9% респондентов).

Важное значение в продлении продолжительности жизни, по мнению 72,2%, имеет забота о собственном здоровье, и напротив, негативно влияют вредные привычки. Вместе с тем обладают вредными привычками, по признанию самих респондентов, 19,9% опрошенных. Из них 16,3% курят, 3% употребляют алкоголь, а 0,2% даже используют наркотики, «игроки» – 0,2%. Иначе говоря, нетрудоспособное население неоднородно по типу адаптации к сложностям возраста и воздействию коронавирусного режима. Таким образом, пандемический фактор COVID-19 значительно усилил влияние негативных и снизил влияние позитивных факторов практически по всех сферах жизнедеятельности нетрудоспособных.

Взаимозависимость смертности и адаптационного поведения нетрудоспособных

Исследователями доказано, что адаптация к циклу старения и преодоление воздействия негативных факторов, влияющих на продолжительность жизни нетрудоспособного населения, определяется:

- типом идентификации в предпенсионный период (В. В. Чавычалова) [8];
- типом отношения к феномену «старость» (В. В. Чавычалова) [8];
- типом приспособления человека к старости (Л. А. Головей) [7];
- стратегией построения сценария адаптации к старости (5 вариантов по В. В. Чавычаловой) [8];

– 7 факторами, обуславливающими предпочитаемый вариант адаптации к старости (В. В. Чавычалова) [8];

– социально-демографическими и психологическими характеристиками и свойствами личности (В. В. Чавычалова) [8].

В частности, с позиции Л. А. Головей, рассматриваются пять типов приспособлений человека к старости: конструктивный, зависимый, защитный, враждебный и враждебность к себе [7]. Считают, что конструктивная установка проявляется во внутренней уравновешенности, спокойствии и терпимости в общении с другими, удовлетворенности эмоциональными контактами с окружающими, критичном отношении к себе и наличии чувства юмора, оптимистическом отношении к жизни и принятии старости как факта, принятии смерти как естественного явления. Установка зависимости проявляется в пассивности, эмоциональной неуравновешенности, склонности зависеть от других, склонности бросить профессиональные занятия, стремлении закрыться в семейной безопасной среде, в поиске среды, дающей ощущение внутренней гармонии и безопасности. Защитная установка проявляется в стремлении погружения в профессиональную деятельность, стремлении следовать общепринятым взглядам, сдерживать проявления собственного мнения и обсуждения личных проблем, в усилении значимости внешней стороны жизни и в маскировке страха смерти за счет активизации внешней деятельности.

Установка враждебности проявляется в агрессивности и вспыльчивости, мнительности, постоянном предъявлении претензий к своему окружению, зависти молодым, страхе смерти. Установка враждебности к себе проявляется в острой жалости к своей персоне, в нежелании вспоминать о прошлых неудачах и трудностях, неудовлетворенной потребности сочувствия и любви, пассивном восприятии ударов судьбы, депрес-

сии, в интерпретации смерти как освобождения от страданий [7].

Выводы

1. Авторское социологическое исследование, проведенное в допандемический период, выявило социальные особенности группы «нетрудоспособного населения» столичного мегаполиса. Планируется социологическая диагностика влияния пандемии как объективного фактора продолжительности жизни нетрудоспособных пенсионеров и инвалидов пенсионного возраста для сравнительного анализа жизнедеятельности данной группы населения «до» и «после» коронавирусной инфекции на втором этапе. COVID-19 поразил людей всех возрастов, но наиболее опасным по своему негативному воздействию на жизнь и деятельность населения оказался для нетрудоспособного по возрасту населения. Люди старше 60 лет чаще заражаются, тяжелее переносят, чаще умирают от этого инфекционного заболевания. Особенно высок риск тяжелой инфекции у пенсионеров с хроническими болезнями сердца, диабетом, гипертонией, учитывая, что вирус поражает дыхательную систему и слабые органы человека. Именно лица пожилого возраста оказались самой уязвимой «ковидной» категорией ввиду хронических болезней. Лечение, выздоровление и восстановление этих пациентов

проходило в гораздо более тяжелой форме, чем у молодых [20].

2. Пандемический фактор значительно усилил влияние негативных объективных факторов на качество жизни и ее продолжительность среди как «пенсionеров работающих», так и неработающих», проживающих в столичном мегаполисе. Болезни и более частая смерть пожилых одновременно снизили и качество жизни их близких, в целом повысили уровень тревожности в обществе. Обществу предстоит найти новые альтернативы позитивной социальной активности нетрудоспособного по возрасту населения, создания благоприятных морально-психологических условий и соответствующего социального климата в обществе.

3. Проблема сохранения жизни и здоровья нетрудоспособного по возрасту населения – по сути это вопрос качества социального потенциала государства как совокупности творцов (людей типа Homo creator) – специалистов самых разных разновидностей, авторов креативных идей самых разных направлений. Следовательно, забота о нетрудоспособном по возрасту населении – это забота о социальном потенциале общества, зависящем в значительной степени от того, как долго живет человек, имея возможность творчески участвовать в различных сферах жизни общества.

Список литературы

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
2. Официальная статистика // Coronavirus COVID-19. URL: <https://coronavirus-monitor.info/> (дата обращения: 18.06.2021).
3. Нетрудоспособное население // Приоритет. URL: <https://prioritetspb.ru/2018/05/trudosposobnyj-grazhdanin/> (дата обращения: 05.06.2021).
4. Мечников И. И. Система долголетия и здоровья. СПб.: Вектор, 2010. 126 с.
5. Анисимов В. Н., Соловьев М. В. Эволюция концепций в геронтологии. СПб.: Эскулап, 1999. 130 с.
6. Фролькис В. В., Мурадян Х. К. Старение. Эволюция и продление жизни. Киев: Наукова думка, 1992. 336 с.

7. Головей Л. А. Возрастные периоды развития человека // Психология / В. М. Аллахвердов, С. И. Богданова, В. А. Богданов [и др.]; отв. ред. А. А. Крылов. 2-е изд. М.: Проспект, 2011. 145 с.
8. Чавычалова В. В. Индивидуально-психологические особенности адаптации человека к старости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 27 с.
9. Бобков В. Н. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991– 2005гг.). М.: ВЦУЖ, 2007. С. 162–177.
10. Попов А. В. Трудовой потенциал России: оценка и инструменты повышения уровня реализации. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2019. 180 с.
11. Руткевич М. Н. Макросоциология: Методологические очерки. М.: ОФСПП, 1995. 186 с.
12. Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016. 680 с.
13. Ядов В. А. Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России: сборник научных статей / Самарский университет. Самара, 2013. 262 с.
14. Силласте Г. Г. Витостратификация населения мегаполиса и социальные ресурсы увеличения продолжительности его жизни // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1 (57). С. 37-41.
15. Гуров В. А. Хронобиология. Возрастная периодизация // Universum: Химия и биология. URL: <http://7universum.com/ru/nature/archive/item/5703> (дата обращения: 22.06.2021).
16. Закутина Е. Пожилые люди в условиях пандемии: страх не помеха оптимизму. URL: <https://covid19.fom.ru/post/pozhilye-lyudi-v-usloviyah-pandemii-strah-ne-pomeha-optimizmu> (дата обращения: 29.05.2020).
17. Ремизова Р. Туманное будущее: как изменится наша жизнь после COVID-19. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5fa179e09a79471634e6fe9d> (дата обращения: 02.06.2021).
18. Соколова Ю. Возрастная статистика умерших от коронавируса ужасает прогнозами для пожилых людей. URL: <https://pronedra.ru/voznrastnaya-statistika-umersnix-ot-koronavirusa-udivlyaet-svoimi-dannymi-457699.html> (дата обращения: 19.05.2021).
19. Общенациональное репрезентативное социологическое исследование рабочей группы ФНИСЦ РАН под руководством академика РАН М. К. Горшкова в период с 5 до 15 сентября 2020 г. за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00505). URL: <https://rscf.ru/en/news/humanitarian-sciences/mnenie-rossiyan-o-posledstviyakh-kor/> (дата обращения: 02.06.2021).
20. Коронавирус у пожилых людей. URL: <https://dacha-pansionats.ru/blog/koronavirus-u-rozhilyh-lyudej> (дата обращения: 11.06.2021).

References

1. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of social change]; ed. V. A. Yadov. Moscow, Aspect-Press Publ., 1996. 416 p.
2. Ofitsial'naya statistika [Official statistics]. Coronavirus COVID-19. Available at: <https://coronavirus-control.ru>. (accessed 18.06.2021)
3. Netrudosposobnoye naseleniye [Disabled population]. Prioritet [Priority]. Available at: <https://prioritetspb.ru/2018/05/trudosposobnyj-grazhdanin/>. (accessed 05.06.2021)
4. Mechnikov I. I. Sistema dolgoletiya i zdorov'ya [Longevity and health system]. St. Petersburg, Vektor Publ., 2010. 126 p.
5. Anisimov V. N., Solov'yev M. V. Evolyutsiya kontseptsiy v gerontologii [Evolution of concepts in gerontology]. St. Petersburg, Eskulap Publ., 1999. 130 с.
6. Frol'kis V. V., Muradyan X. K. Stareniye. Evolyutsiya i prodleniye zhizni [Aging. Evolution and life extension.]. Kiyev, Naukova dumka Publ., 1992. 336 p.
7. Golovey L. A. Vozrastnye periody razvitiya cheloveka [Age periods of human development]. Psikhologiya [Psychology]; V. M. Al-lakhverdov, S. I. Bogdanova, V. A. Bogdanov, eds.; ed. by A. A. Krylov. 2th ed. Moscow, Prospect Publ., 2011. 145 p.
8. Chavychalova V. V. Individual'no-psikhologicheskiye osobennosti adaptatsii cheloveka k starosti. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Individual psychological features of human adaptation to old age. Cand. psychol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2007, p. 27.

9. Bobkov V. N. Kachestvo i uroven' zhizni naseleniya v novoy Rossii (1991– 2005 gg.) [Quality and standard of living of the population in new Russia]. Moscow, VTSUZH Publ., 2007, pp. 162–177.
10. Popov A. V. Trudovoy potentsial Rossii: otsenka i instrumenty povysheniya urovnya realizatsii [Labor potential of Russia: assessment and tools for increasing the level of implementation]. Vologda, Vologodskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2019. 180 p.
11. Rutkevich M. N. Makrosotsiologiya: Metodologicheskiye ocherki [Macrosociology: Methodological essays]. Moscow, OFSPP Publ., 1995. 186 p.
12. Sillaste G. G. Gendernaya sotsiologiya i rossiyskaya real'nost' [Gender sociology and Russian reality]. Moscow, Alfa-M Publ., 2016. 680 p.
13. Yadov V. A. Trudovyye otnosheniya: sostoyaniye i tendentsii razvitiya v Rossii. Sbornik nauchnykh statey [Labor relations: state and development trends in Russia. Collection of scientific articles]. Samara, Samara university Publ., 2013. 262 p.
14. Sillaste G. G. Vitostratifikatsiya naseleniya megapolisa i sotsial'nyye resursy uvelicheniya prodolzhitel'nosti yego zhizni [Vitostratification of population in a metropolis and social resources for increasing longevity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2020, no.1 (57), pp. 37-41.
15. Gurov V. A. Khronobiologiya. Vozrastnaya periodizatsiya [Chronobiology. Age periodization]. Available at: <http://7universum.com/ru/nature/archive/item/5703>. (accessed 22.06.2021)
16. Zakutina Ye. Pozhilye lyudi v usloviyakh pandemii: strakh ne pomekha optimizmu [Elderly people in a pandemic situation: fear is not a hindrance to optimism]. Available at: <https://covid19.fom.ru/post/pozhilye-lyudi-v-usloviyah-pandemii-strah-ne-pomekha-optimizmu>. (accessed 29.05.2021)
17. Remizova R. Tumannoye budushcheye: kak izmenitsya nasha zhizn' posle COVID-19 [A murky future: how our life will change after COVID-19]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5fa179e09a79471634e6fe9d>. (accessed 02.06.2021)
18. Sokolova Yu. Vozrastnaya statistika umershih ot koronavirusa uzhasayet prognozami dlya pozhilykh lyudey [Age statistics of coronavirus deaths is terrifying with forecasts for the elderly people]. Available at: <https://pronedra.ru/voznastnaya-statistika-umershix-ot-koronavirusa-udivlyayet-svoimi-dannymi-457699.html>. (accessed 19.05.2021)
19. Obshchenatsional'noye reprezentativnoye sotsiologicheskoye issledovaniye rabochey gruppy FNISTS RAN pod rukovodstvom akademika RAN M. K. Gorshkova v period s 5 do 15 sentyabrya 2020 g. za schet granta Rossiyskogo nauchnogo fonda (proyekt № 20-18-00505) [A nationwide representative sociological study of the working group of the Federal Research Research Center of the Russian Academy of Sciences under the leadership of Academician M. K. Gorshkov in the period from September 5 to September 15, 2020 at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00505)]. Available at: <https://rscf.ru/en/news/humanitarian-sciences/mnenie-rossiyan-o-posledstviyakh-kor/>. (accessed 02.06.2021)
20. Koronavirus u pozhilykh lyudey [Coronavirus with elderly people]. Available at: <https://dachapansionats.ru/blog/koronavirus-u-pozhilyh-lyudej>. (accessed 11.06.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Пак Татьяна Иннокентьевна, аспирант
Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: tatianapak@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0470-5174,
Researcher ID: 0000-0003-0470-5174

Tatiana I. Pak, Post-Graduate of Department
of Sociology, Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: tatianapak@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0470-5174,
Researcher ID: 0000-0003-0470-5174

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полуужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

**Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами
градообразующего предприятия**

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, ResearcherID и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/>.